

ИЗЪ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРЪ

- I. Образование болгарской национальности.
II. Принятие христіанства болгарскими Славянами.
-

СОЧИНЕНІЕ

Матвѣя Соколова

Удостоенное Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ золотой медали.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. И. Траншеля, Стремянная, № 12.
1879

[△]
~~Slav 20.4.4~~

✓
P Slav 424.50 (4)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
MAY 1 1926

По определению Историко-филологического факультета печатать дозво-
ляется. С-Петербургъ 17 марта 1879 года.

Деканъ *И. Срезневскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета предложена была студентамъ въ числѣ другихъ тема: «разобрать критически съ приложеніемъ перевода на русскій языкъ извѣстія о крещеніи Болгаръ и изложить отношенія Болгаріи при князѣ Борисѣ къ Риму и Царьграду». Рѣшившись заняться разработкой этой темы, я счелъ необходимымъ ближе ознакомиться съ начатками христіанства въ Болгаріи до Бориса, а это привело къ историко-этнографическому изученію древнѣйшаго періода славяно-болгарской исторіи. Чтобы найтись въ массѣ встрѣтившихся при этомъ запутанныхъ вопросовъ и составить опредѣленный взглядъ на предметъ, я присоединилъ къ изслѣдованію о принятіи христіанства Болгарами особья предварительныя замѣчанія давъ имъ общее, не совсѣмъ точное заглавіе: «образованіе болгарской національности». Такимъ образомъ сочиненіе мое явилось въ значительно расширенномъ видѣ противъ предложенной факультетомъ темы. Одобренное факультетомъ, оно является теперь въ печати въ исправленномъ по возможности видѣ.

Кандидатъ Матвѣй Соколовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Образованіе болгарской національности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Фракіяцы.—Романизація Фракіяцевъ.—Борьба Римлянъ съ сѣверными варварами за Дакію.—Значеніе преобразованій Діоклетіана и Константина Великаго въ судьбѣ Балканскаго полуострова.—Вестготы, Гунны и Остготы.—Были ли славянскія поселенія на Балканскомъ полуостровѣ въ періодъ такъ называемаго великаго переселенія народовъ . 1— 39

ГЛАВА ВТОРАЯ. Общій характеръ періода отъ конца V вѣка до половины VII.—Первые набѣги Болгаръ и появленіе Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ.—Набѣги ихъ на Балканскій полуостровъ до половины VI вѣка.—Мѣры противъ нихъ со стороны римскаго правительства.—Появленіе Аваровъ на Дунаѣ; отношенія ихъ къ Славянамъ.—Аварскіе и славянскіе походы въ предѣлы имперіи.—Политика Маврыкія и Ираклія; переселеніе Сербовъ и Хорватовъ.—Сухопутные и морскіе походы балканскихъ Славянъ въ VII вѣкѣ.—Отношеніе славянскихъ поселенцевъ Балканскаго полуострова къ мѣстнымъ жителямъ въ связи съ политикою Византійской имперіи . . . . . 40— 73

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Утвержденіе Болгаръ въ Мизіи и первый періодъ войнъ съ Византією.—Крумъ.— Столкновеніе Болгаръ съ Франками.—Взаимныя отношенія Болгаръ и Славянъ . . 74— 94

II. Принятіе христіанства болгарскими славянами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Древнѣйшій періодъ христіанства на Балканскомъ полуостровѣ.—Церковная организація на Балканскомъ полуостровѣ до половины IX вѣка.—Христіанство у балканскихъ Славянъ в Болгаръ до крещенія ихъ при князѣ Борисѣ . . . . . 97—122

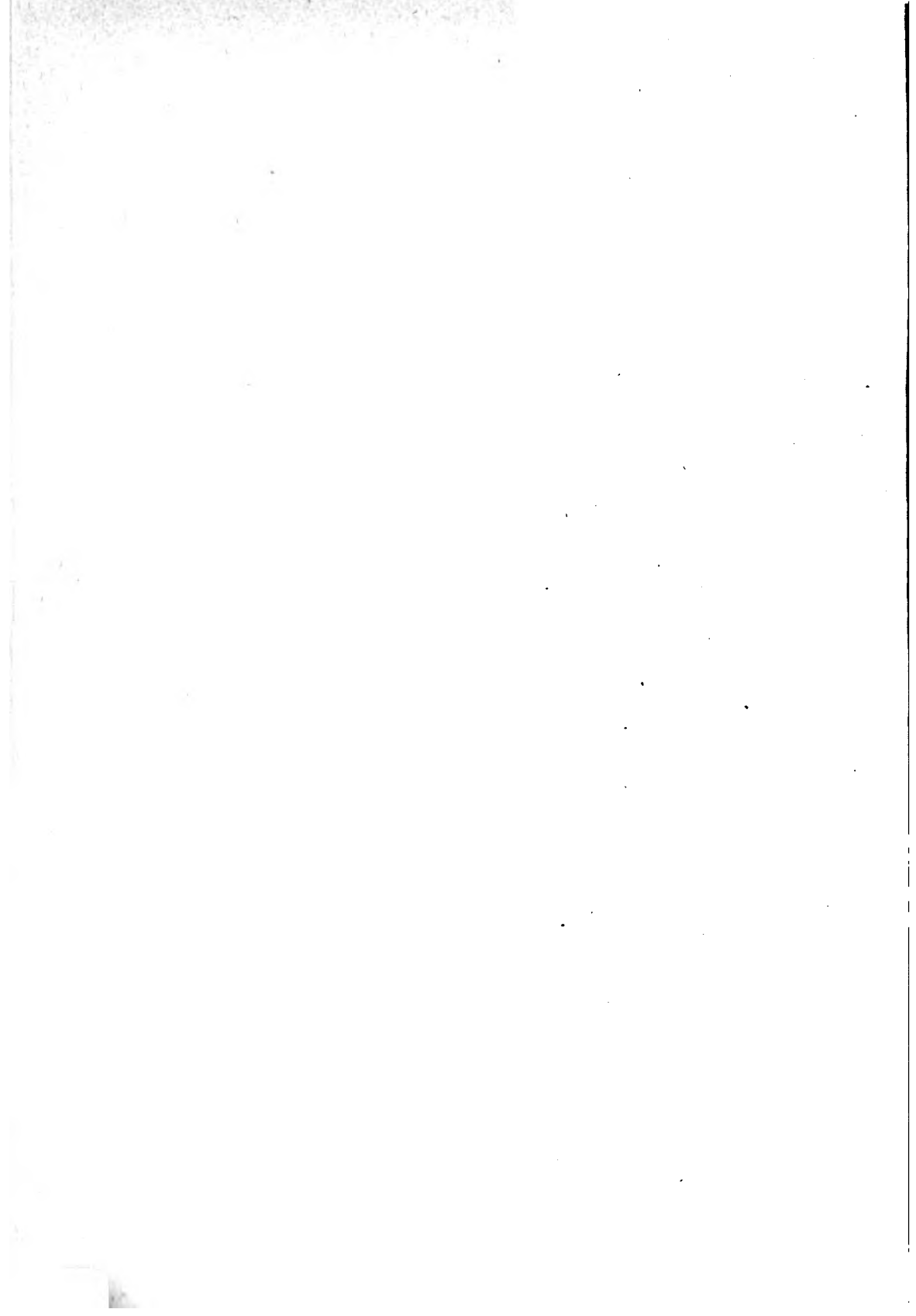
ГЛАВА ВТОРАЯ. Изложеніе содержанія извѣстій о крещеніи Болгарь съ замѣчаніями объ ихъ происхожденіи.—Группировка и разборъ ихъ. — Латинскимъ или греческимъ духовенствомъ крещень былъ Борисъ? — Побудительныя причины принятія Борисомъ крещенія. — Время крещенія Бориса. — Мѣсто крещенія	128—157
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Сношенія князя Бориса съ Византією и Ри- момъ по вопросу объ устройствѣ болгарской церкви	158—212

III. Приложенія.

Извѣстія о крещеніи Болгарь	215
---------------------------------------	-----

I

ОБРАЗОВАНИЕ БОЛГАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Фракіяцы.—Романізація Фракіяцевъ.— Борьба Римлянъ съ сѣверными варварами за Дакію.— Значеніе преобразованій Діоклетіана и Константина Великаго въ судьбѣ Балканскаго полуострова.—Вестготы, Гунны и Остготы.—Были ли славянскія поселенія на Балканскомъ полуостровѣ въ періодъ такъ называемаго великаго переселенія народовъ.

На территоріи сѣверной части Балканскаго полуострова въ половинѣ IX вѣка образовалась національность, которая сьумѣла заявить свою самостоятельность какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Это національность славянская, получившая здѣсь имя Болгарь.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этихъ Болгарахъ IX вѣка, необходимо прослѣдить процессъ образованія этой національности, рассмотреть элементы этнографическіе и культурные, послужившіе ей основой.

Къ этнографическимъ элементамъ, послужившимъ образованію Болгарской національности или имѣвшимъ вліяніе на таковую, а не иной ея составъ, относятся какъ мѣстные исконные жители Фракіи, Македоніи и Мизіи, такъ и пришельцы, древніе—Греки и Римляне и позднѣйшіе—различныя германскіе, славянскіе и многіе азійскіе народы.

Какъ разнообразны этнографическіе элементы, появившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, такъ разнообразны и культурныя начала, которыя приносила съ собою каждая болѣе или менѣе крупная народность.

Первое племя, которое, по свидѣтельству исторіи, господствуетъ на Балканскомъ полуостровѣ, суть Фракійцы. Племя это было родственно Грекамъ, можетъ быть въ древности жило нераздѣльно съ ними, подобно Литовцамъ и Славянамъ. Но было и различіе между этими народами и очень большое, такъ что съ точки зрѣнія Грека Фракійцы были варвары.

Западную часть этого племени составляли съ одной стороны Македонцы и Эпироты (остатки послѣднихъ находятъ теперь въ южныхъ Албанцахъ-Тоскахъ), съ другой стороны Иллиры, которые въ тѣсномъ смыслѣ занимали теперешнюю сѣверную Албанію и Черногорію, такъ называемую въ древности Лабратію (потомками ихъ считаютъ сѣверныхъ Албанцевъ-Геговъ); къ Иллирамъ же въ обширномъ смыслѣ принадлежали также Далматы, Либуры и Истры ¹⁾.

Восточную часть фракійскаго племени составляли собственно Фракійцы, подраздѣлявшіеся на множество мелкихъ племенъ, главнѣйшія между которыми были: Одризы, на востокъ отъ рѣки Стримона, въ нынѣшней западной Румелии и сѣверной Македоніи; Дарданы,

¹⁾ Причисляя Иллировъ и Фракійцевъ къ одному племени, тѣхъ и другихъ относятъ къ западной европейской вѣтви арійцевъ и видятъ въ нихъ пеласговъ; таково мнѣніе Гана, Фр. Миллера, историка Курциуса, Фика. Но многіе рѣзко раздѣляютъ эти два племени и, относя Иллировъ къ пеласгической вѣтви, являющейся и въ Италіи въ Япигахъ, Мессапійцахъ и др. племенахъ (ср. *Halbig: Studien ueber die älteste italische Geschichte*, Hermes, XI), причисляютъ Фракійцевъ, вмѣстѣ съ малоазійскими Фригійцами, Вioenнами и др. племенами, также Армянами, къ иранской, или восточной вѣтви арійцевъ; таково мнѣніе Лассена, Гоше, Савельсберга, Томашка, Реслера, Флигера. Ср. *Fligier: Zur prähistorische Ethnologie d. Balkanhalbinsel*, Wien. 1877. 18—19, 24—25, 65. Остатки фракійскаго языка объяснялъ изъ иранскаго Томашекъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи *Bugmalia und Rosalia* (Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, hist.—philolog. Kl. V. LX, 1868). Томашекъ, Реслеръ и особенно Флигерь, вмѣстѣ съ Фракійцами Бессами, Гетами, Даками и т. д., къ восточной, иранской вѣтви арійцевъ относятъ большую часть древнихъ обитателей юго-восточной Европы—Сарматовъ или Савроматовъ, Сягоновъ, также какъ Саковъ, Массагетовъ. *Roesler: Romänische Studien*. Leipzig. 1871. S. 1—8, 58—64; *Fligier: Beiträge z. vnhst. Vlkkrkd. Europas*, 1876. S. 21; ero же *Prähist. Ethnolog. d. Bklhlns.* S. 24—25.

въ теперешней такъ называемой Старой Сербіи; Трибаллы, въ теперешнемъ княжествѣ сербскомъ; Бессы, очень значительное племя, центромъ котораго были Родопскія горы; Мизы, въ западной части теперешней предбалканской Болгаріи и Геты—въ восточной; часть послѣднихъ переселилась на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ они вмѣстѣ съ другими еракійскими же племенами сдѣлались извѣстны подъ именемъ Даковъ.

Всѣ эти племена жили разрозненно, подъ управленіемъ племенныхъ князей, вели между собою частыя войны и, не смотря на нѣсколько попытокъ, не могли достигнуть объединенія. Первую попытку къ объединенію еракійскихъ племенъ сдѣлали еще въ V в. до р. X. Одризы; царство ихъ, центръ котораго находился около позднѣйшаго Адрианополя, простиралось отъ Эгейскаго моря до Дуная и отъ Чернаго моря до рѣкъ Стримона и Искера (Oescus), но оно существовало не долго¹⁾. Слѣдующая попытка принадлежала Македонцамъ, на короткое время объединившимъ почти всѣхъ Эракійцевъ. Для поддержанія своей власти Македонцы основали внутри полуострова нѣсколько своихъ колоній, важнѣйшая изъ которыхъ, Филиппополь, въ долинѣ Гебра (Марицы), до сихъ поръ сохранила имя основателя. На нѣкоторое время возвышались Трибаллы, Автаріаты и др. племена.

Всѣ эти попытки были однако неудачны, такъ какъ слишкомъ много было вражды между отдѣльными племенами. Къ тому же (съ 280 г. до р. X.) присоединились нашествія кельтскихъ народовъ, долго опустошавшихъ весь Иллиро-Эракійскій полуостровъ. Изъ кельтскихъ племенъ въ сѣверо-западной части полуострова на долго утвердились Скордиски²⁾; на востокъ Кельты также основали было обширное царство съ столицей Тиле (Tyle) на южномъ склонѣ Гема, но уже чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ (въ 213 г.) покоренные народы возстали и уничтожили чужеземную власть³⁾. Гальскій элементъ всетаки остался въ туземномъ населеніи и только постепенно слился съ прочими⁴⁾.

¹⁾ Thucid. II, 97. *Roesler*, *ibid.* S. 17—18.

²⁾ *Contzen*. Die Wanderungen der Kelten, Leipzig. 1861. S. 62—67.

³⁾ *Contzen*, *ibid.* S. 214—219.

⁴⁾ Еще Страбонъ указываетъ на присутствіе кельтскаго элемента въ населеніи Иллиро-Эракійскаго полуострова: Μεσημβρινὰ δὲ τὰ τ' Ἰλλυρικὰ καὶ τὰ

Внутренніе раздоры и непріятельскія опустошенія сильно убавили народонаселеніе, которое къ тому же отличалось большою подвижностью; нашествіе Кельтовъ дало толчекъ въ новымъ переселеніямъ на лѣвнй берегъ Дуная ¹⁾.

Вообще еракійское племя ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи не обнаружило особенной самостоятельности и силы. Оно, подобно Кельтамъ, получило нѣкоторое историческое значеніе только подъ вліяніемъ другихъ національностей, сначала греческой, потомъ латинской. Но кельтское племя, подвергшись вліянію латинскому, сдѣлалось представителемъ римскихъ началъ передъ новыми народами германскаго племени; Эракійцы же испытали такое слабое вліяніе Грековъ, что никакъ не могли служить представителями греческихъ началъ передъ народами, съ которыми пришлось имъ встрѣтиться. Если Македонцы, въ лицѣ Александра Великаго, выставили замѣчательнѣйшаго поборника греческой образованности, то дѣятельность его направлена была въ другую сторону: съ оружіемъ въ рукахъ онъ понесъ греческую образованность въ Азію ²⁾. Это объясняется тѣмъ, что греческая нація отличалась несравненно меньшими способностями ассимилировать дру-

Ἐρακία καὶ ὅσα τοῦτοις ἀναμείχτα τῶν Κελτικῶν ἢ τίνων ἄλλων, μέχρι τῆς Ἑλλάδος.
Strab. VII, 3.

¹⁾ *Contzen*: Wanderungen, S. 216. Первое переселеніе Эракійцевъ—Гетовъ точно опредѣляется между 429 и 335 г. до Р. X изъ сравненія свидѣтельствъ Геродота (IV, 93; V, 3), Фукидида (II, 96) и Арріана (Anab. I, 3—4) О народности Гетовъ и Даковъ долго существовали самыя разнообразныя мнѣнія. Между прочимъ вслѣдъ за готскимъ историкомъ Иорданомъ Гриммъ, а за нимъ и другіе (*Krafft*: Kirchengeschichte d. German. Völker I, 78, *Leo*: Vorlesung. z. Gesch. d. deutsch. Volkes u. Reichs. 1854, I, 685) видятъ въ Гетахъ германцевъ—Готовъ; по этому взгляду Геты жили на югъ отъ Дуная, потомъ ушли отъ Римлянъ на сѣверъ и вернулись во время великаго переселенія народовъ подъ именемъ Готовъ (*Jak. Grimm*: Kleinere Schriften. III B: „Ueber Iornandes u. die Geten“, S. 171—235; Gesch. d. deutsch. Sprache, C. 9, 18, 27). Это мнѣніе однако совершенно неосновательно, какъ доказывали многіе (*Müllenhof*, Geten въ Энци. Эрша и Грубера B. 64, S. 463; *Waiz*: Deutsche Verfassungsgeschichte. 1860. I, S. XIII; *Kuntz*, Kritische Bemerkungen въ Bullet. hist.—philol. VII, № 18—23).

²⁾ Александръ Македонскій, проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ греческой образованности, за которую боролся опирался на македонскія силы, относительно своихъ соплеменниковъ держался другой политики, чѣмъ относительно азіатовъ; онъ старался удовлетворять патристическимъ требованіямъ своихъ ма-

гія народности, чѣмъ римская; это преимущество римской народности отлично оправдалось и на Фракійцахъ.

Греки издавна жили въ соприкосновеніи съ Фракійцами; ихъ колоніи окружали почти весь Иллиро-Фракіійскій полуостровъ; на западномъ берегу находились большія колоніи Эпидамнъ и Аполлонія, на южномъ Олинеѣ, Потидея, Амфиполь, Абдера, Эносъ, Гераклея (Перинеѣ), Византія, на восточномъ Аполлонія, Мессемврія, Одессъ, Томи; кромѣ этихъ колоній на всѣхъ берегахъ полуострова находилось множество другихъ, болѣе мелкихъ. Несмотря однако на это, Греки остались безъ особенно сильнаго вліянія на Фракійцевъ, такъ какъ они не селились внутри страны, да и торговлю вели болѣе морскую, чѣмъ сухопутную. Фракійцы ознакомились только съ нѣкоторыми внѣшними сторонами греческой и отчасти восточной образованности, на что указываютъ монеты и вещи, находимыя въ фракіійскихъ земляхъ изъ очень древняго времени ¹⁾.

Если Грекамъ не удалось объединить и закрѣпить за собою Фракійцевъ, то это вполнѣ удалось Римлянамъ. Съ появленіемъ Римлянъ на Иллиро-Фракіійскомъ полуостровѣ началась быстрая романизація. Она правда не достигла такой степени, какою достигла романизація кельтскихъ племенъ, но это объясняется внѣшними причинами: не успѣли Римляне утвердиться, какъ съ сѣвера являлись новые народы и начинаютъ мѣшать ихъ дѣлу.

Завоеваніе Иллиро-Фракіійскихъ народовъ Римлянами началось очень рано. Иллиры первые, еще въ III в. до Р. Х., испытали владычество Римлянъ ²⁾. Въ половинѣ II в. покорена была Македонія и

македонскихъ подданныхъ; доказательствомъ можетъ служить фактъ, сообщаемый Курціемъ (VI, 1), о ссорѣ Александра съ Филогомъ, сыномъ Пармениона, пренебрегавшимъ македонскимъ языкомъ.

¹⁾ Масса монетъ древняго времени разныхъ народовъ попадаетъ не только внутри Иллиро-Фракіійскаго полуострова, но и въ Дакию. См. *Jung, Roemer und Romanen in den Donauländern*. Innsbruck. 1877. S. 10.

²⁾ Первая иллирійская война 229—228 г. кончилась низложеніемъ иллирійскаго царя Тевты; съ тѣхъ поръ иллирійскія земли управлялись мѣстными же царями, но въ зависимости отъ Римлянъ; третья иллирійская война 167 г. положила конецъ послѣднему иллирійскому царству Гентія; Иллирія какъ провинція является въ 57 г. при Цезарѣ; тогда она уже имѣла полную организацію. *Marquardt: Römisch. Staatsverwaltung*. 2 Aufl. B. I, S. 141. *Mommsen: Corp. inscr. latin. t. III, p. 278* и сл.

сдѣлана римскою провинціею ¹⁾. Съ тѣхъ поръ она стала исходнымъ пунктомъ къ овладѣнію всѣмъ Иллиро-Фракійскимъ полуостровомъ. Послѣ Македоніи была завоевана Мизія — страна между Дунаемъ и Гемомъ, рѣкою Дриной и Чернымъ моремъ ²⁾. Изъ Македоніи велись постоянныя войны съ племенами Фракіи, южный берегъ которой уже во времена республики принадлежалъ Римлянамъ. Мѣстные племенные царьки долго сохраняли нѣкоторую власть, признавая зависимость отъ Римлянъ. Наконецъ въ 46 году по Р. Х. и Фракія сдѣлана была римскою провинціею ³⁾. Римляне овладѣли также Реціею, Норикомъ и Панноніею, такъ что Дунай на всемъ протяженіи своемъ сталъ границею римскихъ владѣній ⁴⁾.

Такъ постепенно расширялись римскія владѣнія; одно завоеваніе влекло за собою другое, такъ какъ границы постоянно подвергались нападенію сосѣднихъ народовъ, большею частью соплеменныхъ поко-

¹⁾ Послѣ побѣды Эмилія Павла при Пиднѣ въ 168 г. Македонія стала римскою провинціею фактически; формально же она была организована какъ провинція въ 146 г., послѣ подавленія возстанія Андриска. *Marquardt, ibid. I, 160—161.*

²⁾ Мизія испытала военную силу Римлянъ въ 75 г. до Р. Х., когда проконсулъ Македоніи, К. Скрибоній Куріонъ, прошелъ до Дуная. *Eutrop. 6, 2.* Завоеваніе Мизіи сдѣлано было по порученію Августа проконсуломъ Македоніи, М. Лициніемъ Крассомъ, сыномъ триумвира, въ 29 г. до Р. Х. Какъ провинція, Мизія была организована вѣроятно около 16 г. до Р. Х. и управлялась легатами императора. При Домиціанѣ Мизія раздѣлена на двѣ самостоятельныя провинціи *Moesia superior* и *Moesia inferior*, ихъ раздѣляла р. *Siabrus* (Джибра). *Marquardt I, 146—147.*

³⁾ Фракійскіе князья встрѣчаются до Калигулы, но самостоятельность ихъ была ничтожна. Какъ провинція, Фракія управлялась прокураторомъ, но со времени Траяна императорскимъ легатомъ. *Kuhn: Die städtische u. bürgerliche Verfassung d. Römisch. Reich. Leipzig. 1865. B. II, S. 206; Marquardt: Röm. Staatsverwaltung. I, 157.*

⁴⁾ Завоеваніе Реціи сдѣлано было Друзомъ и Тиверіемъ въ 15 г. до Р. Х. Норикъ еще при Цезарѣ находился въ союзѣ съ Римомъ; послѣ нападенія на Истрию въ 16 г. до Р. Х. онъ былъ покоренъ и долго оставался вассальнымъ царствомъ (*regnum*), управлявшимся императорскимъ прокураторомъ, который потомъ замѣненъ былъ легатомъ. Войны за Паннонію продолжались во все время правленія Августа. Въ 10 г. по Р. Х., послѣ усмиренія возстанія, она сдѣлана была провинціею; во время дакійской войны въ 102—107 г. Паннонія была раздѣлена на двѣ провинціи: *P. superior* и *P. inferior*. *Mommsen, C. I. L. III, p. 706 и сл. Marquardt, I, S. 133—140.*

реннымъ. Дунай не положилъ предѣла римскимъ завоеваніямъ; какъ на западѣ Римляне принуждены были часто переходить за Рейнъ, такъ здѣсь они перенесли свои операціи за Дунай и послѣ долгой борьбы овладѣли всею страной отъ Дуная до Карпатовъ и отъ Тиссы до Днѣстра. Завоеваніе этой страны, сдѣлавшейся извѣстною подъ именемъ Дакии, окончено было Траяномъ въ 105 году по Р. Х., когда Дакиа сдѣлана была, наконецъ, римскою провинціею ¹⁾.

Римскими завоеваніями произведены были коренныя перемѣны на Иллиро-Оракійскомъ полуостровѣ и въ по-дунайскихъ земляхъ. Когда началось движеніе новыхъ народовъ въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу римскому, то они встрѣтились въ названныхъ земляхъ съ этими новыми отношеніями, возникшими благодаря утвержденію Римлянъ; познакомиться съ ними ближе необходимо для того, чтобы понять явленія послѣдующаго времени.

Перемѣны, произведенныя Римлянами, коснулись какъ этнографическаго состава населенія, такъ и политическаго и культурнаго быта. Съ первыми связанъ вопросъ о происхожденіи Румынъ, весьма важный въ исторіи по-дунайскихъ земель; изученіе послѣднихъ даетъ ключъ въ уясненію до сихъ поръ окончательно не разрѣшеннаго вопроса о способахъ заселенія Балканскаго полуострова Славянами и социальныхъ отношеніяхъ въ византійское время.

Этнографическія измѣненія состояли съ одной стороны въ перемѣненіи прежнихъ элементовъ, съ другой — въ принесеніи новыхъ, дотогдъ не существовавшихъ. Въ теченіе борьбы съ дакійцами Римляне не разъ для ослабленія ихъ переселяли массы дакійскаго населенія на

¹⁾ Исторія завоеваній и господства Римлянъ въ Дакии разработана несравненно полнѣе и лучше исторіи всѣхъ смежныхъ провинцій благодаря открытію множества надписей и археологическихъ памятниковъ; литература этого предмета весьма обширна; по исторіи дакійскихъ войнъ какъ на энциклопедію можно указать на *Dietauer's*: „Beiträge zur einer kritischen Geschichte Trajans“, въ 1 т. изд. *Бюднера*: *Untersuchungen zur Römischen Kaisergeschichte*. Leipzig. 1868; затѣмъ всестороннее изслѣдованіе *Моттсетъа* въ С. J. L. T. III въ введеніи къ надписямъ Дакии, р. 160 и сл.; на этнографическихъ данныхъ основаны прекрасныя „*Untersuchungen über inner. Verhältnisse der Trajanischen Daciens*“ von *Karl Gooss* въ *Archiv des Vereins f. Siebenbürg. Landeskunde*. B. XII. 1874; всѣмъ этимъ, какъ и новыми открытіями, воспользовался Юнгъ въ своемъ изслѣдованіи.

правый берег Дуная ¹⁾. Съ своей стороны дакійцы при успѣхѣ своихъ набѣговъ вводили массу плѣнныхъ изъ римскихъ провинцій или переманивали жителей на свою сторону, такъ какъ находили у нихъ сочувствіе ²⁾.

Римскія завоеванія сопровождались колонизаціею. Римскія колоніи были выводимы во всѣ провинціи Иллиро-Оравійскаго полуострова и прибавляли новыя этнографическіе элементы къ прежнему мѣстному населенію. Особенно сильно была колонизована послѣдняя изъ завоеванныхъ Римлянами провинцій—Дакія. По свидѣтельству Евтропія, Траянъ, покоривъ Дакію, перевелъ туда безчисленное множество людей изъ всего римскаго міра какъ для обработки полей, такъ и для городскихъ занятій ³⁾. Это свидѣтельство подтверждается находимыми въ Дакіи надписями, въ которыхъ указывается часто родина колонистовъ. Изъ Далмаціи переселены были золотопромышленники. Особенно много было колонистовъ сирійскаго и малоазіатскаго происхожденія; встрѣчаются переселенцы изъ провинцій Азія, Виеинія, Карія, Галатія, Сирія; они принесли съ собою свой восточный культъ боговъ; на эпиграфическихъ памятникахъ встрѣчается и греческій языкъ. Есть также, хотя и меньше, указанія на поселенцевъ изъ Италіи, Галліи, и другихъ западныхъ провинцій ⁴⁾. Несмотря

¹⁾ Такъ Aelius Catus въ 5 г. по Р. X. переселилъ въ Мизію 50,000 (Strabo VII, 3), Pl. Silvanus Aelianus, легатъ Мизіи, въ 58—69 г.,—100,000, съ женами и дѣтьми, тоже въ Мизію (по надписи у Otelli, Inscr. II, p. 183, № 750). Roesler, 34. Jung, 11.

²⁾ Связи лѣваго берега Дуная съ правымъ существовали издавна; при Буравистѣ и правый берегъ Дуная входилъ въ составъ дакійскаго царства; Децебалъ также возбудилъ движеніе между жителями Мизіи, которые охотно становились подъ его знамена. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ между Траяномъ и Децебаломъ послѣ первой дакійской войны (въ 103 г.), послѣдній обязуется не вербовать войска на римской землѣ къ югу отъ Дуная. Jung, 10, 15.

³⁾ Eutrop. 8, 6: Trajanus victa Dacia ex toto orbe Romano infinitas copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas.

⁴⁾ Изъ надписей можно видѣть не только родину отдѣльныхъ лицъ, но и существованіе, даже въ позднѣйшее время, особыхъ корпорацій, связанныхъ единствомъ происхожденія и часто культомъ боговъ своей родины; такъ встрѣчаются Galatae consistentes, collegium Galatarum, почитавшихъ Юпитера Тавіанскаго, collegium Asianorum, cives Bithynum; Alburnus major, одинъ изъ центровъ золотыхъ промысловъ въ Дакіи, называется просто vicus Firustarum изъ Далмаціи. См. указанное изслѣдованіе Hooss'a, S. 108—112, также Jung'a, S. 89—91.

однако на это разнообразное происхождение колонистовъ, какъ латинскій языкъ, такъ и вообще римскія начала являются преобладающими. Вместе съ колонизаціей Римляне перенесли и свое государственное устройство.

Во всѣхъ завоеванныхъ Римлянами земляхъ Иллиро-Фракійскаго полуострова и по Дунаю введено было римское провинціальное устройство, служившее главнымъ проводникомъ романизации¹⁾. Римскія провинціи дѣлились, какъ извѣстно, на императорскія и сенатскія. Въ первымъ обыкновенно отчислялись тѣ, въ которыхъ часто приходилось вести войны и держать войска. Поэтому всѣ придунайскія провинціи, равно какъ Иллирикъ, Фракія и на нѣкоторое время Македонія, принадлежали къ императорскимъ. Управление провинцій находилось въ рукахъ наместника—императорскаго легата (*legatus Augusti pro praetore*, преторскаго или консульскаго чина) или прокуратора. Наместникъ соединялъ въ своемъ лицѣ высшую гражданскую и военную власть; ему подчинены были нисшіе чиновники, завѣдывавшіе отдѣльными отраслями управления — финансами (*procurator provinciae*), командою отдѣльными легіонами (*legati legionum*), судомъ (въ позднѣйшее время *legati iudicis*), и затѣмъ множество разныхъ мелкихъ чиновниковъ (*praefecti*)²⁾. Наместники управляли именемъ императора и подъ его контролемъ. Такъ какъ они имѣли въ своихъ рукахъ обширную власть, то нерѣдко оказывались опас-

¹⁾ Организация римскихъ провинцій въ примѣненіи къ подунайскимъ землямъ отлично изложена въ книгѣ Юнга, заслужившей общаго одобренія нѣмецкихъ критиковъ. Приведу отзывъ Томашва, который вместе знакомитъ и съ составомъ многосодержательнаго труда Юнга. „Юнгъ подвергъ всестороннему изслѣдованію вопросъ о происхожденіи румынской національности: онъ разсматриваетъ во всѣхъ дунайскихъ провинціяхъ господство Римлянъ, ихъ управление, военное устройство, городскія учрежденія, культурное состояніе всей римской эпохи, затѣмъ паденіе Рима и продолженіе существованія дунайскихъ романцевъ подъ новыми господствующими племенами, борьбу римскаго элемента за свое существованіе, — все это сопровождая указаніями на изслѣдованія и гипотезы своихъ предшественниковъ, особенно своего принципиальнаго противника, талантливаго Реслера. Авторъ имѣетъ полное право на признаніе за нимъ старательности и точности, когда онъ говоритъ о римскихъ отношеніяхъ императорскаго времени и обнаруживаетъ въ себѣ умнаго ученика Моммсена и вліяніе его лекцій.“ *Zeitschrift f. Oesterreich. Gymnas.* 1877 г.

²⁾ *Mommsen: Römisch. Staatsrecht*, II, 217 и сл.; *Marquardt: Römisch. Staatsverwalt.* I, 402 и сл.

ными для верховной власти и потому, въ предупрежденіе тѣсныхъ связей съ мѣстнымъ населеніемъ, часто смѣнялись ¹⁾). Но кромѣ того нѣкоторый надзоръ надъ намѣстникомъ былъ и снизу, со стороны мѣстнаго населенія. Во всѣхъ провинціяхъ имперіи были вназваны къ жизни провинціальныя собранія (concilія). Ежегодно выборные (legati) отъ всѣхъ городскихъ округовъ, изъ которыхъ состояла провинція и число которыхъ было опредѣлено закономъ, собирались въ главный городъ провинціи, чтобы формулировать желанія своихъ избирателей, очистить бюджетъ, принести жертву. Собраніе носило священный характеръ, во главѣ его стоялъ главный жрецъ провинціи, служившій при алтарѣ или храмѣ Рима и Августа (sacerdos aerae Romae et Augusti provinciae...). Собраніе имѣло право подносить благодарственный адресъ намѣстнику, если было имъ довольно, въ противномъ же случаѣ жалобу императору (или сенату въ сенатскихъ провинціяхъ) ²⁾. Такія провинціальныя собранія были и во всѣхъ придунайскихъ провинціяхъ, такъ какъ въ нихъ введено было городское римское устройство.

Римляне знали двѣ формы общежитія—по городамъ и по народностямъ; первое существовало въ старыхъ культурныхъ странахъ, послѣднее въ новопріобрѣтенныхъ варварскихъ; первое было болѣе или менѣе полнымъ сколкомъ съ патриціанско-консульскаго Рима, второе—у cadaго народа съ своими особенностями; пріобрѣтая провинціи, Римляне старались постепенно замѣнить его своимъ, учреждали колоніи и муниципіи, существенная разница между которыми состояла въ томъ, что первыя организовались по образцу Рима изъ переселенныхъ римскихъ гражданъ, а послѣднія изъ мѣстныхъ жителей. Городъ (municipium, colonia, praefectura) являлся центромъ округа (regio,

¹⁾ Эта же мысль сказалась въ раздробленіи провинцій на болѣе мелкія съ особыми намѣстниками. Такъ Иллирикъ при Августѣ имѣлъ одного намѣстника, а при Тиберіи онъ былъ раздѣленъ на двѣ провинціи; такому же раздѣленію на двѣ самостоятельныя провинціи подверглись Мизія и Паннонія; Далія была раздѣлена на три части, впрочемъ по финансовымъ соображеніямъ, такъ какъ намѣстникъ былъ одинъ, но каждая часть (Dacia Porolissensis, Dacia Apulensis, Dacia Malvensis) имѣли своихъ прокураторовъ; всѣ три части имѣли одну общую столицу—Сармидеgetузу, одно общее провинціальное собраніе, общій культъ императорскаго дома, на что указываетъ sacerdos aerae Augusti coronatus Daciae trium. *Marquardt*, I, 148, 154; *Mommsen*, C. I. L. t. III, p. 160.

²⁾ *Marquardt*, I, 365; *Jung*, 29—31.

territorium), состоявшего изъ земель, принадлежавшихъ гражданамъ этого города; на его территоріи находились помѣстья (fundi) и деревни (vici, castella), въ которыхъ жили разнаго рода зависящие люди (рабы, колонны и др.).

При организаціи провинцій на Иллиро-Фракійскомъ полуостровѣ и по Дунаю или прежніе города получали римское устройство, или основывались новые. Такъ въ Македоніи постепенно были сдѣланы римскими колоніями города: Диррахій, Пелла, Филиппы (Col. Aug. Jul. Philippensis), Діумъ (Col. Aug. Jul. Dium), Кассандра (древняя Потодея), Стоби, Эссалиника и другіе менѣе важныя ¹⁾). Во Фракіи по берегу Римляне нашли греческіе города и оставили ихъ свободными, какъ Абдору, Эносъ, Византію; но внутри страны городовъ было мало; здѣсь Римляне заводили свои колоніи, какъ-то: Апры (Colonia Claudia Aргensis), Девельтъ, Флавіополь; Траянъ сдѣлалъ римскими колоніями Плотинополь, Маркіанополь, Траяннополь; Анхіалъ и Сардика (Софія) также носятъ прозваніе Ulpia; незадолго до разрушенія Готами и Филиппополь сдѣланъ былъ римскою колонією ²⁾). Въ Мизіи также городами являются или старыя греческіе торговые пункты, или вновь zaloженные колоніи и муниципіи, такъ въ Верхней Мизіи были колоніи Ратиарія (Col. Ulpia Ratiaria), Виминаціумъ (Aelium Viminatium, сначала муниципія), Сингидонъ; въ Нижней Мизіи Colonia Ulpia Oescensis (теперь Гичень) и муниципіи: Novae (Свиштово), Nicopolis, Troesmis; изъ прибрежныхъ греческихъ городовъ болѣе замѣчательны Томи (civitas pontia Tomitanorum, (μῆτροπολις), Одессъ (Варна, — civitas Odessitanorum), Месемврія, причисленная потомъ вмѣстѣ съ Анхіаломъ въ Фракію ³⁾). Совершенно римскимъ характеромъ отличалось устройство Дакіи, куда было переведено множество колонистовъ. Прежняя столица Дакіи Сармицегетуза (теперь деревня Várhely) уже Траяномъ сдѣлана была римскою колонією (Col. Ulpia Trajana); имъ же основана была на Дунаѣ колонія Черна (Tsierna), кромѣ того были и другія колоніи, какъ-то: Потависса (Potaissa или Potavissa, теперь Thorda, Thorenburg) и Colonia Malvensis (мѣсто

¹⁾ Marquardt, I, 164.

²⁾ Marquardt, I, 159.

³⁾ ibid. 149—150.

не определено точно, вѣроятно въ юго-восточной Дакіи) и муниципіи: Narosa (Klausenburg), Drobetae (на Дунаѣ), Tibiscum и Rogolissum; муниципальные права получилъ также военный центръ Дакіи Arulum (теперь Karlsburg ¹).

Романизациі содѣйствовали въ значительной степени римскія войска, особенно здѣсь, въ иллирійскихъ провинціяхъ, въ которыхъ стояло не менѣе одной трети всѣхъ римскихъ войскъ, отъ 100 до 120 тысячъ. Въ періодъ господства солдатъ здѣсь являлось не мало претендентовъ на императорскую корону, и тотъ, кому удавалось достигнуть ея, не забывая своей земли и содѣйствовалъ ея культурѣ; такъ императоръ Пробъ первый завелъ въ Панноніи виноградники, проводилъ каналы, осушалъ болота ²). Римскіе войска состояли изъ легионовъ и вспомогательныхъ; первые набирались теперь изъ римскихъ гражданъ провинцій, такъ какъ римскіе граждане-италики служили большею частію только въ гвардіи; вспомогательныя войска формировались изъ покоренныхъ народностей въ *alae* и *cohortes* отъ 5,000 до 10,000 и присоединялись къ легионамъ, которые состояли теперь изъ 10—12,000 человекъ. Вспомогательныя войска сохраняли свои приемы военной службы, но должны были подчиняться латинской командѣ и употреблять латинскій языкъ въ сношеніяхъ съ Римлянами. Легионы болѣе или менѣе подолгу оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ, а простые солдаты почти всегда въ одномъ и томъ же легионѣ, такъ что свывкались съ мѣстомъ службы и по отставкѣ оставались тамъ же на жительство; только офицеровъ правительство часто переводило, опасаясь возмущеній. Кромѣ того, служившіе въ вспомогательныхъ войскахъ, какъ не римскіе граждане, а peregrini, имѣли право жениться на мѣстныхъ дѣвицахъ; но легионерамъ нельзя было жениться, такъ какъ римскія дѣвицы въ лагерь не допускались, а съ peregrinami римскіе граждане не имѣли права заключать браки (*conubiūm*); за то были многочисленныя незаконныя связи и римская кровь не убывала; Септимій Северъ позволилъ и римскимъ гражданамъ конкубинать, но только неполный законный бракъ. При отставкѣ солдатъ — для себя, жены и дѣтей получалъ

¹) *Mommsen*, C. I. L. III, p. 167, 169, 172, 182. *Marquardt* *ibid.* 154. *Jung*, 95.

²) *Jung*, 47.

права римскаго гражданства. При лагеряхъ возникали особые лагерные города, населявшіеся торговцами, прислугой и отставными солдатами; съ теченіемъ времени города эти получали права колоній и муниципій ¹⁾.

Въ такъ или иначе возникшихъ городахъ всѣхъ этихъ провинцій, особенно Дакіи, по сохранившимся памятникамъ, можно видѣть всѣ стороны римской муниципальной жизни, напр., разныя постройки, амфитеатры, портики, бани; изъ надписей можно узнать о разныхъ промышленныхъ и рабочихъ артеляхъ, торговлѣ и т. д., не говоря уже о римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Все это не могло не оказать вліянія на мѣстныхъ жителей. При этомъ нужно имѣть въ виду вообще отношенія Римлянъ къ покореннымъ народамъ: римская колонизація не носила характера національной исключительности; Римляне вступали въ связь съ мѣстными жителями въ разныхъ отношеніяхъ, объединяясь съ ними подъ однимъ знаменемъ римской имперіи.

Уже изъ этого краткаго очерка видно, какими громадными средствами владѣли Римляне, чтобы распространять свои начала на покоренныя народности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они оставили по себѣ въ придунайскихъ земляхъ наследниковъ въ Румынахъ. Теперь Румыны живутъ въ прежней Дакіи — послѣдней изъ приобретенныхъ Римлянами областей по Дунаю. Провинціи къ югу отъ этой рѣки также подверглись романизации, но здѣсь мы видимъ только жалкіе остатки романизованнаго населенія въ Цинцарахъ и Купцовлахъ. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что Римляне къ сѣверу отъ Дуная господствовали долѣе, чѣмъ къ югу, и тамъ менѣе было иноплеменныхъ нашествій, чѣмъ здѣсь: вѣдь здѣсь господствуютъ позднѣйшіе пришельцы Славяне (Волгаре). Но факты показываютъ совершенно обратное. Если нельзя отрицать того, что по завоеваніи Дакіи Траяномъ были приняты быстрыя и энергическія мѣры для колонизаціи края, то это стремленіе встрѣтило вскорѣ такіа препятствія, которыя скоро отбили охоту у преемниковъ Траяна продолжать его дѣло и даже заставили совсѣмъ отказаться отъ фактическаго

---

¹⁾ Такъ Адрианъ далъ право муниципій лагернымъ городамъ: Carnuntum, Aquincum, Viminatium, Маркъ Аврелій Арулумъ, Септимій Северъ Troesmis, Vindobona, Brigetium, Novae и др. *Jung* 81—82.

владѣнія страню. Препятствія эти заключались въ движеніяхъ какъ покоренныхъ Римлянами народовъ Дакіи, такъ и сосѣднихъ съ ихъ владѣніями народовъ на сѣверо-востокѣ и востокѣ, такъ что Дакія начиная со II столѣтія подвергалась нападеніямъ и захватамъ ино-племенниковъ несравненно чаще, чѣмъ теперешняя Болгарія: въ послѣднюю если попадали чужеземцы, то неизбежно прошедши черезъ Дакію. Вслѣдствіе этого весьма трудно допустить, чтобы романскій элементъ, сохранившійся въ Румынахъ, непрерывно существовалъ на прежнихъ мѣстахъ. Это яснѣе будетъ изъ дальнѣйшаго обзора этнографическихъ перемѣнъ въ этихъ странахъ.

Римскія колоніи Дакіи занимали главнымъ образомъ Банатъ, западъ и центръ Седмиградіи и Малую Валахію. Отсюда романизация должна была развиваться въ разныя стороны. Но при воздѣйствіи сосѣднихъ съ римскою границею и вѣроятно родственныхъ съ покоренными племенъ ¹⁾, внутри римской провинціи оставались мѣста, гдѣ романизация непрививалась: какъ въ Галліи — Бретань, въ Британіи — Валлисъ, въ Испаніи — Баски, въ Эпирѣ — Албанцы, удержавъ свой языкъ, сохранили зерно своей народности, такъ и въ Дакіи могло быть подобное; отсюда то поднялись возстанія, которыя должно было усмирять, чѣмъ и заняты императоры послѣ Траяна; возмущенія были въ разныхъ мѣстахъ Дакіи, и Римляне стали даже бояться вторженій на правый берегъ Дуная ²⁾.

Но главная опасность была со стороны вѣнскихъ враговъ ³⁾. За предѣлами имперіи поднялись наступательныя движенія варва-

¹⁾ Сѣверную границу опредѣлить трудно, да она вѣроятно и не была никогда строго проведена въ дѣйствительности, такъ какъ полнаго мира на этихъ окраинахъ собственно никогда не было.

²⁾ Уже Траяновъ преемникъ, Адрианъ, не особенно стоялъ за Дакію: онъ пересталъ поддерживать Траяновъ мостъ на Дунаѣ, чтобы лишить варваровъ возможности переходить эту рѣку.

³⁾ Юнгъ, прекрасно очертившій процессъ романизации въ придунайскихъ земляхъ цѣлю доказать автохтонность теперешнихъ Румынъ, мало касается прежняго туземнаго населенія Дакіи и смежныхъ съ нею странъ; вся армія романизации у него направлена на какихъ то нѣскольکو абстрактныхъ варваровъ. Онъ не занимается изслѣдованіемъ того, кто жилъ въ Дакіи, и слишкомъ недостаточно говорить о томъ, что постигло тамъ Римлянъ: въ самыхъ общихъ выраженіяхъ онъ повторяетъ то, что сказано другими объ удаленіи Римлянъ изъ Дакіи, между тѣмъ для его цѣли это главнымъ образомъ и слѣдовало разъяснить; какъ-то поэтому

ровъ, начавшіяся съ небольшихъ грабежей и кончившіяся занятіемъ цѣлыхъ римскихъ провинцій. Поэтому, какъ нелегко было Римлянамъ завоевать эти страны, такъ еще болѣе трудно удержать въ своихъ рукахъ. Страну къ сѣверу отъ Дуная имъ вскорѣ пришлось оставить совсѣмъ, да и въ странѣ къ югу отъ этой рѣки образованіе крѣпкой романизованной національности встрѣтило препятствія, такъ какъ варварскій элементъ сталъ и туда проникать очень рано.

Набѣги дѣлали самые разнообразные народы и европейскіе, какъ Германцы и Славяне, и азіатскіе, какъ Гунны, Авары, Болгаре. При плохомъ вооруженіи и при недостаткѣ дисциплины, что было явленіемъ обыкновеннымъ у Славянъ и даже у Германцевъ, варвары часто не могли противостоять гораздо меньшему числу тяжело-вооруженныхъ Римлянъ; встрѣчая упорное и хорошо организованное сопротивление они всегда терпѣли быстрое пораженіе. Труднѣе была борьба съ азіатскими народами, которые военнымъ искусствомъ и дисциплиною могли спорить съ Римлянами. Но и здѣсь имперія обыкновенно выходила побѣдительницею, благодаря конечно болѣе высокой образованности и политическому развитію. Во все время существованія Византійской Имперіи повторяется весьма любопытный фактъ: часто судьба имперіи виситъ, кажется, на волоскѣ подъ напоромъ варварскихъ народовъ со всѣхъ сторонъ, часто имперія теряетъ власть въ цѣлыхъ провинціяхъ, но вотъ является энергическій императоръ или хорошій полководецъ, и тотчасъ-же имперія начинаетъ быстро возвращать потерянное.

странно видѣть удаленіе Римлянъ неизвѣстно отъ чего изъ Дакии, послѣ того какъ онъ изобразилъ ихъ во всеоружіи военной и культурной борьбы. См. стр. 106—107 его книги. — Только развѣ предвзятостью взгляда можно объяснить отношеніе Юнга къ изслѣдованію Гоосса: заимствуя у послѣдняго часто буквально характеристику римской жизни въ Дакии, Юнгъ совершенно игнорируетъ его выводы о географическомъ распространеніи римскихъ колоній въ Дакии, степени романизации Дакийцевъ и судьбѣ ихъ послѣ удаленія Римлянъ. См. „Archiv des Vereins f. Siebenbürgisch. Landeskunde“. XII, S. 134—135. Другой изслѣдователь, Дриновъ, ранѣе Юнга писавшій по этому вопросу, обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на варваровъ, но представилъ ихъ уже слишкомъ страшными, а Римлянъ до крайности жалкими; при опредѣленіи же народности, какъ увидимъ ниже, не совсѣмъ убѣдительно доказываетъ славянство значительной ихъ части. Ср. *Дриновъ*: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Москва. 1873.

Отъ непріятельскихъ вторженій не только страдало благосостояніе мѣстныхъ жителей, но измѣнялся и составъ населенія римскихъ провинцій. Масса народа была уводима въ плѣнъ; въ случаѣ пораженія варваровъ, они подвергались, конечно, страшному избіенію, но всегда часть ихъ уводилась войсками въ рабство. Цѣлыя толпы варваровъ поселялись на римскихъ земляхъ въ качествѣ рабовъ, колонновъ (крѣпостныхъ) и военныхъ поселенцевъ. Затѣмъ изъ варваровъ все чаще и чаще вербовались легіоны. Последнее обстоятельство имѣло значеніе не столько въ томъ отношеніи, что прибавляло чуждые элементы къ римскимъ и тѣмъ задерживало романизацію новыхъ окраинъ, сколько въ томъ, что эти варварскіе легіонеры являлись часто проводниками варваровъ въ римскія земли, принимали вторгнувшихся соплеменниковъ и показывали имъ дорогу въ самыя богатя владѣнія Римлянъ. Императоры для защиты своихъ провинцій прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, — къ войнѣ, къ деньгамъ „для насыщенія варварской жадности“, къ устройству постоянныхъ пограничныхъ стражъ. Когда ни что подобное не помогало, императоры давали варварамъ внутри имперіи земли для постоянного поселенія, по ихъ ли просьбѣ, или же иногда по собственнымъ соображеніямъ, обязывая при этомъ военною службою.

Первый періодъ борьбы Римлянъ съ варварами за Дакію относится къ такъ называемой маркоманской войнѣ. Въ это время къ возмущившимся племенамъ Дакіи присоединяются многія сосѣднія племена; не ограничиваясь борьбою въ Дакіи, они пробіраются за Дунай, одно племя проникаетъ даже въ Грецію ¹⁾. Маркоманская война сильно помѣшала укрѣпленію Римлянъ на Дунаѣ. Масса римскаго населенія была уводима въ плѣнъ: разъ Языги и Квады выдали 13,000 римскихъ плѣнныхъ, въ другой разъ они обязались выдать 50,000, а въ третій Языги возвратили 100,000 плѣнныхъ ²⁾. Результатомъ этого движенія варваровъ была потеря Римлянами части Дакіи и поселеніе нѣсколькихъ варварскихъ колѣнъ въ Мизію, Паннонію и сѣверной Италіи. Въ этой войнѣ, кромѣ разныхъ герман-

¹⁾ Костобокъ проникъ въ Фокиду. Pausanias, 10, 34, 5; *Hersberg*: Griechenland unter Römischen Herrschaft. II, 372.

²⁾ Dio Cassius. Historia Romana. M. Aurel. c. 11, 18, 15. *Wiettersheim* Geschichte der Völkerwanderung II, 46; *Jung*, 19.

скихъ народовъ: Маркомановъ, Квадовъ, Буровъ, Вандаловъ и пр. видимъ и негерманскія племена, напр., Языговъ, Даковъ, Костобокъ, Астинговъ, Алапъ, Роксоланъ. Несомнѣнно, что часть этихъ народовъ проникла за Дунай, а потому время маркоманской войны нужно считать началомъ появленія новыхъ этнографическихъ элементовъ за Дунаемъ изъ сѣверныхъ странъ. Но опредѣлить народность этихъ элементовъ, какъ увидимъ, весьма трудно.

Второй періодъ варварскихъ нашествій—это готское движеніе, начавшееся съ 215 года, сильно поколебавшее власть Римлянъ на Дунаѣ и заставившее обратить особенное вниманіе на обезпеченіе сѣверо-восточныхъ границъ имперіи. Готскія опустошенія имѣли значеніе еще въ томъ отношеніи, что они указали путь другимъ народамъ и въ томъ числѣ Славянамъ. Каждое болѣе или менѣе значительное движеніе Готовъ совершалось не только сухимъ путемъ, но и моремъ; мореходство здѣсь является, однако, не исключительною принадлежностью какого либо одного племени, а принадлежитъ къ условіямъ мѣстности. Всѣ народы, являвшіеся на сѣверномъ берегу Чернаго моря и по Дунаю, для успѣха своихъ экспедицій на югъ, пользуются судами; такъ дѣлали Готы, такъ дѣлали Авары при помощи Славянъ, такъ же дѣлали и древніе Русскіе; условіе это сохранять свое значеніе и до сихъ поръ.

Родиною Готовъ была Скандинавія; оттуда, по народному преданію, сохраненному готскимъ историкомъ Иорданомъ, король Берихъ на судахъ перевезъ ихъ на материкъ, гдѣ, на берегу Балтійскаго моря, ихъ знаютъ уже Тацитъ, Плиній и Птоломей. Около половины II-го столѣтія началось переселеніе ихъ на юго-востокъ къ Черному морю, сопровождавшееся сильнымъ движеніемъ народовъ всей средней Европы, что и выразилось въ маркоманской войнѣ¹⁾. Какъ непосредственные сосѣди римской имперіи на берегахъ Чернаго моря, Готы въ первый разъ упоминаются въ началѣ III столѣтія при императорѣ Каракаллѣ (ок. 215), которому пришлось съ ними вое-

¹⁾ По свидѣтельству Капитолина (Marc. Aug. с. 14), началомъ этого движенія было переселеніе на римскую землю части союзныхъ съ Римомъ Германцевъ, прогнанныхъ бывшими позади ихъ варварами. Подъ послѣдними разумѣютъ Готовъ. *Vessel*: „Gothen,“ въ Энцикл. Эрша и Грубера S. 99, B. 75.

вать ¹⁾). То удерживаемые денежными субсидіями ²⁾, то воюя противъ Римлянъ вмѣстѣ съ другими народами ³⁾, Готы переправляются наконецъ. въ царствованіе Гордіана (238 — 244), за Дунай и опустошаютъ Мизію и Фракію ⁴⁾. При его преемникѣ, Филиппѣ Аравитянинѣ (244—249), король одной части Готовъ, Острогота, вслѣдствіе отказа въ денежной дани, выставилъ войско въ 30,000 человекъ, въ которомъ, кромѣ Готовъ, были Тайфалы, Астинги и 3,000 Карповъ; два полководца его, Арцанта и Гунтерихъ, переправились черезъ Дунай и опять опустошили Мизію, осаждали Маркіанополь, жители котораго откупились деньгами, и Готы ушли назадъ ⁵⁾. Преемникъ Остроготы, Книва, одно войско посылаетъ въ Мизію, а съ другимъ разбиваетъ въ Добруджѣ императора Деція, павшаго въ этомъ сраженіи ⁶⁾; преемникъ его, Галль (251—253), при которомъ набѣги Готовъ вмѣстѣ съ другими народами не прекращались, долженъ былъ снова давать Готамъ денежныя субсидіи ⁷⁾.

Но Готы не ограничились одними сухопутными нападеніями на границы имперіи по Дунаю. Распространившись по всему сѣверному берегу Азовскаго и Чернаго морей, они вмѣстѣ съ Воранами, ⁸⁾ пользуясь внутренними раздорами въ Веспорскомъ царствѣ, на греческихъ судахъ переѣзжаютъ на восточный берегъ Чернаго моря ⁹⁾

¹⁾ Scr. hist. Aug. J. Capitolinus in Caracalla, c. 10.

²⁾ Petri Patricii Excerpta de leg. ed. Bon. p. 124, у Цейса S. 405.

³⁾ Capitolinus in Maximino et Balb. c. 16; главными были Карпы; разрушенъ городъ Истры.

⁴⁾ Capitol. Gordian. c. 34. Jordan. c. 16.

⁵⁾ Jordan. c. 16. *Pallmann*: Geschichte der Völkerwanderung, I, S. 51—52. *Bessel*, S. 120—121.

⁶⁾ Въ ноябрѣ 25 г. Jord., c. 18.

⁷⁾ Объ этихъ первыхъ столкновеніяхъ Готовъ съ Римлянами см. *Zeiss*: Die Deutsche und die Nachbarstämme, S. 403—404, *Dahn*: Könige der Germanen, II, 52—54, *Pallmann*, *ibid.*, 49—53; *Bessel*, „Gothen“, въ Encyclopädie v. Ersch u. Gruber B. 75, S. 117 ff.

⁸⁾ Вораны или Бораны причислялись къ самымъ разнообразнымъ племенамъ и сближались со многими позднѣйшими народами. См. Ж. М. Н. Пр. январь 1878 „Русско-Византійскіе отрывки“ VII. „Житіе Іоанна Готскаго“ В. Г. Васильевскаго. Авторъ видитъ въ Воранахъ одно изъ готскихъ же коленъ.

⁹⁾ О морскихъ походахъ Готовъ: *Wiettersheim*, *ibid.*, II, 272 и сл.; *Pallmann*, *ibid.*, I, 54—60; *Брунъ*: „Черноморскіе Готы“, Зап. Акад. Наукъ т. 24, кн. I (1874);

и, несмотря на неудачу при первомъ нападеніи на Питіунтъ (теперь Пицунда), во второй разъ овладѣваютъ этимъ городомъ и, съ помощію захваченныхъ въ плѣнъ жителей, моремъ же направляются въ Трапезунтъ и страшно разоряютъ этотъ богатый городъ. Это было въ 257 г. Этотъ успѣхъ вызвалъ новыя морскія предпріятія. Въ слѣдующемъ году уже не восточные, а западные Готы, притомъ на собственныхъ маленькихъ судахъ (однодеревкахъ), изъ устья Днѣпра или Днѣстра ¹⁾ предпринимаетъ морской (а также и сухопутный) походъ близъ западнаго берега Чернаго моря: проплывъ мимо Истра, Томи ²⁾ и Анхіала, входятъ въ Босфоръ, забираютъ въ Филейской бухтѣ рыбацкія лодки и, посадивъ на нихъ подошедшее берегомъ пѣшее войско, переправляются на азіятскій берегъ; разграбляютъ близъ Халкидона храмъ Юпитера, потомъ поджигаютъ и грабятъ и самый Халкидонъ; той же участи подвергаются малоазіатскіе города: Никомидія, Нивея, Кій, Апамея и Пруза. Съ огромною добычею Готы успѣли вернуться назадъ, прежде чѣмъ императоръ Валеріанъ, находившійся въ походѣ противъ Персовъ, успѣлъ прислать войска; ему удалось только распорядиться о защитѣ Византии отъ разграбленія при возвращеніи Готовъ ³⁾.

Вскорѣ, въ 262—263 г., Готы опять дѣлаютъ набѣги, одни на судахъ въ Малую Азію, гдѣ между прочимъ разрушили храмъ Артемиды, а другіе сухимъ путемъ производятъ грабежи по всему Балканскому полуострову: долго оставались на теплыхъ водахъ около Анхіала, нападали на Никополь, осаждали Солунъ и вторгались даже въ Азію черезъ проливъ ⁴⁾. Но и на морѣ и на сушѣ имъ привелось на этотъ разъ понести большія потери. Тѣмъ не менѣе, чрезъ короткій промежутокъ времени, новыя и еще болѣе многочисленныя полчища Готовъ производятъ опустошенія какъ на морѣ, такъ и на сушѣ: въ 267 году на 500 судахъ отправляются изъ Азовскаго

подробнѣе же и обстоятельнѣе всѣхъ они изложены въ помянутой статьѣ В. Г. Васильевскаго.

¹⁾ *Васильевскій*, *ibid.*, стр. 30.

²⁾ Теперь деревня Анадолюкюй къ востоку отъ Кюстенджи. См. *Бруна*, *ibid.*, стр. 4.

³⁾ Это было въ 258—259 году приблизительно. См. *Pallmann*, I, 56, *Бруна*, *ibid.*, *Васильевскій*, 89.

⁴⁾ *Pallmann*, I, 57, *Васильевскій*, 90, 91.

моря въ Босфоръ и, несмотря на громадныя потери, понесенныя въ Босфорѣ еракійскомъ, опустошаютъ окрестности Кизика и острова Скиросъ и Лемносъ; въ Европѣ пострадала Греція: были ограблены и выжжены Аѣны, прославившіеся защитой подъ руководствомъ историка Дексиппа, Коринѣ, Аргосъ и Спарта. Но они понесли потомъ сильное пораженіе и разсыпались по странѣ, продолжая, однако, грабежи и разбои. Въ слѣдующемъ году, какъ бы въ отмщеніе за понесенныя пораженія, собираются опять огромныя сухопутныя и морскія силы изъ разныхъ племенъ: тутъ участвуютъ Герулы, Остроготы-Грейтунги, Визиготы-Тервинги, Гепиды, Певки, какіе-то Кельты, въ которыхъ видятъ Славянъ¹⁾. Изъ устья Днѣстра на этотъ разъ отправляются уже 6,000 судовъ. Несмотря на потери, флотъ проникаетъ до Солуня. Сухопутныхъ войскъ насчитываютъ до 32,000. Но, несмотря на эту многочисленность, которая это движеніе дѣлаетъ болѣе похожимъ на переселеніе, чѣмъ на военный походъ, на этотъ разъ Готы, проникшіе въ окрестности города Софіи, потерпѣли страшное пораженіе: они были разбиты императоромъ Клавдіемъ при Нишѣ въ 269 году²⁾.

Съ этого времени надолго прекращаются набѣги Готовъ. Зато теперь Римляне совсѣмъ отказались отъ Дакии, выведши изъ нея войска и послѣднихъ римскихъ поселенцевъ, такъ какъ многіе уже ранѣе выселились оттуда. Римскіе колонисты выведены были на правый берегъ Дуная въ Мизію; занятая ими область получила имя Дакии Аврелиановой. «Но и для тѣхъ Дакійцевъ, которые съ теченіемъ времени превратились въ Римлянъ не только по языку, но и по образованію, почва своего отечества не представляла теперь ничего привлекательнаго, и они влѣдъ за войсками и колонистами спѣшили оставить сдѣлавшуюся теперь опять варварскою землю своихъ «варварскихъ» предковъ; отечествомъ ихъ сдѣлался Римъ»³⁾.

¹⁾ *Васильевскій*, стр. 93, 97.

²⁾ Приведенныя цифры, несмотря на сравнительную достовѣрность сообщенныхъ ихъ источниковъ, нѣкоторые считаютъ преувеличенными. *Pallmann*, I, 57—59; ср. *Васильевскій*, 93, особ. прим. 2.

³⁾ Эти слова принадлежатъ Юнгу, присяжному защитнику автохтонности Руминъ; поэтому онъ даѣе прибавляетъ: „Но масса дакійскаго народа, которая чувствовала только бремя, а не выгоды римскаго владѣчества, — владѣчества, смотрѣвшаго на него какъ на цѣнный матеріалъ для войска и финансовъ, какъ

Однако жившія въ Дакіи не готскія племена не остаются въ покоѣ. Не желая очевидно подчиняться Готамъ, которые едва ли даже и имѣли здѣсь какое либо организованное государство, они дѣлаютъ набѣги на Римлянъ, которые то отражаютъ ихъ, то принимаютъ на поселеніе въ Мизію и Фракію. Такъ императоръ Пробъ въ 278 году вошелъ въ переговоры съ дакійскими и готскими народцами и въ слѣдующемъ году поселилъ ихъ съ остатками Бастарновъ и другихъ германскихъ группъ во Фракіи ¹⁾. При Карѣ тамъ же была поселена масса военно-плѣнныхъ ²⁾.

Какъ эти постоянныя вторженія варваровъ, такъ и безпорядки въ арміи, бремя налоговъ и отсутствіе послѣдовательности императорскаго правительства вызвали около этого времени въ римской имперіи сознание неудовлетворительности государственной организціи, сознание необходимости преобразованій въ арміи и гражданскомъ управленіи. Цѣлый рядъ императоровъ являются дѣятельными преобразователями римской имперіи, и главными изъ нихъ были Діоклетіанъ и Константинъ Великій. Эти преобразованія имѣли громадное вліяніе и на судьбу Балканскаго полуострова. Съ одной стороны новая военная и гражданская организація управленія по-дунайскимъ краемъ ³⁾ спо-

---

на глупое стадо черни („dumme Thier von Volk“), по выраженію Шекспира, которая во всё времена способна была думать только о матеріальныхъ интересахъ, осталась сидѣть на старомъ пепелищѣ, платя подать новымъ господамъ точно также, какъ платила прежнимъ, ничего не сохраняя изъ римской эпохи своего существованія, кромѣ романскаго діалекта, который во время ея былъ внесенъ: это праотцы современныхъ Румынъ.“ Юмъ, стр. 107. Много правды въ этихъ словахъ, но есть и слабая сторона: изъ словъ Юнга должно заключить, что всё передовое люди Дакійцевъ ороманились и ушли съ Римлянами за Дунай, осталась только темная масса забитаго народа. Но куда же дѣвались тѣ, которые поднимали возстанія противъ Римлянъ? Не могли же они ороманиваться во время готскихъ опустошеній.

¹⁾ Vorisus, Probus, с. 16, 18; *Pallmann*, I, 58.

²⁾ Каръ нанесъ пораженіе варварамъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная, взявъ до 200,000 въ плѣнъ и расселивъ большую часть ихъ въ Нижней Мизіи. Но вторженія продолжались и при Діоклетіанѣ, который въ 298 г. перевелъ въ Римскую землю Карповъ съ Бастарнами. *Roesler: Romanische Studien*. S. 11. *Дримова* стр. 52—54.

³⁾ Административное дѣленіе Балканскаго полуострова при Константинѣ Великомъ было слѣдующее: весь Балканскій полуостровъ принадлежалъ къ двумъ префектурамъ: Востоку и Илирику; къ восточной префектурѣ, имѣвшей глав-

собствовала задержанію варваровъ и романизациі этихъ областей. Въ IV и V в. имѣемъ не мало свидѣтельствъ о значительной степени романизациі провинціи Фракія, Мизія и Дакія (аврелиановой). Природные Фракіяцы пишутъ латиня, напримѣръ Никита, епископъ ремесійскій; о повсемѣстномъ употребленіи латинскаго языка во Фракія какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, свидѣтельствуемъ Прискъ. Уже въ это время встрѣчается много поселеній и урочищъ съ латинскими именами ¹⁾. Впрочемъ, и въ это время продолжался притокъ новыхъ элементовъ, именно продолжались поселенія племенъ съ лѣваго берега Дуная, но это были племена, съ которыми давно уже Римляне имѣли соприкосновеніе въ ихъ землѣ и уже успѣли оказать нѣкоторое вліяніе. Такого рода поселенія сдѣланы были соправителемъ Діоклетіана, Галеріемъ ²⁾. Константинъ Великій, внушившій, по

ные округа на востокъ въ Малой Азія, принадлежала діоцеза (округъ) Фракія съ провинціями: 1) *Еггора* съ городомъ Перинеомъ, 2) *Rhodope* съ городами Максиміанополею, Маронеею, Эносомъ; 3) *Thracia* въ тѣсномъ смыслѣ съ городами Филиппополею и Верроею; 4) *Haemimontius* съ городами Адрианополею и Анхіаломъ; 5) *Scythia* съ городами Діонисіополею, Томи и Казатіей. (*Marquardt*, I, 159). Въ Иллирикѣ были діоцезы: Ахаія, Македонія и Дакія. Въ македонской діоцезѣ были провинціи: Македонія, Фессалія, Старый и Новый Эпиръ, Критъ (*ibid.*, стр. 163). Въ округѣ Дакія, между Дунаемъ и Реномъ, Адриатическимъ и Чернымъ морями, управленіе, какъ гражданское, такъ и военное, сосредоточивалось на Дунаѣ и Сирміѣ (*Heuberg: Geschichte der Griechenland im Mittelalter*, 1876, S. 65, *Финлей*: „Исторія Греціи подъ римскимъ владѣтельствомъ“, переводъ Никитенко, М. 1877 г., стр. 130). По удаленіи изъ задунайской Дакіи Римляне основали новую Дакію—*Dacia nova* или *gripensis* на мизійскомъ берегу Дуная; съ раздѣленія Діоклетіана она составляла особую провинцію; къ ней принадлежала часть Дарданія и называлась *Dacia mediterranea*; съ раздѣленія имперіи Константиномъ Великимъ имя Дакія употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ обширномъ, какъ діоцеза, она обнимала пять провинцій: *Dacia (gripensis)*, съ городомъ *Ratiaria* на Дунаѣ, и *mediterranea*, *Moesia prima*, *Dardania*, *Paevalitana*, *Macedonia salutaris*; въ тѣсномъ смыслѣ: *Dacia gripensis* (отъ рѣки Джубры—*Sebrus*—до р. Виты—*Utus*) и *Dacia mediterranea*—внутренняя (на востокъ отъ Болгарской Моравы—*Margus* до Искера—*Oesesus*); главнымъ городомъ этой Дакіи, называемой *Dacia Aureliani* въ отличіе отъ прежней *Dacia Trajani*, была Софія—*Serdica* (Средецъ). *Roessler*, 52. *Иречекъ*: Исторія Болгаръ, перев. Палаузова и Бруна, Одесса 1878 г., стр. 82, 88.

¹⁾ *Jirecek*: Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag, 1877, S. 8.

²⁾ *Eutrop.* IX, 15; *Aurel. Vict.* De Caes. c. 9. *Дриновъ*: Заселеніе, стр. 54.

свидѣтельству біографа, уваженіе къ себѣ варваровъ, вель съ ними удачныя войны и въ 334 году поселилъ во Фракіи, Македоніи, Малой Скіеіи и Италіи Сарматовъ-Языговъ ¹⁾). Приведенные факты показываютъ, что начавшаяся со времени присоединенія Дакии Траяномъ энергическая романизация при-дунайскихъ, большею частью еракійскихъ и отчасти сарматскихъ племенъ могла пустить корни только къ югу отъ Дуная. Послѣ удаленія изъ Дакии Римлянъ и вполне романизованныхъ Дакійцевъ, если тамъ и оставалась еще часть романизованнаго элемента, то при послѣдующихъ перечисленныхъ выше переселеніяхъ, которыми, какъ мы видѣли, подверглись тѣ-же дакійскіе народы, очень вѣроятно и она уменьшилась, именно тоже переселена была за Дунай, не говоря уже о томъ, что господство Готовъ, а потомъ, какъ увидимъ, и другихъ народовъ, смѣнявшихъ одинъ другаго въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не могло содѣйствовать сохраненію романизованнаго элемента. Такимъ образомъ, романизация, на помощь которой явились теперь реформы Діоклетіана и Константина Великаго, укоренилась только къ югу отъ Дуная и только здѣсь могла образоваться та народность, которую видимъ теперь въ Румынахъ ²⁾).

¹⁾ Euseb. De vita Const. IV, 6; *Дриновъ*, 60; *Roesler*, 71.

²⁾ Обыкновенно Румыны считаются потомками Римлянъ, переселившихся въ Дакию по завоеваніи ея Траяномъ, или потомками того народа, который образовался изъ смѣси римскихъ колонистовъ съ туземцами. Но уже издавна высказывались сомнѣнія въ ихъ непрерывномъ существованіи отъ временъ Траяна въ мѣстахъ теперешняго ихъ жительства, напротивъ, утверждали, что они позднѣе выселились съ Балканскаго полуострова. Такъ думали Лучичъ, Зульцеръ, Энгель, Копитаръ, Миллошичъ. Въ послѣднее время особенно рѣзко защищалъ этотъ взглядъ Реслеръ, книга котораго: „*Römânische Studien*“, вышедшая въ 1871 году, произвела сильное впечатлѣніе и приобрѣла многихъ авторитетныхъ ученыхъ на сторону этого взгляда; но въ то-же время она вызвала и много противниковъ; однако возраженія ихъ не были настолько вѣски, чтобы опровергнуть сущность взгляда Реслера; указано было только на то, что переселенія Румынъ изъ за Дуная начались не съ XIII в., какъ думалъ Реслеръ, а гораздо раньше, но и это было сдѣлано не принципиальными противниками Реслера, а его сторонниками (Томашкомъ); наконецъ въ 1877 году вышла книга Юнга, который подвергъ пересмотру вопросъ по существу и во всемъ объемѣ, но, какъ кажется, не опровергъ окончательно взгляда противниковъ. Окончательное разрѣшеніе вопроса, по моему мнѣнію, зависитъ отъ точнаго изслѣдованія и опредѣленія народности романизованныхъ племенъ въ Дакии и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ румынскомъ языкѣ, за исключеніемъ элементовъ латинскаго, греческаго и славянскаго, остается еще элементъ, который обыкновенно

Съ другой стороны совершенно незамѣтно для себя и безсознательно послѣдній изъ реформаторовъ этого періода, Константинъ Великій, перенесеніемъ столицы римской имперіи въ Византію и объявленіемъ христіанства господствующею религіею, парализовала распространеніе римской культуры на Балканскомъ полуостровѣ въ пользу греческой. Переносъ столицу въ Византію, Константинъ Великій не имѣлъ въ виду дать преобладаніе греческому элементу; напротивъ, новый Римъ долженствовалъ быть вѣрною копіею древняго Рима. Но населеніе имперіи было собрано большею частію изъ греческихъ областей. Затѣмъ введеніе христіанства должно было также открыть широкій доступъ для греческаго вліянія на дѣла имперіи, такъ какъ христіанство между Греками, особенно въ азіатскихъ провинціяхъ, откуда главнымъ образомъ былъ наплывъ въ восточную столицу, распространилось весьма рано. Поэтому волей-неволей римское начало должно было считаться съ греческимъ и въ концѣ-концовъ уступить ему въ восточной половинѣ имперіи.

Вслѣдствіе этихъ преобразованій и энергіи императоровъ дома Клавдіевъ, сѣверныя провинціи Балканскаго полуострова достигли довольно высокой степени процвѣтанія, были довольно густо населены и обработаны.

Но изъ-за Дуная вскорѣ опять стала угрожать опасность еще болѣе серьезная, чѣмъ прежде. Успокоившись на нѣкоторое время, благодаря уступкѣ Римлянами провинціи Дакіи и энергическимъ мѣ-

---

считается остаткомъ языка романованныхъ Дакійцевъ. Оказывается, что этотъ элементъ сходенъ съ нѣкоторыми элементами албанскаго языка. Изъ этого сходства собственно и заключаютъ о родствѣ Иллировъ, остатки которыхъ представляютъ Албанцы съ Фракійцами, къ которымъ относятъ многіе и Гетовъ съ Даками. Но многіе причисляютъ Фракійцевъ не къ греко-италійской вѣтви, а къ иранской, а Иллировъ считаютъ совершенно особымъ племенемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Фракійцами. Отсюда дѣлаются нѣкоторые выводы и въ рѣшеніи вопроса о родинѣ Румынъ. Такъ Томашекъ, считаа Фракійцевъ иранцами, а Иллировъ причисляя къ италійско-этрусской вѣтви, сходство элементовъ языка румынскаго и албанскаго объясняетъ непосредственнымъ сосѣдствомъ когда либо Румынъ съ Албанцами; поэтому онъ полагаетъ, что румынская народность могла образоваться только внутри Балканскаго полуострова, въ сосѣдствѣ съ Албанцами, гдѣ и усвоила элементы албанскаго языка. См. *Tomasek*, рецензія книги Юнга въ *Zeitschr. f. Oester. Gymnas.* 1877, S. 495.

рамъ къ оборонѣ, Готы и другія племена опять пришли въ движеніе съ появленіемъ Гунновъ въ 372 году.

Занимая значительное пространство къ сѣверу отъ Нижняго Дуная и Чернаго моря, Готы ко времени нашествія Гунновъ не представляли изъ себя крѣпко сплоченнаго народа. Раздѣляясь на двѣ части, въ національномъ отношеніи можетъ быть еще до переселенія къ Черному морю ¹⁾, а къ III в. и въ политическомъ, на Визиготовъ или Тервинговъ, жившихъ въ Траяновой Дакии, къ востоку до Днѣстра, и Остготовъ или Грейтунговъ, занимавшихъ степи между Днѣстромъ и Дономъ, а также часть Крыма, Готы не могли оказать достаточнаго отпора воинственной азіатской ордѣ Гунновъ, тѣмъ болѣе, что какъ у Остготовъ, такъ и у Вестготовъ не было внутренняго согласія. Послѣ трагической смерти остготскаго короля Германариха, на которую онъ рѣшился вѣроятно вслѣдствіе отпаденія Роксоланъ и малой надежды на вѣрность Готовъ ²⁾, одна часть Готовъ съ сыномъ Германариха Гунимундомъ безъ борьбы покорилась Гуннамъ, а другая, предводительствуемая Винитаромъ, не могла долго сопротивляться, и вскорѣ всѣ Остготы, кромѣ сравнительно небольшого отряда, бѣжавшаго подъ предводительствомъ Алаоа и Софракса на низовья Дуная, подчинились гуннамъ и оставались въ такомъ положеніи до смерти Аттилы.

Вестготы также мало могли оказать сопротивленія Гуннамъ: у нихъ совсѣмъ не было королевской власти; предводители отдѣльныхъ коленъ враждовали взаимно; вражда усиливалась религіозными разногласіями: языческая партія, во главѣ которой стоялъ Атанарихъ, преслѣдуетъ христіанскую; между христіанами идетъ вражда православныхъ съ аріанами. Римское правительство не оставалось равнодушно къ этой борьбѣ и оказывало покровительство христіанской партіи. Готы поэтому не разъ обращались за Дунай. Туда переселился съ значительною частью Готовъ Ульфилъ, имъ отведено было мѣсто для поселенія на сѣверныхъ склонахъ Балканъ, около города Никополя (теперь Никунъ ³⁾). Въ борьбѣ съ Атанарихомъ,

1) *Körke*: Deutsche Forschungen. Die Anfänge der Königthums bei den Gothen. Berlin, 1859. S. 103, 104.

2) Это соображеніе *Паллмана*.

3) О христіанствѣ у Готовъ см. ниже, во II части, глава I.

предводитель христіанскихъ Готовъ Фритигернъ, принявшій аріанство, не разъ искалъ защиты у аріанскаго императора Валента за Дунаемъ ¹⁾.

Неудивительно поэтому, что при появленіи Гунновъ Вестготы не оказали дружнаго сопротивленія, а искали спасенія въ бѣгствѣ, но при этомъ они не могли вблизи найти болѣе безопаснаго мѣста, какъ въ предѣлахъ римской имперіи за Дунаемъ.

Пока Гунны занимали земли Остготовъ, Атанарихъ приготовился и ждалъ на берегу Днѣстра, но Гунны его обошли, и онъ отступилъ на юго-западъ, но далеко въ этомъ направленіи двигаться было невозможно: тамъ, на берегу Дуная, стояли враждебные ему Фритигернъ и Алавивъ, туда же бѣжали съ Остготами Алаея и Софраксъ; къ нимъ присоединились еще толпы нѣмецкаго же народа Тайфаловъ. Тогда все это пространство до самой Панноніи наполнилось массою тѣснимыхъ и тѣснящихся народовъ и рѣкъ Дунаю не долго пришлось сдерживать этотъ напоръ.

Боязнь передъ Гуннами, тѣснота и голодъ заставили Готовъ обратиться къ императору съ просьбою о принятіи ихъ за Дунай. Императоръ Валентъ согласился на эту просьбу: принимать Германцевъ въ предѣлы имперіи для Римлянъ не было новостью; Готы, принятые на правахъ федератовъ, могли быть хорошими защитниками противъ враговъ, угрожавшихъ изъ-за Дуная, такъ что это доставляло выгоду Римлянамъ.

Сначала были приняты Фритигернъ и Алавивъ съ ихъ народами, затѣмъ прорвались Остготы Алаея и Софракса, которымъ было отказано въ приѣмъ; къ нимъ присоединился Фарнобъ съ толпою Тайфаловъ и другихъ племенъ ²⁾. Если Евнапій не преувеличиваетъ численность переправившихся Готовъ, говоря, что только однихъ способныхъ носить оружіе было до 200,000, то общее число переселенцевъ, съ женами и дѣтьми, было около милліона ³⁾.

Быстрота переселенія столь многочисленнаго народа, а вслѣдствіе этого и неподготовленность римскаго правительства, не могли уничтожить бѣдствій, которыя пришлось терпѣть Готамъ; къ тому же и

¹⁾ *Körke*, *ibid.*, 110—114.

²⁾ *Körke*, 108.

³⁾ *Körke*, *ibid.*, *Pallmann*, I, 117.

со стороны Римлянъ не обошлось безъ злоупотребленій и насидій. Но для Готовъ опасность миновала: раздробленныя толпы очутились вмѣстѣ на чужой землѣ и не могли не почувствовать своей силы, прибѣгнуть къ которой вызывало ихъ незавидное положеніе, какъ все-таки людей зависимыхъ и притѣсняемыхъ недобросовѣстными римскими чиновниками. Неудивительно поэтому, что прежде чѣмъ Готы успѣли осѣсться надлежащимъ образомъ, а Римляне подчинить ихъ извѣстной дисциплинѣ, какъ начались уже открытыя столкновенія между ними. Къ новопереселившимся Готамъ стали присоединяться бывшіе на римской службѣ готскіе предводители съ своими отрядами, прежніе единоплеменные переселенцы, а также рабы и колонны изъ Готовъ. Во главѣ возстанія стоялъ самъ Фритигернъ. Подъ его предводительствомъ Готы, обходя большіе укрѣпленные города, стали грабить селенія. Римляне или бѣжали, или были избиваемы. Освободившіеся рабы и колонны были лучшими проводниками къ богатымъ римскимъ владѣльцамъ. Отдѣльно отъ Фритигерна грабили Тайфалы и Остготы Софракса и Алавива ¹⁾. Римляне конечно приняли съ своей стороны мѣры и въ малой войнѣ въ теченіе 377 и 378 года, нѣрѣдко одерживали перевѣсъ, разбивъ многіе готскіе отряды и уничтоживъ Тайфаловъ. Но въ большомъ сраженіи при Адрианополѣ (9 авг. 378 г.) Римляне были разбиты, самъ императоръ Валентъ былъ убитъ. Послѣ этого Вестготы долго еще опустошали разныя мѣста Балканскаго полуострова; они доходили до Константинополя и Перинеа, пробрались къ Адриатическому морю и Юлійскимъ альпамъ. Остготы опустошали сѣверныя провинціи; вмѣстѣ съ ними бродили толпы Аланъ и Гунновъ; наконецъ они были усвоены при императорѣ Граціанѣ, отъ котораго получили на правахъ федератовъ Нижнюю Паннонію и часть Верхней Мизіи ²⁾. Съ вступленіемъ на престолъ Θεодосія (379—395) и Вестготы, проникавшіе даже въ Эпиръ и Фессалію, понесли нѣсколько пораженій, а лишившись въ 380 году своего вождя Фритигерна, оказались въ очень стѣсненномъ положеніи и наконецъ осѣлись на постоянное жительство въ Мизіи и Фракіи. Готскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ усилился въ это время прибытіемъ Атанариха, который былъ приглашенъ Θεодосіемъ и

¹⁾ *Pallmann*, I, 118, 125; *Körke*, 115.

²⁾ *Körke*, 116, *Pallmann*, I, 179.

вступилъ съ своимъ отрядомъ Готовъ-язычниковъ въ римскую службу, но вскорѣ самъ также померъ (въ началѣ 381 г.)¹⁾. Такимъ образомъ Готы постепенно были успокоены и въ 382 году по формальному договору *universa gens Gothorum cum rege suo* (неизвѣстно однако, что это былъ за король) *in Romaniam se tradiderunt*.

Въ какомъ же положеніи оказалось это огромное количество Готовъ въ имперіи? Большая часть военноплѣнныхъ была обращена въ рабовъ или колоновъ и разбѣяна по разнымъ провинціямъ имперіи: Фракіи, Фригіи, Визиніи; по свидѣтельству Темистіа, Готы здѣсь оказались такими же хорошими земледѣльцами, какъ прежде воинами²⁾. Затѣмъ масса Готовъ поступила на римскую службу съ правами свободныхъ римскихъ гражданъ. Это были люди уже вполне проникшіеся римскими началами и вѣрно служили Риму. Наконецъ остальные были приняты по договорамъ на разныхъ льготныхъ условіяхъ, напр. свободы отъ податей. Самый многочисленный разрядъ, оказавшійся вмѣстѣ и самымъ опаснымъ, были федераты. Въ прежнее время Римляне на федеративныхъ началахъ присоединяли земли съ населеніемъ, теперь же они только принимали населеніе на свои старинныя земли, значительно обезлюдѣвшія отъ разныхъ причинъ и нуждавшіяся какъ въ защитникахъ, такъ и въ рабочихъ. Федераты были совершенно свободны, пользовались полнымъ самоуправленіемъ, выбирали мѣстныхъ начальниковъ, только не могли имѣть короля, ибо высшій надзоръ принадлежалъ римскому правительству. Обязанность федератовъ заключалась въ военной службѣ; они были свободны отъ податей, иногда даже получали хлѣбъ отъ правительства. Съ теченіемъ времени федераты обыкновенно подвергались романизациі, если не препятствовали этому внѣшнія обстоятельства³⁾.

Такимъ образомъ Готы теперь оказывались во всѣхъ сферахъ римской жизни, не въ одной только военной; это давало имъ возможность принимать участіе въ римскихъ партіяхъ. Большая часть Готовъ, именно всѣ федераты, были аріане, которые со вступленіемъ на престолъ Феодосія изъ положенія господствующей въ импе-

¹⁾ *Körke*, 117.

²⁾ *Themist. Orat.* 16; *Körke*, 117.

³⁾ *Pallmann*, I, 181—183.

рші партіи должны были перейти въ положеніе гонимой. Между самими Готами происходитъ раздѣленіе: православные Готы и азычники остаются вѣрными имперіи, содѣйствуютъ ея цѣлямъ и постепенно сливаются съ мѣстными жителями; Готы же аріане, хотя гоненіе на нихъ и не простиралось, вступаютъ въ открытую борьбу съ имперією, провозгласивъ у себя королемъ Алариха ¹⁾. Начиная съ 395 года до 408 повторяются въ такихъ же, если не въ большихъ размѣрахъ опустошенія Вестготами всего Балканскаго полуострова, только на этотъ разъ съ несравненно большими опасностями для имперіи, чѣмъ прежде. Извѣстны разрушительные походы Алариха по Фракіи, Македоніи, Фессалии, Аттікѣ, Пелопонезу, Эпиру и Иллиріи, осады и частію разоренія многихъ городовъ: Фивъ, Афинъ, Коринѳа, Аргоса, Спарты, кончившіяся удаленіемъ Вестготовъ въ Италію. Въ это время двинулись на западъ изъ Панноніи и сосѣднихъ земель и другія племена, какъ-то: паннонскіе Остготы, Квады, Сарматы, Вандалы, Герулы, Гепиды ²⁾.

Между тѣмъ Гунны распространились по всему лѣвому берегу Дуная и, прежде чѣмъ главныя силы Вестготовъ оставили полуостровъ, стали массами переходить черезъ Дунай. Съ 400 года многочисленная шайка Гунновъ подъ предводительствомъ Уллина опустошала полуостровъ, гровила Константинополю, но по заключеніи мирныхъ условій съ Аркадіемъ (въ 404 г.) была, говорятъ, потомъ совсѣмъ истреблена ³⁾. Въ 408 г. гунскій вождь Уптаръ или Октаръ воюетъ уже на Рейнѣ противъ Бургундовъ. У Октара были три брата: Роась, Ойбаръ и Мундзукъ; они происходили изъ знатнаго гунскаго рода, рядомъ съ которымъ находились однако и другіе княжескіе роды; многіе гунскіе предводители появляются на правомъ берегу Дуная и вступаютъ въ римскую службу, вслѣдствіе чего господствующій родъ постоянно требуетъ отъ Римлянъ выдачи бѣжавшихъ гунскихъ князей ⁴⁾. Роась принялъ титулъ римскаго полководца; въ его правленіе придунайскіе подданные Гунновъ: Амилъзуры, Итимары, Туногуры и Боиски были приняты для посе-

¹⁾ *Köpke*, 118, *Pallmann*, 187 - 189,

²⁾ *Pallmann*, I. 189 и сл.

³⁾ *Шафарикъ*, Слав. древн. I т., ч. 2, стр. 251.

⁴⁾ *Hunfalvy*: Ethnographie von Ungarn, übertrag. von Schwicker. Budapest, 877. S. 72.

ленія во Фракію и Мизію ¹⁾. Но всего болѣе Гунны причинили вреда Балканскому полуострову въ правленіе знаменитаго племянника Роаса, сына Мундука, Аттілы (443—454), особенно въ пятилѣтіе между 442 и 447 годами; однако нашествіе Гунскихъ полчищъ всею массою Феодосію удалось предупредить мирными средствами. Эти вторженія Гунновъ увеличили раззореніе римскихъ придунайскихъ провинцій, и Гунны приложили свои руки къ истребленію населенія, но не оставались на Балканскомъ полуостровѣ: они или были истребляемы или уходили назадъ. Притомъ новыхъ племенъ за Дунай усилился съ распаденіемъ гунской державы; всѣмъ, искавшимъ мѣста для поселенія, римское правительство охотно отводило округа въ Мизіи, Фракіи, Иллиріи, которыя были раззорены и значительно обезлюжены въ предъидущихъ войнахъ. Такъ Сарматы съ Цемандрами и частью Гунновъ расселились въ Иллирію ²⁾; Скиры, Сатагары и «прочіе Аланы» заняли мѣста въ Малой Скииіи и Нижней Мизіи ³⁾; сынъ Аттілы, Эрнакъ, поселился съ толпою Гунновъ въ верхней части Малой Скииіи ⁴⁾; два другіе сына, Эмнедзаръ и Узиндуръ, въ Дакии прибрежной; переместились за Дунай съ своими отрядами еще Уто и Искальмъ ⁵⁾.

Въ темный въ исторіи Остготовъ періодъ со времени подчиненія Гуннамъ до распаденія гунской державы (376—454), они продолжали зависѣть отъ Гунновъ и притомъ настолько сильно, что должны были принимать участіе въ походахъ Гунновъ противъ Вестготовъ и Западной Имперіи ⁶⁾. По распаденіи гунской державы, Остготы, находившіеся въ то время подъ властью трехъ братьевъ изъ рода Амаловъ, выпросили у Императора вмѣстѣ съ денежной субсидіей землю въ Панноніи на правахъ федератовъ съ обязательствомъ защищать границы. Воюя съ Сатагами, Гуннами, Аллеманами, Спирами, Ругами, Гепидами и Сарматами ⁷⁾,

¹⁾ Прискъ, р. 166 ed. Вон; эти же имена приводитъ и Иорданъ, с. 24. *Дрминовъ*, Заселеніе, стр. 88.

²⁾ Iord., с. 50.

³⁾ Iord. ibid.

⁴⁾ Iord. ibid.

⁵⁾ Iord. с. 19.

⁶⁾ Iord. с. 38. *Dahn*: Die Könige der Germanen, I, 62.

⁷⁾ *Dahn*, I, 64.

какъ союзники Рима и въ интересахъ его, остготскіе короли тѣмъ не менѣ плоды побѣдъ обращали въ свою пользу, занимали для себя новыя земли и нарушали свои обязательства; особенно такъ умѣлъ дѣлать, воспитанный въ Византіи, одинъ изъ сыновей трехъ помянутыхъ братьевъ, знаменитый Теодорихъ. Повременамъ и римскія области терпѣли отъ набѣговъ союзниковъ, отчасти вслѣдствіе соперничества названнаго Теодориха, сына Валамира, съ Теодорихомъ Страбономъ, потомкомъ одного изъ прежде поселившихся знатныхъ Готовъ, отчасти вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и одеждѣ, при неспособности и нерасположеніи Готовъ къ правильной обработкѣ данной имъ земли ¹⁾). То воюя противъ Теодориха Страбона для охраненія интересовъ имперіи противъ его замысловъ, то вступая съ нимъ въ союзъ противъ той же самой имперіи,—то объявляемый врагомъ имперіи и вызывающій всѣ силы ея на борьбу съ собою, то получающій титулы, деньги и провинціи за услуги императору въ борьбѣ съ внутренними и вѣшними врагами, Теодорихъ много надѣлалъ хлопотъ Восточной имперіи, а Балканскій полуостровъ снова подвергся опустошенію ²⁾).

Съ удаленіемъ Теодориха въ Италію (481 г.), Балканскій полуостровъ освободился наконецъ отъ Готовъ, но слѣды ихъ пребыванія надолго сохранились какъ въ развалинахъ разрушенныхъ ими городовъ, такъ и въ остаткахъ нѣкоторой части Готовъ въ разныхъ мѣстахъ полуострова, особенно въ сѣверовосточныхъ; послѣднее можно было бы утверждать уже а ргіогі, но сохранилось не мало и прямыхъ указаній ³⁾).

Въ теченіе всего разсмотрѣннаго періода варварскихъ наше-

¹⁾ Мѣстности, гдѣ потомъ жили Остготы, прибрежная Дакія и Нижняя Мизія, были разграблены и опустошены. *Pallman*, II, 323. *Иорданъ* прямо говоритъ, что недостатокъ пищи и одежды заставилъ Остготовъ Теодориха грабить римскія провинціи. *Jord.* с. 53; с. 56: *Minuentibus deinde hinc inde vicinarum gentium spoliis coepit et Gothis victus vestitusque deesse, et hominibus, quibus dudum bella alimoniam praestitissent, paucos esse contraria, omnesque cum clamore magno ad Theodemir accedentes Gothi orant, quacunque parte vellet, ductaret exercitum.*

²⁾ *Dahn*, 68—73.

³⁾ Вотъ нѣкоторыя указанія: въ 492 году императоръ Анастасій посылаетъ войска противъ возбунтовавшихся Исаврійцевъ; они были набраны въ Мизію и Фракію; отправленъ былъ военачальникъ Іоаннъ Скенъ μετὰ πλήθος Σχυδων καὶ Γοτθικῆς καὶ Βασσικῆς χειρὸς (*Malalas*, XVI, p. 393 ed. Bonn): любопытное ука-

ствій и переселеній на Балканскій полуостровъ, обнимающаго время маркоманской войны, готскихъ сухопутныхъ и морскихъ набѣговъ III-го вѣка, движенія Вестготовъ, Гунновъ и Остготовъ въ IV и V вѣкахъ, нигдѣ не попадались намъ Славяне подъ ихъ собственнымъ именемъ. Но разныя соображенія заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ утверждать, что между племенами, переселявшимися на Балканскій полуостровъ въ теченіе этого періода были и Славяне, скрывавшіеся подъ другими именами. Отыскиваютъ славянскихъ переселенцевъ за Дунай двумя способами: съ одной стороны прямо объявляютъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ прежде племенъ Славянами, съ другой, не указывая прямо на славянство того или другаго изъ дѣйствовавшихъ въ это время варварскихъ племенъ, изъ результатовъ этого періода заключаютъ, что между переселенцами были и Славяне. Большая же часть авторитетныхъ ученыхъ начинаютъ исторію Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ съ конца V и начала VI вѣка, когда они появляются тамъ подъ своимъ именемъ.

Такъ или иначе отвѣчать на поставленный вопросъ положительно—весьма трудно. Ни древняя этнографія юговосточной части Европы, ни время великаго переселенія народовъ не выяснены въ должной полнотѣ и опредѣленности; извѣстія древнихъ писателей и другіе пригодные для этой цѣли матеріалы въ рукахъ изслѣдователей подвергаются самымъ разнообразнымъ операціямъ, но въ результатѣ пока рядъ самыхъ противорѣчивыхъ представленій предмета. Шлецеръ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ много потратилъ труда и времени на изученіе извѣстій о движеніи варварскихъ народовъ по сѣверному берегу Чернаго моря и Дунаю, но вынесъ отсюда только одно убѣжденіе, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ движеніи. Приводя эти слова Шлецера, Забѣлинъ говоритъ, что стоитъ только отбросить всѣ нѣмецкія предубѣжденія и дать мѣсто Славянамъ—тогда все ясно ¹⁾. Г. Забѣлинъ отбрасываетъ всѣ нѣмецкія предубѣжденія, даетъ мѣсто Славянамъ, особенно Русскимъ,—и у него почти всѣ древніе народы, упоминаемые древними писателями въ земляхъ, занятыхъ теперь славянскимъ міромъ, оказываются Сла-

---

заніе на составъ населенія занимающихъ насъ областей. Въ 502 году тѣмъ же императоромъ послано было противъ Персовъ отрядъ τῶν Γότθων τε καὶ Βεσθῶν καὶ ἑτέρων Θρακῶν ἔθνων. Theoph. p. 224 ed. Bonn.

¹⁾ *Забѣлинъ*: Исторія Русской жизни, ч. I, стр. 54.

вянами, начиная со Скивовъ и кончая Гуннами и Болгарами. Перечитывая изслѣдованія о древнѣйшей исторіи Славянъ, разъясняющія извѣстія иноплеменныхъ писателей, положительно приходишь къ убѣжденію, что въ этомъ лабиринтѣ именъ и народовъ можно добиться познанія хоть сколько нибудь удовлетворяющаго только собственнымъ изслѣдованіемъ источниковъ. Это сознаютъ навѣрно всѣ, кому приходится касаться историческихъ древностей и кого не можетъ удовлетворить послѣднее изслѣдованіе; но рѣдко кто берется за эту работу, да и трудно рѣшиться на такое дѣло, если имѣть въ виду достигнуть въ самомъ дѣлѣ положительныхъ результатовъ, которые могъ бы безъ колебанія принять и другой, потому что для изслѣдованій въ области древней этнографіи нужна главнымъ образомъ обширная лингвистическая подготовка. Собственно говоря, послѣ Шафарика не было ни одной попытки пересмотрѣть вопросъ о первоначальной исторіи Славянъ сполна, а между тѣмъ во многихъ пунктахъ результаты, добытые Шафарикомъ, не могутъ уже удовлетворять: съ тѣхъ поръ и матеріаловъ прибавилось, да и нѣкоторые приемы изслѣдованія не могутъ теперь вызывать полного довѣрія къ выводамъ; безъ общаго же пересмотра Славянскихъ древностей трудно уяснить начало исторіи и cadaго отдѣльнаго славянскаго племени. Правда, сдѣлана была М. Дриновымъ попытка пересмотрѣть вопросъ о заселеніи Балканскаго полуострова Славянами. Результаты, добытые Дриновымъ, К. Иречекъ въ своей извѣстной Исторіи Болгаръ называетъ совершенно неожиданными. Дѣйствительно, Дриновъ пришелъ къ новому выводу о времени первыхъ поселеній Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ сравнительно съ прежними изслѣдователями. Въ то время какъ Шафарикъ полагалъ, что Славяне начали селиться за Дунаемъ въ концѣ V вѣка, Рачкій—во время господства Гунновъ въ Дакии, Гильфердингъ—съ Готами въ IV вѣкѣ, Дриновъ утверждаетъ, что Славянскія поселенія на Балканскомъ полуостровѣ начались изслѣдъ за маркоманскою войною, во II и III вѣкѣ. Что дѣйствительно въ это время были сдѣланы поселенія въ Мизіи и Фракіи изъ-за Дуная, мы видѣли ранѣе; но переселившіяся племена не носятъ ни общаго имени Славянъ, ни имени одного изъ позднѣе извѣстныхъ Славянскихъ племенъ. Задача Дринова состояла въ томъ, чтобы доказать славянство нѣкоторыхъ изъ переселившихся пле-

мень или по крайней мѣрѣ, что въ то время въ Дакіи, откуда дѣлались переселенія, жили и Славяне. Въ известіяхъ писателей указывается масса именъ дѣйствовавшихъ въ это время варварскихъ племенъ на Дунаѣ, которыя обобщаются въ Нѣмцевъ, Даконъ, Гетовъ, Сарматовъ¹⁾. На чемъ же основываются доказательства славянства нѣкоторыхъ изъ нихъ? Оказывается, что они не представляютъ ни новыхъ сравнительно съ Шафарикомъ данныхъ, ни новыхъ приемовъ. Такъ собственныя имена *Peiso* и *Tsierna*, служащія однимъ изъ главныхъ столповъ, поддерживающихъ взглядъ, что Славяне издавна жили въ Дакіи и Панноніи, выдавалъ за славянскія Шафарикъ, но доказывалъ это такимъ путемъ, что другіе не хотятъ съ нимъ согласиться и съ такимъ же правомъ усваиваютъ эти слова другимъ языкамъ²⁾. Другое средство—объявленіе нѣкоторыхъ племенъ изъ этого періода Славянами—приемъ тоже не новый, да и выборъ падаетъ для производства въ Славянъ на тѣ же почти племена, кого выбралъ и Шафарикъ. Болѣе наглядно Шафарикъ доказалъ³⁾ вѣроятность славянства Карповъ, сблизивъ ихъ, черезъ посредство имени горъ Карпаты, съ позднѣйшими Хорватами, но, во-первыхъ, противъ этого производства возможны возраженія,⁴⁾ а во-вторыхъ, и самъ Шафарикъ не дока-

¹⁾ Вотъ имена племенъ, принимавшихъ участіе въ Маркоманской войнѣ по двумъ писателямъ: по Діону: Маркоманы, Квады, Языги; *Astingi, Costuboci, Dancrisi, Cotini, Burri, Naristae, Vandili*; по Капителину, кромѣ Маркомановъ и Квадовъ: *Victovali, Vandali, Narisci, Hermunduri, Svevi, Latringes et Borih* ali- que cum *Victovalis Sosibes, Sicobotes, Rhoxolani, Bastarnae, Alani, Peucini, Costoboci; Sarmati, Daci*. Выборъ очень богатый. См. *Wiettersheim: Geschichte d. Völkerwand.* II, 51—52.

²⁾ Кто не разбираетъ этихъ словъ и не высказывалъ сомнѣнія въ ихъ Славянскомъ происхожденіи? Миклошичъ по поводу *Tsierna* замѣтилъ: „Bei gutem Willen kann man ohne viel Scharfsinn selbst Mekka und Medina für Slavisch erklären“. *Die Slav. Ortsnamen aus Appelat. Sitzungsber. d. W. A. XXI, 77*. См. напр. Песлера: „Ueber die Zeitpunkt der Slav. Ansiedlung a. d. unter. Donau“. *Sitzsb. XXXIII, Iung: Die Römer und Romanen—S. 263—264*.

³⁾ Слав. Древн. I, ч. 2, стр. 59—69.

⁴⁾ Напр. покоренныхъ Скивами Каллиподовъ Геродота Эфоръ называетъ Карпадами (*Scyth. Ch. Fragm. 101—103*). Флигеръ сблизяетъ съ Карпами, Карподаками и тѣхъ и другихъ относитъ къ Фракіяцамъ, которые по Исихію всѣ вообще называются Карподіями. *Fliiger: Zur prähistorisch. Ethnologie d. Balkanhalbinsel, S. 10—11*.

зываетъ этимъ того, что доказываетъ Дриновъ. Но здѣсь по крайней мѣрѣ есть нѣкоторое сходство въ имени и вѣроятное совпаденіе мѣстожителства Карповъ съ позднѣйшими Хорватами. Дриновъ однако идетъ дальше. Уругунды—Уругундія Птоломея, Урги Страбона, Уроги Приска, Уругунды Зосимы, Уругунтаибъ Агаоія и Павла Діакона—по Цейсу Сарматы, по Тунмалу, Шафарыку пришедшая съ Волги въ V вѣкѣ «Уральская Чудь», они же Болгаре, по мнѣнію большей части старыхъ нѣмецкихъ ученыхъ все одни и тѣ-же нѣмецкіе Бургунды ¹⁾—по мнѣнію Дринова болѣе чѣмъ съ вѣроятностью могутъ быть причислены къ Славянамъ, такъ какъ издавна на одномъ и томъ же мѣстѣ живутъ осѣдло. Вотъ образчикъ противорѣчія ученыхъ въ опредѣленіи народности дѣйствовавшихъ въ разсматриваемое время племенъ. А къ какимъ результатамъ можетъ привести пріемъ—признавать древнія племена Славянами на томъ основаніи, что тамъ нынѣ живутъ Славяне, и при помощи свободного словопроизводства доказывать даже тождество древнихъ и новыхъ именъ—образчикъ этого можно найти въ книгѣ Забѣлина «Исторія Русской жизни»: у него напримѣръ—Бастарны—Быстриане ²⁾, Певкины—Буковины, а такъ какъ для автора и Вельтманъ служить филологическимъ авторитетомъ, то и Гунны легко превращаются въ Кіевлянъ.—Кромѣ Карповъ и Бургундіевъ, Дриновымъ признаны Славянами и еще нѣсколько племенъ, напримѣръ Костобоки, но доказательства не отличаются отъ вышеизложенныхъ, т. е. не отличаются ни новизною, ни убѣдительною.

Дриновъ нашелъ даже нѣкоторыя указанія на поселенія въ это время Славянъ за Дунаемъ въ мѣстныхъ именахъ, именно въ двухъ римскихъ дорожникахъ изъ IV вѣка: въ *Itinerarium Ierosolimitanum*—*Beodisum*, *Beodiso*—Водица, *Berozicha*, *Berozica*—Березица и въ *Itinerarium Antonini Pii*—*Bricize*, *Brendice* (*Priendice*)—та-же Березица и *Milolitum*—Мило Лито, *Cosintus*—Кошица, Кош-

¹⁾ Новѣйшіе нѣмецкіе ученые, признавая нѣмецкую народность этихъ племенъ, строго разграничиваютъ одно отъ другаго и не отождествляютъ всѣхъ съ Бургундами. См. *Jahn. Ab.*: Die Geschichte der Burgundionen und Burgundiens bis zum Ende der I Dynastie. Halle. 1874. В. I. 21—85.

²⁾ По Шафарыку I, 2, 102—Кельты, по Цейсу 127—129, Реслеру 23—24—Нѣмцы.

ница, еще *Ostudizum* ¹⁾). Конечно эти имена имѣютъ сходство со славянскими, но можно-ли ихъ выдавать несомнѣнно за таковыя? Приводятъ еще имена крѣпостей, называемыхъ Прокопѣмъ; но они извѣстны изъ VI вѣка и если Прокопій говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ были въ развалинахъ и требовали поправки, то изъ этого все-таки нѣтъ необходимости заключать, что Славяне, чтобы дать имъ свои имена, должны были поселиться въ III вѣкѣ.

Приводятся ешедоказательства старобытности Славянъ въ Дакии, а именно: у всѣхъ Славянъ есть преданія о Траянѣ или извѣстно имя Траяна, а также слово коляда, производимое изъ латинскаго *calendae*; изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что во—1-хъ, Славяне усвоили эти преданія и слово *calendae* въ то время, когда еще не раздѣлились на отдѣльныя племена, а во 2-хъ, что это могло случиться только въ Дакии, завоеванной Траяномъ, ибо нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Славяне не могли войти въ соприкосновеніе съ Римлянами; въ подтвержденіе этой мысли приводится извѣстное свидѣтельство Нестора о нашествіи Волоховъ на Дунай, причѣмъ подъ Волохами справедливо разумѣютъ Римлянъ, а не Кельтовъ, какъ думалъ Шафарикъ. Что касается до преданій о Траянѣ, то они могли быть усвоены Славянами и не въ Дакии у Дуная, и не во время Траяновыхъ войнъ, а гораздо позже. У Сербовъ и Болгаръ преданія о Траянѣ многочисленнѣе, чѣмъ у другихъ Славянъ, и они могли быть усвоены отъ прежнихъ жителей занимаемыхъ ими странъ, а для объясненія появленія Траяна въ Словѣ о Полку Игоревѣ есть другой, болѣе простой путь. Повсей вѣроятности упоминаніе Траяна въ Словѣ основывается не на народныхъ русскихъ сказаніяхъ, а взято изъ книжнаго источника. Источникъ этотъ опредѣляется различно. Проф. Вс. Миллеръ въ книгѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ предполагалъ, что авторъ слова черпалъ *старья словеса* изъ византійско-болгарскаго легендарнаго источника. По мнѣнію Проф. А. Н. Веселовскаго источникомъ для автора Слова были очень распространенныя въ среднія вѣка сказанія о Троянской войнѣ ²⁾). Слово *calendae* также нѣтъ надобности

¹⁾ *Дримоу*: Заселеніе, 45—46, *Jireček*: Die Heerstrasse v. Belgrad nach Constantinopel. Приложение.

²⁾ См. рецензію А. Н. Веселовскаго на книгу Вс. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. Августъ 77 г. Въ статьѣ „По поводу Трояны и Боана въ С. о П. И.“ (въ томъ же журналѣ, декабрь 1878 г.). Вс. Миллеръ, видоизмѣняя прежнее свое

относить ко времени до раздѣленія славянъ; оно могло проникнуть уже послѣ принятія христіанства и кто же нижнимъ путемъ. Подъ нашествіемъ Волоховъ Нестора, если свидѣтельство его имѣетъ какую либо историческую основу, можно было бы разумѣть походы Траяна только въ томъ случаѣ, если бы изъ другихъ источниковъ было доказано, что въ то время дѣйствительно по Дунаю жили Славяне, а безъ этого оно должно пока остаться загадкой¹⁾.

Такимъ образомъ «неожиданные результаты» Дринова основываются или на старыхъ доказательствахъ или на такихъ новыхъ, которыя не имѣютъ характера убѣдительности и допускаютъ возраженія.

Иречекъ, принявшій взглядъ Дринова въ нѣмецкомъ изданіи своей книги, въ рускомъ изданіи, значительно переработанномъ, очевидно подъ вліяніемъ рецензіи Томашка, говоритъ, что «вопросъ этотъ нельзя еще считать рѣшеннымъ»²⁾. И онъ останется нерѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока будетъ разсматриваться отдѣльно³⁾.

мнѣніе о происхожденіи южно-славянскихъ сказаній о Троянѣ, сближаетъ ихъ съ древними Фригійскими сказаніями о Мидасѣ. На возможность распространенія сказаній о Троянѣ у Славянъ путемъ апокрифической литературы указалъ Томашекъ въ рецензіи на Иречка: *Zeitschrift für Oesterr. Gymnas.* 1877. S. 674 и слѣд. Сравни Юма стр. 259 – 261.

¹⁾ Къ рѣшенію этой загадки можетъ послужить разъясненіе вопроса о происхожденіи Румынъ, именно точнѣйшее опредѣленіе времени переселенія ихъ съ Балканскаго полуострова, гдѣ они несомнѣнно образовались. Ниже увидимъ нѣсколько указаній на очень раннія, сравнительно съ мнѣніемъ Реслера, переселенія на сѣверный берегъ Дуная.

²⁾ *Иречекъ*: *Исторія Болгаръ*, переводъ Палаузова и Бруна. Одесса, 1878 г. стр. 92. Въ этомъ изданіи онъ сдѣлалъ много уступокъ, но не отказался отъ основнаго взгляда, оттого впалъ въ противорѣчіе. Такъ разсужденіе о Троянѣ въ новомъ изданіи онъ добавляетъ замѣчаніемъ, что имя этого цара сдѣлалось извѣстнымъ у Славянъ не только вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія съ Римлянами, но и другимъ путемъ, какъ напримѣръ у Чеховъ, „которые никогда не приходили въ столкновеніе съ римскими провинціалами и никогда не обитали въ странахъ, прежде подвластныхъ Римлянамъ“. Стр. 96. Для объясненія же слова колада у Славянъ, въ томъ числѣ и у Чеховъ, онъ утверждаетъ, что „единственный вѣроятный пунктъ для соприкосновенія съ Римлянами была Дакия во времена Римскаго владычества“. Стр. 97.

³⁾ Необходимо разъяснить вообще древнюю этнографію юговосточной Европы,

Итакъ, мнѣніе о поселеніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ уже во II и III вѣкахъ, до начала т. н. великаго переселенія народовъ, на чемъ особенно настаиваетъ Дриновъ, приходится считать недоказаннымъ.

Гильфердингъ полагаетъ, что Славяне проникли въ первый разъ за Дунай вмѣстѣ съ Готами, когда послѣдніе уходили туда отъ Гунновъ въ концѣ IV вѣка (въ 375 г.), и потомъ продолжали переселяться въ V вѣкѣ¹⁾; Рачкій согласенъ только со второю половиною этого мнѣнія, предполагая начало славянскихъ поселеній за Дунаемъ во время господства Гунновъ, съ которыми они пришли къ Дунаю и оттуда проникли въ Мизию²⁾.

Какъ мы видѣли, большія переселенія варваровъ за Дунай, находившихся подъ властью Гунновъ, произошли во второй половинѣ V вѣка, по смерти Атиллы (454). Но и здѣсь мы не встрѣчаемъ ни общаго имени Славянъ, ни позднѣйшихъ славянскихъ племенныхъ именъ. И здѣсь Славяне только предполагаются, но съ большею вѣроятностью, чѣмъ въ предыдущее время, такъ какъ вскорѣ, въ началѣ VI вѣка, они являются уже подъ своимъ именемъ. Въ доказательство приводятся собственныя имена, личныя и мѣстныя, но не всѣ они имѣютъ доказательную силу. Если и признать имена начальниковъ римскихъ расположенныхъ во Фракіи войскъ (въ 469 г.) *Ἀναγαστος* и *Ἰουστου*—славянскими Оногостомъ и Оструемъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они происходили изъ поселенцевъ Мизіи и Фракіи: они могли попасть издалека, отдѣльно. Имена полководцевъ Юстиніана, дѣйствовавшихъ около 555 года въ Персидской войнѣ *Δαβραγέζας Ἄντης ἀνήρ*, *Οὐστύαρδος* и *Σουαρούνας Σκλάβος ἀνήρ* (Доброгость, Всеградъ и Сварунъ), родившихся очевидно въ началѣ VI вѣка, еще

какъ и было замѣчено выше. Этого не могутъ достигнуть историки на основаніи однихъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ и толкованія, большею частію произвольнаго, сообщаемыхъ ими народныхъ, личныхъ и мѣстныхъ именъ. На помощь должна придти археологія и лингвистика. Для послѣднихъ должны служить матеріаломъ не то или другое имя или слово, а вся совокупность извѣстныхъ изъ авторовъ, а главнымъ образомъ изъ надписей именъ и словъ. Для облегченія этой трудной и громадной работы полезно было бы сдѣлать собранія въ одно цѣлое лингвистическаго матеріала какъ изъ авторовъ, такъ особенно изъ греческихъ и латинскихъ надписей, которыхъ теперь открыто уже довольно много.

¹⁾ *Гильфердингъ*, Собр. соч. I, 6.

²⁾ *Ratki*: *Nacrt jugosl. povjestn. do IX stol. в Ark. за pov. jugosl. IV, 291.*

менѣ могутъ доказывать, что Славяне при Готахъ или Гуннахъ поселились на Балканскомъ полуостровѣ, потому что опять таки неизвѣстно мѣсто ихъ родины. Имена крѣпостей, упоминаемыхъ Прокопьемъ, во первыхъ не такъ легко объяснить изъ Славянскаго языка, а во-вторыхъ, они могли возникнуть неособенно рано, то есть въ концѣ V или началѣ VI вѣка, такъ какъ придти въ развалины, при частыхъ набѣгахъ, онѣ могли очень скоро ¹⁾. Остаются личныя и мѣстныя имена, связанныя съ происхожденіемъ императора Юстиніана. Но такъ какъ мы знаемъ ихъ изъ сомнительнаго источника и даже самъ Иречекъ во второмъ изданіи своей книги отказывается признать Славянское происхожденіе Юстиніана, то основывать на нихъ заключеніе о Славянскихъ поселеніяхъ въ Дарданія очень трудно ²⁾.

Итакъ, съ увѣренностью мы не можемъ утверждать и того, что славянскія поселенія на Балканскомъ полуостровѣ появились во время переходовъ туда Готовъ и Гунновъ, но несомнѣнно въ это время, въ V вѣкѣ, Славяне приблизились къ римскимъ границамъ и отдѣльными личностями, а можетъ быть и цѣлыми партіями вступали въ римскую службу.

¹⁾ См. *Шафарикъ* II, 1, 257, *Дримоу*: Заселеніе, 45—47, *Иречекъ*, русское одесское изданіе, стр. 99—100.

²⁾ *Иречекъ*, тамъ же, стр. 101. Сравн. ідія замѣчанія В. Томаша въ рец. на книгу Иречка: *Zeitschr. f. Oest. Gymnas.*, 1877, стр. 675. Объясняютъ эти имена иначе, считая родъ Юстиніана еракійскимъ. *Tomasek*: *Zeitsch.* 1874, S. 658. *Fligier*: *Zur prähist. Ethn. d. Balkanhalbins.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общій характеръ періода отъ конца V вѣка до половины VII. — Первые набѣги Болгаръ и появленіе Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. — Набѣги ихъ на Балканскій полуостровъ до половины VI вѣка. — Мѣры противъ нихъ со стороны римскаго правительства. — Появленіе Аваровъ на Дунаѣ; отношенія ихъ къ Славянамъ; аварскіе и славянскіе походы въ предѣлы имперіи. — Политика Мавркія и Ираклія; переселеніе Сербовъ и Хорватовъ. — Сухопутные и морскіе походы балканскихъ Славянъ въ VII вѣкѣ. — Отношеніе славянскихъ поселенцевъ Балканскаго полуострова къ мѣстнымъ жителямъ въ связи съ политикою Византійской имперіи.

Въ сосѣдствѣ съ Византійскою имперіею Болгаре появляются ранѣе, чѣмъ Славяне подъ своимъ именемъ. Затѣмъ тѣ и другіе дѣлаютъ набѣги на римскія владѣнія. Далѣе появляются на Дунаѣ Авары, зависимости отъ которыхъ подвергаются какъ Болгаре, такъ и Славяне. Набѣги двухъ послѣднихъ народовъ продолжаются и при Аvaraхъ, иногда вмѣстѣ съ ними. Наконецъ, аварское владычество слабѣетъ, Славяне дѣйствуютъ независимо, равно какъ и Болгаре. Послѣ временныхъ набѣговъ Славянъ и Болгаръ, послѣдніе, наконецъ, перебираются за Дунай на постоянное жительство и при этомъ встрѣчаютъ тамъ осѣдлыхъ Славянъ, о поселеніи которыхъ прямо нигдѣ не говорится. Вотъ общій обзоръ событій. Подробности должны разъяснить то, чего прямо не находимъ въ извѣстіяхъ, то-есть, когда и какъ Славяне расселились на Балканскомъ полуостровѣ. Равнымъ образомъ отношеніе между Болгарами и Славянами выяснится лучше, если разсмотримъ извѣстія о тѣхъ и другихъ параллельно.

Первое извѣстіе о появленіи Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ относится къ 482 году, когда императоръ Зенонъ пригласилъ ихъ на помощь противъ Остготовъ, занимавшихъ тогда подунайскія провинціи; но одинъ изъ предводителей ихъ, именно Теодорихъ сынъ Триарія, обратился противъ нихъ и нанесъ пораженіе. Другое пораженіе Бол-

гаре потерпѣли отъ Теодориха при переходѣ Остготовъ въ Италію (488) ¹⁾. Въ царствованіе императора Анастасія Болгаре нѣсколько разъ дѣлали нападенія на римскія провинціи. Такъ въ 499 году, опустошая Фракію, Болгаре разбили римскаго полководца Ариста, имѣвшаго большое войско; такое же нападеніе повторилось и въ 502 году ²⁾; въ 514—515 годахъ Болгаре и Гунны принимаютъ участіе въ возстаніи Виталиана противъ Анастасія ³⁾. Въ 493 и 517 году упоминается о нападеніи какихъ-то Скивовъ или Гетовъ ⁴⁾, опустошавшихъ Македонію, Фессалію, Эпиръ и Элладу до Термопиль. По мнѣнію Реслера, главными предводителями были тутъ Болгаре ⁵⁾, Дриновъ думаетъ, что тутъ были и Славяне, на томъ основаніи, что, по объясненію Симокаты ⁶⁾, древнѣйшее имя Славянъ было Геты, а по свидѣтельству Провопія ⁷⁾, собственно Славяне живутъ на сѣверъ отъ Дуная и западъ отъ Днѣстра, а это и есть древняя Гетія или впоследствии Гетская пустыня ⁸⁾. Императоръ Анастасій ограничился защитой столицы, построивъ извѣстную стѣну отъ Силиврии на Мраморномъ морѣ, до Дербона—на Черномъ; страна же къ сѣверозападу отъ нея не была защищена, такъ что Славяне и Болгаре могли сво-

¹⁾ О приглашеніи Болгаръ Зенономъ противъ Готовъ упоминаетъ Іоаннъ Антиохійскій (Fragm. hist. Graec. ed. Didot, t. IV, p. 619): 'Η τῶν Θεοδορίων (сына Виламира и сына Триарія) σοφία αὐτῶν τὰ Ῥωμαίων ἐτάραττε καὶ τὰς περὶ τὴν Θράκην πόλεις ἐξέπόρθει, ὡς ἀναγκασθῆναι τὸν Ζήνωνα τότε πρῶτον τοὺς καλούμενους Βουλγάρους εἰς συμμαχίαν προτρέψασθαι.—О побѣдахъ надъ Болгарами Теодориха упоминаютъ Кассиодоръ и Эннодій—въ Panegyricus Theodorico dictus, въ приложеніи къ *Manso: Gesch. d. Ostg.* p. 456—457, *Dahn: Die Könige d. Germ.* II, 78, сравн. *Roesler: Romän. Stud.* S. 234.

²⁾ По свидѣтельству Комиса Марцеллина, у *Roncall. Vetust. latin. script.* Chron. II.

³⁾ Свидѣтельство Теофана. Chron. p. 222 ed Bonn.

⁴⁾ Скивами или Гетами называетъ ихъ Марцеллинъ, *ibid.* подъ 494 годомъ. Теофанъ указываетъ на опустошенія Болгаръ: τοῦτ' ἐπ' ἔτει καὶ οἱ καλούμενοι Βούλγαροι τῶ Ἰλλυρικῶ καὶ Θράκῃ ἐπιτρέχουσι πρὶν γινωσθῆναι αὐτούς, ed. Bonn. p. 222.

⁵⁾ *Roesler: Rom. Stud.* S. 234.

⁶⁾ Theoph. Simoc. L. VII, 2.

⁷⁾ Procop. De bell. Goth. L. III, c. 14.

⁸⁾ *Дриновъ: Заселеніе*, стр. 90, 94. Но полагаться на это объясненіе нельзя съ увѣренностью, такъ какъ византійскіе писатели народныя имена употребляютъ не держась определенной системы.

бодно въ нее вторгаться. При Юстинѣ I (518 — 527) эти дѣла находились въ такомъ же положеніи.

При Юстиніанѣ (527 — 565) Болгаре почти не упоминаются подъ своимъ именемъ, потому что главные источники для исторіи войнъ этого времени — Византійцы Прокопій, Агаеій, Менаандръ — не знаютъ этого имени; оно извѣстно только латинскимъ писателямъ — Комису Марцеллину и Гордану; первый Византіецъ, упоминающій имя Болгарь (за исключеніемъ Іоанна Антіохійскаго), есть Фефилактъ Симоката. Ихъ нужно искать въ Гуннахъ — Кутургурахъ, Утургурахъ и другихъ названіяхъ. Изъ неупоминанія имени Болгарь по этому нельзя дѣлать заключенія, что они набѣговъ больше не дѣлали. Прокопій говоритъ, что со времени воцаренія Юстиніана I не было ни одного года, чтобы Гунны, — очевидно Болгаре, — Славяне и Анты не дѣлали набѣговъ на Илирію; Фракію, Элладу и Херсонезъ ¹⁾. О набѣгахъ Гунновъ и въ частности Утургуровъ и Кутургуровъ у Прокопія упоминается нѣсколько разъ; они вводили много Римлянъ въ плѣнъ; Кутургуры дѣлали набѣги иногда вмѣстѣ съ Гепидами; Юстиніанъ для ослабленія Кутургуровъ и Утургуровъ и отвлеченія ихъ отъ набѣговъ на римскія провинціи возбуждалъ между ними взаимную вражду; часть побѣжденныхъ своими соплеменниками Утургурами Кутургуровъ поселена была Юстиніаномъ во Фракіи: вотъ первое поселеніе Болгарь на Балканскомъ полуостровѣ! Эти поселенцы оказались потомъ полезными защитниками Римлянъ отъ варваровъ ²⁾.

Съ началомъ царствованія Юстиніана I начинается рядъ извѣстій о набѣгахъ на римскія провинціи Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ, преимущественно у Прокопія. Славяне и соплеменники ихъ Анты, какъ видно изъ свидѣтельствъ Прокопія и Маврикія, въ VI в. занимаютъ всю страну, къ сѣверу отъ Дуная, отъ Панноніи на востокъ до Днѣстра и далѣе. Отсюда, т. е. изъ древней Дакіи, новѣйшихъ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи, они дѣлаютъ непрерывные набѣги за Дунай. Въ первый годъ царствованія Юстиніана (527) Анты, восточная вѣтвь Славянъ, переправились черезъ Дунай, опустошили Фракію; но были разбиты и прогнаны полководцемъ Германомъ, котораго съ тѣхъ поръ, по словамъ Прокопія, боялись Славяне и Анты ³⁾. Спустя четыре года (531) Юстиніанъ назна-

¹⁾ Procop. Hist. arc. c. 18.

²⁾ Procop. De b. G. Lib. IV, c. 18, 19, сравн. c. 27.

³⁾ ibid. lib. III, c. 40.

чилъ правителемъ Фракіи своего родственника, храбраго полководца Хильвуда (или Хвилибуда), родомъ Анта, и спеціально поручилъ ему охранять переправу черезъ Дунай, такъ какъ Славяне не прекращали своихъ вторженій; Хильвудъ съ успѣхомъ отражалъ Славянъ, но переправившись въ 533 году за Дунай слишкомъ далеко углубился въ славянскую землю и былъ убитъ. Это опять открыло свободный доступъ Славянамъ на Балканскій полуостровъ ¹⁾; уже около 535 года Славяне снова опустошаютъ Фракію ²⁾. Въ ближайшіе годы опять различные варварскіе народы, именно: Гунны (Болгаре), Славяне и Анты, по словамъ Прокопія, такъ далеко проникли въ глубь полуострова, что пробрались чрезъ Фермопилы, доходили до Истма и вернулись съ большою добычею и множествомъ плѣнныхъ; въ этомъ набѣгѣ принимали участіе и Гепиды, главное мѣстопробываніе которыхъ въ то время находилось около Сиріи; набѣгъ этотъ захватилъ такую площадь, что часть варваровъ, разрушивъ Кассандру и укрѣпленія Фракійскаго Херсонеза, переправилась черезъ Дарданеллы въ Малую Азію ³⁾. Отдѣльные отряды Славянъ бродили въ разныхъ мѣстахъ полуострова. Такъ, въ 546 г., отрядъ союзныхъ имперіи Геруловъ (имѣвшихъ мѣстопробываніе въ окрестностяхъ Сингидона), на пути въ Эпидамнъ для отправленія съ Велизаріемъ въ Италію, неожиданно наткнулся въ западной Фракіи на отрядъ Славянъ, перешедшихъ Дунай и забравшихъ много плѣнныхъ; Герулы прогнали ихъ назадъ ⁴⁾. Около этого времени Юстиніанъ ведетъ переговоры съ Антами о защитѣ границъ имперіи отъ набѣговъ Гунновъ (Болгарь), обѣщая уступить имъ построенный Траяномъ Туррисъ (вѣроятно Турнъ, при устьѣ Алуты); поводомъ къ переговорамъ послужило появленіе у Антовъ самозванца Хвилибуда, выдававшего себя за извѣстнаго стратега Мизіи и Фракіи, но переговоры эти кончились случайнымъ разоблаченіемъ самозванца Нарзесомъ ⁵⁾. Въ 548 году подвергается нападенію Западная часть полуострова: Сла-

¹⁾ *ibid.* с. 14.

²⁾ *Proc. V. G. L. III, с. 13. Шафарикъ, II, ч. I, стр. 243.*

³⁾ *Procopius. De B. Pers. L. II, с. 4*; относить этотъ набѣгъ къ 538—539 году; см. *Zeiss, G. 596; Herzberg Gesch. d. Griech. im Mittelalt. I, стр. 90.*

⁴⁾ *Procop. De B. G. L. III, с. 13.*

⁵⁾ *De b. S. L. IV, с. 14.* Про Туррисъ, построенный Траяномъ, Прокопія

яне вторгаются въ Иллирію и проникаютъ до Эпидамна ¹⁾. Черезъ два года отрядъ Славянъ, перешедши Дунай, проникаетъ за Мадрицу и, раздѣлившись на двѣ части, грабятъ Иллирію и Фракію; при этомъ нападении взятъ былъ городъ Топирь на Эгейскомъ морѣ, при чемъ женщины и дѣти уведены были за Дунай ²⁾. Вскорѣ (въ 552 г.) черезъ Дунай переправилось гораздо многочисленнѣйшее войско Славянъ и, пробравшись до Ниша, разсѣпалось по окрестностямъ для грабежа; въ Софіи стоялъ тогда полководецъ Германъ, готовившійся къ походу въ Италію; отъ захваченныхъ Славянъ онъ узналъ, что цѣль похода — захватить Солунь и ея окрестности; Германъ получилъ приказаніе дѣйствовать противъ Славянъ; послѣдніе издавна боялись Германа и, отложивъ походъ на Солунь, направились въ Иллирикъ и стали грабить; случившаяся въ то время смерть Германа благоприятствовала Славянамъ, и они, соединившись со вновь пришедшими изъ-за Дуная толпами, занялись опустошеніемъ всего полуострова и распоряжались на римской землѣ такъ свободно, что оставались даже на зимовку; многіе изъ Римлянъ, по словамъ Прокопія, думали, что Славянъ подбужилъ къ этому готскій король Тотила, чтобы создать Римлянамъ постоянное препятствіе и затрудненіе при отправкѣ войскъ въ Италію; только у Анастасіевой стѣны Славяне встрѣтили сопротивленіе и ушли назадъ съ огромною добычею. ³⁾ Славяне вторгались и въ слѣдующемъ году въ Иллирію, причемъ Гепиды перевозили ихъ на своихъ судахъ черезъ Дунай за деньги ⁴⁾. Въ 559 г. масса варваровъ вторгается во Фракію и, раздѣлившись на три части, опустошаетъ Македонію, Эладу и Херсонезъ и во главѣ съ Заверганомъ угрожаетъ столицѣ, которую спасъ Велизарій; непріатели при осадѣ столицы пробовали даже подступить къ ней на лодкахъ; Заверганъ взялъ выкупъ за отступленіе и выдачу плѣнныхъ. Варварами этии

говорить: ἔρχονται δὲ ἐπιβήμενοι ἐκ παλαιῆς ὁδοῦ, λιθοβαρέων ἀπὸ τῶν ταύτην βαρβάρων, — вотъ какова была судьба Траяновскихъ городовъ въ Даніи, гдѣ будто бы держалось еще романизованное мѣстное населеніе.

¹⁾ Proc. V. G. L. III, с. 29.

²⁾ ibid. с. 38.

³⁾ Procop. V. G. L. III, с. 40.

⁴⁾ ibid. L. IV, с. 25.

были Славяне и Болгаре, которыхъ вѣроятно слѣдуетъ разумѣть подъ Гуннами ¹⁾).

Вотъ главныя вторженія Славянъ, Антовъ и Гунновъ (Болгаръ) въ римскія провинціи Балканскаго полуострова при Юстиніанѣ до появленія Аварь. Если уже въ предшествовавшую эпоху варварскихъ движеній на Балканскій полуостровъ нѣкоторая часть варваровъ могла быть изъ Славянъ и оставаться навсегда, то въ теченіе первой половины VI вѣка, во время непрерывныхъ набѣговъ Славянъ и Болгаръ, поселеній ихъ въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и другихъ областяхъ было несомнѣнно гораздо болѣе. Прежде Славяне, если они попадались между другими варварами, оставаясь на жительство въ предѣлахъ имперіи, не могли долго сохранять свою національность, подвергаясь вліянію еще твердаго романизованнаго элемента; теперь же послѣ сильнаго ослабленія мѣстныхъ элементовъ вслѣдствіе продолжительныхъ раззореній, Славяне могли основывать поселенія большими массами. Но такіе новыя поселенцы только тогда могли быть желательны для Римлянъ, когда имъ вполне повиновались. Понятно, что государство должно было приложить свои старанія, чтобы притекающіе варвары осѣлись на мѣстѣ, прекратили грабежи и раззоренія городовъ и изъ подвижныхъ скитальцевъ какъ можно скорѣе сдѣлались мирными земледѣльцами или послушными воинами. Отсюда то вытекають различныя мѣры со стороны римскаго правительства къ поддержанію и установленію порядка въ странѣ. Къ числу этихъ мѣръ относятся и постройки Анастасія и Юстиніана, сооруженіе стѣнъ и и крѣпостей. Обыкновенно смѣются надъ Анастасіемъ и Юстиніаномъ, что они строили стѣны для защиты столицы: „вотъ памятникъ безсилія и трусости!“ восклицаютъ даже древніе писатели. Но мнѣ кажется, что это не столько памятникъ безсилія или трусости, сколько особаго, Римлянамъ только свойственнаго государственнаго смысла. Говорятъ обыкновенно, что Римляне убирались за эти стѣны, такъ какъ боялись варваровъ. Но едвали они дѣлали это изъ боязни варваровъ; они умѣли только примѣняться къ обстоятельствамъ, знали, какъ лучше обойтись съ ними въ томъ или другомъ случаѣ. Юсти-

¹⁾ Объ этомъ походѣ у Агавія Lib. V. c. 11, ed Bonn. p. 209 и сл., Викт. Тунну. Ronsall. vet. latin. scr. chron. II, 377, также у Теофана подъ означеннымъ годомъ; подвигъ Велизарія отлично объясненъ у Фимлегъ: Грец. подъ Рим. влад., русск. переводъ стр. 229—232.

нианъ строить или возстановляетъ крѣпости по Дунаю, затѣмъ проводитъ еще двѣ линіи укрѣпленій внутри страны ¹⁾). Цѣль очевидно была та, чтобы держать въ рукахъ варварскіе народы, переходившіе на римскую территорію и не давать имъ возможности дѣлать нападенія на большіе города массою; эти укрѣпленія всегда были бы отличнымъ опорнымъ пунктомъ для Римлянъ. Римлянамъ вовсе не было надобности во что бы то ни стало выжить варваровъ изъ своихъ провинцій, а потому и прикрыть городъ стѣною вовсе не было лишнимъ, когда они хорошо знали, что по сосѣдству съ нимъ начинаются варварскія поселенія. Рассказывая о постройкахъ Юстиніана, Прокопій зачѣпаетъ, что Славяне въ это время жили уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри страны, они захватывали римскія крѣпости и изъ этихъ убѣжищъ грабили окрестности и подстерегали проѣзжающихъ; такъ они захватили во Фракіи крѣпость Адину и Олмиты въ Малой Скіи ²⁾; въ сосѣдствѣ Филиппополя и Плотинополя также жили варвары, но какъ близко, изъ словъ Прокопія не видно ³⁾. И конечно Римлянамъ удалось бы совладѣть съ этими внутренними варварами, удалось бы вполне подчинить ихъ своимъ началамъ, еслибы запасъ ихъ за Дунаемъ не былъ безконеченъ и еслибы можно было въ построенныхъ Юстиніаномъ укрѣпленіяхъ оставить достаточныя гарнизоны, чего нельзя было сдѣлать по причинѣ войнъ Юстиніана въ другихъ мѣстахъ ⁴⁾. Такимъ образомъ надо полагать, что уже въ концѣ V и первой половинѣ VI вѣка часть дѣлавшихъ набѣги Славянъ оставалась на римской землѣ; кромѣ Славянъ, поселялись и Болгаре если ихъ можно видѣть въ Кутургурахъ, о поселеніи которыхъ упо-

¹⁾ Вторая линія укрѣпленій Юстиніана соединяла города *Taugesium*, *Ulriana* *Germana*, *Gerdica*, третья линія шла по Македоніи и Фракіи. *Herzberg: Gesch. d. Griechenl.*, I, 90—91.

²⁾ *Procop. De Aedif. lib. IV, 7: Καί φρούριον Ἄδινα καινούργησας... ἐπεὶ διενηκῆς διαλανθάνοντες Σκλαβηνοὶ βάρβαροι ἐνεδρεούοντες κερκρομμένους ἀεὶ τοὺς τῆδε ἰόντας ἄβατα ἐποίουν τὰ ἐκεῖνη χωρία.* О городѣ 'Олмитѣн' ѡнома 'Прокопій говоритъ: βαρβάρων δὲ Σκλαβηνῶν ἐπὶ χρόνου μῆκος ἐκεῖνη τὰς ἐνέδρας πεποιηκότων διατριβῆν τε αὐτόθι ἐπὶ μακρότατον ἐσυχρότων, ἐρημὸν τε παντάκασι γέγονε. *Ibid.* p. 298 ed. Bonn.

³⁾ *De Aedif. IV, 11.* Сравни. *Дринова*, Заселеніе, стр. 96—98.

⁴⁾ Нужно признать также, что къ концу царствованія Юстиніана не всѣ распоряженія согласовались одно съ другимъ: тратя громадныя суммы на постройки, онъ сокращалъ армію, въ крѣпостяхъ мало было гарнизоновъ. *Филлей*, *ibid.* стр. 230.

мянуто выше. Уже здѣсь нужно замѣтить, что Славяне и Болгаре встрѣчаются на Дунаѣ вмѣстѣ съ конца V вѣка и дѣйствуютъ часто за одно, слѣдовательно здѣсь уже есть моменты къ ихъ взаимному сближенію и вліанію.

Укрѣпляясь внутри страны, Юстиніанъ старался уменьшить и ослабить внѣшнихъ враговъ и при помощи политическихъ мѣръ. Такъ онъ пробовалъ склонить къ союзу Антовъ, обѣщая формально признать за ними страну къ сѣверу отъ Дуная, которою фактически они уже владѣли ¹⁾. Заключивъ союзъ съ Утургурами, онъ побуждалъ ихъ къ войнѣ съ родичами Кутургурами, которые такъ часто дѣлали набѣги на римскія провинціи ²⁾. Но самый замѣчательный союзъ заключенъ былъ Юстиніаномъ съ Аварами, по предложенію послѣднихъ, въ 559 году; цѣль союза состояла въ борьбѣ съ врагами имперіи на Дунаѣ. Авары играли очень важную роль въ судьбѣ южныхъ Славянъ, такъ что обойти ихъ совершенно невозможно.

Первое упоминаніе объ Авахъ находится у Приска (V в.), который говоритъ, что Авары, тѣснимые другими восточными племенами, двинулись на западъ, напали на Савировъ и другіе гунскіе народы ³⁾. Въ VI в. Турки завоевали страны между Азовскимъ и Каспійскимъ морями и стали тѣснить Аваровъ; послѣдніе не желая подчиняться этимъ завоевателямъ, «послѣ долгаго скитанія», по словамъ Менандра (отрыв. 4), переправившись черезъ Волгу, завели сношенія съ Юстиніаномъ, который съумѣлъ заставить ихъ «дѣйствовать противъ враговъ имперіи». Двинувшись на западъ, Авары воевали съ Утигурами и Кутигурами около Азовскаго моря, съ славянскими Антами на Днѣпрѣ и чрезъ верховья Днѣстра и Карпатскія ущелья,

¹⁾ Римляне продолжали всегда считать своими провинціи, занятія варварами, если онѣ прежде входили въ составъ имперіи, и только тогда признавали ихъ за варварами, когда послѣдніе обѣщались быть въ союзѣ (федерации), что съ римской точки зрѣнія обозначало зависимость; замѣчательно, что сами варвары не отрицали этого притязанія Римлянъ.

²⁾ *Менандръ*, Отрывки о посольствахъ, отрыв. 3, стр. 320 русск. перев.

³⁾ Извѣстій объ Авахъ имѣется довольно много, такъ что исторія ихъ значительно легче, чѣмъ другіхъ варваровъ того времени, напр. Болгаръ. Особенно важны свѣдѣнія, сообщаемыя Менандромъ. Собрано все объ Авахъ изъ Византійцевъ у *Stritter'a* I, § 85, у *Zeiss'a* S. 727—742, у Шафарика II, 1, стр. 91—99.

тамъ же, гдѣ вполсѣдствіи шли Угры, пробрались въ область Тиссъ ¹⁾; далѣе на Эльбѣ они перешли франкскую границу и одержали побѣду надъ королею Сигибертомъ. Приглашенные Лангобардами противъ Гепидовъ, они овладѣли землею послѣднихъ, а потомъ всею Панноніею и повнѣйшею Угріею, когда Лангобарды ушли въ Италію. Владѣя землями на огромномъ пространствѣ, Авары основали на Дунаѣ и Тиссѣ при долготѣннемъ правленіи Баяна сильное государство.

Славяне, жившіе въ сѣверу отъ Дуная и дѣлавшіе набѣги на римскія провинціи въ первой половинѣ VI вѣка, считались теперь въ зависимости отъ Аваръ, но эта зависимость, какъ оказывается изъ дальнѣйшихъ событій, была не прочная. Правда, послы аварскіе говорятъ наприимѣръ Юстину въ 565 г.; «мы истребили разомъ тѣхъ сосѣднихъ намъ варваровъ, которые постоянно разоряли Фракію, и не остается изъ нихъ болѣе ни одного, кто бы нападалъ на предѣлы фракійскіе» ²⁾, но эти хвастливыя слова вовсе не оправдываются событіями. Такъ, послы Лангобардскаго короля Албоина, уговаривая аварскаго кагана Баяна вступить съ ними въ союзъ, ставятъ ему на видъ то, что онъ будетъ имѣть возможность при этомъ союзѣ, между прочимъ «вступать и въ Свенеію и въ самую Фракію» ³⁾. Сосѣдніе съ Аварами съ востока народы, т. е. Славяне и Болгаре (Утургурны и Кутургурны) были въ союзѣ съ ними, но такъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ нарушали этотъ союзъ и дѣйствовали самостоятельно или даже враждебно. Баянъ, требуя у римскаго начальника города Сирмія подарковъ, говоритъ: «если я удалюсь отсюда, не получивъ никакой пользы, то я посрамлю себя въ глазахъ тѣхъ народовъ, которые по союзу со мною слѣдуютъ» ⁴⁾. Если посолъ Баяна говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Кутургурны и Утургурны имъ уничтожены ⁵⁾ а въ другомъ, что они принадлежатъ Баяну, то здѣсь нужно разумѣть конечно не всѣ эти племена, а только часть ихъ, отпочвавшую вмѣстѣ съ Аварами на западъ. Это видно изъ того, что Баянъ говоритъ однажды о варварахъ, „которые за

¹⁾ Эту дорогу намѣчаетъ Шафарикъ; доказательства его кажутся довольно убѣдительно, хотя прямыхъ свидѣтельствъ и нѣтъ. *Шафарикъ*, II, 1, стр. 97—98.

²⁾ Менадръ, отр. 14, стр. 257.

³⁾ Мев. отр. 24, стр. 385.

⁴⁾ *Ibid.* отр. 27, стр. 390.

⁵⁾ Отр. 28, с. 392.

нимъ слѣдуютъ», а въ другой разъ посылаетъ этихъ Бутигуровъ чрезъ Саву опустошать Далмацію: такъ далеко на западъ едва ли сталъ бы Баянъ посылать варваровъ съ береговъ нижняго Дуная и Чернаго моря. Въ 578 году Баянъ воюетъ со Славянами по убѣжденію императора Тиверія, но вражда съ ними у него была издавна: Баянъ требовалъ отъ нихъ покорности и дани, но князь ихъ Давритъ (или Лавритъ, или Добритъ) далъ ему такой отвѣтъ: «родился ли на свѣтѣ и согрѣвается ли лучами солнца тотъ чело-вѣкъ, который бы подчинилъ себѣ силу нашу. Не другіе нашу землю, а мы чужою привыкли обладать, и въ этомъ мы увѣрены, пока на свѣтѣ будутъ война и мечи.» И послѣ большой ссоры аварскіе послы были убиты. Этотъ походъ, въ которомъ участвовали 60 тысячъ всадниковъ, совершенъ былъ чрезъ римскія владѣнія—чрезъ Иллирію; черезъ Дунай переѣзжали на римскихъ судахъ. Но Славяне удерживались отъ битвы въ открытомъ полѣ и удалились въ лѣса, болота и ущелья. Аварскій каганъ надѣялся обогатиться въ славянской землѣ, «потому что издавна Славяны грабили Римлянъ... ихъ же земля не была раззорена никакимъ другимъ народомъ»¹⁾. Настоящіе результаты этого похода неизвѣстны; впослѣдствіи Баянъ, стараясь овладѣть Сирміемъ, говорилъ, что постройка моста на Савѣ имѣетъ цѣлю его походъ противъ Славянъ, враговъ Римлянъ, что онъ уже однажды и сдѣлалъ «и возвратилъ свободу многимъ мириадамъ римскихъ подданныхъ»; вскорѣ потомъ аварскіе послы, отправленные по тому же дѣлу въ Константинополь, говорили императору, что Баянъ наводитъ мостъ на Савѣ и хочетъ истребить общихъ враговъ его и римскихъ—Славяновъ. Этотъ посолъ на возвратномъ пути изъ Рима былъ убитъ Славянами гдѣ то въ Иллиріи; можетъ быть толпы Славянъ или постоянные поселенцы въ Иллиріи, т. е. вообще на югъ отъ Дуная, имѣли связь съ Славянами, жившими на лѣвомъ берегу Дуная, и поддерживали ихъ интересы²⁾.

Такимъ образомъ пришествіе Аваръ не стѣснило свободы Славянъ для нападений на римскую землю; при томъ сами Авары, подъ непосредственною властію которыхъ несомнѣнно были также Славяне,

¹⁾ Менаандр. стр. 50, стр. 434.

²⁾ Мен. отр. 65 и 66, отр. 459 и 462.

именно тѣ, которыхъ они нашли при своемъ приходѣ въ теперешнюю Венгрію, часто дѣлали нападенія на римскія земли. Эти то паннонскіе Славяне и строили, по свидѣтельству Симокаты, мосты на Савѣ и Дунаѣ для Аваровъ ¹⁾. Переходъ Аваровъ въ Паннонію по Карпатской странѣ только сильнѣе расшевелилъ Славянъ, и теперь они стали еще болѣе нападать на землю Ромеевъ, одни или вмѣстѣ съ Аварами.

Въ десятый годъ царствованія Юстина II, въ 575 году, Авары въ первый разъ сдѣлали вторженіе въ предѣлы имперіи. Тогда же Славяне опустошали Фракію ²⁾. По свидѣтельству Менаандра, въ 578 году «Славянскій народъ въ числѣ ста тысячъ человекъ опустошалъ Фракію и многія другія области; Эллада также опустошена была Славянами» ³⁾.

Къ тому же времени относится свидѣтельство церковнаго историка Іоанна Эфесскаго: «На третій годъ по смерти императора Юстина и по вступленіи на престолъ Тиверія Побѣдоноснаго выступилъ проклятый народъ Славянъ и произвелъ набѣги на всю Элладу, окрестности Солуны и всю Фракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и владѣли ею; они поселялись въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала. Это продолжалось четыре года, пока императоръ былъ занятъ войною противъ Персовъ; поэтому они свободно распоряжались въ странѣ, пока Богъ не изгналъ ихъ. Грабежи ихъ простирались до самой внѣшней стѣны; всё императорскія стада сдѣлались ихъ добычею; до сихъ поръ сидятъ они и покоятся въ римскихъ провинціяхъ безъ заботы и страха, грабя, убивая и сожигая; они сдѣлались богатыми, владѣютъ золотомъ и серебромъ, табунами коней и оружіемъ; лучше самихъ Римлянъ научились они воевать» ⁴⁾.

Эти то грабежи заставили Тиверія обратиться къ Аварамъ съ просьбою о впаденіи на Славянъ въ ихъ родинѣ за Дунаемъ «для того, чтобы раззоряющіе римскія области, бывъ развлечены собствен-

¹⁾ Simoc. Lib. VI, c. 1, 3—4.

²⁾ Іоаннъ Биклярскій, у *Roncall*. II, 388; *Zeiss*, S. 596.

³⁾ Менаандръ, отр. 49 и 50, стр. 432.

⁴⁾ Ioannes von Ephesus, Kirchengeschichte, переводъ съ сирійскаго *Schonfelder's*, München, 1862. Въ 558—575 годахъ Іоаннъ жилъ въ Константинополѣ. *Tiretek*, Geschichte d. Bulg. S. 88.

ними бѣдствіями, вступились за свою родину и, желая помочь ей, перестали грабить римскую имперію»¹⁾.

При императорѣ Маврикіи (582—602) набѣги Славянъ продолжались, но встрѣтили больше сопротивленія. Въ 583 году, по свидѣтельству Симокаты, Славяне заняли часть имперіи до длинной стѣны; полководецъ Маврикія Комментіоль съ успѣхомъ боролся съ Славянами, предводителемъ которыхъ былъ Андрагастъ (Радигость); Славяне были разбиты одинъ разъ при рѣкѣ Ергинѣ, а другой недалеко отъ Адрианополя при крѣпости Эсинѣ; это вторженіе Славянъ сдѣлано было по наущенію Аваровъ²⁾.

Къ этому времени относится первая осада Солуня, описанная въ актахъ св. Димитрія Солунскаго; нападалъ отрядъ тысячъ около пяти, за то «тутъ былъ цѣтъ всего славянскаго народа»³⁾. Въ 587 году, нападаютъ Геты или Славяне; подъ ними слѣдуетъ разумѣть Славянъ, какъ объ этомъ думалъ Симоката⁴⁾. Въ 589 году, по свидѣтельству Эвагрія, Авары два раза подступали къ длинной стѣнѣ, завоевали и подчинили своей власти Сингидонъ, Анхіаль, «всю Элладу» и много другихъ городовъ. Это было то знаменитое вторженіе Аваръ, конечно вмѣстѣ со Славянами, о которомъ въ XI в. патріархъ Николай II, въ грамотѣ отъ 1081 года, составленной на основаніи записи потрасской митрополи, говоритъ, что Авары въ 589 году завоевали всю Элладу и сидѣли въ ней 215 лѣтъ, такъ

¹⁾ Менаандръ, отр. 433, стр. 50

²⁾ Theophi. Simoc. Chron. I. I. c. 7; *Длиновъ* (стр. 108), а за нимъ *Иречекъ* (стр. 112 русск. перев.) отвергаютъ свидѣтельство Симокаты о причинѣ вторженія, ссылаясь на Менаандра, но Менаандръ передаетъ только слова самихъ Аваръ о намѣреніи идти на Славянъ; на дѣлѣ же Аварамъ хотѣлось овладѣть Сирміемъ и нанести ущербъ Римлянамъ, которые однако это хорошо и понимали; Авары, для замакированія своихъ намѣреній, могли побуждать Славянъ къ нападенію на Римлянъ, чтобы имѣть предлогъ пройти черезъ Римскую землю. См. отр. 65 и 66, стр. 459—462.

³⁾ Aa. Ss. t. IV, p. 137; перенечатано въ Patrolog. latin. ed. Migne, t. 116; также въ книгѣ: De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Extraits grecs, traduction française, notes, avec les fragments laissés inédites par les Rollandistes Par l'Abbé A. Tougaard. Paris 1874. Извлеченія въ русскомъ переводѣ у Преосв. *Филарета*: „Св. Дмитрій Солунскій и Солунскіе Славяне“. Чт. Общ. Ист. и Древн. при Моск. Унив. 1848 г. № VI; сравн. *Tafel. De Thessalonica ejusque agro*, p. LX и слѣд.

⁴⁾ Sim. Lib. III, c. 4: το Γετικόν ταυτόν ὁ εἰπεῖν αἱ τῶν Σκλαβηρῶν ἀγέλαι.

что ни одинъ греческій чиновникъ не могъ тамъ появиться, пока не были уничтожены помощію св. апостола Андрея. Но, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ 807 году были уничтожены или истреблены не Авары, а Славяне, издавна владѣвшіе землями въ Пенопонеѣ. Такимъ образомъ подѣ Аварами здѣсь нужно разумѣть и Славянъ ¹⁾).

Императоръ Маврикій успѣлъ заключить съ Аварами миръ, такъ какъ съ ними было сравнительно легко ладить, стоило удовлетворить ихъ алчности къ деньгамъ; аварская дружина, по всей вѣроятности, была не очень велика ²⁾. Но Славяне, находившіеся подѣ властью многихъ мѣстныхъ или родовыхъ владѣльцевъ, продолжали беспокоить границы и противъ нихъ-то Маврикій отправилъ своего полководца Приска; послѣдній перешолъ Дунай, разбилъ князя Андрагаста и захватилъ другаго князя Мусокія ³⁾ вмѣстѣ съ нѣсколькими старѣйшинами, въ плѣнъ. Ободренный этими успѣхами, Маврикій приказалъ Приску остаться за Дунаемъ на зимовку, но войско стало роптать и Прискъ принужденъ былъ вернуться на свою сторону ⁴⁾. Тогда Славяне опять возобновили свои набѣги. Въ 596 году назначенный на мѣсто Приска братъ Маврикія Петръ, отправляясь къ Дунаю, натолкнулся на Славянъ близъ Адрианополя; переправившись въ слѣдующемъ году черезъ Дунай, съ большою потерей, Петръ разсѣялъ славянскую береговую стражу и двинулся внутрь страны, но вскорѣ вернулся безъ особыхъ успѣховъ ⁵⁾. Къ слѣдующему году относится вторая осада Солуны; всего непріятельскаго войска было до ста тысячъ и главная масса состояла «изъ данниковъ аварскихъ Славянъ», а также и изъ другихъ варваровъ, по всей вѣроятности, Гепидовъ; при осадѣ города употреблены были разнаго

¹⁾ Гильбердингъ, Полн. собр. сочин. т. I, стр. 188; Fallmercier, Geschichte der Halbinsel Morea I, 183.

²⁾ Турки, считавшіе Аваръ своими бѣглецами, говорили, что ихъ бѣжало тысячь до двадцати. Менаандръ, стр. 69, стр. 374.

³⁾ Иречекъ изъ Моавбіюс сдѣлалъ странное имя Манжукъ.

⁴⁾ Simoc. L. VI, c. 7—10.

⁵⁾ Theoph. Simoc. lib. VII, c. 2—5; встрѣченныхъ Петромъ варваровъ при Адрианополѣ Симоката называетъ здѣсь то Болгарами, то Славянами; 276—7 ed. Bonn.

рода машины. Интересное описаніе этой осады сдѣлано очевидцемъ, писавшемъ въ началѣ VII вѣка жизнь и чудеса св. Дмитрія ¹⁾. У Симокаты также есть извѣстіе о набѣгахъ въ это время: по его словамъ, въ 598 году Авары разрушили до 40 городовъ въ Далмаціи, но должны были вернуться за Саву вслѣдствіе моровой язвы; въ заключенномъ съ Римлянами мирномъ договорѣ послѣднимъ предоставлялось право переходить за Дунай въ случаѣ войны съ Славянами ²⁾. Тогда Маврикіи снова послалъ брата Петра за Дунай и приказалъ тамъ зимовать, но войско не согласилось. Произведенный центуриономъ Фокою мятежъ въ войскахъ кончился тѣмъ, что Фока вступилъ въ Константинополь и, казнивъ Маврикія съ семействомъ, занялъ его престолъ ³⁾.

Дѣятельность Маврикія, какъ видно изъ предыдущаго, направлена была на то, чтобы ослабить Славянъ въ ихъ родинѣ, за Дунаемъ; полководцы его, Прискъ и Петръ, ведутъ войну за Дунаемъ въ то самое время, когда Славяне ходятъ по всему полуострову. Дриновъ по этому поводу опять порицаетъ политику римскихъ императоровъ ⁴⁾, но это едва-ли справедливо: мыслимое-ли дѣло было выгнать Славянъ изъ внутреннихъ областей, гдѣ ни одного угла не оставалось, куда бы они не проникали; имъ оставлена была, вѣроятно, свобода искать мѣстъ для поселенія, оттого и нѣтъ упоминанія о специальныхъ походахъ противъ внутреннихъ варваровъ; заботы правительства въ этомъ отношеніи ограничивались только защитой большихъ городовъ, какъ Константинополь или Солунь. Если полководцамъ Маврикія не удалось покорить Славянъ въ ихъ странѣ, то ближайшее ознакомленіе съ ними дало возможность бороться главнымъ орудіемъ византійскимъ противъ варваровъ — политикой, что и видимъ при Иракліѣ (610—641) ⁵⁾. При томъ послѣ Маврикія уже не встрѣчается извѣстій о большихъ самостоятельныхъ набѣгахъ Сла-

¹⁾ Aa. Ss. Oct. IV, p. 143 и сл.; *Tougaard*, p. 88—116; *Филаретъ*, стр. 12 *Tafel*, LX и слѣд.

²⁾ Theoph. Sim. VII, 15.

³⁾ Simoc. L. VIII, c. 6.

⁴⁾ *Дриновъ*, Заселеніе, стр. 116—117.

⁵⁾ Авторъ „Стратегія“, приписываемой Маврикію, обнаруживаетъ знакомство съ характеромъ занятой Славянами страны и указываетъ на трудности борьбы съ ними въ ихъ землѣ; онъ рекомендуетъ противъ Славянъ особенно зимніе походы,

вявъ; только Аварамъ, временно отвлеченнымъ отъ набѣговъ мирнымъ договоромъ, нѣсколько разъ еще удавалось собрать около себя массы варваровъ и въ томъ числѣ Славянъ и дѣлать большіе набѣги. Такъ, въ 619 году было страшное нашествіе въ самое сердце имперіи; самъ императоръ видѣлся съ аварскимъ предводителемъ въ Перинѣѣ и едва спасся бѣгствомъ отъ расположенныхъ къ вѣроломству и грабительству Аваровъ, которые вернулись назадъ, забравъ будто бы до 270,000 плѣнныхъ ¹⁾. Въ 626 году, когда императоръ находился на персидской границѣ, Авары предприняли новое нападеніе и вступили въ соглашеніе съ Персами для завоеванія Константинополя; аварскій каганъ съ сильнымъ войскомъ изъ собственныхъ подданныхъ и при помощи Славянъ и Болгаръ (Гунновъ) напалъ на столицу съ суши, въ то время, какъ персидское войско, занявъ азіатскія предмѣстья, старалось помогать съ другой стороны; но морское превосходство Римлянъ предупредило соединеніе враговъ, и Авары вынуждены были удалиться назадъ ²⁾. Это послѣдній аварскій погромъ; послѣ этой неудачи подъ Константинополемъ аварское могу-

такъ какъ съ одной стороны зимою удобнѣе переправа черезъ Дунай и многочисленныя рѣки внутри славянской страны, а съ другой—слѣды на снѣгу и отсутствие листвьевъ на деревьяхъ мѣшаютъ Славянамъ скрываться въ гѣсахъ, гдѣ они, какъ и въ горахъ, по словамъ автора, умѣли отлично сражаться; этими стратегическими соображеніями конечно и слѣдуетъ объяснять, почему Маврикій заставлялъ полководцевъ своихъ оставаться за Дунаемъ на зиму. Впрочемъ онъ совѣтуетъ не пренебрегать и лѣтними походами, такъ какъ тогда удобнѣе освобождаться изъ плѣна Римлянамъ и отправлять добычу по многочисленнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Дунай. Указывая на многочисленность славянскихъ князей и раздоры между ними, онъ совѣтуетъ подарками и обѣщаніями склонять на свою сторону, особенно тѣхъ, которые живутъ по соудству—обыкновенный приемъ римско-византійской политики. Mauricii Artis militaris libri duodecim, ed. Schefferus, Ursaliae MDCLXIV. Lib. XI c. V, p. 274, 275, 278, 281, 283 и сл.

¹⁾ Georg. Pisid. Bellum Avaricum L. V, 197 и сл.; Nicephorus Constantinopolitanus. De rebus post Mauric. ed Bonn. p. 14—15; какал смѣсь народностей была въ этомъ походѣ, можно видѣть изъ словъ Г. Писиды:

Ἐθλαβος γάρ Οὐννῶν καὶ Σκυθῆς τῶ Βουλγάρῳ
αὐθίς τε Μῆδος συμφρονήσας τῶ Σκυθῆ
γλωσσῶν ἔχοντες καὶ τόπων μερίσματα. Vers. 197—199.

²⁾ Niceph, p. 20.

щество начинает падать: переселение Сербовъ и Хорватовъ въ Иллирію и Далмацію и образование на западѣ державы Само положили коонецъ ихъ могуществу. Византійцы говорятъ, что Славяне отказались служить въ войскѣ аварскомъ; вѣроятно, въ это время начались волненія между славянскими подданными Аваровъ, во главѣ котораго явился Само, освободившій Чеховъ и Мораванъ изъ подъ аварскаго ига ¹⁾. Нельзя съ точностью опредѣлить, въ какомъ году произошло переселение Хорватовъ и Сербовъ въ Далмацію, Иллирію и часть Македоніи, ранѣе вышеупомянутаго аварскаго похода на Византію или позже; по всей вѣроятности, позже, около 630 года ²⁾; во всякомъ случаѣ оно произошло не безъ участія византійской политики, старавшейся воспользоваться всѣми средствами для задержанія варварскихъ вторженій; несомнѣнно, что переселение Сербовъ и Хорватовъ въ предѣлы имперіи должно было служить противовѣсомъ аварскому могуществу.

Вотъ всѣ движенія Славянъ за Дунай; кромѣ переселенія Сербовъ и Хорватовъ, по источникамъ неизвѣстно никакого другаго передвиженія, совершеннаго съ цѣлю постоянного поселенія; дальнѣйшія извѣстія говорятъ о движеніяхъ внутри полуострова и о морскихъ грабежахъ ихъ; такимъ образомъ поселеніе этихъ Славянъ совершилось во время перечисленныхъ выше набѣговъ. Движеніе Славянъ на полуостровѣ во второй половинѣ VII вѣка разсматривается византійскими писателями какъ возстаніе; стало быть они поселились навсегда и подчинились византійской власти. Вотъ какъ разсказывается въ актахъ св. Димитрія объ осадѣ Солуна въ 676 году: «Въ правленіе блаженной памяти епископа Іоанна случилось, что славянской народъ возсталъ въ неизмѣримомъ числѣ, какъ-то: Дреговичи, Сагудаты, Велегезиты, Вууниты, Берзиты и другіе, которые въ первый разъ приготовили суда изъ одного дерева; онъ опустошилъ всю Фессалію и лежавшіе около нея и Греціи острова, всю Ахаію, Эпиръ, большую часть Иллирика и Азіи и оставилъ

¹⁾ Успенскій, Первые Славянскія монархіи на западѣ. 1872, стр. 14.

²⁾ Г. Успенскій предполагаетъ зависимость этого переселенія отъ стремленія Само подчинить себѣ Славянъ, жившихъ въ Бѣлохорватіи и Бѣлосербіи, стр. 17. Противъ державы Само Дагобертъ заключилъ въ 627 году союзъ съ Иракліемъ, послѣдній принимаетъ Хорватовъ и Сербовъ—вѣроятно противниковъ Само; такимъ образомъ и Ираклій могъ опасаться усиленія державы Само.

безъ жителей многіе города и области». Славяне окружили Солунъ съ моря и суши; они были тутъ съ семействами и домашнимиъ скарбомъ, намѣреваясь, по взятіи города, остаться въ немъ; но взять города имъ не удалось ¹⁾. Черезъ два года была новая осада Солуны Славянами въ союзѣ съ аварскимъ хаганомъ. По словамъ описавшаго чудеса св. Димитрія, славянскіе послы выставляли причиною своего движенія на Солунъ то, что этотъ городъ остается цѣлымъ и, тогда какъ опустошены всѣ торода и области, одинъ принимаетъ бѣглецовъ съ Дуная изъ Панноніи, Дакіи, Дарданіи и другихъ областей и городовъ ²⁾. Дѣйствительно, и при этомъ нашествіи впереди непріятелей появились бѣглецы изъ Ниша и Софіи ³⁾. Къ Солуню прибыла небольшая помощь и послѣ тридцатидневной осады непріятели подарками были склонены къ отступленію, захвативъ при этомъ много плѣнныхъ ⁴⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ Солунъ подвергся новому нападенію Славянъ. Солунскій префектъ обвинилъ одного изъ славянскихъ сосѣднихъ князей (рѣѣа), именно Пребуда, князя Рунхиновъ, и отправилъ въ Константинополь, гдѣ онъ былъ убитъ, пойманный при покушеніи къ бѣгству. Тогда (въ 680 г.) Рунхины, Стримонцы и Сагудаты начали опустошать окрестности Солуны, въ которомъ жители стали терпѣть голодъ, изъ Византіи были присланы десять карбасовъ съ хлѣбомъ; эти же суда отправлены были въ Фивы и Димитріяду для закупки хлѣба у Велегизитовъ, славянскаго племени, остававшагося тогда въ мирѣ съ Солунемъ. Дреговичи и Сагудаты осадили Солунъ съ суши, а Рунхины съ моря. Но не взявъ города, несмотря на употребленіе разныхъ сооруженныхъ ими осадныхъ машинъ, Рунхины и Стримонцы занялись морскимъ разбоемъ, захватывали греческіе корабли и опустошали берега и острова Геллеспонта и Пропондиды, угрожали даже самой Византіи ⁵⁾.

Вслѣдствіе этихъ славянскихъ движеній императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ отправился съ войскомъ въ Славинію: такъ называлась уже

¹⁾ Аа. Ss. Oct. t. IV; § 158; *Tougaard*, p. 118. *Tafel*, p. LXXXII—LXXXIX; *Филаретъ*, стр. 19.

²⁾ Аа. Ss. *ibid.* § 169; *Tougaard*, p. 128. *Tafel*, LXXX—LXXXIII; *Филаретъ*, 21.

³⁾ *Ibid.* § 187.

⁴⁾ Дриновъ отвергаетъ участіе Аваровъ въ этомъ походѣ. *Заселеніе*, стр. 133.

⁵⁾ Acta S. Dem. § 185—190; *Tougaard*, p. 148 и сл. *Tafel*, LXXXV—XCII.

страна къ западу отъ Родопскихъ горъ до Адриатическаго моря ¹⁾; сухимъ путемъ онъ прошелъ до Солуны, но не могъ проникнуть внутрь страны, такъ какъ Славяне Стримонцы сдѣлали завалы во всѣхъ проходахъ (κλεισοῦραι) и призвали на помощь князей другихъ славянскихъ колѣнъ. Въ окрестностяхъ Солуны онъ подчинилъ Славянъ частію оружіемъ, частію мирными соглашениями ²⁾. Въ это время многіе изъ Славянъ, проникшихъ на Иллиро-Фракійскій полуостровъ, переселены были въ Азію, въ опсидійскую тему ³⁾. Походы на Солунь показываютъ, какъ сильны были Славяне и внутри полуострова и по окраинамъ, даже на морѣ. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, во времени Константина Погоната (668—685) относится полная славянизация Эллады ⁴⁾.

Приведенные факты показываютъ, что Славяне въ VII вѣкѣ живутъ на земляхъ византійскихъ массахъ, племенами: при описаніи нападений на Солунь упоминаются Стримонцы, жившіе на Струмъ и Струмицъ, Бервнты (Βερζῆται) или Бърсяки (какъ выговариваютъ Болгаре), переселенные частію болгарскимъ княземъ Церигомъ въ Болгарію; остатки ихъ и теперь живутъ около Прилѣпа, Велеса, Битоля, Тыввеша ⁵⁾; Смоляне, жившіе въ недоступныхъ мѣстахъ Родопъ, на среднемъ теченіи Месты; Рунхины, вѣроятно къ югу отъ Смолянъ, въ прибрежьи Офранскаго залива

¹⁾ Въ *Славинію* дѣлалъ походъ уже Константинъ II (641—668), но нельзя точно опредѣлить куда, въ Мизію или Македонію; во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ военный успѣхъ: взялъ многихъ въ плѣнъ и подчинилъ своей власти; подъ 649 г. у Теофана (t. I, p. 530 ed. Bonn) говорится: τοῦτω τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν ὁ βασιλεὺς κατὰ Σκλαβινίας καὶ ἤρριμλότουσεν πολλοὺς καὶ ὑπέταξεν, но въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библиотекаря время похода опредѣлено: anno imperii Constantis sexto decimo, слѣдовательно походъ былъ въ 657 году.—Реслеръ въ своей статьѣ „Ueber die Zeitpunkt der Slavischen Ansiedlung an dem unteren Donau“ (Sitzungsber. d. Wien. Akad. 1873 г., В. 73) думаетъ, что Константинъ покорилъ Славянъ въ Мизіи, куда они только что переехали изъ за Дуная и основали первое поселеніе; по его мнѣнію поселеніе Славянъ въ Мизіи совершилось приблизительно въ одно время съ Сербами и Хорватами; но такое утверженіе совершенно произвольно.

²⁾ Acta. S. Demetr. § 178 и слѣд. 190—197; *Tafel*, XCIII—XCVI.

³⁾ Объ этомъ говорятъ Теофанъ, ed. Bonn. p. 557, Никифоръ, Зонара, у *Sritter's* II, 75; см. В. И. Ламанскій, О славянахъ въ Малой Азіи, стр. 23.

⁴⁾ Const. Porphyrog. De Thematibus. II, с. 6.

⁵⁾ *Дриновъ*, Заселеніе, стр. 163, *Брескъ*, Исторія Болгаръ, стр. 147—148.

(Rendina), Сагудаты, жившіе между Солунемъ и Верреею; Драговичи, ближайшіе сосѣди Солуны, жили вѣроятно въ западной части вардарской равнины; другіе Драговичи жили въ западной части Родопа, гдѣ извѣстна теперь рѣчка Драговица, впадающая въ Кричемскую рѣку¹⁾. Это все племена Славянъ македонскихъ. Въ Фессаліи жили Велесичи или Велегостичи, какъ читаютъ нѣкоторые имя Велеγυζήται, также принимавшіе участіе въ войнахъ съ Солунемъ, но иногда бывшіе и вмѣстѣ съ нимъ; были вѣроятно и другія племена въ Фессаліи, но именъ ихъ не сохранилось. Изъ Славянъ эпиротскихъ упоминаются при осадѣ Солуны только Воиничи (Βαίου-νῆται); но въ Эпирѣ славянскій элементъ, оставившій слѣдъ въ мѣстныхъ названіяхъ и языкѣ Албанскомъ, былъ очень силенъ. О поселеніи Славянъ въ Элладѣ и Пелопонезѣ было также упомянуто; поселенія эти были очень значительны, Фальмерайеръ имѣлъ возможность такъ подобрать извѣстія о Славянахъ въ Греціи, что положеніе его о полномъ уничтоженіи древне-греческаго населенія нашло много приверженцевъ; потому что оно хотя и было ограничено критикою, но нельзя отвергать занятія Славянами большей части Морейскаго полуострова²⁾. Названія племенъ, поселившихся въ Греціи, имѣются только изъ позднѣйшаго времени. Фракійскіе Славяне неизвѣстны подъ особыми племенными именами. Славяне, поселившіеся между Дунаемъ и Балканами, дѣлились также на отдѣльныя племена; упоминаются семь славянскихъ племенъ, найденныхъ Болгарами, когда они пришли съ Аспарухомъ въ 689 году; имена ихъ неизвѣстны. Въ Добруджѣ Аспарухъ нашелъ племя Северовъ (Σεβέρεις), которыхъ и переселилъ на югъ отъ Балканъ къ востоку отъ Берегавскаго ущелья (Beregabogum clausura), по Шафарыку на Черноморскій берегъ. Позднѣе встрѣчаются имена Томочанъ на Томокѣ и Мораванъ на Болгарской Моравѣ³⁾.

¹⁾ См. *Дринова*, Заселеніе, 165—169, *Иречка*, 149.

²⁾ Вопросъ о заселеніи Греціи Славянами, поднятый Фальмерайеромъ, вызвалъ богатую литературу; объ этомъ писали лучшіе знатоки Византійской Исторіи—Цанкейзенъ, Гоффъ, Финлей, Курциусъ, Шмидтъ; различныя фазисы этого вопроса прекрасно изложены Герцбергомъ въ особой главѣ его *Geschichte der Griechenland im Mittelalter* 1876. В. I.

³⁾ Обо всѣхъ этихъ именахъ всгдѣ за Шафарыкомъ и Гильфердингомъ говорятъ *Дриновъ*, стр. 132—178 и *Иречка*, 148 и сл. русск. перев.

Всѣ перечисленныя извѣстія о Славянахъ показываютъ, что къ половинѣ VII вѣка они расселились по всему Балканскому полуострову и большею частію получили осѣдлость. Эти извѣстія вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что Славяне не образовали цѣльнаго государства, приходили на полуостровъ въ разное время, занимали земли различными способами и дѣйствовали разъединенно.

Вотъ внѣшняя сторона заселенія Балканскаго полуострова Славянами. Но любопытнѣе и важнѣе сторона внутренняя, тѣ отношенія, въ какія стали переселенцы къ прежнимъ мѣстнымъ жителямъ. Чтобы представить себѣ эти внутреннія отношенія переселившихся Славянъ, необходимо ознакомиться съ внутренними отношеніями римскихъ провинцій, въ которыхъ теперь оказались Славяне. Въ первой главѣ, говоря о романизациі провинцій на Балканскомъ полуостровѣ и по Дунаю, мы коснулись римскаго административнаго и военнаго устройства, указали также на преобразованія Діоклетіана и Константина Великаго, произведенныя въ этомъ направленіи. Теперь важнѣе коснуться экономическихъ отношеній, тѣсно связанныхъ съ финансовою системою восточной имперіи; въ нихъ, съ одной стороны, лежала отчасти причина легкаго занятія варварами римскихъ земель, а съ другой стороны, этотъ наплывъ варваровъ былъ причиною образованія новыхъ отношеній. Руководствомъ къ ознакомленію съ этимъ вопросомъ намъ служить «Исторія грекоримскаго права» извѣстнаго спеціалиста Цахаріе-фонъ-Лингенталь.

Прежде всего слѣдуетъ ознакомиться съ поземельною собственностью и связанною съ нею поземельною и подушною податью. Главная подать со времени Августа была *capitatio*—подушная и поземельная (*hushana* и *terrena*) подать; ей подлежали всѣ граждане; всѣ плебеи и всѣ земли были распределены по *capita* на основаніи ценза, или цѣнки, результаты котораго записывались въ кадастръ (*capitastrom*); цензъ возобновлялся чрезъ извѣстные промежутки времени, сначала правильно, а впоследствии, послѣ Константина Великаго, встрѣчаются только частныя или чрезвычайныя цензы¹⁾. Подать съ одной души была не всегда одна и та-же, она опредѣлялась податною росписью, обыкновенною (*indictiones*, по установленію

¹⁾ *Zacharii von Lingenthal: Geschichte des Griechische-Römischen Rechts. Zweite Auflage. Berlin. 1877. S. 195.*

Константина Великаго на 15 лѣтъ) или чрезвычайною (*superindictiones*); нѣкоторыя правильныя подати удерживались однако и болѣе, чѣмъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и составили собою такъ называемый *canon*, который не исключалъ прибавокъ посредствомъ *superindictiones*. Непосредственное взиманіе *capitatio* и доставленіе его въ государственную казну лежало на куріи подъ отвѣтственностью куріаловъ, которые съ теченіемъ времени были освобождены отъ этой обязанности относительно крупныхъ землевладѣльцевъ; послѣдніе доставляли теперь подати сами прямо въ казну, при этомъ богачи были исключены изъ общиннаго кадастра и получили свой особый; такъ образовалась противоположность между поземельными владѣніями, записанными въ общинный кадастръ, и имѣніями, получившими особое мѣсто во всеобщемъ или провинціальномъ кадастрѣ¹⁾. Сверхъ этой подати были разнаго рода другіе оклады для провинціальныхъ и общинныхъ цѣлей, самое подушное было увеличиваемо нѣсколько разъ, особенно по раздѣленіи государства Діоклетіаномъ, когда произошло умноженіе и увеличеніе статей расхода по содержанию императорскаго двора и штата чиновниковъ.

Эти подати составляли сами по себѣ уже довольно большое бремя; но послѣднее еще болѣе усилилось, когда вздорожали деньги, которыми оплачивалось *capitatio*. На это имѣли вліяніе непріятельскія вторженія, отъ которыхъ земледѣліе, промышленность и торговля приходили въ упадокъ; цѣны на продукты вслѣдствіе неудобствъ сбыта стали падать. Бремя податей увеличивалось также отъ злоупотребленій мелкихъ чиновниковъ, которые, получая весьма незначительное жалованье, прибѣгали часто къ незаконнымъ поборамъ. Отсюда возникаютъ жалобы на тягость податей и вообще уклоненіе отъ ихъ уплаты. Принимавшіяся частныя мѣры въ облегченію не приносили пользы²⁾, а правительство, нужда-

¹⁾ Владѣльцы такихъ имѣній назывались *possessores, κτήτορες, δικαιοί* и образовали крупно замкнутое сословіе, величавшееся титулами *μεγαλοσπράβιτατοι, ἐνδοξότατοι, λαμπρότατοι*. *Zachariä*, S. 197.

²⁾ Обыкновенно употреблялись съ этою цѣлію слѣдующія мѣры: 1) уменьшеніе подушнаго до нормы канона, 2) при вступленіи на престолъ императоры обыкновенно прощали недоимки, но это было несправедливо, 3) иммунитеты — освобожденіе отъ податей: былъ освобожденъ *plebs urbana*, а потомъ *plebs rustica*; освобожденіе это простиралось какъ на подушное, такъ и на другія подати. *Zachariä*. S. 199.

ясь въ средствахъ, принимало мѣры къ тому, чтобы никто не уклонился отъ взноса податей. Эти мѣры привели къ измѣненію во всемъ общественномъ строѣ.

Земли съ теченіемъ времени такъ мало приносили дохода, что не чѣмъ было даже заплатить подати, а между тѣмъ освободиться отъ податей было трудно; тогда владѣльцы просто стали оставлять свои имѣнья и эти *agri deserti* отдавались тому, кто обязывался платить подати. Когда бѣдное крестьянство и арендаторы, а также колонны и деревенскіе рабы (*servi rustici*), стали оставлять поля; чтобы избавиться отъ невыносимаго гнета лежавшихъ на нихъ податей и повинностей, оставленіе земель самими землевладѣльцами стало повторяться все чаще и чаще. Тогда государство сократило до крайности право на освобожденіе отъ податей и дезерацію, а когда уже нельзя было устранить послѣднюю, то оставленныя помѣстья принудительнымъ образомъ отдавались владѣльцамъ другихъ податныхъ земель съ обязательствомъ платить надлежащія подати; ко времени Юстиніана эта мѣра проводилась весьма строго ¹⁾.

Куріалы съ своихъ округовъ, поссессоры съ своихъ имѣній, подъ личною отвѣтственностью обязаны были доставлять подати въ казну. Чтобы тѣ и другіе могли исполнить свои обязанности, нужно было доставить имъ возможность дѣйствительно собрать подать съ тѣхъ, которые подлежали ей. Сначала были издаваемы разныя распоряженія въ предупрежденіе раззоренія земледѣльцевъ, но потомъ, когда крестьяне стали все чаще и чаще покидать свою собственную землю, арендаторы — арендную, деревенскіе рабы свои дома въ помѣстьяхъ, и бѣжать отъ уплаты повинностей, тогда пришлось идти дальше и дать куріаламъ и поссессорамъ право удерживать приписанныхъ къ ихъ землямъ податныхъ людей или возвращать бѣглецовъ (*profugi*). Такимъ образомъ право мѣстопребыванія на опредѣленномъ мѣстѣ (ибо и владѣлецъ не могъ удалить жившихъ на его землѣ свободныхъ людей) превратилось въ обязанность всегда на немъ оставаться и даже не выходить изъ того состоянія (*conditio*), въ которое онъ разъ поставленъ ²⁾.

Что касается собственно крестьянскаго сословія, обработывав-

¹⁾ Zachariä. S. 202—212

Zachariä. S. 224.

шаго землю, то въ Юстиніановомъ правѣ оно является въ разныхъ государственныхъ и правовыхъ отношеніяхъ. Были, во-первыхъ, *свободные*, или *вольные* крестьяне, жившіе частію въ городскихъ территоріяхъ, частію въ самостоятельныхъ общинахъ подъ управленіемъ собственныхъ старостъ (*primates*); они имѣли полную какъ движимую, такъ и недвижимую собственность на общинной землѣ и доставляли подати въ государственное казначейство ¹⁾. *Несвободные*, или *зависимые* крестьяне были разныхъ родовъ. Прежде всего отличаются крестьяне, жившіе на государственныхъ или частныхъ императорскихъ земляхъ. Затѣмъ другіе крестьяне живутъ на земляхъ, принадлежащихъ высшимъ сановникамъ, церквамъ, монастырямъ, учрежденіямъ или просто частнымъ лицамъ. Эти состоянія возникали различными способами, а потому и положеніе ихъ было различно, начиная съ самаго легкаго и до самаго тяжелаго. Такъ императоръ, напр., дарилъ цѣлю метрокомію—общину свободныхъ крестьянъ—одному лицу, т. е. подать съ нея шла теперь не въ государеву казну, а этому частному лицу; такія пожалованія дѣлались иногда въ пользу города на какую-либо потребность, напр. на театръ, бани и т. п. ²⁾. Другой способъ происхожденія зависимости крестьянъ *patrocinium vicorum*: отдѣльные крестьяне или цѣлая община обращалась къ какому-либо высокому чиновнику и землевладѣльцу съ просьбою вносить за нихъ подать, а сами обязывались доставлять ему или правильный оброкъ или просто какіе-либо дары; этотъ обычай, несмотря на правительственныя ограниченія, держался крѣпко ³⁾. Третій самый распространенный родъ зависимыхъ крестьянъ были тѣ, которые жили на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти крестьяне не имѣли поземельной собственности; движимость также находилась въ рукахъ господина, который только не имѣлъ права прогнать или переселить этихъ крестьянъ. Подушное (*capitatio*) платилъ за нихъ помѣщикъ, которому крестьяне должны были доставлять для этого средства. Этого рода крестьяне дѣлились на два разряда: *adscripticii* (приписные) и *coloni* (поселенцы). Происхожденіе и значеніе этого разлечія было такого рода. Владѣльцы большихъ имѣній, для которыхъ

¹⁾ Ibid. 226.

²⁾ Ibid. 227—228.

³⁾ Ibid.

трудно было достать необходимыя рабочія силы, всегда охотно позволяли бѣднымъ свободнымъ селиться на своей землѣ съ тѣмъ, чтобы они брали для обработки пустопорожніе участки помѣстья и за то платили частью жатвы. Такъ какъ при этомъ владѣлецъ земли обязывался платить за нихъ *capitatio*, и поселенецъ вслѣдствіе этого не могъ самъ уйти, а также и быть удаленъ владѣльцемъ, то при цензѣ такого рода люди отмѣчались при иждивеніяхъ и т. о. образовался особый родъ зависимыхъ крестьянъ *adscripticii*. Въ такое же положеніе перешли постепенно и деревенскіе рабы (*servi rustici*): господа ихъ потеряли всякій особый интересъ отстаивать свою собственность относительно ихъ, такъ какъ они не могли ни устранить ихъ, ни извлечь выгоду другимъ какимъ либо способомъ; имъ позволялось быть *in libertate* и обрабатывать участокъ земли владѣльца наравнѣ съ приписными. Этотъ родъ колоната представляетъ успѣхъ сравнительно съ рабствомъ, хотя и не даетъ человѣку полной свободы ¹⁾. Но различаются еще колонны въ собственномъ смыслѣ: если крестьянинъ бралъ въ аренду участокъ чужой земли и хозяйствовалъ на немъ со своимъ инвентаремъ и оборотнымъ капиталомъ, то по истеченіи тридцати лѣтъ онъ прикрѣплялся къ этому участку. Юридическое положеніе и колонновъ и адскриптицевъ было одинаково: они были лично свободны, могли, наприм., заключать полный бракъ, имѣть дѣтей въ отеческой власти; существенная разница между ними состояла въ томъ, что колонны были свободны со всѣми своими вещами (*rescilium*), а движимое имущество адскриптицевъ разсматривалось какъ собственность господина, они не имѣли частной собственности. Но это различіе съ теченіемъ времени постепенно исчезло ²⁾.

¹⁾ *Zachariae*, стр. 228—230.

²⁾ *Zachariae*, 230, 231. Интересный вопросъ о происхожденіи колоната до сихъ поръ рѣшается различно; одни придаютъ большое значеніе переходу въ колонновъ деревенскихъ рабовъ, другіе поселеніямъ варваровъ; одни считаютъ колоната слѣдствіемъ латифундій, которые потребовали развитія мелкаго хозяйства, другіе наоборотъ. Обзоръ всѣхъ мнѣній по этому вопросу можно найти въ книгѣ *Гейстербера*: *Die Entstehung des Colonats*. Leipzig. 1876. Свое мнѣніе о происхожденіи колоната онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы признаемъ колоната за признакъ образованія крупнаго землевладѣнія на трибуальной почвѣ, за форму по своему происхожденію исключительно провинціальную, за форму, которая возникла не вслѣдствіе того (какъ думалъ Родбертусъ, который, прибавимъ, особенно

Вотъ какъ были экономическія и общественныя отношенія на Балканскомъ полуостровѣ, какъ и въ другихъ провинціяхъ имперіи. Въ такія же отношенія должны были становиться и варвары, поселившіеся на римскихъ земляхъ. Такъ это, конечно, и было сначала, когда поселенія дѣлались или самимъ правительствомъ, или варвары приходили разрозненно, небольшими толпами. Но на Балканскомъ полуостровѣ постоянныя вторженія непріятелей скорѣе, чѣмъ въ другихъ, напримѣръ, азіатскихъ провинціяхъ, разстроили этотъ порядокъ. Масса народа гибла при варварскихъ набѣгахъ, очень часто сопровождавшихся большою жестокостью; множество людей было уведимо въ плѣнъ. Прокопій говоритъ, что въ царствованіе Юстиніана году не проходило, чтобы Гунны, Славяне и Анты не дѣлали нападений на Балканскій полуостровъ и при этомъ каждый разъ мириадъ до двадцати уводили въ плѣнъ изъ римскаго населенія ¹⁾. Государству римскому приходилось въ то время вести войны почти на всѣхъ границахъ, а потому трудно было вездѣ успѣвать. Вслѣдствіе вышеуказаннаго тяжелаго положенія какъ землевладѣльческаго, такъ и рабочаго класса въ римскихъ провинціяхъ, не могло быть и рѣчи о повсемѣстной партизанской борьбѣ съ варварами самаго населенія. И безъ того уже землевладѣльцы и земледѣльцы принуждены были часто бѣжать со своего мѣстожительства, и съ увеличеніемъ наплыва варваровъ побудительныя причины къ бѣгству еще усилились. Тѣ элементы римскаго населенія, которыя не чувствовали отъ римской власти ничего, кромѣ гнета, часто будучи одноплеменниками съ варварами, присоединялись къ нимъ и вмѣстѣ съ ними производили грабежи. Болѣе состоятельный классъ провинціаловъ удалялся въ большіе города, которые поэтому и оказывали большее сопротивленіе варварамъ; такъ Солунь, напримѣръ, почти совсѣмъ безъ помощи правительства борется съ варварами; въ Солунь же, какъ мы видѣли ранѣе, бѣгутъ и жители провинцій, даже отдаленныхъ, спасаясь отъ Аваровъ и Славянъ. Мѣстное населеніе ослаблялось также и отъ того, что здѣсь

наставвалъ на происхожденіи колонновъ изъ рабовъ), что при непрерывности существованія крупнаго землевладѣнія крупное хозяйство замѣнено было мелкимъ хозяйствомъ, но вслѣдствіе того, что при непрерывности существованія мелкаго хозяйства мелкое землевладѣніе превратилось въ крупное“.

¹⁾ Procopius, Hist. acaan. c. 18; при этомъ онъ прибавляетъ: ὡστε τῶν Σκωθῶν ἐρημίαν ἀπέλει ταύτης παντάχως τῆς γῆς συμβαίνειν.

постоянно производились наборы въ войска для отправленія въ Италию и другія провинціи; такъ Велизарій и Нарзесъ не разъ при Юстиніанѣ являются на Балканскомъ полуостровѣ и набираютъ войска ¹⁾, какъ изъ поселившихся здѣсь варваровъ, такъ и изъ Римлянъ и прежнихъ Фракійцевъ, которые въ VI и VII вѣкѣ были, вѣроятно, окончательно романизованы; наплывъ варваровъ могъ теперь лишь ускорить романизацію, особенно зажиточнаго и высшаго класса, который, вкусивъ римской жизни, чувствовалъ себя римляниномъ сравнительно съ грубымъ новопрішлымъ варваромъ и потому еще тѣснѣе примыкалъ къ романизму, забывая свой языкъ; какъ въ войскахъ, такъ и въ чиновномъ классѣ то и знай попадаются фракійскія имена, часто съ поясненіемъ: Фракіецъ, Бессъ.

Благодаря образовавшимся пустопорожнимъ мѣстамъ вслѣдствіе истребленія или бѣгства жителей, Славяне, дѣлая набѣги изъ-за Дуная, не каждый разъ возвращались назадъ, а оставались дольше, особенно благодаря устройству поверхности Балканскаго полуострова, гдѣ свободно двигаться можно было только по немногимъ нарочно проложеннымъ дорогамъ, между которыми находились большія мало доступныя пространства, и если туда удавалось проникать Славянамъ, то выжить ихъ оттуда было трудно; по свидѣтельству Маврикія, въ такихъ-то мѣстахъ Славяне и Анты преимущественно и умѣли сражаться ²⁾. Оттого-то и возможны были, повидимому, странные случаи: римскіе полководцы свободно и быстро проходятъ до Дуная, даже переправляются за него и одерживаютъ побѣды, а на обратномъ пути неожиданно наталкиваются на шайки варваровъ внутри своей страны; оттого-то, въ то время какъ процвѣтала городская жизнь, и по большимъ дорогамъ римскіе полководцы дѣлали свободныя передвиженія, глухія мѣста доставались варварамъ. Любопытно поэтому читать у Симокаты, какъ братъ Маврикія, Петръ, посланный за Дунай, путешествовалъ по городамъ Фракіи, городское населеніе устраивало ему оваціи и приглашало принять участіе въ церковныхъ торжествахъ, и вдругъ въ одномъ мѣстѣ встрѣчается съ большимъ варварскимъ отрядомъ ³⁾.

¹⁾ См. напр. Procop. De b. G. Lib. III, c. 32.

²⁾ *Mauricii Strategicum*, ed. Schefferus. Upsaliae. 1664 Lib. XI. c. 5. p. 274.

³⁾ Theoph. Simoc. L. VIII, c. 2—3.

Очень естественно поэтому стремление Юстиниана укрѣпить всѣ болѣе или менѣе пригодные пункты для защиты отъ варваровъ, которые, заставивъ удалиться мѣстныхъ жителей, захватывали крѣпости въ свои руки и образовали въ нихъ убѣжище для себя, чтобы безнаказанно производить грабежи; объ этомъ Проконій, какъ мы видѣли, говоритъ прямо. Однако крѣпости могли только тогда принести пользу, когда были снабжены достаточнымъ гарнизономъ; но для этого не хватало средствъ: войско въ огромномъ количествѣ требовалось въ строевую службу, самимъ же мѣстнымъ жителямъ, обремененнымъ податями и рекрутствомъ и разоряемымъ набѣгами варваровъ, нести эту службу было не подъ силу, за исключеніемъ большихъ городовъ и то на югѣ, какъ Солунь, которые держались, главнымъ образомъ, усилившейся тогда морской торговлей съ Чернымъ моремъ ¹⁾. Оттого-то встрѣчаемъ извѣстія, что нѣкоторыя крѣпости и по восстановленіи Юстинианомъ находятся въ рукахъ варваровъ, какъ на примѣръ Адина. При такомъ положеніи дѣлъ, Славяне заняли большую часть Балканскаго полуострова, разрушили прежній мѣстный строй жизни, устроились по своему и повліяли на остатки прежняго населенія. Византійская имперія не могла, конечно, оставить на волю поселившихся въ ея предѣлахъ Славянъ и старалась болѣе или менѣе ввести порядокъ, прибѣгая къ оружію, когда оказывались недостаточными мирныя средства; такой смыслъ имѣютъ походы въ Славинію и Пелопонезъ. Это было тѣмъ удобнѣе для византійскаго правительства, что Славяне переселились не сразу, а постепенно и, занявъ разныя мѣста на всемъ полуостровѣ, не составили одного цѣлага. Славяне, по словамъ Маврикія, и въ своей родинѣ, къ сѣверу отъ Дуная, не имѣли никакой организаціи, похожей на государство ²⁾: имѣли множество мелкихъ князей, несогласныхъ меж-

¹⁾ Персидскія завоеванія уничтожили прямую торговую дорогу изъ Индіи и Китая и отгѣснили ее на сѣверъ; караваны складывали товары на Черномъ морѣ, которые развозились оттуда моремъ на западъ, причемъ главными складочными мѣстами служили Константинополь, Солунь, Эпидамнъ, Равенна. *Tafel*, CVIII, 221.

²⁾ Маврикія въ своей *Стратегіи* совѣтуетъ при вступленіи въ славянскую землю дѣйствовать рѣшительнѣе, εἰ γάρ καὶ πλείους ἔσιν, ἀλλ' ἄτακτοι καὶ ἀναρχοὶ ὡς περὶ Σκλάβοι καὶ Ἄνται καὶ τὰ τοιαῦτα ἀναρχαὶ καὶ ἄτακτα ἔθνη. *Lib. IX*, 3, p. 212.

ду собою; то же самое было и у Славянъ, переселившихся на полуостровъ, и если Маврикій считалъ полезнымъ и удобнымъ склонять разными средствами на свою сторону сосѣднихъ съ имперію славянскихъ князей и противодѣйствовать объединенію Славянъ подѣ властью одного государя¹⁾, то тѣмъ болѣе успѣшно эта политика могла примѣняться къ поселившимся Славянамъ на полуостровѣ, какъ это не разъ и видѣли при обзорѣнн войнъ подѣ Солунемъ. Умиротвореніе и подчиненіе византійской власти балканскихъ Славянъ, конечно, совершалось не вдругъ, но оно произошло бы несомнѣнно вездѣ, еслибы Славяне навсегда остались раздѣленными. Объединенію ихъ положили начало иноплеменные Болгаре. Но все-таки любопытно устройство, какое дано было Славянамъ Византією или лучше было признано ею и узаконено; имъ пользовались оставшіеся подѣ властью Византіи Славяне, вполнѣдствіи освободившіеся или огречившіеся, какъ въ Пелопонезѣ; оно же могло сохраниться и въ Болгаріи и Сербіи, какъ старина; домашніе законы этихъ странъ его не измѣнили, ибо находились подѣ влияніемъ законодательства византійскаго. Знакомиться съ новыми внутренними отношеніями византійскихъ провинцій, мы можемъ изъ законодательныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени, именно VIII вѣка; но это и понятно: только со временемъ, когда поселенія кончились и выяснился характеръ строя новой жизни, законодательство могло признать существующій порядокъ и облечь въ форму закона.

Во времени императоръ-иконоборцевъ, пользовавшихся не только у ближайшихъ потомковъ, но и до послѣдняго времени мрачно извѣстностію за преслѣдованіе почитанія иконъ, но теперь прославляемыхъ за свою либеральную и въ высшей степени плодотворную дѣятельность въ другихъ отношеніяхъ²⁾, относится изданіе *земледѣльческаго* или *крестьянскаго закона* (*νόμος γεωργικός*).

¹⁾ Πολλῶν δὲ ὄντων ῥητῶν (у Славянъ) καὶ ἀσυνφώνως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους, οὐκ ἀποπὸν τινὰς αὐτῶν μεταχειρίζεσθαι ἢ λόγοις ἢ δάροις καὶ μάλιστα τοὺς ἐγγυτέρω τῶν μενορίων καὶ τοὺς ἄλλους ἐπέρχεσθαι, ἵνα μὴ πρὸς πάντα ἐχθραίνωσιν ἢ μοναρχίαν ποιήσῃ. Lib. XI, с. V р. 28 1.

²⁾ Любопытенъ восторженный и совершенно новый взглядъ на дѣятельность иконоборческихъ императоровъ современнаго новогреческаго историка и публициста *Папарриопуло* въ книгѣ *Histoire de la civilisation hellénique*, Paris, 1878, гдѣ въ популярной формѣ авторъ излагаетъ выводы своей многотомной истории Елли-

Этотъ законъ, происхожденіе и значеніе котораго стало понятнымъ только благодаря новѣйшимъ трудамъ извѣстнаго спеціалиста по византійскому праву Цехарію - фон - Лингенталь, стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ знаменитымъ законодательнымъ трудомъ императоровъ Исаврійскаго дома Льва и Константина—*Эклоюю*, и былъ изданъ одновременно съ нею или вскорѣ послѣ нея ¹⁾. Изъ статей этого закона видно, что въ VIII вѣкѣ совсѣмъ исчезъ въ Византійской имперіи классъ крѣпостныхъ, прежнихъ колоновъ, зато возникла совершенно новая форма социальныхъ отношеній, форма общиннаго землевладѣнія. Правда, и въ это время есть крестьяне, живущіе на чужой землѣ, но съ правами свободнаго перехода и сравнительно очень легкими обязательствами къ землевладѣльцамъ: это были большею частію *мортиты*, платившіе десятину, когда они селились на чужой землѣ безъ особаго договора, а по молчаливому согласію или терпимости владѣльца, который въ то время очевидно радъ былъ, чтобы хоть какой нибудь доходъ приносила его земля; другіе обрабатывали чужую землю по отдачѣ или найму (*экдосис*), причеиъ обязательства ихъ къ землевладѣльцу опредѣлялись особыми договорами ²⁾. Но на ряду съ этими въ извѣстной степени зависимыми крестьянами существуютъ крестьяне свободные, сообща владѣющіе собственною землею. Вся земля, кромѣ усадебной и занятой садами, разсматривается какъ собственность цѣлой общины, члены которой стоятъ другъ къ другу съ отношеніяхъ товарищества (*соціи*). Это однако не исключаетъ фактическаго отдѣльнаго пользованія землею. Самовольное извлеченіе выгодъ изъ общественной земли вызывало протестъ. Такъ, если членъ общины построить на общественной землѣ мельницу, то остальные члены не только могутъ предъявить

скаго народа (Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους). Со взглядами Паларригонуло подробно знакомитъ проф. В. Г. Васильевскій въ своей статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ въ Ж. М. Н. Пр. октябрь и ноябрь 1878 г.

¹⁾ Νόμος γεωργικὸς κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν Ἰουστινιάνου βιβλίων въ рукописяхъ встрѣчается большею частію какъ приложение къ *эклою*. Объ этомъ законѣ у Zachariae von Lingenthal Geschichte des Griechische-Römischen Rechts, zweite Aufl. S. 235 и слѣд. Въ приведенной выше статьѣ В. Г. Васильевскаго находится подробное изслѣдованіе и изложеніе *эклою* и земледѣльческаго закона; мое изложеніе сдѣлано по этимъ двумъ авторамъ.

²⁾ Подробности у Цехарію стр. 240—241, Васильевскаю ноябрь, стр. 99—102.

свои притязанія на мѣсто, занятое мельницею, но, возмѣстивъ издержки строителю, могутъ принять одинаковое участіе во владѣніи мельницею. Общественная земля могла однако подвергаться и раздѣлу. Тогда каждый получалъ соотвѣтствующій участокъ и дѣлился полнымъ господиномъ куска земли, поля или виноградника, выпавшаго на его долю. Раздѣлъ могъ быть и отиѣненъ, если одинъ изъ членовъ считалъ себя обиженнымъ. Пастбища для выгона скота оставались вѣроятно и послѣ раздѣла въ общемъ пользованіи. Принципы дѣленія съ точностью не извѣстны: нельзя сказать положительно, равенство ли участковъ лежало въ основѣ раздѣла или соразмѣрность съ тою долею участія въ платимыхъ податяхъ, которая долѣ лежала на каждомъ отдѣльномъ членѣ. Своимъ участкомъ крестьянинъ или пользовался самъ, обрабатывая его иногда съ помощью рабовъ, или отдавалъ другимъ свои отдѣльныя поля или свой виноградникъ изъ полуды, что представляется обычнымъ явленіемъ. Какъ полный хозяинъ своего участка, крестьянинъ всегда могъ воспрепятствовать вторженію посторонняго лица въ его долю, но съ ограниченіями, подобными тѣмъ, какія были въ случаяхъ захвата общинныхъ земель.

Пока община безраздѣльно владѣла землею, тогда понятно и общественныя подати вносились сообща; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ все-таки оставалось то юридическое воззрѣніе, что земля, принадлежащая извѣстной совокупности членовъ, составляющихъ общину, есть общая ихъ собственность и что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ первоначальнаго принципа общности.

Что касается происхожденія этихъ совершенно новыхъ началъ въ византійскомъ общественномъ устройствѣ, то Цахаріа дѣлаетъ два предположенія. Первое предположеніе—теорія фискальнаго происхожденія общиннаго землевладѣнія: членъ общины отвѣчалъ за исправное поступленіе подати, слѣдующей со всей общины; отсюда легко могло возникнуть воззрѣніе, что собственно и первоначально каждый имѣлъ извѣстныя права по отношенію ко всей землѣ.

Но противъ этого возражаетъ В. Г. Васильевскій, что куріалы долго страдали вслѣдствіе подобнаго принципа круговой отвѣтственности, но не пришли къ воззрѣніямъ, противорѣчащимъ складу греко-римскаго общественнаго и юридическаго быта; притомъ трудно допустить, чтобы одинъ и тотъ же законодатель возлагалъ на общину

ответственность за исправное внесение податей и в то же время допускала и даже прямо объявляла свободу перехода. Несравненно правдоподобнее другое объяснение, предложенное Цахарие. Причина появления этих новых возрвнй лежитъ въ этнографическомъ и социальномъ переворотѣ, произведенномъ славянскими передвиженіями въ предѣлахъ имперіи. Законъ не предшествовалъ этому перевороту, а только послѣ призналъ то, что, благодаря этому перевороту, существовало въ жизни. Мы видѣли передвиженія цѣлыхъ массъ славянскаго племени въ предѣлы имперіи; здѣсь они сообща занимаютъ земли, опустошенныя ихъ предшественниками; равнымъ образомъ массы мѣстнаго населенія, вытѣсненныя изъ своихъ жилищъ, сообща принуждены были искать новыхъ поселеній въ другихъ областяхъ. Здѣсь то и слѣдуетъ искать начала свободныхъ крестьянскихъ передвиженій и новыхъ возрвнй на способъ владѣнія землею. В. Г. Васильевскій предполагаетъ, что „именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соответствовалъ его возрвнйамъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи стараго римскаго права о личной собственности и позднѣйшаго установленія римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ“¹⁾. Это предположеніе имѣетъ наибольшую вѣроятность. Мы видѣли что, Славяне проникли во всѣ провинціи Балканскаго полуострова, столь важныя для византійской имперіи, для которой по этому подчиненіе Славянъ своей власти и введеніе у нихъ гражданскаго порядка было дѣломъ прѣвостепенной важности и настоятельной необходимости; а при своемъ умнѣнн находиться въ трудныхъ обстоятельствахъ она не могла избрать болѣе цѣлесообразнаго и практичнаго средства, какъ сдѣлать уступки въ своихъ традиціяхъ и дать законную санкцію тѣмъ формамъ быта, какія независимо отъ ея воли проникли въ жизнь ея провинцій.

Вотъ главные черты тѣхъ общественныхъ и экономическихъ отношеній, въ какія встали переселившіеся на Балканскій полуостровъ Славяне; законы, изъ которыхъ мы занимаемся съ этими отношеніями, не различаютъ никакихъ національностей, они одинаково обязательны для всѣхъ, и если признать въ самомъ дѣлѣ, возникнове-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. ноябрь, 105.

ніе этихъ законовъ благодаря переселенію Славянъ, то нужно будетъ признать и то, что вліяніе славянскихъ переселенцевъ на мѣстныхъ жителей сказалось и положительной своей стороной: они своимъ переселеніемъ не только разрушили старыя порядки, но и внесли начала для новаго. Само собой разумѣется, что и Славяне не остались безъ вліянія мѣстныхъ жителей, но вліяніе это нельзя назвать очень сильнымъ, потому что оно не отличалось единствомъ. Славяне встрѣтили на Балканскомъ полуостровѣ большею частію романизованное мѣстное (эракійское) населеніе, значительно смѣшанное съ разнообразными варварами временъ великаго переселенія народовъ; затѣмъ по берегу моря и въ Греціи—греческое населеніе. Это мѣстное населеніе вторженіемъ Славянъ было совершенно обезсилено. Провинціальная аристократія, имѣвшая мало-мальски средства, ушла въ большіе города; рабское сословіе было истреблено или разбѣжалось; бѣдные свободные жители были покорены, обращены въ рабство или же ушли въ другія области и недоступныя горныя мѣста, гдѣ занимались пастушествомъ, часто сохраняя свою независимость. Эти остатки романизованнаго населенія получили у Славянъ имя Влаховъ, которое приняли отъ нихъ потомъ и Греки. Влахи были довольно все-таки многочисленны; сохранились отъ этого времени и нѣкоторыя племенные ихъ имена (какъ напримѣръ Бессы, Сапай, Нероны, Долоны); въ языкѣ южныхъ Славянъ эти имена употребляются какъ нарицательныя для обозначенія раба, подчиненнаго, что указываетъ на зависимое положеніе этихъ племенъ у Славянъ¹⁾. Эти остатки романизованнаго населенія изъ Мизіи, Эракіи, Македоніи расселились и по другимъ областямъ, частію по своей волѣ, а вѣроятно большею частію по волѣ завоевателей Славянъ и Балгаръ; они являются потомъ въ южной Албаніи, Эссалии, а главнымъ образомъ въ теперешней Румыніи, куда ихъ переселенія начались очень рано; основу имъ положили можетъ быть даже тѣ многочисленные плѣнные, которые вводились Славянами за Дунай, пока они еще не утвердились къ югу отъ Дуная; при первыхъ болгарскихъ князьяхъ, какъ увидимъ, совершаются громадныя переселенія изъ областей къ югу отъ Дуная на сѣверный его берегъ. Вліяніе этого романизованнаго эракійскаго населенія на Славянъ сказалось въ ихъ языкѣ. Современный болгар-

¹⁾ Дриновъ, 137, Roesler, 75.

скій языкъ доказываетъ, что не только въ немъ есть слова заимствованныя изъ туземнаго языка, но и грамматическій строй его приблизился къ типу языковъ романскихъ, напримѣръ упадокъ склоненій, принятіе члена и т. д. Впрочемъ нельзя утверждать положительно, что строй болгарскаго языка измѣнился именно подъ вліяніемъ романскаго, — онъ могъ измѣниться въ указанномъ направленіи вообще отъ соприкосновенія болгарскихъ Славянъ съ иноплеменниками, которому они подвергались болѣе другихъ славянскихъ племенъ ¹⁾. Вообще вліяніе романизованнаго населенія полуострова на Славянъ было довольно слабо вслѣдствіе подавленности и разбросанности этого элемента. Но была и другая причина слабости этого вліянія и причина очень важная, — это паденіе латинскаго элемента въ Византіи. Имперія въ это время поддерживалась уже Греками; населеніе столицы состояло изъ различныхъ элементовъ, но греческій преобладалъ. Главный притокъ государственныхъ дѣятелей шелъ теперь изъ провинцій греческихъ, мало-азіатскихъ. Прежде Мизія, Фракія и Македонія доставляли въ столицу романизованныхъ провинціаловъ; главные дѣятели самой блестящей эпохи византійскаго романизма, эпохи Юстиніановой, происходили почти всѣ, начиная съ императора, именно изъ этихъ провинцій; но съ ослабленіемъ мѣстнаго населенія, вслѣдствіе притока варваровъ, этотъ источникъ сталъ изсякать. Затѣмъ христіанство, сроднившееся съ греческою націею, всюду доставившую мѣсто греческому вліянію, гдѣ не признавалось зависимости отъ римскаго патріарха. Торговля также была болѣею частію въ рукахъ Грековъ. Все это имѣло огромное вліяніе на судьбу Славянъ, поселившихся въ римскихъ провинціяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Вліяніе романское и греческое перекрещивались и взаимно ослаблялись; съ правительственной стороны шло теперь греческое вліяніе, но въ мѣстныхъ элементахъ занятыхъ Славянами земель оно не находило поддержки: въ нихъ сохранялась закваска римская. Гдѣ было больше Грековъ, тамъ и вліяніе ихъ было сильнѣе: пелопонезскіе Славяне, какъ многочисленны они не были, съ

¹⁾ На основаніи исследования Миклошича: Die slavischen Elemente im Rumunischen о вліяніи языка романизованныхъ Фракійцевъ на языкъ Болгарскій говорятъ Дриновъ и Иречекъ, стр. 141; сравни. рец. *Макушевса* Ж. М. Н. П. апрѣль 1878, стр. 269—272.

теченіємъ времени обратились въ Грековъ. Славяне же Фракіи, Македоніи и Мизіи съ перваго раза встрѣтили два различныя вліянія и вполнѣ не подчинились ни тому, ни другому. Впрочемъ, и съ ними могло бы случиться со временемъ то-же, что и съ Славянами пелопонезскими, еслибы они остались разрозненными подданными Византіи и не соединились въ одно цѣлое. Начало объединенія Славянъ положено было вторженіемъ болгарской орды Аспаруха, положившаго основаніе Болгарскому государству на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне, съ приходомъ Болгаръ, приняли въ себя новый элементъ, но какъ тѣ два мѣстныхъ чуждые элемента, такъ и этотъ третій не получилъ преобладанія; если нельзя сказать, что Славяне остались совершенно безъ вліянія Болгаръ, то нельзя тѣмъ болѣе сказать, что населеніе сдѣлалось не чисто славянскимъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Утвержденіе Болгарь въ Мизіи и первый періодъ войнъ съ Византією.—Крумъ.—
Столкновеніе Болгарь съ Франками.—Взаимныя отношенія Болгарь и Славянъ.

Съ Болгарами намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться: объ ихъ вторженіяхъ въ Мизію и Фракію упоминалось въ концѣ V, въ VI и началѣ VII столѣтія. Болгаре дѣлаются извѣстными подь своимъ именемъ сначала у латинскихъ писателей; изъ византійцевъ первый упоминаетъ ихъ имя Прискъ, а потомъ Теофилактъ Симоката; во всеобщее же употребленіе входитъ имя Болгарь у византійскихъ писателей IX вѣка — патріарха Никифора и Теофана. Эти послѣдніе писатели рассказываютъ и первоначальную исторію Болгарь.

По свидѣтельству Никифора и Теофана, пользовавшихся въ данномъ случаѣ очевидно однимъ и тѣмъ же источникомъ, родиною Болгарь была область рѣки Кубани и Азовскаго моря. Впрочемъ географическія подробности, сообщаемыя Теофаномъ, довольно сбивчивы ¹⁾. Прокопій, совсѣмъ не употребляющій въ своихъ сочиненіяхъ имени Болгарь, помѣщаетъ въ этой области Утургуровъ и Кутургуровъ, называя ихъ Гуннами, древними Киммеріянами ²⁾. Географическія указанія Прокопія отличаются обычно у этого писателя отчетливостью, хотя онъ и примѣшиваетъ къ своему рассказу черты изъ перваго нашествія Гунновъ. Иорданъ знаетъ Болгарь подь ихъ собствен-

---

¹⁾ Nicephori Constantinopolitani de rebus post Mauvicium gestis, ed. Bonn. p. 38; Theophanis Chronographia, ed. Bonn., p. 544—548.

²⁾ Procopius de b. Goth. tib. IV, c. 5, 18.

ныиъ именовъ и поимѣщаетъ ихъ за Агатирами надъ Понтомъ ¹⁾. Въ разсказѣ Менандра о движеніи на западъ Аварь, которые, какъ мы видѣли ранѣе, на пути воюють съ Утургурами и Кутургурами, можно видѣть подтвержденіе того, что говоритъ о послѣднихъ Проконій. Если признать Утургуровъ и Кутургуровъ Проконія, какъ дѣлають многіе ученые, напр. Энгель, Шлеперъ, Реслеръ и др., Болгарами Теофана и Никифора, то исторія Болгаръ дѣлается извѣстною съ конца V вѣка.

По удаленіи Готовъ въ предѣлы римской имперіи, по свидѣтельству Проконія, мѣста ихъ жительства, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, заняли Кутургуры, которые, не смотря на дань, получаемую отъ римскаго императора, часто дѣлали нападенія на южный берегъ Дуная. Соплеменники ихъ Утургуры остались около береговъ Азовскаго моря, имѣя къ югу Готовъ, а къ сѣверу Аятовъ. Около нихъ жили также собственные Гунны, оставшіеся послѣ Аттилы.

Въ VI вѣкѣ Авары завоевали Болгаръ и часто водили ихъ вмѣстѣ съ собою въ походахъ противъ Византіи. Въ періодъ зависимости отъ Аварь, Болгаре попадаютъ, какъ мы видѣли ранѣе, въ самыхъ западныхъ предѣлахъ Аварскаго царства. Трудно сказать, какъ велика была зависимость Болгаръ отъ Аварь. Нельзя кажется считать эту зависимость очень сильною, такъ же точно, какъ и зависимость Славявъ, жившихъ въ теперешнихъ Молдавіи и Валахіи. У тѣхъ и другихъ видимъ своихъ мѣстныхъ князей. Слабость Болгаръ происходила отъ ихъ разбросанности. По свидѣтельству Теофана въ первой половинѣ VII вѣка, именно въ царствованіе императора Ираклія, Куврату удалось объединить Болгаръ и благодаря этому свергнуть аварское иго. Это освобожденіе отъ Аварь произошло не безъ участія византійской политики: Ираклій, имѣвшій въ виду чужими руками сломить могущество Аварь, успѣшилъ заключить союзъ съ Кувратомъ (около 634—641 г.), подобно тому какъ онъ заключилъ извѣстныя условія съ Хорватами и Сербамъ противъ тѣхъ же Аварь.

Никифоръ и Теофанъ рассказываютъ, что по смерти Куврата, власть надъ Болгарами раздѣлили пять его сыновей и, вопреки за-

---

¹⁾ Jordan. de reb. et., p. 28 ed. Closs: distendantur supra mare Ponticum Bulgarorum sedes.

вѣщанію отца, разошлись съ своими ордами по разнымъ сторонамъ¹⁾. Этотъ рассказъ Теофана и Никифора Иловайскій²⁾ считаетъ баснею, указывая на то, что расселеніе Болгаръ произошло ранѣе, именно, когда они раздѣлились на двѣ главные вѣтви—Утургуровъ и Бутургуровъ. Совершенно справедливо, что расселеніе Болгаръ произошло ранѣе; но потому—то по смерти Буврата и не могло быть единства между ними; орды ихъ кочевали въ разныхъ мѣстахъ и раздѣленіе было неизбежнымъ.

Для освобожденія отъ Аваръ эти болгарскія орды дѣйствуютъ согласно; но какъ скоро получили свободу и лишились одного общаго вождя, каждая орда стала дѣйствовать самостоятельно и очень можетъ быть, что предводителями этихъ ордъ сдѣлались дѣти Буврата³⁾.

Въ царствованіе Константина Погоната (668—685) одна изъ этихъ болгарскихъ ордъ, предводимая третьимъ сыномъ Буврата, Аспарухомъ, и утвердившаяся между Днѣстромъ и Дунаемъ, стала дѣлать нападенія за Дунай на Добруджу и далѣе на Мизию къ Балканамъ. Это заставило императора предпринять походъ противъ Болгаръ; сначала греческое оружіе имѣло успѣхъ, но послѣ пораженія, нанесеннаго императорскими войскамъ въ 679 году, императоръ заключилъ миръ, имѣвшій очень важныя послѣдствія. По этому миру Болгарамъ формально уступлена была страна между Балканами и Дунаемъ, сдѣлавшаяся зерномъ Болгарскаго государства. Болгаре покорили жившія тутъ семь славянскихъ племенъ и однихъ изъ нихъ поселили на восточной границѣ при Берегавскомъ проходѣ, а другихъ на южной и западной, въ сосѣдствѣ съ владѣніями Аваръ⁴⁾.

Какъ объяснить такой поступокъ византійской политики? Ужели Аспарухъ нанесъ такой ударъ Имперіи, что она не могла долѣе бо-

¹⁾ Nicephor. p. 38; Theophan. p. 545.

²⁾ Разсказанія о началѣ Руси, стр. 90.

³⁾ Характеръ басни придавать рассказу Никифора и Теофана о Кувратѣ не позволяетъ то обстоятельство, что въ ихъ изложеніи сохранились слѣды близости къ событію автора того источника, которымъ они пользовались.

⁴⁾ Nicephor. p. 40; Theoph. p. 549. Теофанъ называетъ Ἐπτά σλαβῶν; и Ἐσβαρίαι; одни считаютъ послѣднихъ Славянами и включаютъ въ число семи, другіе отождествляютъ ихъ съ гунно-болгарскимъ племенемъ Σαβίροι (Theoph. Simos. VII, 8) и исключаютъ изъ семи племенъ; по контексту естественнѣе исключать ихъ изъ семи, но нѣтъ никакого основанія отождествлять съ Савирами.

ротья съ сѣверными варварами и допустила отдачу этихъ земель безъ надежды на возвращеніе? Правда, имперія въ это время была слаба; Арабы отняли у нея столько провинцій и продолжали нападать даже на самую столицу. Но послѣдующія обстоятельства позволяютъ въ этомъ мирѣ съ Болгарами видѣть продолженіе той политики, которую приняли византійскіе императоры послѣ того, какъ полководцы Маврикія показали невозможность удерживать варваровъ за Дунаемъ. Лишившись большей части романизованнаго населенія Балканскаго полуострова, византійское правительство становилось все болѣе и болѣе греческимъ. Для него населеніе сѣверной части полуострова было во всякомъ случаѣ чуждымъ, варварскимъ и усиленіе его новымъ такимъ же элементомъ не представляло никакой особенной опасности. Если сразу не удалось подчинить своей власти этихъ новыхъ варваровъ, то, вѣроятно, были надежды сдѣлать это потомъ, когда будутъ закрѣплены за Византіей прежніе славянскіе поселенцы Балканскаго полуострова.

Впустивъ Болгаръ въ предѣлы своей имперіи, Константинъ обратилъ все свое вниманіе на устройство правильныхъ отношеній къ варварамъ, какъ внутреннимъ, такъ и сосѣднимъ по Дунаю. Такъ съ Аварамъ былъ заключенъ миръ; тогда же подтверждены условія, на которыхъ Хорваты и Сербы владѣли занятыми ими землями. Въ земляхъ, смежныхъ съ Болгарами, введено новое устройство. Фракія, къ югу отъ Балканъ, со времени отдачи Мизіи Болгарамъ, была организована, какъ «тема», то-есть въ ней расположены были постоянныя войска, подъ начальствомъ стратега, имѣвшаго также надзоръ и за гражданскимъ управленіемъ¹⁾. Преемникъ Константина Погоната, Юстиніанъ II, какъ мы видѣли ранѣе, остановилъ набѣги на Солунъ и ослабилъ славянскій элементъ Македоніи переселеніемъ въ Азію. Эти мѣры Юстиніана должны были препятствовать распространенію Болгарскихъ владѣній далѣе на юго-западъ.

Но тотъ же Юстиніанъ II поднялъ значеніе Болгаръ: изгнанный своимъ соперникомъ въ Херсонѣ Таврической, онъ бѣжалъ оттуда къ преемнику Ассаруха, болгарскому князю Тервелю, и съ помощію его возвратилъ себѣ престолъ (705). За свою услугу болгарскій князь былъ награжденъ почестями въ Константинополѣ и ти-

¹⁾ *Hertzberg*, S. 188, 185.

туломъ кесаря ¹⁾. Болгаре вступаютъ такимъ образомъ въ кругъ византійской политики не только внѣшней, но и внутренней; они играютъ роль въ династическихъ византійскихъ спорахъ и прочищаютъ себѣ путь къ болѣе широкимъ притязаніямъ, которыя и предъявили когда сдѣлались христіанами.

Съ этого времени до начала IX вѣка, до Крума, Болгаре не сдѣлали никакихъ новыхъ приобретеній на Балканскомъ полуостровѣ, хотя войны съ Греками были частыя. Нѣсколько разъ Византійскіе императоры должны были подкрѣплять миръ данью, но перевѣсъ въ войнахъ большею частію оставался на сторонѣ Грековъ: Болгаре терпѣли больше поражений, чѣмъ Греки. Вліяніе Грековъ на Болгарь было довольно сильное: въ Болгаріи образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна была расположена къ Грекамъ и стояла за миръ съ ними, другая, наоборотъ, въ мирѣ съ Греками видѣла опасность для своей свободы. Греки въ это время приняли энергическія мѣры къ укрѣпленію своей власти въ земляхъ, занятыхъ на полуостровѣ Славянами, не подчинившимися власти Болгарь. Вотъ нѣкоторыя подробности изъ этого періода. Въ 707 году Юстиніанъ II, нарушившій миръ, былъ разбитъ при Анхіанѣ. До 714 года миръ смѣнялся войною; въ этомъ году былъ заключенъ торговый договоръ съ Кормесіемъ. Въ 717 году Болгаре помогаютъ отражать Арабовъ, осаждавшихъ Константинополь. Левъ Исавръ въ 719 году долженъ былъ заставить Болгарь заключить миръ, въ то время какъ они пытались возстановить изгнаннаго императора ²⁾. Съ этого времени почти на 40 лѣтъ прекращаются у Византійскихъ писателей извѣстія о Болгарахъ; неизвѣстны даже имена Болгарскихъ князей этого времени. За то въ Византійской имперіи совершились въ это время весьма важныя преобразованія, упомянуть о которыхъ будетъ

¹⁾ Гильфердингъ утверждаетъ, что кромѣ того Юстиніанъ II тогда же отдалъ Тервелю землю къ югу отъ Балканъ между нынѣшними городами Сливномъ и Бургасомъ, включая приморскіе города Анхіаль и Месемврію, — землю, которая у болгарскихъ Славянъ, а за ними и у Грековъ называлась Загорою. Но объ этомъ свидѣлствуютъ только позднѣйшіе византійскіе компиляторы Зонара и Йоель и вѣрять имъ нельзя, тѣмъ болѣе, что потомъ эту область видимъ въ рукахъ Византии. См. *Stritteri*; *Memor. popul. t. II, 2, § 24*; *Гильфердингъ*, собраніе сочин. I, 32.

²⁾ Объ этихъ событіяхъ *Theoph. Chron.* p. 575, 576, 586; *Niceph.* p. 48, 49, 54, 68.

не излишне, такъ какъ они имѣли большое вліяніе на Славянъ, жившихъ въ имперіи.

Къ этому времени имперія потеряла большую часть своихъ провинцій, гдѣ были народы не греческой національности. Исаврійская династія поставила себѣ задачею воспользоваться всѣми силами, какія оставшіяся въ рукахъ правительства провинціи могли доставить для поддержанія государства, которому постоянно угрожала опасность сдѣлаться добычею варваровъ. Средствомъ для достиженія этой цѣли избрано было усиленіе центральной власти: возстановленіе прочной связи провинцій съ центральнымъ правительствомъ, водвореніе порядка, твердости и быстроты въ управленіи и въ исполненіи гражданскихъ обязанностей, улучшеніе финансоваго хозяйства, которое Левъ Исавръ взялъ подъ свой личный надзоръ, сбора податей; особенное вниманіе обращено было на исправленіе и увеличеніе вооруженныхъ силъ; Левъ создалъ новое войско, которое исполняло свою задачу охраны границъ и внутренняго мира и вмѣстѣ съ тѣмъ не было причиною мятежей. Къ числу этихъ мѣръ относится окончательное утвержденіе новаго порядка размѣщенія военныхъ силъ, именно начатая еще при Иракліи организація такъ называемыхъ «темъ», военныхъ округовъ. На Балканскомъ полуостровѣ получили окончательную организацію слѣдующія темы: *Фракійская* до Родопа, къ западу отъ нея *Стримонская*, на горахъ по верхнему теченію Стримона, образованная со времени подчиненія стримонскихъ Славянъ и теперь служившая охраною отъ подчиненія этихъ Славянъ Болгарамъ; тема *Солунь* — прибрежная область отъ устья Пенея до Стримонскаго залива, образованная конечно подъ впечатлѣніемъ нападеній Славянъ на Солунь и выдѣленная изъ областей темы *Македонской*, которая обнимала, кромѣ остальныхъ частей Македоніи, Фессалію и нѣкоторые острова; средняя Греція организована была въ тему *Элладу*, управленіе которою находилось въ Фивахъ; въ темѣ *Пелопонезъ* главнымъ городомъ былъ Коринѣ¹⁾. Во главѣ каждой темы стоялъ стратегъ, командиръ мѣстныхъ войскъ и наблюдатель за гражданскимъ управленіемъ (антипатъ, проконсулъ); отъ него зависѣли разные военные чины, получавшіе различныя названія — по роду службы, напр. клисурархи, турмархи и т. п.

¹⁾ *Hersberg*: Geschichte der Griechenland. B. I, S. 184—185.

Въ этому времени относится усиленіе славянскаго элемента въ Греціи. Въ 747 и 748 годахъ моровая язва истребила массу греческаго населенія. Съ сѣвера подались на югъ Славяне, вѣроятно не безъ вліянія Болгарь, отъ которыхъ они бѣжали. Въ этому времени относится знаменитая фраза Константина Порфиророднаго «ославились вся страна и стала варварскою» ¹⁾. Однако нельзя представлять себѣ въ этомъ случаѣ полного уничтоженія греческаго населенія, ибо Константинъ Копронимъ для увеличенія греческаго населенія столицы, вымершаго отъ моровой язвы, нашелъ возможнымъ перевести многихъ жителей Греціи ²⁾.

При Константинѣ Копронимѣ опять возобновляются извѣстія о Болгарахъ. Константинъ строилъ крѣпости во Фракіи и переселялъ туда изъ Азій Сирійцевъ и Армянь изъ Мелитень и Феодосіополя ³⁾. Болгаре посмотрѣли на это неблагожелательно и, сдѣлавъ набѣгъ, проникли до длинныхъ стѣнъ столицы, однако были отражены; затѣмъ Константинъ Копронимъ сухимъ путемъ и моремъ сдѣлалъ большой походъ въ ихъ землю и нанесъ сильное пораженіе, въ 755 году. Но въ 759 году Болгаре опять одержали верхъ при Береговскомъ ущельѣ ⁴⁾. Во время этихъ набѣговъ во Фракію, Славяне подъ ихъ предводительствомъ еще разъ попытались въ 757 г. сдѣлать нападеніе на Солунь, который былъ однако защищенъ адмираломъ Сизивіемъ, подошедшимъ отъ острова Скиаѳа ⁵⁾; въ 758 году Стримонскіе Славяне возобновляютъ морскіе грабежи и дѣлаютъ возмущеніе у себя дома; это побудило императора Константина усмирить ихъ ⁶⁾ и переселить часть ихъ въ малую Азію ⁷⁾.

Между тѣмъ, въ Болгаріи произошли междуусобія, подробности которыхъ хорошо рисуютъ болгарскія внутреннія отношенія. Въ 762

¹⁾ Const. Porphyrogen. De themat. II, b: ἐσλαβόθη δὲ πάσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος.

²⁾ Herzberg, ibid. 193.

³⁾ Theophan. Chronogr., p. 662. Этими переселенцами Теофанъ приписываетъ распространеніе здѣсь павликіанства.

⁴⁾ Theoph. Chron. p. 662 и сл., 665, Niceph. 74, 75, 82.

⁵⁾ Tafel, De Thessalonica ejusque agro, p. XC—CV; Tougaard, p. 188 и сл.

⁶⁾ Τὰς κατὰ Μακεδονίαν Σλαβίνιας ἠχμαλώτευσεν καὶ τοὺς λοιποὺς ὑποχείριους ἐπὶ ἤσεν. Theophan. p. 663.

⁷⁾ Niceph. p. 77.

году «Гунны-Болгаре» свергли царствующій родъ и поставили Телца, который дѣлалъ нападенія на Оракію; въ это время множество Славянъ, покинувъ свою родину, прибѣгли добровольно къ императору и переплывъ Эвксинъ, поселились по его указанію у рѣки Артаны (близъ черноморскаго берега Малой Азіи, въ Віенніи); ихъ было, говорятъ, 268,000. Телецъ съ 20 тысячами войска изъ Болгаръ и Славянъ въ 763 году былъ разбитъ при Анхіалѣ. Въ Болгаріи произошелъ мятежъ: восторжествовала партія склонная къ миру съ Греками, и княземъ былъ поставленъ Савинъ, зять прежняго князя Кормесія; противная партія кричала однако: «черезъ Савина Болгарія сдѣлается рабою Ромеевъ», такъ что Савинъ долженъ былъ бѣжать къ императору. Въ Болгаріи такъ много было друзей Ромеевъ, что посланные императоромъ безопасно привели семейство и родственниковъ Савина изъ Болгаріи. Но и новый болгарскій князь Баянъ (или Паганъ) считалъ нужнымъ просить мира, для чего и ѣздилъ вмѣстѣ съ боярами въ Константинополь, въ 764 г. Миръ былъ заключенъ, но были схвачены въ Болгаріи и казнены въ Константинополѣ—Северъ, славянскій князь, причинившій много вреда во Оракіи, и нѣкоторые другіе. Въ Болгаріи произошло однако опять возмущеніе; опять Болгаре на мѣсто Умара, сторонника Савина, поставили Тохту, зятя Баяна, но, съ приближеніемъ императора къ устью Дуная, эта враждебная Византіи партія потерпѣла пораженіе, Тохта и Баянъ были убиты (въ 765 году). Въ слѣдующемъ году была предпринята императоромъ большая морская экспедиція въ Месемврію и Анхіалъ, но буря разбила корабли. Новая экспедиція Константина Копронима была въ 774 году; она кончилась *писменнымъ* договоромъ—соблюдать границы. Но въ томъ же году Константинъ долженъ былъ снова предпринять походъ, чтобы предупредить нападеніе Болгаръ, о которомъ извѣстиями его тамошніе друзья. Однако новый князь Церигъ хитростію вывѣдалъ у императора имена этихъ приверженцевъ и перебилъ. Константинъ рвалъ сѣдые свои волосы отъ гнѣва на этотъ обманъ и сталъ готовиться къ походу, но умеръ (13-го сентября 775 года), не успѣвъ совершить этого дѣла. Однако Церигъ или Телеригъ потомъ самъ убѣжалъ въ Константинополь, гдѣ породнился съ царствующимъ домомъ, принялъ христіанство и получилъ титулъ патриція въ 777 году; это было уже при Львѣ Хазарскомъ. При малолѣтнемъ Константинѣ VI римское войско понесло пораженія—въ 791 и 792 годахъ отъ болгарскаго князя Кардама;

въ 796 году было новое столкновение, не имѣвшее впрочемъ никакихъ результатовъ ¹⁾.

Царствованіе Ирины, матери Константина VI, урожденки Аенны, замѣчательно мѣрами, принятыми къ восстановленію преобладанія Грековъ въ Пелопонезѣ. Для войны съ Арабами въ Сициліи и Италіи была выведена большая часть войскъ, расположенныхъ въ темахъ Эллады и Пелопонезѣ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались Славяне Греціи для возстанія съ цѣлю освобожденія отъ византійской власти. Но въ 783 году съ Арабами былъ заключенъ миръ, и императрица Ирина послала полководца Ставракія усмирять Славянъ; онъ прошелъ черезъ темы Солунскую, Фессалійскую и Элладу; до Коринтскаго перешейка покорились византійской власти всѣ жупаны. Пелопонезскіе же Славяне были только ограблены и часть ихъ уведена въ плѣнъ; потому то опять появляются на морѣ славянскіе пираты. Въ 799 году одинъ изъ фессалійскихъ славянскихъ язычниковъ, именно жупанъ Берзеціи, Авамиръ, вошелъ въ соглашеніе съ аенинскою партіею приверженцевъ дѣтей Копрониа, сосланныхъ въ Аены, для ихъ освобожденія, но этотъ замыселъ не удался ²⁾. Въ царствованіе императора Никифора пелопонезскіе Славяне подняли возстаніе съ цѣлю овладѣть приморскими укрѣпленными городами, но понесли жестокое пораженіе при осадѣ Патръ въ 807 году. Пораженіе Славянъ при Патрахъ было началомъ ихъ ослабленія и поглощенія греческимъ элементомъ. Всѣ плѣнные, взятые при этой побѣдѣ Греками, равно какъ и вся добыча, отданы были въ собственность патраской церкви св. Андрея. Подчиненные окрестные Славяне должны были платить подать той же церкви. Изъ патраской епископіи образована была новая митрополія съ подчиненными епископами Македонскимъ, Коринтскимъ и Лакедемонскимъ. Это была мѣра византійской политики—помощію церкви и христіанской миссіи дополнять силу оружія. Въ то же время для усиленія греческаго элемента начались переселенія въ Элладу и Пелопонезъ Грековъ—Ромеевъ изъ другихъ областей имперіи ³⁾. Кстати скажемъ здѣсь о дальнейшей судьбѣ пелопонезскихъ Славянъ. Съ послѣд-

¹⁾ О этихъ событіяхъ рассказываютъ Никифоръ р. 77 и сл. и Теофанъ, р. 678 и сл.

²⁾ О пелопонезскихъ Славянахъ у Теофана ed. Вон. I, 707 и 734 и сл. и Льва Грамм. ed. Вон. 194 и 200.

³⁾ См. *Hersberg*, 211—218.

нихъ лѣтъ царствованія Теофила, вслѣдствіе ли сарапинскихъ успѣховъ въ Архипелагѣ, или вслѣдствіе гнета византійскаго правительства, пелопонезскіе Славяне возобновили нападенія на Грековъ, которые одни не могли справиться и нуждались въ помощи центрального правительства. Θεодора въ 849 году послала полководца Θεоктиста Вріеннія, который скоро усмирилъ мятежниковъ и заключилъ договоръ съ Езеритами и Мелинтами, которые одни изъ всѣхъ пелопонезцевъ оставались независимыми на склонахъ Тайгета, съ обязательствомъ платить подать. Около этого же времени жупаны исчезли, и Славяне сдѣлались обыкновенными подданными византійскаго императора ¹⁾. Всего же болѣе закрѣпляла Славянъ церковь: вездѣ строились монастыри съ уставомъ св. Василія; Θεофилъ построилъ въ Этоліи знаменитый Прузскій монастырь ²⁾.

Съ первыхъ лѣтъ IX вѣка начинается новый періодъ въ болгарской исторіи: начинается быстрое расширеніе границъ и столкновенія не только съ Византією, но и съ западнымъ міромъ. На болгарскомъ престолѣ является княземъ Крумъ, прославившійся своими побѣдами. Походы его были уже не съ одною цѣлю грабежа, но и съ цѣлю завоеваній. Сдѣлавъ въ началѣ 809 года грабительскій набѣгъ на Стримонскую область, чтобы изъ военной добычи уплатить жалованье войнамъ, къ веснѣ того же года онъ беретъ Сардику (Софію), укрѣпленный городъ, до сихъ поръ служившій Грекамъ опорнымъ пунктомъ для отраженія нападеній Болгаръ со стороны юго-западной границы послѣднихъ. Императоръ Никифоръ собралъ большое, но мало обученное войско и чрезъ два года отправился въ походъ, проникъ внутрь Болгаріи, но выбраться оттуда не могъ, такъ какъ Болгаре сдѣлали завалы во всѣхъ Балканскихъ проходахъ, и императоръ Никифоръ погибъ тамъ со всѣмъ своимъ войскомъ (25 іюня 811 г.). Послѣ этой побѣды Крумъ направился съ войсками къ Черному морю, чрезъ Провать къ Анхіалу; этотъ городъ ему сдался. Болгаре проникли въ Македонію; Филиппополь, Филиппы, Верея, жители по рѣкѣ Стримону сдавались имъ. Михаилъ Рангависъ старался собрать всѣ силы, чтобы остановить Крума, но послѣдній продолжалъ свои завоеванія, взявъ Месемврію и Девельтъ, причемъ жителей съ еписко-

¹⁾ *Herzberg*, 223.

²⁾ *Hopf*, въ Энцикл. Эрша и Грубера, В. 85, S. 113.

пожъ отправилъ за Дунай. Одержавъ побѣду въ 813 году при Адрианополѣ, онъ осадилъ Константинополь, но ушелъ не окончивъ дѣла и ограничился опустошеніемъ и разграбленіемъ окрестностей Константинополя и на обратномъ пути взялъ Адрианополь, причежъ опять до 10,000 мѣстныхъ жителей переселилъ въ Задунайскую Болгарію. Какъ ни трудно приходилось византійскому правительству, однако оно не хотѣло заключить мира, и въ 814 году Крумъ опять готовится къ походу ¹⁾, но внезапно умираетъ. Преемники Крума живутъ въ мирѣ съ Византією: они заняты дѣлами на сѣверо-западѣ. Тамъ произошли около этого времени важныя перемѣны, послужившія можетъ быть причиною и нашествій Крума ²⁾. Остались ли взятые Крумомъ города за Болгарами или опять отошли къ Римлянамъ, объ этомъ нельзя сказать положительно. Если уже съ Крумомъ Византійскій императоръ не хотѣлъ мириться, то онъ конечно не помирился бы и съ преемниками его, если бы отнятыя города не были, хотя частію, возвращены Грекамъ. При Теофілѣ видимъ стратеговъ Фракіи и Македоніи; въ это время возвращаются прежніе жители, увведенные въ плѣнъ Крумомъ. Граница Болгарская считалась настолько безопасною, что войска темъ Фракійской и Македонской уводятся въ Азію для войны съ Арабами: это было даже обычнымъ правиломъ ³⁾. Впослѣдствіи при Борисѣ, послѣ его крещенія, уступается ему Византією Загора: если уже Загора, ближайшая къ первоначальной болгарской территоріи область, принадлежала Римлянамъ, то тѣмъ болѣе вышеупомянутые города.

Опредѣлить западную границу Болгаріи весьма трудно. При занятіи Мизіи Аспарухъ поселилъ найденныя въ ней семь Славянскихъ племенъ на западъ «къ границамъ Аваріи», но гдѣ именно—неизвѣстно. Впослѣдствіи являются извѣстія о Тимочанахъ, Враничевцахъ, Кучанахъ и Бодричахъ, зависѣвшихъ отъ Бол-

¹⁾ Въ Византіи тоже готовились. Въ 814 году греческіе послы просили помощи у Людовика противъ Болгаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Anst. Lamb. a. 814. Pertz, I, 122.

²⁾ Обо всѣхъ вышеупомянутыхъ войнахъ извѣстія находятся у Теофана и его продолжателей, а также у позднѣйшихъ компиляторовъ; у *Stritter'a* §§ 60—70.

³⁾ Theophan. Contin. ed. Вop. p. 181 г. εἰρηγεύοντων τῶν Βουλγάρων νόμος ἦν αὐτοῖς (στρατηγοῖς ταγμάτων τῶν Φράκας καὶ Μακεδονίας) μετὰ τῶν Ἀνατολικῶν συγγινόμενα καὶ στρατεῖαν.

гарь. Шафарикъ видитъ въ нихъ потомковъ вышеупомянутыхъ семи славянскихъ племенъ и опредѣляетъ границу Болгаріи Сербскою и Болгарскою Моравою ¹⁾. Валахія и восточная Венгрія принадлежали Болгарамъ, по мнѣнію Шафарика, такъ же съ самаго поселенія ихъ въ Мизіи.

Въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка завоеванія Карла Великаго произвели большія перемѣны въ положеніи народовъ къ западу отъ Болгаріи. Въ это время окончательно уничтожена была власть Аварь. Могущество ихъ, созданное Баяномъ, уже въ VII вѣкѣ колебалось: союзъ славянскихъ народовъ при Само, переселеніе Сербовъ и Хорватовъ и особенно подъ вліяніемъ Византійской политики сверженіе аварской власти Болгарами, поселеніе послѣднихъ въ Мизіи въ сосѣдствѣ съ Аварями—были причиною ихъ ослабленія. Окончательный ударъ нанесенъ былъ Карломъ Великимъ. Подчинивъ Баварское герцогство, Карлъ сдѣлался сосѣдомъ Аварь, земля которыхъ начиналась отъ рѣки Энжи. Поддержка, оказанная Аварями бѣжавшему баварскому герцогу Тассило, послужила причиною вражды Франковъ съ Аварями. Въ 791 году завоевана собственная «Аварія», между Энжею и Раабомъ. Въ 795 году маркграфъ фриульскій Эрхъ съ хорутанскимъ княземъ Звониміромъ взяли главный аварскій станъ (hgingus) за Дунаемъ. Въ 796 году Пининъ, сынъ Карла, король Итальянскій, довершилъ завоеваніе земли аварской, гналъ ихъ за Тиссу. Уничтоживъ Аварь, Франки овладѣли страной отъ рѣки Энжи до впаденія Дравы въ Дунай. Страна эта, и при Авахъ не отличавшаяся многолюдствомъ, колонизована была баварцами и главнымъ образомъ Славянами изъ Верхней Моравіи. Какъ эти вновь поселившіеся Славяне, такъ и прежде тутъ жившіе подчинились Франкамъ. Кромѣ этихъ аварскихъ земель въ концѣ VIII вѣка Франкамъ подчинились и другія земли, въ которыхъ были Славяне: Хорутанія, Истрія, Либурнія, сѣверная Далмація до Центины, кромѣ приморскихъ городовъ, принадлежавшихъ Византіи. Юговосточную границу франкскихъ владѣній опредѣлить трудно. Дюмлеръ полагаетъ, что границею съ Сербіей была рѣка Вербасъ, съ Болгаріей же Дунай между Савою и Дравою ²⁾. Изъ этихъ ново-

¹⁾ Шафарикъ, т. II, 1, стр. 262—265.

²⁾ Dümmler: Über die südöstlichen Marken des Fränkischen Reiches unter den Karolingern (795—907). Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. X Band, I Abth. 1853. S. 15.

приобрѣтенныхъ земель образованы были пограничныя Марки: *восточная* или аварская, изъ которой впоследствии образовалось герцогство ракузское, *хорутанская* и *словенская*; словенская марка присоединена была вскорѣ къ маркѣ фриульской, въ составъ которой входили Хорутанія, Истрія, Либурнія, Далмація и земля между Савою и Дравою; восточная марка до Людовика нѣмецкаго постоянно отличалась отъ Баваріи, но потомъ была вмѣстѣ съ Хорутаніей присоединена къ Баварскому герцогству¹⁾). Управление этими землями поручалось маркграфамъ, которые для управленія страню пользовались мѣстными князьями или старѣйшинами, сохранявшими самостоятельность въ мѣстномъ управленіи. Почти у всѣхъ славянскихъ народовъ, подчинившихся въ это время Франкамъ, существуютъ такіе свои правители. Для укрѣпленія своей власти надъ покоренными племенами Франки пользовались услугами церкви. Духовенство слѣдовало за войсками, обращало покоренные народы въ христіанство и организовало епархіи. Государственная и церковная организація такъ быстро и сильно забирала въ свои руки всѣхъ покоренныхъ жителей, что они скоро превращались въ жалкихъ рабовъ, и имя Славянинъ стало все болѣе и болѣе дѣлаться синонимомъ раба. Государственный и церковный гнетъ не могъ конечно не вызывать сопротивленія, и вотъ въ разныхъ мѣстахъ поднимаются мѣстные славянскіе правители съ цѣлю завоевать себѣ самостоятельность. Людевитъ, князь Хорватовъ, жившихъ между Дравою и Савою, не находя защиты у императора Людовика Благочестиваго противъ жестокости маркграфа Фриульскаго Бодолха, силою оружія хотѣлъ добыть себѣ независимость. Къ нему присоединились славянскія племена — Тимочане, получившіе это названіе отъ рѣки Тимока, незадолго перешедшіе подъ власть Франковъ, а ранѣе подчиненные Болгарамъ²⁾). Но ему еще не удалось основать самостоятельнаго государства, главнымъ образомъ потому, что его не поддержалъ другой хорватскій жупанъ, Борень, управлявшій Хорватами далматинскими: онъ былъ сильнѣйшимъ его врагомъ. Людевитъ боролся въ 819—822 годахъ; послѣ этой борьбы земли его опять подчинились Франкамъ; въ Франкфуртѣ на сеймѣ того же 822 года присутствуютъ послы даже Бодричей или Браничевцевъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Дуная отъ устья Дравы до Тимока, въ бачко-бодрогской

¹⁾ *Dümmier*, 16; *Успенскій*: Первые Славянскія монархіи на западѣ, стр. 24.

²⁾ *Dümmier*, I. c., S. 25.

жупани. Эти Бодричи ранѣе зависѣли отъ Болгарь. Такимъ образомъ произошло столкновение интересовъ Болгарь и Франковъ. Въ 824 г. въ первый разъ является болгарское посольство къ Людовику Благочестивому для переговоровъ о границахъ, по поводу вышеупомянутыхъ Бодричей, которые просили теперь у Людовика защиты отъ Болгарь.

Владѣнія Болгарь на такомъ далекомъ сѣверо-западѣ приобрѣтены были по всей вѣроятности при паденіи Аварскаго владычества отъ рукъ Франковъ. Какъ мы видѣли ранѣе, Болгаре во все время Аварскаго владычества составляли въ немъ значительный элементъ. Въ VII вѣкѣ восточные Болгаре освобождены были Кувратомъ, но послѣ его смерти, какъ извѣстно, одинъ изъ сыновей его ушелъ съ Ордою къ Аварамъ. Теперь, съ окончательнымъ паденіемъ аварской власти, эти Болгаре всего легче могли присоединиться къ Болгарамъ задунайскимъ. Остатки Аварь также вошли въ составъ Болгаріи. Во всякомъ случаѣ едва ли нужно считать власть Болгарь на западѣ такую древнюю, какъ полагалъ Шафарикъ, то есть со времени поселенія ихъ въ Мизіи.

Одними переговорами съ Франками нельзя было ничего сдѣлать, Омортагъ взялся за оружіе и въ 827 году, отправившись по Дунаю и Дравѣ, напалъ на Верхнюю Паннонію, выгналъ оттуда Франкскихъ правителей и овладѣлъ этою областью. Едва ли Болгаре долго владѣли Панноніею; уже въ 828 году противъ нихъ посланъ былъ молодой Людовикъ и вѣроятно прогналъ ихъ, но въ слѣдующемъ году Болгаре тѣмъ же путемъ вернулись снова. Въ 832 году послы Болгарь приходятъ къ императору съ дарами, что указываетъ на мирныя отношенія. Подъ 845 и 852 годами записаны извѣстія, намекающія также на мирныя отношенія Болгарь и подчиненныхъ имъ Славянъ къ Франкамъ ¹⁾. Но въ 853 году, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго посломъ Карла Лысаго, Болгаре и Славяне сдѣлали нападеніе на франкскія владѣнія, однако потерпѣли неудачу ²⁾. Въ 855 году Болгаре воюютъ съ Франками въ союзѣ съ Ростиславомъ, княземъ моравскимъ ³⁾; успѣхъ оказался на сторонѣ союзниковъ. До 864 года

¹⁾ Свѣдѣнія объ отношеніи Болгарь къ Франкамъ почерпаются изъ латинскихъ лѣтописей; всѣ мѣста изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ собралъ Любичъ въ статьѣ „О rosauskoj Hrvatskoj“, Rad Jugosl. Akad., kn. XLIII. 1878.

²⁾ *Dümmler*, 29.

³⁾ Ранѣе была неприязнь у моравскаго князя съ Болгарями; къ нимъ бѣ-

не было походовъ Людовика Нѣмецкаго въ Моравію, но зато въ 863 году онъ въ союзѣ съ Болгарами воевалъ, противъ сына Карломана, правителя восточной марки ¹⁾. И въ 864 году, когда Людовикъ собрался походомъ противъ Ростислава, Болгаре находятся въ союзѣ съ нимъ. Въ одной грамотѣ Папы Николая I-го говорится: «такъ какъ король имѣетъ намѣреніе отправиться въ Тульну и тамъ заключить союзъ съ царемъ болгарскимъ и волей неволей принудить Ростислава къ повиновенію, то просимъ Бога» и т. д. о помощи Людовику ²⁾.

Дѣла на сѣверо-западѣ привели Болгарь къ столкновенію съ Сербамъ, жившими за Моравой Сербской. Эти первыя столкновенія двухъ сосѣднихъ народовъ произошли при болгарскомъ князѣ Пресыамѣ и сербскомъ Властимирѣ ³⁾.

Около этого же времени Болгаре вошли въ сношенія съ вновь появившимися народомъ Уграми. Именно, въ царствованіе императора Теофила (829—842), неизвѣстно въ какомъ году, жители Македоніи, переселенные Кружомъ за Дунай, вздумали вернуться на родину подъ предводительствомъ Кордила, сына македонскаго префекта, посланнаго къ нимъ отцемъ. Въ это время болгарскій князь ушелъ въ Фессалонику ⁴⁾, должно быть съ цѣлю грабежа, и плѣнники стали переправляться черезъ рѣку. Болгаре переправились на лѣвый берегъ, но были разбиты и не могли вернуться назадъ. Тогда то они обратились къ Уграмъ. Несмотря однако на поддержку, оказанную Болгарами Уграми, плѣнники переправились домой и были водворены на своей родинѣ въ Македоніи ⁵⁾.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Болгарь и Славянъ.

жаль нитранскій князь Прибина въ 831 году, нехотѣвшій подчиниться Моймиру моравскому. Успенскій, Первыя Славянскія монархіи, стр. 43.

¹⁾ *Annal. Fuld.* а. 863, *Pertz*, I, 374.

²⁾ *Erbeni Regesta Bohem. et Morav.* № 83.

³⁾ *Const. Porphyrog. De administr. imper.* XXXII. *Banduri*, *Imp. Orient.* I, p. 100—102.

⁴⁾ Вѣроятно сдѣланъ былъ набѣгъ на солунскую область: ἐξελθόντος (у *Georg. Mon. ed. Bonn.* p. 818 — ἐξελθόντες) δὲ Μιχαὴλ Βουλγάρου ἐν Θεσσαλονίκῃ. *Leo ramm. ed. Bonn.* p. 232.

⁵⁾ *Leo ramm. ed. Bonn.* p. 231—233; *eorg. Mon. при Theoph. Contin. ed. Bonn.* p. 817—819.

Что касается національности Болгарь, то въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, въ какой группѣ народовъ они принадлежали. По самому распространенному и принятому лучшими учеными взгляду, Болгаре были не славянскаго и вообще не арійскаго происхожденія. Данныя въ пользу не славянскаго происхожденія Болгарь еще Шафарикомъ собраны и сопоставлены такъ убѣдительно, что нѣтъ нужды повторять ихъ, равно какъ и подробно опровергать доказательства противниковъ. Однако взглядъ на народность Болгарь, формулированный Шафарикомъ, требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Опредѣля точнѣе народность Болгарь, Шафарикъ называлъ ихъ народомъ «финно-уральскимъ»; нѣкоторые называли ихъ народомъ «тюреско-финскимъ». Эти термины много повредили ясности дѣла, чѣмъ, можетъ быть, отчасти и объясняется появленіе и послѣ изслѣдованія Шафарика теорій о славянскомъ происхожденіи Болгарь. Въ самомъ дѣлѣ, кого нужно разумѣть подъ «уральскими Финнами» и что значить «народъ тюреско-финскій»? По принятому теперь въ наукѣ дѣленію финскаго племени на восточныхъ и западныхъ Финновъ (для обозначенія пѣлаго финскаго племени, академикъ Куникъ предлагаетъ терминъ *Фенны*, считая имя *Финны* болѣе подходящимъ только къ западной вѣтви), если принять терминъ Шафарика, уральскими Финнами можетъ быть названа восточная вѣтвь Финскаго племени, представителями которой въ настоящее время служатъ напримѣръ Вогулы, Остяки; изъ народовъ, выселившихся изъ области Уральскихъ горъ въ давнее время, восточно-финское происхожденіе окончательно доказано относительно Угровъ, на основаніи грамматическаго анализа ихъ языка, всего ближе подходящаго къ языку Вогуловъ. Когда называютъ Болгарь народомъ тюреско-финскимъ, то очевидно предполагается очень близкое родство между финскимъ и тюреско-татарскимъ племенемъ. Но «если бы и дѣйствительно удалось когда нибудь доказать лингвистическое родство Татарь и Фенновъ, замѣчаетъ академикъ Куникъ, то во всякомъ случаѣ это родство въ грамматическомъ отношеніи оказалось бы очень отдаленнымъ. Историкъ же пока не долженъ блуждать въ такихъ туманныхъ областяхъ знанія, какими представляется вопросъ о родствѣ финскаго и татарскаго племенъ» ¹⁾. Терминъ «тюреско-финскій народъ» можно допу-

¹⁾ Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Русахъ и Славянахъ. Ч. I. Статьи и разсказія А. Куника и барона В. Розена. Прилож. къ XXXII т.

стить только относительно народа смѣшаннаго изъ Турковъ и Финновъ, каковыми были Угры, покоренные турецкою ордою и подъ ея вліяніемъ преобразовавшіеся въ конный народъ.

Въ какому же племени принадлежали Болгаре, поселившіеся въ Мизіи и покорившіе жившихъ тамъ Славянъ, — въ финскому или турецкому? На основаніи историческихъ свидѣтельствъ объ отношеніи Болгаръ къ другимъ племенамъ, каковы напр. Гунны, Авары, затѣмъ свѣдѣній объ образѣ жизни и нравахъ Болгаръ и, наконецъ, на основаніи нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ ихъ языка, въ настоящее время можно также положительнo утверждать, что Болгаре не были племенемъ финскимъ, какъ и славянскимъ. Болгаре были племенемъ очень близкимъ къ Гуннамъ. Гунны происходили изъ земли Тунгутовъ (Тунгузовъ) и степи Гоби; это былъ народъ конный, съ развитой военной организаціей и монархической властью. Болгаре съ V в. являются постоянными спутниками Гунновъ, и двигаются по ихъ слѣдамъ. Писатели употребляютъ безразлично имена Болгаръ и Гунновъ, какъ синонимы; даже Константинъ Порфирородный еще удерживаетъ эту терминологию ¹⁾. Теофилактъ Симовата не только Аваровъ, но и болгарскія колѣна: Савировъ, Унугуровъ, Тарнахъ, Коцагировъ и Завендеръ — всѣхъ вмѣстѣ производитъ отъ внутренне-азіатскихъ Уаръ и Хунни ²⁾. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія въ близкомъ родствѣ ихъ съ позднѣе явившимися ордами и называвшими себя Турками или Турками, а въ такомъ случаѣ о финскомъ происхожденіи не можетъ быть и рѣчи. Безпристрастное разсмотрѣніе процесса развитія великаго переселенія народовъ привело лучшихъ изслѣдователей къ тому заключенію, что толчекъ къ этому движенію данъ былъ не пассивнымъ финскимъ племенемъ, а кочующимъ турецкимъ; Гунны, Болгаре, Авары были только древнѣйшими переселенцами изъ огромной турецко-татарской массы, постепенно двигавшейся изъ внутренней Азіи.

Имѣющіяся свидѣтельства объ образѣ жизни и нравахъ Болгаръ

Записокъ И. Акад. Наукъ. № 2, 1878. Разсказаніе 1-е: о родствѣ Хагаио-Болгаръ съ Чувашиами по славяно-болгарскому Именику, академика Куника, стр. 124.

¹⁾ Constant. Porphyg. De Cerem. II, 52, p. 740.

²⁾ Theoph. Simos. VII, 8, p. 286: Σαβεῖροι, Οὐνοῦγοροι, Ταρναχ, Κοτσαγῦροι (=Κοτταρίγοροι Менадра), Ζαβενδέρ; Οὐάρ, Χουννί. См. Tomaschek, рецензія книги Иречка въ Zeitschr. f. Oester. Gymnas. 1877.

доказываютъ то-же самое. Болгаре, какъ Гунны и Авары, являются коннымъ воинственнымъ народомъ, со многими обычаями, свойственными только азіятскимъ народамъ турецко-татарскаго племени. Такъ характеризуютъ Болгаръ всё, занимавшіеся ихъ исторіею, и если при этомъ называютъ народомъ финскимъ, то конечно только по недоразумѣнію. Для Шафарика и его послѣдователей эти черты образа жизни и быта Болгаръ Аспаруха послужили главнымъ основаніемъ для признанія ихъ народомъ не славянскимъ. Шафарикъ, а за нимъ и другіе, утверждали, что Славяне, поселившіеся на Балканскомъ полуостровѣ до Болгаръ, въ противоположность послѣднимъ, были народомъ не воинственнымъ, миролюбивымъ. Одинъ изъ новѣйшихъ защитниковъ славянства Болгаръ, Иловайскій, вооружается противъ такой характеристики Славянъ, онъ утверждаетъ, что Славяне, напротивъ, были народомъ воинственнымъ, издавна грозившимъ Византійской имперіи. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдуетъ преимущественно Дринову, который говоритъ, что еще при Юстиніанѣ главная опасность для имперіи угрожала со стороны Славянъ, поселившихся внутри ея границъ ¹⁾. Но мы видѣли, что на эту грозу для Византіи со стороны Славянъ справедливѣе смотрѣть вовсе не такъ, какъ это представляется Дринову. При разсмотрѣніи этого вопроса нужно имѣть въ виду не тѣ или другіе отдѣльные случаи нападений Славянъ на земли имперіи, а весь характеръ, строй ихъ быта. И какое сходство между славянскимъ бытомъ, изображеннымъ Прокопіемъ и Маврикіемъ и бытомъ Болгаръ? Правда, собрать свидѣтельства, характеризующія собственно тюркскихъ Болгаръ, довольно трудно, такъ какъ главные источники ихъ — отвѣты папы Николая на вопросы Болгаръ, нѣкоторыя замѣтки византійцевъ при описаніи болгарскихъ нападений, особенно у продолжателей Теофана, при описаніи осады Константинополя Крумомъ, и свидѣтельства нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, особенно Масуди — говорятъ о Болгарахъ, когда послѣдніе жили уже вмѣстѣ съ Славянами; но можно отдѣлить черты, характеризующія Болгаръ, какъ воинственный, конный азіятскій народъ, по сравненію съ описаніемъ быта Славянъ у Прокопія и Маврикія, принявъ во вниманіе характеристику Гунновъ и Аваровъ, съ которыми

¹⁾ Дриновъ, Заселеніе, стр. 118. Достаточно подробное опроверженіе теоріи Иловайскаго сдѣлалъ Макушевъ въ рецензіи на книгу Иречка въ Ж. М. Н. Пр. 1878 г. Апрель.

Болгаре имѣютъ много общаго. Нѣтъ нужды проводить здѣсь параллельную характеристику Болгаръ и Славянъ: ее можно найти у Шафарика, Гильфердинга, Реслера, Иречка; слѣдуетъ только замѣтить, что какъ Гунны и Авары, такъ и Болгаре являются народомъ не первобытнымъ, они имѣютъ крѣпкую военную организацію, развитое военное искусство и сильную монархическую власть, особенно Гунны; на послѣднихъ сказалось, можетъ быть, вліяніе старой азіатской культуры Китая, съ которыми они несомнѣнно были въ сношеніяхъ; Болгаре же и Авары являются народомъ одного типа съ Гуннами. У Славянъ нравы были мягче, но не было своей развитой ни военной, ни государственной организаціи, которую они могли бы противопоставить въ борьбѣ съ народами болѣе древней культуры.

Наконецъ для рѣшенія вопроса о народности Болгаръ имѣютъ значеніе нѣкоторые уцѣлѣвшіе остатки языка въ личныхъ именахъ и тѣхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ извѣстномъ Именикѣ болгарскихъ князей, открытомъ г. Поповымъ. Попытки объяснить ихъ изъ финскихъ языковъ были не удачны, собственные имена гораздо легче объясняются изъ языковъ тюркскихъ, какъ это видно изъ опыта, сдѣланнаго Томашкомъ ¹⁾. Наконецъ, благодаря стараніямъ академика Куника, и для объясненія загадочныхъ словъ въ Именикѣ найдены, кажется, вѣрный путь. Непонятныя слова именика, какъ: *диломъ твиремъ, дохсъ твиремъ, шегоръ вечемъ, верени алемъ, текучетемъ* и т. д., стоящія при имени каждаго князя за выраженіемъ «а лѣтъ ему», Куникъ считаетъ числительными и указываетъ на близкое сходство ихъ съ числительными въ языкѣ Чувашей. Послѣднихъ многіе несправедливо относили къ финскому племени, между тѣмъ какъ они принадлежатъ къ Тюркамъ, и при томъ, какъ думаетъ Куникъ, къ Старо-Тюркамъ, пришедшимъ въ Россію за долго до нашествія Монголовъ. На основаніи числительныхъ, сохранившихся въ болгарскомъ именикѣ, Куникъ заключаетъ о ближайшемъ сродствѣ Болгаръ Аспаруха съ Чувашиами ²⁾. Если бы такая точность въ опредѣленіи родства исчезнувшихъ Болгаръ съ Тюркскими племенами оказалась и не совсѣмъ правильной, то во всякомъ случаѣ остатки языка Болгаръ несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ ихъ тюркскомъ происхожденіи.

¹⁾ Въ рецензіи на книгу Иречка, Zeitschr. f. Oest. Gymn. 1877.

²⁾ См. примѣч. на стр. 89.

Слѣдуетъ коснуться еще одного возраженія, которое дѣлается противъ тюркскаго (или по старой терминологіи: тюрко-финскаго) происхожденія Болгаръ, такъ какъ оно связано съ вопросомъ объ отношеніи ихъ къ Славянамъ. Обыкновенно указываютъ на невѣроятную быстроту исчезновенія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ: Болгаре-де являются чистыми Славянами уже въ срединѣ IX вѣка — какъ же они успѣли переродиться въ Славянъ менѣе, чѣмъ въ два столѣтія? Въ этомъ возраженіи нужно сдѣлать два ограниченія: во-первыхъ, нельзя утверждать, что болгарскій элементъ совсѣмъ исчезъ къ половинѣ IX вѣка, во-вторыхъ, вліяніе Славянъ на Болгаръ началось не съ переселенія ихъ за Дунай, а гораздо раньше. Болгаре появляются въ придунайскихъ краяхъ и дѣлаютъ нападенія на имперію вмѣстѣ съ появленіемъ Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Должно согласиться съ мнѣніемъ, что Болгаре разошлись изъ своего первоначальнаго мѣстопробыванія въ Европѣ, именно изъ степей между Кубанью, Волгой и Дономъ, ранѣе VII вѣка, ранѣе смерти Кузрата, но при этомъ они неизбежно должны были сталкиваться со Славянами. Если уже между Гуннами и Славянами предполагаютъ близость отношеній и извѣстное вліяніе послѣднихъ на первыхъ, то тѣмъ болѣе это нужно допустить относительно Болгаръ. Очень можетъ быть, что и въ аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій.

Что касается до продолжительности существованія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ, то несомнѣнно, что онъ держался и послѣ крещенія Болгаръ. Сами противники тюрко-финской теоріи говорятъ, что исключительный случай былъ бы, если бы цѣлое племя совершенно и быстро исчезло. Возможность сохраненія болгарскаго элемента видна изъ самаго положенія Аспаруховой орды, которое она заняла на Балканскомъ полуостровѣ. Болгаре заняли главнымъ образомъ Добруджу, — страну удобную для пастбищъ коней. Мѣстныхъ жителей они выселили на границы занятой ими земли, чтобы очистить мѣсто для пастбищъ своихъ табуновъ. Земледѣліемъ они конечно не занимались и жили военнымъ грабежемъ и данью, которую по временамъ получали отъ Византіи, а также трудомъ обращеннаго въ зависимость мѣстнаго и соседняго съ ихъ жилищами населенія. Положеніе ихъ въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи такъимъ образомъ было изолированнымъ, и здѣсь-то всего долѣе могъ сохраниться ихъ первоначальный характеръ. Здѣсь же въ позд-

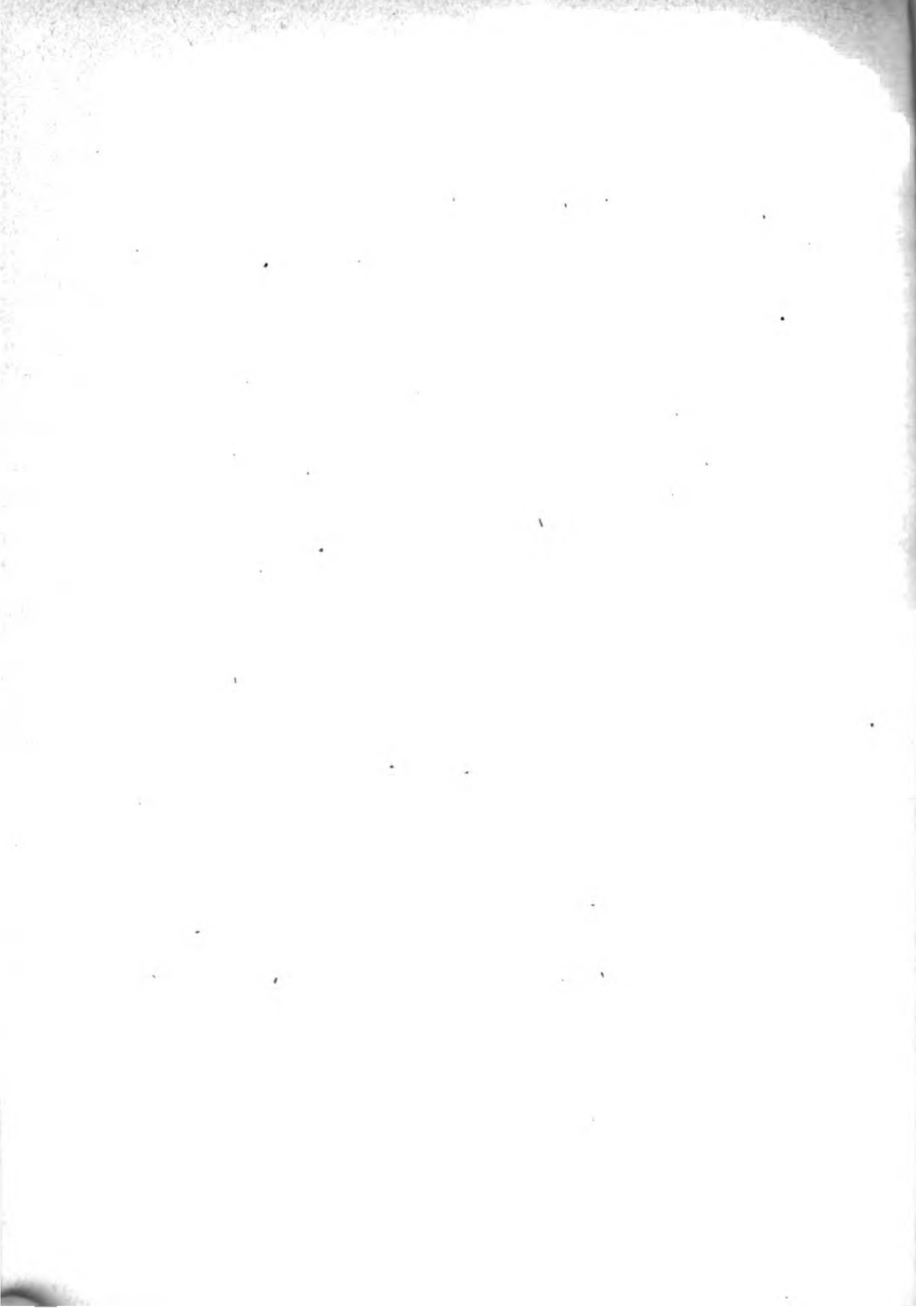
нѣйшее время всего легче утверждались и другіе азіатскіе народы, какъ напримѣръ, Половцы, Татары; очень можетъ быть, что это объясняется не однимъ только степнымъ характеромъ страны, но и тѣмъ, что они находили здѣсь сродные элементы въ жителяхъ.

Но въ этомъ положеніи орды Аспаруха отчасти заключается и причина того, что въ государствѣ, основанномъ на Балканскомъ полуостровѣ, возобладавъ мѣстный славянскій элементъ. Орда Аспаруха была не очень многочисленна, и въ борьбѣ съ Греками Болгаре не могли довольствоваться одними собственными силами; они организовали для этой цѣли покоренныхъ Славянъ, которые вмѣстѣ съ ними и участвуютъ въ походахъ. Участіе славянскаго элемента въ военныхъ дѣлахъ вело конечно къ возвышенію Славянъ, открывало свободный доступъ славянскому вліянію на болгарскія дѣла. Въ борьбѣ съ такимъ противникомъ какъ Византія, нужно было пользоваться именно этимъ славянскимъ элементомъ, такъ какъ Славяне были уже хорошо знакомы съ Ромеями, испытали ихъ вліяніе и могли служить не только своимъ искусствомъ въ дѣлѣ осады крѣпостей и городовъ, — искусство, которымъ они отличались еще ранѣе при своихъ нападѣніяхъ на греческіе города вмѣстѣ съ Аварами, отъ которыхъ вѣроятно многому и научились, — но главнымъ образомъ въ дѣлахъ, требовавшихъ сравнительно высшаго развитія въ смыслѣ византійскомъ. Поэтому мы и видимъ, при Крумѣ напримѣръ, славянскихъ совѣтниковъ и пословъ (Драговитъ); эти покоренные Славяне служили конечно переводчиками, зная мѣстные языки славянскій, ромейскій и болгарскій (какъ это видимъ при послѣднемъ нападеніи на Солунь, когда совѣтники болгарскаго предводителя называются знатоками этихъ мѣстныхъ языковъ).

Христіанство имѣло самое сильное вліяніе на установленіе между Болгарами и Славянами такихъ отношеній, при которыхъ болгарскій элементъ необходимо долженъ былъ отойти на задній планъ и постепенно исчезнуть въ славянскомъ. Поэтому при разсмотрѣніи вопроса о христіанствѣ болѣе выяснится взаимное отношеніе двухъ элементовъ, болгарскаго и славянскаго. Но и послѣ принятія христіанства встрѣчаются лица съ болгарскими именами и титулами, не только при Борисѣ и Симеонѣ, но и послѣ; даже имя одного князя — Шишмана — не славянское.

II

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА БОЛГАРСКИМИ СЛАВЯНАМИ.

II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древнѣйшій періодъ христіанства на Балканскомъ полуостровѣ.—Церковная организація на Балканскомъ полуостровѣ до половины IX вѣка.—Христіанство у балканскихъ Славянъ и Болгаръ до крещенія ихъ при князѣ Борисѣ.

Знакомство балканскихъ Славянъ и Болгаръ съ христіанствомъ началось съ тѣхъ поръ, какъ они вступили въ столкновение съ Римскою имперіею. Но времени этихъ столкновеній христіанство на Балканскомъ полуостровѣ было господствующимъ. Здѣсь оно ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ. Въ дѣянїяхъ апостольскихъ (XVI и XVII) разсказывается о проповѣди апостола Павла въ Филиппахъ и Солуни; къ принявшимъ христіанство въ этихъ городахъ написаны два его посланія. Позднѣйшія сказанія, не подтверждаемая впрочемъ никакими достовѣрными извѣстіями, приписываютъ распространеніе христіанства на Балканскомъ полуостровѣ и другимъ апостоламъ и ученикамъ Христовымъ. Такъ приписывается проповѣдь здѣсь апостолу Андрею ¹⁾. Въ «сказанїи о 12 апостолахъ и 70 ученикахъ Христовыхъ», приписываемомъ Ипполиту († ок. 235), мученику Дороею тирскому († ок. 322) и Епифанію, архіепископу кипрскому († 403), насадили здѣсь христіанство четыре ученика Христовы: Стахій въ Византіи, Амплій въ Гераклеѣ, Эпафродитъ въ Адрианіи у Чернаго моря, Ерма въ Филиппополѣ. Эти ученики были и первыми епископами въ этой странѣ. Сюда принадлежатъ также Аристархъ

¹⁾ См. критическое изслѣдованіе сказаній объ ап. Андрѣѣ В. Т. Василевскаго, Ж. М. Н. Пр. январь и февраль 1877 г.

солунскій и Карпъ верейскій, поставленные апостоломъ Павломъ ¹⁾. Въ слѣдующіе вѣка уже не прекращаются извѣстія о христіанствѣ въ этихъ странахъ. Во второмъ вѣкѣ, впрочемъ, извѣстны только два имени епископовъ: Элій Юлій Публій изъ Девельта и Сотасъ анхіальскій, оба упоминаются въ посланіи Серапіона, сохраненномъ у Евсевія.

Христіанство здѣсь распространялось конечно прежде всего между Греками и Римлянами; но тогда же оно сообщалось и многимъ изъ варваровъ, т. е. Фракіяцамъ, жившимъ въ этихъ мѣстахъ издавна, и новымъ пришлымъ народамъ. Христіанство съ самыхъ первыхъ вѣковъ своего появленія содѣйствовало Римской имперіи укрощать варваровъ. Писатель IV вѣка, блаженный Иеронимъ, говоритъ, что варвары (онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ Гетовъ), со времени своего обращенія въ христіанство, стали менѣе воевать съ Римлянами. Подобнымъ же образомъ писатель X вѣка, Каменіата, говоритъ о Славянахъ, тревожившихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Солунь, что они прекратили свои набѣги съ тѣхъ поръ, какъ обратились въ христіанство. Есть нѣкоторая аналогія между распространеніемъ христіанства среди варваровъ на Балканскомъ полуостровѣ въ первые вѣка и позднѣйшимъ обращеніемъ въ христіанство Славянъ, поселившихся на полуостровѣ. При этомъ замѣчается, что народы, пользовавшіеся большою политическою самостоятельностью, получали большую самостоятельность и въ церковномъ отношеніи. Такъ Фракіяцы, болѣею частію покоренные Римлянами и составлявшіе низшій классъ населенія въ Мизіи и Фракіи, благодаря христіанству только тѣснѣе сблизились съ Римлянами, стали забывать свой языкъ ²⁾, тогда какъ Готы, дѣлаясь христіанами, получаютъ священное писаніе на родномъ языкѣ, принимаютъ христіанство изъ политическихъ видовъ въ формѣ аrianства, за которое стояло тогда болѣе римское правительство, чѣмъ мѣстное христіанское народонаселеніе. Подобнымъ образомъ Славяне, мирно поселившіеся среди мѣстнаго народонаселенія Балканскаго по-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ первыхъ насадителяхъ христіанства собраны у *Le-Quien's* въ *Oriens Christianus*. t. I и II; изъ него заимствуютъ всѣ наши изсѣдователи. См. „О началѣ христіанства у Болгаръ“, *Бурмова*, въ „Христ. Чт.“ 1858, IX—XI; „Христіанство въ Россіи до Владимира“, *Пр. Макарія*, также у *Пр. Порфирія* въ „Исторія Акона“, часть III.

²⁾ Есть впрочемъ смутное извѣстіе о томъ, что у Фракіяцевъ Вессовъ были священныя книги на своемъ языкѣ.

луострова и подпавшіе подъ власть имперіи, дѣлаясь христіанами, превращаются сначала до VI—VII вѣка въ Латино-Грековъ, а потомъ въ болѣе чистыхъ, византійскихъ Грековъ, Ромеевъ. Духовную самостоятельность они получаютъ только тогда, когда, благодаря пришельцамъ Болгарамъ, болѣе поздніе переселенцы — Славяне создаютъ себѣ политическую самостоятельность.

Переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ и литературное развитіе послѣдняго тѣсно связаны съ заботами различныхъ славянскихъ племенъ создать себѣ независимое политическое устройство.

Въ виду этой аналогіи не мѣшаетъ сдѣлать нѣкоторыя припоминанія изъ древнѣйшей исторіи христіанства на Балканскомъ полуостровѣ.

Древнѣйшіе церковные историки (Евсевій, Сократъ, Созоменъ), нѣкоторые современные событіямъ христіанскіе писатели и особенно позднѣйшіе мартирологіи и синаксари передаютъ свѣдѣнія о многихъ лицахъ, распространявшихъ христіанство и боровшихся за него въ этихъ странахъ — Малой Скіеи, Мизіи, Фракіи; Македоніи, Иллириѣ. Эти лица извѣстны или борьбою съ греко-римскимъ язычествомъ или распространеніемъ христіанства у варваровъ; съ появленіемъ въ самомъ христіанствѣ ересей многіе сдѣлались извѣстными въ борьбѣ за и противъ нихъ.

Въ первые вѣка христіанства, въ періодъ борьбы его съ язычествомъ, на Балканскомъ полуостровѣ, какъ видно изъ указанныхъ источниковъ, было много мучениковъ, особенно въ городахъ: Солунѣ, Гераклеѣ, Византіи, Томи, Доростолѣ, Сирми, Маркіанополѣ. Объ однихъ изъ нихъ свидѣлствуютъ только краткія отмѣтки въ агіографическихъ памятникахъ, о другихъ же пространныя акты; и тѣ и другіе имѣютъ не одинаковую древность и достовѣрность, поэтому перечисленіе всѣхъ этихъ указаній было бы бесполезно, такъ какъ нельзя поручиться, что всѣ они сообщаютъ достовѣрные свѣдѣнія. Нужно только замѣтить, что многіе изъ актовъ и житій святыхъ какъ первыхъ, такъ и слѣдующихъ вѣковъ заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія и не столько, пожалуй, въ интересахъ изученія исторіи церкви, сколько въ интересахъ изученія этнографическихъ и социальныхъ отношеній на Балканскомъ полуостровѣ. Изученіе такихъ памятниковъ агіографической литературы, какъ «Passio IV согопатогум» (въ Панноніи при Діоклетіанѣ), «Vita S. Sabae» и «Vita S. Nicetae» готскихъ, «Vita S. Severini» привело къ блестящимъ результатамъ. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что изученіе

памятниковъ низшей духовной литературы, относящихся къ Балканскому полуострову, не дасть подобныхъ же результатовъ, хотя бы и не нашлось ни одного памятника, равнаго по достоинству житію св. Северина¹⁾.

Въ IV вѣкѣ замѣчательна дѣятельность епископовъ томскихъ въ Малой Скиѣи и Никиты, епископа ремезійскаго. Въ Малой Скиѣи христіанство распространялось очень успѣшно. Начало его относить къ временамъ апостольскимъ. Объ успѣшномъ распространеніи христіанства среди варваровъ, между прочимъ и Скиѣовъ, говоритъ Тертуліанъ въ VII кн. противъ Іудеевъ²⁾. При императорѣ Валентѣ извѣстенъ своею дѣятельностью епископъ Томи Вретаній. Разсказъ о немъ сохранилъ намъ церковный историкъ Созоменъ. Это былъ весьма дѣятельный епископъ и любимый своею паствою — Скиѣами, подъ которыми нужно разумѣть, конечно, Гетовъ-Фракійцевъ; были тутъ и другіе варварскіе народы. Паства настолько любила своего епископа, что императоръ Валентъ не рѣшился ничего предпринять противъ него, какъ ревностнаго противника аrianства, опасаясь возмущенія Скиѣовъ, столь нужныхъ ему для удержанія напора сѣверныхъ варваровъ³⁾. Послѣ него епископомъ Томи былъ Геронтій, присутствовавшій на второмъ вселенскомъ соборѣ. Преемникъ его, Θεотимъ, былъ также очень дѣятельный и вліятельный епископъ; онъ былъ родомъ изъ мѣстныхъ жителей, Скиѣовъ. Онъ внушилъ уваженіе окрестнымъ варварамъ, которые прозвали его Богомъ Римлянъ. Θεотимъ извѣстенъ былъ также своими сочиненіями, о которыхъ даетъ хорошій отзывъ блаженный Иеронимъ⁴⁾. Рядъ скиѣскихъ епископовъ,

¹⁾ Путь къ изслѣдованію агиографической литературы значительно облегченъ новѣйшими русскими трудами по агиологіи Преосв. *Филарета*: Святыя Южныхъ Славянъ, Преосв. *Порфирія* — въ нѣсколькихъ мѣстахъ его Исторіи Аеона, и особенно *Сергія*: Полный мѣсяцесловъ Востока въ 2-хъ томахъ; въ послѣднемъ трудѣ особенно важны указатели восточныхъ святыхъ, упоминаемыхъ только въ агиологическихъ памятникахъ западной церкви, причѣмъ отмѣчено, гдѣ изданы ихъ житія, если есть таковыя.

²⁾ Cui et aliae gentes crediderunt? Parthi, Medi..., Romani et caeterae gentes: ut jam Getulorum varietates et Maurorum multi fines... et Britannorum inaccessa Romanis loca, Christo vero subdita, et Sarmatorum et Dacorum et Scytharum? In quibus omnibus locis, Christi nomen, qui jam venit, regnat. — Cap. 7.

³⁾ О Вретаній выписки изъ Созомена lib. 6, сар. 21 и Θεодората lib. 4, стр. 35 у *Филарета*, апр. 20.

⁴⁾ *Макарій*, стр. 51—52; у *Филарета* подъ 20 апр. приведены выписки изъ древнихъ церковныхъ историковъ.

нѣвшихъ свою резиденцію въ Томи, идетъ до половины VI вѣка; епископы эти всегда присутствуютъ на соборахъ въ Константинополѣ. Постоянныя вторженія Славянъ и потомъ Болгаръ раззорили и отняли у Грековъ эту страну, поэтому и свѣдѣнія о епископскихъ епархіяхъ прекращаются до времени, когда Болгарія, ставъ уже христіанскою страной, сдѣлалась подчиненною въ церковномъ отношеніи константинопольскому патриарху, какъ было и прежде; Томи, какъ епархіальный городъ, упоминается въ спискѣ епархій Льва Философа ¹⁾).

Къ этому же времени относится жизнь епископа ремезійскаго Никиты, о дѣятельности котораго оставилъ намъ извѣстія другъ его, нолапскій епископъ Павлинъ, написавшій стихотвореніе въ похвалу Никитѣ ²⁾. Изъ этого стихотворенія узнаемъ, что Никита, перевезенный изъ Гидрунта на эпиротскій берегъ, по эгнатіанской дорогѣ прибылъ въ Солунь и потомъ въ Филиппы; отсюда пошелъ въ горы и тамъ продолжалъ свою дѣятельность. Онъ утверждалъ христіанство среди Бессовъ, Гетовъ, Скивовъ и «тѣхъ и другихъ Даковъ» (*uterque Dacus*) ³⁾. Мы знаемъ, что Бессы — еракійское племя, жившее въ Родопскихъ горахъ, Скивы и Геты, тоже еракійскаго племени, жили въ Мизіи и Малой Скиѣи. Подъ «тѣхъ и другимъ Дакомъ» разумѣются конечно жители двухъ Дакій — *hipensis* и *mediterraneaе*, находившихся на югъ отъ Дуная, но никакъ не Дакія къ сѣверу отъ

¹⁾ *Макарій*, 54.

²⁾ *Remesiana* у Геролама рядомъ съ *Naissus* — Нишъ, ж. б. одинъ городъ съ двумя названіями; во всякомъ случаѣ въ *Dacia mediterranea* на границѣ съ *Дарданіей*.

³⁾ „*De reditu in Daciam*“ *carm. XXX*:

*Nam similes ursis animisque duri
Et sua Bessi nive duriores
Nunc oves facti ducete gregantur
Pacis in anam.
Quasque cervices dare servituti
Semper a bello indomiti negarunt,
Nunc jugo veri Domini subactas
Sternere gaudent.
Ad tuos fatus Scythia mitigatur
Et sui discors fera te magistro
Pectora ponit. Et Getae currunt
Et uterque Dacus.*

него: ее Римляне уже оставили и въ это время она была вся занята враждебными варварскими племенами; притомъ эта терминологія въ другихъ случаяхъ имѣеть именно такой смыслъ. Изъ другихъ источниковъ знаемъ, что христіанство у еракійскихъ народовъ въ это время сильно распространилось и имѣло на нихъ огромное вліяніе. Геронимъ говоритъ: «звѣрскіе Бессы и толпы тулушниковъ (pellisogum), которые нѣкогда приносили въ жертву людей, измѣняли свой скрежетъ на сладкую пѣснь Христову; потому конечно, что у нихъ одна съ нами вѣра, они мало воюють съ нами»¹⁾. Объ этой перемѣнѣ Эракійцевъ съ принятіемъ христіанства говорятъ, хоть и риторически, но сохраняя многія характерныя черты, и Павлинъ.

Румыны считаютъ Никиту ребезійскаго своимъ апостоломъ. Правда. Но онъ не проповѣдывалъ въ Молдавіи и Валахіи, хотя позднѣйшіе румынскіе писатели и заставляютъ его основывать въ Молдавіи мѣлховскую епископію²⁾ и четыре монастыря, одинъ для Грековъ, другой для Бессовъ, съ богослуженіемъ на ихъ родномъ языкѣ, третій для Армянъ и четвертый «для заклинанія духовъ нечистыхъ»³⁾.

Въ исторіи христіанства въ подунайскихъ странахъ занимаетъ важное мѣсто обращеніе въ христіанство Готовъ⁴⁾. Многіе изъ Готовъ приняли христіанство ранѣе перехода на южный берегъ Дуная еще въ то время, когда жили на югъ Россіи, въ Крыму, гдѣ возникла православная готская епархія у Готовъ-Тетракситовъ, одинъ изъ епископовъ которой, Теофилъ, присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ⁵⁾. Свѣдѣнія объ обращеніи Готовъ сообщаютъ, кромѣ древнихъ церковныхъ историковъ, нѣкоторые документы, именно два письма Василія Великаго, одно начальнику малой Скиѳіи Юлію Сорану, а дру-

¹⁾ Ер. 60, Ad Heliogomum, у *Филарета* подъ 24 іюня.

²⁾ *Котальничано*, Исторія Дакии, у *Порфирія* III, 341.

³⁾ *Исторія Дакии* по Фотіеву. Вѣна. 1818. Т. а, с. 175; у *Порфирія*, *ibid*.

⁴⁾ О христіанствѣ у Готовъ: *Waitz*, *Leben des Ulfilas*; *Bessel*, *Leben des Ulfilas*; *Brafft*, *Kirchengeschichte d. German. Völker*. В. I; *Макарій*, Христіанство въ Россіи до Владиміра, стр. 67 и слѣд.; *Васильевскій*, Житіе Іоанна Готскаго, Ж. М. Н. Пр. 1878, январь, стр. 95 и сл.

⁵⁾ Впрочемъ этого Теофила правильнѣе считать, какъ доказываетъ В. Г. Васильевскій, епископомъ сивской епархіи въ городѣ Томи; митрополія Томи, по свидѣтельству Созомена, была православной епископіею у Готовъ; изъ Крыма на Никейскомъ соборѣ былъ подписавшійся рядомъ съ Теофиломъ *Domnus Bosphorensis*. См. Ж. М. Н. Пр. 1878, январь, стр. 102—103.

гое — Асколію, митрополиту солунскому. Начало христіанства у Готовъ положено было, по единогласному свидѣтельству церковныхъ историковъ и документовъ, плѣнными христіанами, которыхъ Готы захватывали при своихъ морскихъ и сухопутныхъ походахъ въ предѣлы Римской имперіи; изъ этихъ плѣнныхъ особенно извѣстенъ каппадокіецъ Евтихъ, такъ восхваленный Василиемъ Великимъ въ письмѣ къ Асколію, который самъ очень много заботился объ утверженіи христіанства у Готовъ. По свидѣтельству Филосторгія, изъ Каппадокіи же происходили и родители знаменитаго готскаго апостола Улфила (или Вульфилы). Прибывъ на семнадцатомъ году жизни въ Константинополь, онъ сблизился съ полуаріанскимъ кругомъ архіепископа Евсевія никомидійскаго, отъ котораго и получилъ посвященіе въ первый духовныя должности и затѣмъ въ епископы (не позже 341 г.). Съ переводомъ библіи на готскій языкъ, онъ вернулся изъ столицы Римской имперіи на свою родину, къ Готамъ, жившимъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, сталъ распространять христіанское ученіе и приобрѣлъ много послѣдователей. Это вызвало гоненіе мѣстнаго предводителя, по мнѣнію Вайца, Атанариха. Тогда Улфила обратился къ императору Констанцію съ просьбою о принятіи его въ римскія области и, получивъ дозволеніе, поселился, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, на сѣверномъ склонѣ Балканскихъ горъ, около города Никополя ¹⁾. Христіанство между Готами однако продолжало распространяться и вызывало гоненія (въ 370—374 г.) со стороны ревностнаго язычника и врага Римлянъ, Атанариха; при этомъ пострадали проповѣдники Никита и Савва, происходившіе изъ Каппадокіи ²⁾. Христіанство принялъ и одинъ изъ готскихъ вождей, Фритигернъ, враждовавшій съ Атанарихомъ. По переходѣ въ предѣлы Римской имперіи, вслѣдствіе нашествія Гунновъ, Фритигернъ, въ благодарность императору, аріанину Валенту, за доставленное убѣжище, принялъ аріанство, которое играло очень важную роль во всей исторіи Готовъ.

Христіанство на Балканскомъ полуостровѣ въ IV и V в. достигло полной силы. И церковная организація въ этихъ странахъ от-

¹⁾ Улфила родился по Бесселю въ 311 г., по Вайцу въ 318. Переходъ его въ Мизію относится къ 378 году. Объ Улфилѣ, кромѣ извѣстій древнихъ церковныхъ историковъ, сообщаетъ свидѣнія краткое его жизнеописаніе, написанное ученикомъ Улфила, Авксентіемъ достопочтеннымъ, открытое Вайцемъ.

²⁾ Акты мучениковъ Никиты подъ 15 сент. и Саввы подъ 12 апр. въ Аа. Ss.

носятся также къ IV вѣку въ своихъ главныхъ чертахъ. Здѣсь находимъ въ это время множество епархій. Епископы принимаютъ участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, присутствуютъ на соборахъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ Протогенъ сардинійскій, присутствовавшій на Никейскомъ соборѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ своемъ Сардинійскомъ соборѣ (347 г.)¹⁾; на Никейскомъ соборѣ присутствовали также епископы маркіанопольскій Пистъ и солунскій Александръ. Многие епископы принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ арианъ и подверглись преслѣдованіямъ.

Раздѣленіе провинцій Балканскаго полуострова для церковнаго управленія относится къ IV вѣку, во времени второго вселенскаго (1-го Константинопольскаго) собора (381 г.). Церковное управленіе находилось въ рукахъ епископовъ, которые имѣли различныя степени власти. По мысли Константина Великаго, центры церковнаго управленія должны были совпадать съ гражданскими. Но при распаденіи одной имперіи на двѣ части и при отнятій одной за другою провинцій варварами, административное дѣленіе, данное Константиномъ, не могло долго держаться, центры стали мѣняться. Оттого произошли перемѣны и во взаимныхъ отношеніяхъ епископовъ. Церковная жизнь однако шла отдѣльно отъ государственной и при той сравнительной самостоятельности, которою пользовалась церковь въ то время, гражданскія перемѣны не влекли за собою такихъ же перемѣнъ церковныхъ. Поэтому всегда оставалось мѣсто вліять тѣмъ или другимъ епископамъ на другихъ и направлять ихъ къ такому, а не иному церковному строю.

На Балканскомъ полуостровѣ были діоцезы, принадлежавшія къ двумъ префектурамъ, Востоку и Илирику. Къ восточной префектурѣ принадлежала діоцеза Фракія, управлявшаяся сначала изъ Ге-

¹⁾ Акты Сардинійскаго собора подписали епископы слѣдующихъ городовъ: въ Македоніи: Palladius de Dio, Gerontius de Berroea, Bassus de Diocletianopoli, Evagrius de Heraclea Lynco, Aëtius de Thessalonica, Porphyrius de Philippis, Ionas de Parthicopoli (?), въ Дарданіи: Paregorius de Scupis, Macedonius de Ulpianis, въ Дакии внутренней: Protogenes de Serdica, Gaudentius de Naisso, въ Дакии прибрежной: Vitalis de Aquis, Calvus de Castramartis, Valens de Scio, во Фракіи Lucius de Callipoli. *Harduin*, Conc. coll. I, 651, 899. *Decretum Orientalium a parte arianorum* подписали епископы: Antonius a Bysia, Demophilus a Berroë, Euty chius a Philippopoli, Severus a Gubyla Timotheus ab Anchialo. *Ibid.* p. 684.

раклен (Перинеа) ¹⁾, но когда Константинополь стал столицей империи, из Константинополя. Никейский собор (325 г.), утверждавший только то, что уже было в обычае, признавая право власти митрополитов области (ἐπαρχία, діоцеза) над епископами отдельных епархий (παροικία), упоминает о четырех выдававшихся тогда средоточиях и их епископах; александрийском, антиохийском, иерусалимском и римском ²⁾. Когда Константинополь сдѣлался столицей и средоточіем политической жизни, тогда и значеніе епископа константинопольскаго должно было усилиться. Этому усиленію вліянія константинопольскаго епископа содѣйствовала и свѣтская власть. Прежде чѣм соборы утвердили власть упомянутых четырех іерарховъ, получившихъ впоследствии имя патріарховъ, значеніе ихъ въ своихъ областяхъ создавалось естественнымъ путемъ. Около Рима сгруппировались преимущественно всѣ латинскіе христіане; значеніе остальныхъ трехъ патріарховъ основывалось также на мѣстныхъ, частію даже національныхъ началахъ и преданіяхъ. Константинополь до тѣхъ поръ не былъ центромъ какой либо особой политической и національной жизни, теперь же совсѣмъ наоборотъ, онъ постепенно сталъ стягивать къ себѣ интересы всего востока, пока наконецъ не сдѣлался центромъ, средоточіемъ особаго, своеобразнаго народа, византийскихъ Грековъ. Усиленіе значенія константинопольскаго патріарха было совершенно понятно, соборамъ приходилось только утверждать фактъ, существовавшій въ жизни. Сначала константинопольскій епископъ, въ силу того, что Константинополь былъ столицей восточной имперіи, имѣлъ только преимущество чести передъ другими епископами, а не власти, именно онъ считался вторымъ послѣ римскаго епископа ³⁾.

¹⁾ Византия была подчинена Гераклею еще по установленію Септимія Севера—примѣч. *Вальсамона* къ 2 пр. II в. соб.

²⁾ Ап. прав. 34; Ник. прав. 6, 7; Антиох. пр. 9. *Арх. Иоанна* „Опытъ Церковн. Законовъ.“ Ч. I, стр. 296—7, 399.

³⁾ Второй вселенскій соборъ 3 прав. призналъ это преимущество чести, а не власти, ибо во 2 пр. этотъ же соборъ утверждаетъ самостоятельность всѣхъ епархіальныхъ епископовъ, которые не успѣли сгруппироваться около какого либо одного важнаго центра; гдѣ же подобные центры образовались, тамъ признавалось и преимущество этихъ центральныхъ іерарховъ, такъ признано преимущество патріарховъ антиохійскаго, александрийскаго. 2 прав. *Иоанна* Арх. Опытъ Церк. Законовъ., т. I, стр. 497—502.

Но по мѣрѣ расширенія вліянія константинопольскаго епископа расширялись и права его. Онъ постепенно пріобрѣталъ значеніе перваго между восточными епископами. Халкидонскій соборъ 9 правиломъ далъ право духовенству Востока обращаться съ апелліаціями къ суду константинопольскаго патріарха, если тяжущіеся не хотятъ обращаться къ суду «эвзарха великія области»¹⁾; 17 правиломъ тотъ же соборъ опредѣлилъ, чтобы епископы и митрополиты въ своихъ тяжбахъ при разграниченіи епархій, въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ ихъ областнаго эвзарха, обращались къ посредствующему суду константинопольскаго патріарха; при устройствѣ же новыхъ городовъ разграниченіе епархій и приходоѡ должно сообразоваться «съ гражданскимъ и земскимъ порядкомъ». Халкидонскій соборъ 28 правиломъ утвердилъ преимущество власти константинопольскаго епископа предъ митрополитами и епископами областей Фракійскаго, Азійскаго и Понтійскаго. Признаніе соборомъ права за константинопольскимъ патріархомъ утверждать митрополитовъ и епископовъ этихъ областей, избираемыхъ мѣстными епископскими соборами, было только признаніемъ того, что уже существовало въ практикѣ: константинопольскій епископъ въ силу своего центрального положенія фактически уже имѣлъ главное вліяніе и власть въ церковныхъ дѣлахъ этихъ провинцій. Какъ присутствовавшіе на этомъ соборѣ римскіе легаты, такъ и позднѣйшіе римскіе папы возставали противъ этихъ постановленій и признавали ихъ не только нарушеніемъ древнихъ церковныхъ правилъ, но и стѣсненіемъ для митрополитовъ и епископовъ областей Понтійскаго, Азійскаго и Фракійскаго, которые были до тѣхъ поръ самостоятельными (αὐτοκέφαλοι). Но сами митрополиты этихъ областей не протестовали и высказывали, что въ ихъ странахъ давно уже утвердился обычай при избраніи митрополитовъ и въ другихъ важныхъ дѣлахъ обращаться къ епископу константинопольскому и слѣдовать его рѣшеніямъ²⁾. Такой порядокъ въ другихъ мѣстахъ былъ издавна, а здѣсь онъ только устанавливался. Этимъ же канонемъ за патріархомъ константинопольскимъ было признано право поставленія епископовъ къ иноплемненнымъ народамъ: епископы тѣхъ народовъ,

¹⁾ ἐξάρχου τῆς διοικήσεως, каковымъ былъ первенствующій въ округѣ митрополитъ, а потомъ патріархъ.

²⁾ Дѣян. 16 Халкид. собора.

которые приняли учение вѣры и крещеніе изъ Византіи, отъ нея же получали и поставленіе.

Въ это время за константинопольскимъ епископомъ утвердилось званіе патріарха, которому Халкидонскій соборъ придалъ титулъ *святѣйшаго*; впоследствии константинопольскій патріархъ получилъ титулъ *вселенскаго* (на мѣстномъ соборѣ въ Константинополѣ 518 г.), подтвержденный при Юстиніанѣ (въ 536 г.), также на константинопольскомъ соборѣ, на которомъ присутствовали и римскіе легаты. Окончательное же утвержденіе этого титула состоялось при патріархѣ Іоаннѣ Постникѣ, въ присутствіи другихъ патріарховъ. Присвоеніе всѣхъ этихъ преимуществъ константинопольскому патріарху клонилось къ тому, чтобы значеніе его соотвѣтствовало положенію его въ имперіи и равнялось значенію епископа римскаго, которымъ этотъ послѣдній пользовался на западѣ. Противъ всѣхъ этихъ преимуществъ возставали римскіе папы, но они иначе понимали значеніе ихъ. Противъ титула «вселенскій» возсталъ папа Пелагій и потомъ Григорій Великій въ своихъ посланіяхъ на востокъ, выставляя такое преимущество плодомъ честолюбія и властолюбія, униженіемъ другихъ патріаршихъ престоловъ и порабощеніемъ церкви неограниченной, единодержавной власти константинопольскаго патріарха. Но императоры и цареградскіе патріархи справедливо возражали, что титулъ вселенскаго патріарха не имѣетъ такого значенія и цѣли, а выражаетъ только почетное преимущество епископовъ столицы между другими епископами восточной церкви, какъ старѣйшаго пастыря и учителя народовъ, составляющихъ Римскую имперію (*orbis terrarum*, *οἰκουμένη* вселенная, по старинному римскому понятію — совокупность областей, составляющихъ Римскую имперію). Это положеніе константинопольскаго патріарха чѣмъ дальше, тѣмъ становилось опредѣленнѣе. По мѣрѣ того, какъ восточная имперія объединялась, пріобрѣтала свой особый характеръ, патріархи другихъ восточныхъ провинцій на практикѣ теряли мало по малу свое значеніе, особенно подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ. Высшее положеніе константинопольскаго патріарха такимъ образомъ постепенно выяснилось само собой и было признано на шестомъ вселенскомъ соборѣ (Трульскомъ пято-шестомъ): по 36 правилу этого собора константинопольскій патріархъ долженъ былъ считаться первымъ между восточными патріархами, затѣмъ александрійскій, антиохійскій и наконецъ іерусалимскій. Преимущество цареградской ка-

едръ должно было «возвеличить ее и въ дѣлахъ церковныхъ», т. е. «сообщить ей особенную важность голоса въ этихъ дѣлахъ, сдѣлать ее средоточіемъ церкви вселенской на восточной ея половинѣ, какъ римская въ первые вѣка была средоточіемъ западной ея половины, дать цареградскому патріарху право посредствующаго суда въ дѣлахъ другихъ церквей (подобно тому, какъ постановлено было четвертымъ вселенскимъ соборомъ, пр. 9 и 17), сдѣлать ее вполнѣ независимой и самостоятельной отъ другихъ въ своемъ внутреннемъ управленіи»¹⁾. Такимъ образомъ, сдѣлано было полное сравненіе кафедръ римской и цареградской, но участіе того и другого патріарха во внутреннихъ дѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ церквей съ теченіемъ времени приняло совершенно различный характеръ.

Обычай по возможности соразмѣрять церковную юрисдикцію епископовъ съ административнымъ гражданскимъ дѣленіемъ провинцій²⁾, при переимѣнѣ политическихъ границъ, долженъ былъ привести къ нѣкоторымъ спорамъ, ибо привычка создавала мысль о постоянномъ правѣ, которому старались подыскать достаточныя законныя основанія. Такъ случилось съ Иллирикюмъ, послужившимъ яблкомъ раздора между Римомъ и Константинополемъ. Споръ за юрисдикцію въ Иллирикѣ между римскимъ папою и константинопольскимъ патріархомъ съ особенною силою возгорѣлся въ то время, когда Болгарія, своею западною частью принадлежавшая нѣкогда къ Иллирійской префектурѣ, приняла христіанство. Этотъ споръ имѣлъ большое значеніе въ первоначальной судьбѣ христіанской церкви въ Болгаріи, поэтому нелишне будетъ изложить происхожденіе этого спора, чтобы понять значеніе его въ первомъ эпизодѣ великаго событія — раздѣленія церкви на двѣ: восточную и западную, при папѣ Николаѣ I и патріархѣ Фотіи.

Первоначально весь Иллирикъ принадлежалъ западной имперіи, столица которой была въ Римѣ. Какъ въ политической жизни Иллирійская префектура не играла особенной самостоятельной роли³⁾, такъ и въ церковной жизни здѣсь не выработалось никакого важнаго центра, и высшимъ духовнымъ іерархомъ почитался римскій папа. Сар-

¹⁾ Арх. *Іоанна* „Опытъ Церк. Законов.“ т. II, стр. 401.

²⁾ См. 2 пр. 2-го вселенскаго собора, подтвердившее 6 и 15 пр. перваго.

³⁾ Нужно, впрочемъ, признать, что элементы для этого въ условіяхъ мѣстности были, и вполнѣнствіи здѣсь возникла Венеція.

двѣйскій соборъ 347 года, состоявшій изъ епископовъ провинцій западной имперіи и созданный западнымъ императоромъ Константиномъ въ противодѣйствіе аріанамъ, которымъ покровительствовалъ восточный императоръ Констанцій, этотъ сардвійскій соборъ, разсуждая о епископахъ, недовольныхъ судомъ окрестныхъ епископовъ, утвердилъ за ними право апелляціи къ римскому папѣ (прав. 3—5). Изъ этого ясно, что римскій папа признавался въ Иллирикѣ высшимъ іерархомъ, которому должны подчиняться остальные епископы запада. Когда Θεодосій раздѣлилъ имперію между сыновьями, тогда былъ раздѣленъ и Иллирикъ на двѣ части. Часть Иллирика, доставшаяся западной имперіи, вошла въ составъ префектуры Итальянской и составляла діоцезу Иллирикъ съ шестью провинціями: *Raennia prima*, *Raennia secunda*, *Savia*, *Dalmatia*, *Noricum mediterraneum*, *Noricum ripense*. Часть Иллирика, отошедшая къ восточной имперіи, составляла особую префектуру, Иллирикъ, съ двумя діоцезами: *Дакією*, состоявшею изъ провинцій: *Dacia mediterranea* и *ripensis*, *Moesia prima*, *Dardania*, *Praevalitana* и *pars Macedoniae Salutaris*, и *Македонією*, состоявшею изъ провинцій: *Macedonia*, *Achaia*, *Thessalia*, *Creta*, *Epigus vetus* и *Epigus nova* и *pars Macedoniae Salutaris*. Послѣ и часть западнаго Иллирика перешла къ восточной имперіи ¹⁾. Прежде средоточіе гражданскаго управленія Иллирикомъ находилось въ Сирміи, но съ раздѣленіемъ имперіи оно перенесено было въ Солунь; между 424—426 годами оно опять перенесено было въ Сирмію, но нападенія Гунновъ (съ 447 г.) заставили снова префекта иллирійскаго удалиться въ Солунь ²⁾.

Въ церковномъ отношеніи Иллирійскія провинціи продолжали однако зависѣть отъ римскаго первосвященника, викаріемъ котораго былъ архіепископъ солунскій. Но въ силу прежняго обычая въ Римской имперіи это несовпаденіе границъ церковной и гражданской юрисдикціи не могло оставаться неизмѣннымъ. Мало по малу у мѣстныхъ духовныхъ является стремленіе стать въ ближайшія и подчиненныя отношенія не къ римскому папѣ, а къ Константинопольскому патріарху. Это желательно было и для свѣтской власти Восточной

¹⁾ *Hergenröther*, Photius. B. I, S. 46; *Zachariä von Lingenthal* „Beiträge z. Geschichte d. Bulgarisch. Kirche“ въ „Mémoir. de l'académie de St.-Pet.“ T. VIII, № 3, 1864, S. 2.

²⁾ *Herzberg*, Gesch. d. Griech. im Mittelalt., S. 62.

Имперіи. Отсюда возникает споръ. Римскіе папы стараются доказать, что власть ихъ въ Иллирикѣ есть неотъемлемое ихъ право. Замѣчательно, что папы, пока было возможно, сами прибѣгали къ содѣйствію свѣтской власти. Такъ Гонорій, по настоянію и въ интересахъ римскаго папы, писалъ своему племяннику, восточному императору, чтобы онъ, устранивши все то, что произвольно разные епископы стали дѣлать въ Иллирикѣ, позаботился о сохраненіи стараго порядка ¹⁾. Θεодосій отвѣчалъ, что онъ все сдѣлалъ по его просьбѣ и распорядился объ исполненіи того, что говорятъ апостольскія правила и другіе каноны, пославъ по этому дѣлу указъ префекту Иллирика ²⁾. Здѣсь дѣло идетъ о спорахъ между епископами по разграниченію епархій и о томъ, кому должны подаваться апелляціи на рѣшеніе мѣстныхъ соборовъ. Θεодосій сдѣлалъ распоряженіе префектамъ ³⁾, чтобы они содѣйствовали исполненію древнихъ правилъ, т. е., чтобы епархіи распредѣлялись сообразно съ гражданскимъ раздѣленіемъ провинцій, а о всѣхъ важныхъ дѣлахъ доводилось до свѣдѣнія главнаго изъ окружныхъ епископовъ, т. е. Константинопольскаго, подобно тому какъ прежде, когда Иллирикъ принадлежалъ западной имперіи, доносилось папѣ римскому. Однако вслѣдствіе этого распоряженія положеніе дѣлъ не сразу измѣнилось, потому что и послѣ этого идетъ рядъ извѣстій о викаріяхъ панскихъ въ Солуни, о сношеніяхъ ихъ съ папами, авторитетъ которыхъ, значить, продолжалъ признаваться и послѣ этого. Одною изъ причинъ этого было то, что въ Константинополь часто въ это время бывали еретическіе патріархи, съ

¹⁾ *Universis remotis, quae diversorum episcoporum subreptione per Illyricum impetrari dicuntur, antiquum ordinem praecipitat custodiri, y Zachariä, ibid., S. 3; Hergenröther, I, 46.*

²⁾ *Omni supplicantium episcoporum per Illyricum subreptione remota, statuimus observari quod prisca apostolica disciplina et canones veteres eloquuntur. Super qua re... ad... praefectos praetorii Illyrici nostri scripta porreximus, ut cessantibus episcoporum subreptionibus antiquum ordinem specialiter faciant custodiri. Ibid.*

³⁾ Какъ видно изъ эдикта Θεодосія II отъ 421 года къ Praefecto praetorio Illyrici, вошедшаго въ кодексъ Юстиніана, но не находящагося въ кодексѣ Θεодосія. Гергевретеръ (I, 47—48) говоритъ, что этотъ указъ былъ изданъ ранѣе упомянутой переписки съ Гоноріемъ, которая и возникла именно вслѣдствіе его изданія. Но едвали основательно такое мнѣніе, ибо время переписки съ точностью не извѣстно, да и смыслъ ея можетъ быть различно понимаемъ. Въ письмахъ го-

которыми иллирійскіе епископы не хотѣли имѣть церковнаго общенія. Но многіе склонялись и на сторону Константинополя. Оттого папы постоянно въ своихъ посланіяхъ къ иллирійскому духовенству увѣщаваютъ не подчиняться власти тѣхъ, кому она не принадлежитъ по мнѣнію римскаго первосвященника, т. е. константинопольскаго патріарха ¹⁾).

Обширная Иллирійская область не имѣла постоянного средоточнаго политическаго и церковнаго управленія. Она лежала между Римомъ и Константинополемъ и подвергалась вліянію то того, то другаго центра. Сношенію съ Римомъ препятствовало образованіе остготскаго королевства между Италією и Балканскимъ полуостровомъ. Варварскія опустошенія также постоянно мѣшали установиться твердому порядку въ странѣ. Но послѣ побѣдъ надъ непріятелями императоръ Юстиніанъ рѣшился дать этой странѣ новую гражданскую и церковную организацію. Цѣль и характеръ этой новой организаціи видны изъ сохранившихся документовъ. Въ XI новеллѣ Юстиніана, данной

ворится объ устраниеніи какихъ-то безпорядковъ, нарушающихъ древніе каноны. Θεодосій дѣлаетъ распоряженіе о соблюденіи этихъ древнихъ канонѡвъ. Что же это значитъ? Полагаютъ, что приказываетъ обращаться въ спорныхъ вопросахъ за рѣшеніемъ къ папѣ, въ подтвержденіе чего приводятъ то, что на Кароагенскомъ соборѣ 419 года дѣло шло о правѣ папы рѣшать споры между епископами. Это правда; но вѣдь восточные епископы на этомъ соборѣ возстали противъ этихъ требованій папы. Дѣло это можно, кажется, понимать такимъ образомъ: къ Θεодосію обращаются, чтобы онъ позаботился о соблюденіи древняго порядка. Θεодосій, смотря съ точки зрѣнія церковнаго преданія и невыходя изъ предѣловъ канона, дѣлаетъ распоряженіе въ спорныхъ вопросахъ, согласно съ древними правилами, обращаться за окончательнымъ рѣшеніемъ къ іерарху главнаго города, т. е. Константинопольскому патріарху, какъ прежде, когда Иллирикъ принадлежалъ западной имперіи, они обращались къ римскому. Этимъ распоряженіемъ дѣйствительно утверждался старій обычай. Толкованіе же Цахаріи, что Θεодосій велѣлъ епископамъ обращаться къ суду папы, а префектамъ только доносить объ этомъ константинопольскому патріарху, слишкомъ искусственно; кромѣ того, при такомъ толкованіи трудно объяснить упомянутый законъ, вошедшій въ кодексъ Юстиніана; Гергенретеръ впрочемъ легко рѣшаетъ этотъ вопросъ: онъ говоритъ, что Греки безсовѣстнымъ образомъ внесли въ кодексъ законъ, который давно былъ отмѣненъ.

¹⁾ Папская переписка сохранилась большею частію съ Дамаса; она служитъ источникомъ свѣдѣній о стараніяхъ папы удержать за собою иллирійскія епархіи. Для сохраненія постоянного своего вліянія на Иллирикъ, папы не непосредственно управляли тамошнимъ и дѣлами, но чрезъ своего виваріа, каковымъ у

на имя Кателлиана, говорится: когда иллирійская префектура находилась въ Сирміи, тамъ было средоточіе и всего иллирійскаго управленія, гражданскаго и церковнаго. Когда сирміійскій префектъ, вслѣдствіе непріятельскихъ нашествій, долженъ былъ удалиться изъ своей резиденціи, тогда гражданское управленіе префектурою перешло въ Солунъ; сообразно съ этимъ и церковное управленіе перешло къ солунскому епископу. Но такъ какъ всѣ оставленныя прежде страны по Дунаю теперь возвращены, даже сдѣланы еще нѣкоторыя пріобрѣтенія, то для удобства управленія резиденцію префекта рѣшено перенести въ болѣе центральное мѣсто. Такимъ мѣстомъ избирается родина императора Юстиніана, которую онъ назвалъ по своему имени первую Юстиніановою; она избрана какъ изъ желанія возвысить родной городъ императора, такъ и потому, что средиземная Дакія (значитъ въ ней находилась первая Юстиніана) не такъ удалена отъ второй Панноніи (гдѣ прежде была резиденція префекта, т. е. въ Сирміи). Тамъ же должно быть сосредоточено и церковное управленіе. Поэтому

нихъ бытъ архіепископъ солунскій. Дамасъ назначилъ Асхолія († 383 г.) (*Jaffé*, *Regesta pontificum Romanorum*, №№ 60 и 61), Кирикъ Анисія, которому писалъ между прочимъ: *ut nulla licentia sit sine consensu ejus in Illyrico episcopos ordinare praesumere* (*Jaffé*, № 67, 385 г.), тоже подтвердили ему Анастасій I и Инноцентій (№№ 77, 399 г., 84, 402 г.); эти же права въ 402 году послѣдній утвердилъ за Руфомъ (*ibid.* № 97), а Бонифачій I въ 419 году подтвердилъ ихъ. Въ 422 году, послѣ изданія упомянутого выше распоряженія Феодосія II, этотъ папа пишетъ ессалійскимъ епископамъ, чтобы они не *se ab apostolicae sedis communione et potestate separare nitantur, eorum petentes auxilium, quos ecclesiasticarum sanctio regulatum majoris esse non dedit potestatis* (*ibid.* № 147), увѣщаваетъ уважать права Руфа и безъ его согласія не ставить епископовъ. Перигенъ коринѣскій стоялъ тогда за соединеніе съ константинопольскимъ патриархомъ. Папа Целестинъ въ 425 г. (№ 199) также увѣщевалъ этихъ епископовъ повиноваться Руфу; объ этомъ же писалъ къ иллирійскимъ епископамъ папа Сикстъ III (№№ 112 и 113) Въ 437 г. этотъ же папа писалъ константинопольскому епископу Проклу, чтобы онъ считалъ нарушителями каноновъ тѣхъ, которые приходятъ въ его епархію безъ *formata*—безъ билета—изъ Иллирика. Тогда же онъ писалъ иллирійскимъ епископамъ, советуя не слѣдовать „*consulta, quae praeter ipsius praeserta orientalis synodus deserere voluerit*“ (№ 175, 437 г.). Папа Левъ I, возстававшій противъ 9 и 17 и совершенно отвергшія 28 правило Халкидонскаго собора, явился конечно ревностнымъ защитникомъ своего иллирійскаго викаріата; уполномочивая архіепископа ессалонійскаго Анастасія рѣшать всѣ дѣла въ Иллирикѣ, болѣе важна оставилъ за собою (*Jaffé*, №№ 181 и 182, 444 г., №№ 189 и 219). Во время акакіева раскола (471—518), папа Пелагій, возстававшій про-

епископъ первой Юстиніаны долженъ быть не только митрополитомъ (епископомъ главнаго города провинціи), но и архіепископомъ, то есть начальствующимъ надъ другими епископами, именно, его вѣдѣнію должны подлежать: средиземная Дакія, прибрежная Дакія, первая Мизія, Дарданія, Превалитана, вторая Македонія и часть второй Панноніи. Архіепископу первой Юстиніаны присвоиваются всѣ права патріарховъ: «первое достоинство», «верховное священноначаліе», «высшая степень» между всѣми епископами округа, рукоположеніе епископовъ области, которые должны прекратить всякія отношенія къ епископу солунскому, полная власть рѣшать дѣла окончательно; архіепископъ первой Юстиніаны поставляется соборомъ своихъ митрополитовъ. Эта новелла издана въ 535 году. Въ ней ничего не говорится объ отношеніи архіепископа первой Юстиніаны къ римскому папѣ или константинопольскому патріарху. Въ папскихъ письмахъ до 591 года нѣтъ никакихъ упоминаній объ архіепископахъ первой Юстиніаны (на сколько можно судить объ этомъ по разэстру писемъ

тивъ императора Анастасія въ своихъ письмахъ (*Hergenröther*, I, 134), увѣщаетъ иллирійскихъ епископовъ не имѣть общенія съ Византіею; викарія своего, солунскаго архіепископа Андрея, не осудившаго акакіева имени, лишаетъ общенія съ Римомъ (№№ 377, 378, 384, 385, 393). Письмо папы отъ 1 февраля 495 г. къ епископамъ Дарданіи замѣчательно по изложенію въ немъ папскихъ претензій, которыя къ этому времени достигли уже значительныхъ размѣровъ. Объясняя епископамъ Дарданіи, что Акакій осужденъ справедливо апостольскимъ престоломъ, онъ доказываетъ, что римскій престолъ „pro suo primatu“ есть „executor“ всѣхъ соборовъ; непозволительно ни одному епископу избѣгать его суда; ему дана власть отвергать мнѣнія всѣхъ епископовъ, а объ его опредѣленіяхъ однако не должно и судить; изъ всѣхъ странъ свѣта—*de qualibet mundi parte*—можно къ нему апеллировать, но выше его нѣтъ апелляціи; папа говоритъ, что онъ „*etiam sine ulla synodo praecedente, et absolvendi, quos synodus inique damnaverit, et dampnandi nulla existente synodo, quos oporteat, habere facultatem*“ (*Jaffé*, № 395). Папа Симмахъ (498—514) въ посланіи своемъ отъ 8 окт. 512 года къ епископамъ не только Иллиріи и Дарданіи, но и обійкъ Фракіи отклоняетъ ихъ отъ общенія съ константинопольскою церковью и убѣждаетъ мужественно переносить несчастія (№ 476). Какъ мы знаемъ, во Фракіи въ это время сформировалась оппозиція противъ Анастасія, произошло возстаніе Виталиана (514—515), въ которомъ принимали участіе жители Фракіи, Мизіи и малой Скіои; въ войскахъ Виталиана были также Болгаре и Гунны. Поэтому папа Ормиздъ (514—523) писалъ въ сентябрѣ 515 года Кесарю, епископу арелатскому, „*episcopos tum dardanos, cum illyricos pene omnes, nec non scythas*“ возвратились къ общенію, и онъ послалъ легатовъ на востокъ (*ibid.* № 487; въ 516 году о

у Яффе)¹⁾. Въ новеллѣ 131-й отъ 17-го марта 541 года о церковныхъ титулахъ и преимуществахъ упоминается между прочимъ и о первой Юстиніанѣ; епархіи, подвластныя ей архіепископу, перечисляются тѣже, за исключеніемъ верхней Македоніи, далѣе говорится, что архіепископъ первой Юстиніаны рукополагается собственнымъ синодомъ и въ подвластныхъ ему епархіяхъ τὸν τρίτον ἐπέχειν τοῦ ἀποστολικῆς Ῥώμης θρόνου κατὰ τὰ ὀρισθέντα ἀπὸ τοῦ ἀγίου πάππα Βιγίλιου. Последняя фраза по переводу сократителя новеллъ Юстиніана значить: eadem jura super eos habet, quae Papa Romae habet super episcopos sibi suppositos²⁾, т. е. совершенно уничтожается какая бы то ни было зависимость отъ римскаго папы. Другіе понимаютъ смыслъ этихъ словъ совершенно наоборотъ. Гергенретеръ говоритъ: «когда Юстиніанъ поставилъ епископа своего роднаго города Юстиніанополя надъ многими провинціями и митрополитами, которые прежде зависѣли отъ архіепископа ессалоникійскаго, то и онъ сталъ викаріемъ римскаго престола, такъ что возникло два викаріата, одинъ для провинцій говорящихъ на греческомъ языкѣ, а другою для говорящихъ на латинскомъ. Преемникъ Агапита Вигилій и всѣ послѣдующіе папы держали этотъ новый викаріатъ въ такомъ же отношеніи къ себѣ, какъ и старшій солунскій»³⁾. Однако всѣ основанія для такого мнѣнія заключаются въ томъ, что въ приведенномъ выше мѣстѣ 131-й Юстиніановой новеллы вмѣсто τρίτον читаютъ τότον и такимъ образомъ совершенно измѣняютъ смыслъ⁴⁾, и еще еси-

темъ же онъ писалъ къ Авиту, еп. мѣнскому, № 490). Но въ это время солунскій викаріатъ и многіе изъ ессалійскихъ и епиротскихъ епископовъ не имѣли общенія съ папою (№№ 488, 506, 550). При Юстиніанѣ общеніе съ Константинополемъ Рима возстановилось. Самъ папа Іоаннъ былъ въ Константинополѣ и участвовалъ въ богослуженіи.

¹⁾ Папа Агапѣтъ I въ письмѣ отъ 15 окт. 535 г. къ императору Юстиніану оправдывается передъ нимъ отъ обвиненія во враждѣ къ епископу ларисскому, говоря, что его недавнее (supra) постановленіе о послѣднемъ касается охраненія правъ св. престола,—значить и здѣсь папѣ не было совершенной свободы.

²⁾ Epitome novellarum, с. 508, у Zacharia, ibid., S. 8.

³⁾ Hergenröther, I, 160.

⁴⁾ Вотъ какъ Бароній переводитъ вышеприведенное мѣсто новеллы: Archiepiscopum primae Iustinianae in subjectis sibi provinciis locum obtinere sedis apostolicae Romae, secundum ea, quae definita sunt a sanctissimo papa Vigilio. Baron. a. 555. n. 6. Hergenröther, ibid., Ann. 107.

даются на позднѣйшія письма папы Григорія I къ архіепископамъ Юстиніаны, Іоанну и Льву, изъ которыхъ впрочемъ вовсе не видно, чтобы онъ принималъ участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія¹⁾. Онъ можетъ быть въ теоріи и признавалъ весь Иллирикъ въ своей зависимости, на практикѣ же едва ли имѣлъ какую либо власть, но крайней мѣрѣ въ сѣверовосточномъ Иллирикѣ. Всѣ его посланія, касающіяся внутреннихъ дѣлъ иллирійской паствы, обращены къ епископамъ салонскимъ и частію бессалійскимъ.

Что касается отношеній архіепископа первой Юстиніаны къ Константинополю, то, сохраняя свою самостоятельность внутри своего округа, онъ зависѣлъ отъ Константинополя въ томъ отношеніи, что здѣсь императоръ и патріархъ на мѣстномъ соборѣ рѣшали дѣла, касающіяся лично архіепископа первой Юстиніаны²⁾. Вообще, съ возвращеніемъ Италіи подъ власть римскихъ восточныхъ императоровъ, папѣ трудно стало править Иллирикомъ, императоръ всегда могъ воспрепятствовать его дѣйствіямъ³⁾. Власть папъ постепенно здѣсь ослабѣвала, пока совершенно не была уничтожена иконоборческими императорами.

Но каковы бы ни были отношенія архіепископіи первой Юстиніаны къ Византіи и Риму, важно то, что она была организована въ тѣхъ странахъ, гдѣ постепенно поселялись Славяне; они нашли здѣсь прочную церковную организацію, которая могла имѣть большое вліяніе на обращеніе новыхъ пришельцевъ въ христіанство.

¹⁾ У Jaffé, №№ 801, 802; № 845, 592 года; въ послѣднемъ посланіи папа отлучаетъ архіепископа 1-й Юстиніаны Іоанна на 30 дней отъ причащенія за то, что Іоаннъ лишилъ священства Авдіана, еп. аквилейскаго, когда послѣдній апеллировалъ въ Римъ и не былъ осужденъ; отсюда можно предполагать, что Іоаннъ не признавалъ апелляцію законною.—Сохранилось одно посланіе безъ года (№ 1131), адресованное вмѣстѣ ко многимъ епископамъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и архіепископу 1-й Юстиніаны, сообщающее распоряженіе императора о не допущеніи въ духовное званіе и монастыри лицъ, подлежащихъ воинской повинности.—Въ 601 году (Jaffé, № 1397) Григорій I предписываетъ своему апокрисіарію въ Константинополѣ не ходить на соборъ для низложенія епископа 1-й Юстиніаны, такъ какъ онъ еще живъ и назначать ему преемника нельзя.

²⁾ Это видно изъ письма папы Григорія I-го, упомянутого въ предидущемъ примѣчаніи.

³⁾ Самъ Гергенретеръ сознается въ этомъ и приводитъ случаи, когда распоряженія папъ не признавались императоромъ. См. *Гергенретеръ*, I, S. 190.

Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ архіепископіи 1-й Юстиніаны сохранилось очень мало. Обыкновенно полагаютъ, что она была уничтожена пришествіемъ Болгаръ въ 678 году ¹⁾. Но насколько это справедливо, нельзя сказать. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ тогда, когда будутъ рѣшены два другіе вопроса, во первыхъ, гдѣ была первая Юстиніана, во вторыхъ, въ какое время и какъ далеко простирались границы Болгарскихъ владѣній на юго-западъ. Что касается до мѣста первой Юстиніаны, то, судя по новеллѣ Юстиніана, она должна находиться въ *Dacia Mediterranea*, но гдѣ именно, опредѣлять трудно. Обыкновенно указываютъ на Кюстендиль (Шафарикъ, Голубинскій). Авторъ одной статьи объ архіепископіи первой Юстиніаны ²⁾ мѣсто ея полагаетъ на верховьяхъ Болгарской Моравы, гдѣ теперь Гилянъ, а прежде Морава. Что тутъ находился такой городъ, доказывалъ Шафарикъ ³⁾. Голубинскій утверждаетъ, что Морава была жупа, а не городъ ⁴⁾, но въ хрисовулѣ императора Василія II, имъ же приводимомъ, упоминается о назначеніи епископа *Μοραβίστου* въ *Μοραβίστον* — *εἰς αὐτὸν τὸν Μοραβίστον* — и другіе перечисленные тутъ города; судя по порядку, въ какомъ перечисляются въ этомъ хрисовулѣ епископіи, должно заключить, что здѣсь разумѣется область верхней Болгарской Моравы, а не Морава при впаденіи соединенной Моравы въ Дунай, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя Морава въ томъ же хрисовулѣ упоминается сама по себѣ, именно въ браничевской епископіи и не какъ епископскій городъ, а только подвѣдомственный браничевскому епископу ⁵⁾. Отождествленіе первой Юстиніаны съ Охридой, которое допускается многими, даже Гергенретеромъ ⁶⁾, давно опровергнуто; обыкновенно предполагаютъ мѣсто первой Юстиніаны гдѣнибудь на пространствѣ между городами Призрѣномъ, Приштиной,

¹⁾ *Zacharia*, *ibid.* S. 8.

²⁾ „Архіепископія первой Юстиніаны охридская и ея просвѣтительное значеніе для южныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ“. А. Л. въ „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1886, кн. 4-я.

³⁾ Слав. Древн. II, 1, 351—358.

⁴⁾ Очеркъ, стр. 35, примѣчаніе.

⁵⁾ Καὶ τὸν ἐπίσκοπον Βρανίτζης εἰς τὴν Βρανίτζαν καὶ τὸν Μοραβίστον и т. д. Голубинскій, стр. 280.

⁶⁾ *Hergentöther*, I, 160.

Кюстендиломъ и Скопьемъ. Въ этомъ же районѣ находился и городъ Морава, отождествляемый съ первой Юстиніаной. Авторъ указанной статьи о первой Юстиніанѣ полагаетъ мѣсто ея тамъ, гдѣ послѣ былъ городъ Морава, на томъ основаніи, что въ актахъ константинопольскаго собора 879 года находится подпись архіепископа Агаеона моравскаго ¹⁾ вмѣстѣ съ двумя болгарскими епископами Гаврииломъ охридскимъ и Симеономъ девельтскимъ, слѣдовательно это былъ архіепископъ самостоятельный, независимый отъ архіепископа болгарскаго, резиденція котораго въ это время обыкновенно полагается въ Преславѣ; такую самостоятельность этого архіепископа Агаеона составляетъ признать, по мнѣнію автора, и тотъ фактъ, что императоръ Василій Македонянинъ посылаетъ его мирить съ Людовикомъ Нѣмецкимъ Святополка моравскаго и Бориса болгарскаго. По мнѣнію А. Л. Моравская архіепископія есть прямое продолженіе архіепископіи первой Юстиніаны съ ея правами. Конечно такое заключеніе мало имѣетъ для себя основаній, но во всякомъ случаѣ требуетъ объясненія тотъ фактъ, что съ принятіемъ христіанства Болгарами, которые въ періодъ перваго болгарскаго царства имѣли столицу и архіепископскую кафедру въ восточной части своихъ владѣній, въ Преславѣ, христіанство процвѣтаетъ преимущественно на западѣ; тамъ видимъ множество епископскихъ кафедръ, тамъ развивается славянская письменность. Можно было бы съ большимъ правомъ предполагать возстановленіе церкви въ предѣлахъ прежней архіепископіи первой Юстиніаны ранѣе крещенія Бориса, если бы мы знали, когда и какимъ путемъ Болгаре приобрѣли юго-западный край своихъ владѣній до Адриатическаго моря. Границы Болгарскаго царства при Борисѣ на юго-западѣ опредѣляютъ только гадательно, основываясь на позднѣйшихъ свидѣтельствахъ ²⁾, а время приобретенія этихъ земель относятъ къ началу царствованія этого государя, путемъ мирныхъ договоровъ ³⁾.

Обратимся теперь къ вопросу о христіанствѣ у Славянъ и Бол-

¹⁾ τῶν Μοραβῶν у Левьена, Μοραβῶν въ τόμος χορός патр. Досноеа. Онъ занимаетъ въ подписяхъ 66 мѣсто, между митрополитами навпактскимъ и ддрракійскимъ. *Голубинскій*, стр. 34.

²⁾ См. опредѣленіе границъ Болгаріи при Борисѣ Голубинскаго въ 9-мъ примѣчаніи.

³⁾ *Голубинскій*, стр. 7.

гарь со времени ихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ до крещенія при Борисѣ. Славяне первоначально поселялись за Дунаемъ не массами, а по немногу, при этомъ они или становились въ подчиненное положеніе къ мѣстнымъ жителямъ, или же, поступая на службу въ войска имперіи, оставались свободными. Въ томъ и другомъ случаѣ они испытывали сильнѣйшее вліяніе отъ мѣстныхъ жителей, принимали постепенно языкъ, который былъ господствующимъ въ имперіи, то есть латинскій сначала, особенно въ областяхъ ближайшихъ къ Дунаю, а потомъ греческій, особенно въ мѣстахъ ближе къ морю. При этомъ они, конечно, въ большинствѣ случаевъ принимали и христіанство. Начиная съ V вѣка извѣстно много лицъ, отличившихся своею дѣятельностью на гражданскомъ или военномъ поприщѣ въ восточной имперіи, о которыхъ по именамъ, а иногда и по прямымъ указаніямъ можно утверждать, что они были Славяне; такія лица появлялись и на императорскомъ престолѣ и на патріаршемъ; было нѣсколько знаменитыхъ полководцевъ изъ Славянъ. Это лица, заявившія о себѣ своею дѣятельностью и потому упомянутыя исторіею. Но, конечно, была масса людей, которые подверглись такому же вліянію, но остались неизвѣстными, потому что не было повода о нихъ упоминать: превращеніе варваровъ въ Римлянъ было такое обычное явленіе, которое составляло характеристическую черту римско-византійской имперіи во все время ея существованія.

Но когда съ теченіемъ времени Славяне и массами стали занимать земли въ имперіи, то и тогда они не могли долго оставаться внѣ вліянія христіанства. Если отъ частыхъ и сильныхъ варварскихъ опустошеній умевнялось и даже во многихъ мѣстахъ совершенно исчезало мѣстное коренное населеніе, то во всякомъ случаѣ имперія не оставляла этихъ новопришлыхъ жителей на полной свободѣ и однимъ изъ средствъ утвержденія власти надъ этими варварами, обузданія ихъ, было распространеніе христіанства. Мы видѣли, что въ мѣстахъ, занятыхъ съ теченіемъ времени Славянами, была уже хорошо организованная церковь съ многочисленною іерархіею. При вторженіи непріятелей, духовенство, особенно высшее, оставляло свои мѣста и обыкновенно удалялось въ Константинополь. Здѣсь епископы продолжали считаться настоящими пастырями своихъ епархій, дожидаясь, когда имперія введетъ въ оставленныхъ ими мѣстахъ настолько покорности, чтобы имъ можно было вернуться назадъ; если епископъ умиралъ, а его городъ оставался еще въ рукахъ непріа-

тела, то и въ этомъ случаѣ на мѣсто его назначался новый епископъ, всѣ распоряженія котораго считались вполнѣ законными ¹⁾. Въ виду существованія такого порядка можно предполагать, что архіепископы первой Юстиніаны и епископы другихъ епархій, оставивъ свои кафедры, жили въ Константинополѣ и оттуда по мѣрѣ успѣховъ оружія имперіи старались восстанавливать порядокъ въ своихъ церквахъ. Если архіепископъ или епископъ не могъ жить постоянно въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ это могло быть несовсѣмъ безопасно, то онъ могъ дѣйствовать тамъ черезъ другихъ лицъ, посылать низшее духовенство. Въ земляхъ, давно занятыхъ Славянами, были, напримѣръ, епископы въ VIII вѣкѣ; они, конечно, не могли не оказывать вліянія на поселившихся въ тѣхъ мѣстностяхъ Славянъ. Такъ, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ 788 году присутствовалъ Евменій, епископъ сардикійскій; при Никифорѣ I (802—811) онъ подвергся гоненію за иконопочитаніе; къ нему есть письмо Θεодора Студита, называющаго его опорой вѣры ²⁾.

Нужно, конечно, строго различать христіанство у Славянъ, поселявшихся въ предѣлахъ имперіи постепенно, начиная съ конца IV и начала V вѣка, и христіанство у Болгаръ, пришедшихъ въ 678 году и занявшихъ Мизию. Первые обратились въ христіанство ранѣе послѣднихъ, конечно, не всѣ; они принимали христіанство, когда подчинялись имперіи: принять христіанство и значило подчиниться имперіи, сохраняя въ мѣстномъ управленіи свой домашній порядокъ.

Это, впрочемъ, одни только соображенія о возможности распространенія христіанства между варварскими народами, Славянами и Болгарами, до времени формальнаго ихъ крещенія при Борисѣ. Но есть на это и прямыя указанія, хотя и немногочисленныя.

Такое прямое свидѣтельство имѣемъ во первыхъ въ житіи св. Дмитрія Солунскаго. При нападеніи на Солунь Славяне уведили много плѣнныхъ. Эти плѣнные, смѣшавшись съ варварами, имѣли на нихъ сильное вліяніе, такъ что «дѣти переняли отъ отцевъ своихъ расположение и любовь къ нравамъ римскимъ и чрезъ вѣру православную и животворное крещеніе умножилось христіанское племя» ³⁾. Прео-

¹⁾ 37 правило гральскаго собора; разъясненіе у Арх. *Іоанна* въ «Опытѣ Церк. Законовъ», т. II, стр. 403.

²⁾ *Сергій*, Мѣсяцесл. Востока, т. II, стр. 400—401, 26 декабря.

³⁾ *Аа. Ss. Oct. t. IV, Aa. S. Demetrii*, § 195.

свят. Порфирій въ своей исторіи Аеона приводитъ извѣстіе объ обращеніи нѣсколькихъ славянскихъ племенъ аеонскими монахами. Это извѣстіе находится въ исторіи одного аеонскаго монастыря, не очень древней, и основано, кажется, на томъ же сказаніи о житіи и чудесахъ Димитрія Солунскаго; по крайней мѣрѣ, племена славянскія приводятся тѣ-же, что и въ житіи Димитрія. Вотъ это свидѣтельство: «Во дни иконоборныхъ царей Льва Исавра, сына его Константина Копронина и внука Льва, въ эти злосчастные дни смуть и безпорядковъ въ византійскомъ царствѣ, Влахи Рихины и Сагудаты пришли на Аеонскую гору съ своими семействами, потому что не кому было противостать имъ и отразить ихъ. Спусти нѣсколько времени, мѣ τὸν καιρόν, святые отцы аеонскіе огласили ихъ евангельскимъ ученіемъ такъ успѣшно, что они увѣровали во Христа и сдѣлались совершенными христіанами. Но какъ рать не ходить прямо, а ползеть сѣмо и овамо, такъ и эти Влахи хотя увѣровали и крестились и потомъ подчинились царямъ константинопольскимъ, но расселились на святоижеитой горѣ Аеонской подѣ тѣмъ предлогомъ, что они научены будутъ современемъ лучше» ¹⁾.

Когда Болгаре въ 678 году перешли Дунай и заняли земли, заселенныя ранѣе Славянами; то они нашли здѣсь греческое духовенство; конечно, тогда въ числѣ христіанъ были и Славяне. Свидѣтельство объ этомъ имѣемъ въ словахъ болгарскихъ пословъ на Константинопольскомъ соборѣ 869 года, которые говорятъ, что при занятіи страны Болгаре нашли въ ней греческихъ священниковъ. Это свидѣтельство, конечно, нельзя считать особенно важнымъ, если принять во вниманіе 200 лѣтъ, протекшихъ съ ихъ встрѣчи съ Греками, но, имѣя въ виду то, что мы знаемъ объ организаціи церкви на Балканскомъ полуостровѣ до прихода Болгаръ, свидѣтельство это можно считать достовѣрнымъ, еслибы даже оно было простымъ соображеніемъ, а не точнымъ знаніемъ; оно означаетъ, что подобное можно было говорить передъ собраніемъ людей, могшихъ имѣть и достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. О томъ же свидѣтельствуемъ и архіепископъ болгарскій Теофилактъ въ сказаніи о страданіи 15-ти тиверіупольскихъ мучениковъ. По его словамъ, уже при Юліанѣ въ Тиверіополѣ и окрестностяхъ его не осталось ни

¹⁾ Δόγος ἱστορικὸς τῆς μονῆς Κασταρονίτου, въ Истор. Аеона, ч. III.

одного не христіанина; съ теченіемъ времени слава тиверіупольскихъ мучениковъ распространилась въ разныхъ мѣстахъ. Сначала Авары разрушали храмы, а потомъ Болгаре; но христіанство не умирало; оно сохранялось въ народѣ, покоренномъ Болгарами; когда послѣдніе сами приняли христіанство, то возстановили и разрушенные ими храмы (см. приложение). Свидѣтельство Теофилакта имѣеть большую цѣну, такъ какъ Теофилактъ, кромя письменныхъ источниковъ, имѣлъ возможность пользоваться и мѣстными преданіями.

Что касается до Болгаръ, пришедшихъ въ 678 году, то у нихъ христіанство начало распространяться ранѣе крещенія князя Бориса, но едвали въ значительной степени. Нужно имѣть въ виду, что Болгаре-азіаты, пришедши въ Мизію, выселили жившихъ тутъ Славянъ и заставили бѣжать оттуда Грековъ; эти послѣдніе, равно какъ и многіе изъ Славянъ, судя по древности христіанства въ этой мѣстности (см. выше о скиѣской епархіи), были христіанами. Такимъ образомъ на мѣстѣ поселенія Болгаръ христіанство было едвали не совсѣмъ уничтожено; оттого Болгаре такъ долго и оставались дикими иногда даже фанатическими язычниками. Конечно христіанство скорѣе прививалось къ тѣмъ изъ нихъ, которые стояли ближе къ населенію тѣхъ мѣстъ, гдѣ Болгаре-завоеватели не составляли большинства населенія, а только господствующій классъ. Всего упорнѣе язычество держалось въ сѣверовосточномъ углу Болгаріи, особенно въ высшемъ военномъ сословіи, происходившемъ отъ кочевыхъ первоначальныхъ завоевателей.

И здѣсь миссіонерами явились плѣнники, во множествѣ уводимые Болгарами изъ византійскихъ владѣній. Среди этихъ плѣнныхъ могли быть многіе и изъ Славянъ, оставшихся подъ властью имперіи. Эти послѣдніе были уже христіанами, испытавшими вмѣстѣ съ тѣмъ сильное вліяніе Византіи. Въ плѣну они оказывали свое вліяніе конечно всего болѣе на подчиненныхъ Болгарамъ Славянъ, находя въ нихъ много сроднаго. Можетъ быть этимъ и объясняется жестокость гоненія Муртагона на христіанъ. Какъ видѣли ранѣе, въ Болгаріи всегда существовала партія, склонная къ сближенію съ имперією, и эта партія была конечно болѣе славянская и болѣе склонная къ христіанству, а можетъ быть отчасти и христіанская. Введеніе христіанства при Борисѣ не обошлось безъ сопротивленія, и сопротивленіе оказала именно боярская партія, состоявшая болѣею частію изъ прямыхъ потомковъ азійскихъ завоевателей.

Есть и прямые указанія на случаи обращенія въ христіанство Болгаръ до Бориса. Такъ при императорѣ Львѣ IV, болгарскій князь Телеригъ, отказавшись отъ престола, ушелъ въ Константинополь, принялъ крещеніе, но тамъ же и остался на постоянное житье ¹⁾. Многіе византійскіе лѣтописцы рассказываютъ о проповѣднической дѣятельности плѣнныхъ, захваченныхъ Крумомъ при взятіи Адрианополя и другихъ городовъ. Въмѣстѣ съ другими взятъ былъ въ плѣнъ и адрианопольскій епископъ Мануилъ. О немъ Константинъ Порфирородный рассказываетъ: «здѣсь въ плѣну, непоколебимо сохраняя свою христіанскую вѣру, этотъ чудный архіерей и бывший съ нимъ народъ многихъ изъ Болгаръ обратили къ истинной вѣрѣ христовой и всюду бросали сѣмена христіанскаго ученія» ²⁾. Недовольный этою дѣятельностью Мортагонъ, преемникъ Крума, началъ преслѣдованіе противъ христіанъ, при чемъ пострадалъ Мануилъ и многіе изъ народа ³⁾. Теофилактъ, архіерей болгарскій, говоритъ, что въ числѣ плѣнныхъ, захваченныхъ Крумомъ, былъ молодой человекъ Кинамъ, котораго Мортагонъ (у Теоф. Омортагъ) посадилъ въ тюрьму за преданность христіанству. Освобожденный впоследствии сыномъ Мортагона, Маломіромъ, по просьбѣ его брата Энравоты, Кинамъ обратилъ въ христіанство этого Энравоту, который однако былъ за это казненъ Маломіромъ. Это было за три года до вступленія на престолъ Бориса.

¹⁾ Chron. Theoph. p. 698 ed. Вop.; въ 777 году.

²⁾ Theop. Cont. De Bas. Maced. c. 4, p. 216—217. Констант. Порфирородный не говоритъ, въ какую часть Болгаринъ были отправлены плѣнные. У продолжателя Амаргола (Georg. Mon. ed. Вop. p. 818) παρὰ τοῦ Δαυουβίου, у Льва Грамматика (p. 231 ed. Вop.) μετὰ τοῦ Δαυουβίου; судя по подробностямъ возвращенія, они были за Дунаемъ. Подробности возвращенія у К. Порфиророднаго иныя, нежели у продолжателя Амаргола и Льва Грамматика; по его словамъ Болгаре возвратили плѣнныхъ по договору, послѣ пораженія, нанесеннаго Греками; время возвращенія и имя князя не указаны у него, по Георгіеву продолженію и Льву Грамматіку возвращеніе плѣнниковъ произошло при импер. Θεοδορῷ и Болгарскомъ князѣ Михайлѣ-Владимірѣ. Сбывчивость въ именахъ; однако рассказъ продолжателя Амаргола определеннѣе и вѣрнѣе.

³⁾ О гоненіи Мортагона говорится также въ минологіи импер. Василія, подлинномъ и по славянскому переводу (*В. И. Ламанскаго*, «О слав. рукод. въ Бѣлградѣ» и пр.), также въ славянскихъ прологахъ, гдѣ въ числѣ мучениковъ, кромѣ Мануила, упоминаются Георгій, еп. девельтскій, Левъ никейскій (изъ Фракіи) и Петръ неизвѣстнаго мѣста; о взятіи въ плѣнъ Георгія девельтскаго упоминаетъ Теофанъ подъ 811 годомъ. *Фил. третъ*. Южно-Слав. святые, I, 38—41; *Голубинскій*, примѣч. 23.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изложение содержания извѣстій о крещеніи Болгаръ съ замѣчаніями объ ихъ происхожденіи.—Группировка и разборъ ихъ.—Латинскимъ или греческимъ духовенствомъ крещенъ былъ Борисъ? — Побудительныя причины принятія Борисомъ крещенія.—Время крещенія Бориса.—Мѣсто крещенія.

Приступая къ разбору извѣстій о крещеніи Болгаръ, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о тѣхъ источникахъ, въ которыхъ они находятся, и о планѣ, котораго я буду держаться при ихъ разборѣ. Всѣ источники, изъ которыхъ заимствуются свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, можно раздѣлить на три разряда: 1) документальныя современныя извѣстія, 2) сказанія современныхъ писателей и 3) рассказы позднѣйшихъ писателей. Современные извѣстія, какъ документальныя, такъ и находящіяся у писателей отличаются чрезвычайною краткостью, говорятъ о крещеніи Болгаръ только мимоходомъ и не содержатъ почти никакихъ подробностей, кромѣ простаго упоминанія о фактѣ крещенія. Болѣе подробныя документальныя извѣстія касаются судьбы христіанства въ Болгаріи уже послѣ крещенія Бориса. Поэтому на основаніи однихъ современныхъ извѣстій нельзя возстановить фактъ крещенія съ надлежащею полнотою, необходимо принять къ свѣдѣнію сказанія позднѣйшихъ писателей, которые, говоря также кратко о самомъ крещеніи, сообщаютъ по крайней мѣрѣ подробности обстоятельствъ, подготовившихъ и сопровождавшихъ крещеніе. Конечно нѣкоторыя подробности въ позднѣйшихъ источникахъ, какъ увидимъ, не могутъ считаться достоверными, и потому пользоваться ими можно только съ осторожностью. При разборѣ извѣстій я буду держаться такого плана: по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, которому соответствуетъ впрочемъ вездѣ почти и степень достоверности, я сообщу своими словами сущность каждаго извѣстія (помѣщая въ

приложеніи подлинный текстъ и буквальный переводъ). При этомъ каждый разъ буду дѣлать замѣчанія о цѣнности тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ они находятся. Чтобы не разрывать цѣльности разсказовъ лѣтописцевъ, я приведу ихъ сполна, хотя они сообщаютъ факты и позднѣйшіе, но имѣвшіе связь съ крещеніемъ Болгаръ. Послѣ такого обзорѣнія извѣстій сами собой обнаружатся какъ факты, не подлежащіе сомнѣнію, такъ и спорные и темные пункты, для объясненія которыхъ придется прибѣгнуть къ сравненію извѣстій въ подробностяхъ и соображенію различныхъ постороннихъ обстоятельствъ.

Первое извѣстіе, касающееся обращенія въ христіанство болгарскаго князя Бориса, находимъ въ документѣ, относящемся къ 864 году. Въ маѣ этого года Констанційскій епископъ *Саломонъ I-й* по порученію короля Людовика Нѣмецкаго былъ въ Римѣ и сообщилъ папѣ Николаю I между прочимъ о томъ, что Людовикъ надѣется на обращеніе въ христіанство князя Болгаръ, изъ которыхъ многіе сдѣчались уже христіанами. Папа отвѣчалъ, что онъ очень радъ этому и согласно съ желаніемъ Людовика назначить молебны и постъ ради счастливаго исхода этого дѣла. (См. 1-е приложеніе).

Не позже 865 года ¹⁾ Патріархъ *Фотій* отправилъ къ Болгарскому князю Борису—Михаилу, уже крестившемуся, письмо, въ которомъ онъ хочетъ увѣрлить его въ христіанствѣ, какъ дитя, рожденное подъ его духовными заботами, какъ духовнаго сына ²⁾, и которому онъ поручаетъ заботиться объ обращеніи въ христіанство всей страны.

Въ 866 году ³⁾, осенью или въ началѣ зимы, пришли въ Болгарію, по просьбѣ князя, папскіе легаты Павелъ еп. популонскій и Формозъ еп. португенскій съ знаменитыми отвѣтами папы *ad consulta Bulgarorum*, изъ которыхъ видно, что Борисъ уже крестился, крестилась и большая часть народа послѣ подавленія мятежа. Подробностями изъ этихъ папскихъ отвѣтовъ воспользуюсь послѣ, для проверки данныхъ, находящихся у византійскихъ писателей. Здѣсь

¹⁾ *Hergenröther*, I, 601.—*Φοτίου ἐπιστολαί, ἐκδοθ. ὑπὸ Ἰωάννου Ν. Βαλέττα. Λονδίνου. 1864. ἐπιστ. ε'.*

²⁾ ἡγαπημένε, ἡμῶν οἰε; *ibid.* κ. 1. σελ. 202; τῶν ἐμῶν πνευματικῶν ὠδίνων εὐγενές καὶ γνήσιον γέννημα, ὡ καλὸν ἄγαλμα τῶν ἐμῶν πόνων. κ. 5. σελ. 204 φιλόχριστε καὶ πνευματικῆ ἡμῶν οἰε. κ. 20. σελ. 220 и др.

³⁾ *Hergenröther*, I, 606, 607.

упоминаю объ этомъ потому, что самый фактъ отправленія этихъ отвѣтовъ имѣетъ значеніе для опредѣленія времени крещенія Болгарь.

Въ 867 году патріархъ Фотій разослалъ окружное посланіе къ восточнымъ патріархамъ, въ которомъ говоритъ, что не прошло и двухъ лѣтъ съ обращенія Болгарскаго народа въ христіанство, какъ пришло въ Болгарію западное духовенство (см. приложение).

Итакъ, первое изъ этихъ извѣстій говоритъ о намѣреніи Болгарь обратиться въ христіанство, а остальные три свидѣтельствуютъ, что это обращеніе совершилось, но не передаютъ подробностей. Такою же краткостью отличается и свидѣтельство одного византійскаго писателя, современнаго событію, но писавшаго нѣсколько времени позже; это свидѣтельство *Никиты Пафлагонскаго* въ биографіи патріарха Игнатія. Описывая страданія патріарха, которымъ подвергъ его Варда, онъ говоритъ далѣе, что только сорокадневное землетрясеніе побудило Варду освободить Игнатія. Тогда тотчасъ прекратилось землетрясеніе и Болгаре, мучимые голодомъ, а вмѣстѣ и побуждаемые подарками царя, положили оружіе и приняли христіанство.

Нѣсколько подробнѣе можно узнать о крещеніи Болгарь изъ западныхъ писателей, современныхъ событію и писавшихъ немного времени спустя. Такія извѣстія находимъ въ латинскихъ лѣтописяхъ. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь извѣстію Гинкмара, который съ 863 года сталъ продолжать бертинскую лѣтопись. Подъ 866 годомъ *Гинкмаръ* рассказываетъ, что князь болгарскій еще въ предшествующемъ (значитъ въ 865 году) думавшій, между прочимъ вслѣдствіе народныхъ бѣдствій, сдѣлаться христіаниномъ, принялъ крещеніе. Бояре «изъ всѣхъ десяти комитатовъ» собрались и возмутили противъ него народъ. Но онъ съ помощію сорока восьми преданныхъ христіанъ, благодаря чуду, побѣдилъ мятежниковъ, казнилъ 52 бояръ, а народъ оставилъ въ покоѣ. Затѣмъ послалъ къ королю нѣмецкому Людовику, бывшему съ нимъ въ союзѣ, просить епископа и священниковъ. Людовикъ отправилъ просьбу Карлу о присылкѣ ему, для передачи въ Болгарію, священныхъ сосудовъ, одеждъ и книгъ, что Карлъ и исполнилъ. Болгарскій князь отправилъ сына своего съ многими изъ бояръ въ Римъ и послалъ въ даръ св. Петру оружіе, которымъ онъ сражался противъ враговъ христіанства, и другіе подарки и предложилъ папѣ на разрѣшеніе нѣсколько вопросовъ, касающихся вѣры, прося прислать епископовъ и священниковъ, что

папа и исполнилъ. Людовикъ, императоръ итальянскій, просилъ у папы отдать ему оружіе и подарки болгарскаго князя, но папа ему отдалъ только часть. Свидѣтельство Гинемара имѣетъ большую цѣну, такъ какъ онъ, стоя близко ко двору Людовика Нѣмецкаго, въ качествѣ официальнаго лѣтописца, могъ близко знать многія подробности сношеній съ иностранными государствами ¹⁾.

О посольствѣ болгарскаго князя къ Людовику Нѣмецкому говоритъ и *бульдская лѣтопись*. Въ ней, подъ 866 годомъ, записано: Болгарскіе послы приходятъ къ королю въ Регенсбургъ (Radesbrunn) и сообщая, что князь ихъ «съ немалымъ числомъ народа» обратился въ христіанство, просятъ у него послать въ Болгарію способныхъ изъ проповѣдниковъ христіанства. (Ad. a. 867:) Людовикъ отправилъ епископа Ерменриха пассавскаго ²⁾ со священниками и діаконами. Но когда они пришли въ Болгарію, то застали тамъ епископовъ, посланныхъ папою и потому, съ позволенія короля, вернулись назадъ домой (см. прилож.).

Объ этомъ же предметѣ есть извѣстіе въ *ксантской лѣтописи*, нѣсколько иначе. Изъ цвѣстистаго разсказа ксантской лѣтописи, подъ 868 годомъ, можно извлечь слѣдующія фактическія данныя: Болгаре обратилесь въ христіанской вѣрѣ, когда папа Николай отправилъ къ нимъ «апостольскихъ мужей», которые и крестили ихъ (см. приложение).

Теперь же приведу слова *Регимона* († 915), который писалъ также немного спустя послѣ крещенія Болгаръ. Подъ 868 годомъ онъ разсказываетъ: «въ эти времена» болгарскій народъ въ большинствѣ былъ крещенъ въ христіанскую вѣру. Папа послалъ священниковъ и учителей вѣры для утвержденія христіанства. Людовикъ, король нѣмецкій, также оказалъ содѣйствіе этому дѣлу. О князѣ болгарскомъ разсказываютъ, что онъ отличался сильною ревностію къ вѣрѣ и проводилъ ночи съ молитвою въ церкви. Спустя немного времени (по принятіи крещенія?) онъ отдалъ княженіе старшему сыну и ушелъ въ монастырь. Но сынъ отличался легкомысліемъ и думалъ о возстановленіи явнчества. Тогда отецъ снялъ монашескую одежду, схватилъ сына, выкололъ ему глаза и посадилъ въ тюрьму;

¹⁾ *Wattenbach*, Deutschlands-Geschichtsquellen, S. 154.

²⁾ *Dämmler*, Südostlich. Mark, S. 40.

затѣмъ поставилъ княземъ своего младшаго сына съ угрозою, въ случаѣ отступленія отъ христіанства, поступить съ нимъ также, какъ и съ старшимъ, снова удалился въ монастырь, гдѣ и подвизался до смерти (см. приложение).

Разсказъ Регинаона повторяетъ *Зигибертъ гемблаценскій* († 1112 г.), не обнаруживая никакихъ признаковъ пользованія другими источниками и только коротко излагая извѣстіе Регинаона.

Эти извѣстія не даютъ согласнаго свидѣтельства, но возбуждаютъ только вопросъ—во первыхъ о побудительныхъ причинахъ къ принятію крещенія, во вторыхъ о времени крещенія Болгарь, въ третьихъ о томъ, кто ихъ крестилъ, греческое или латинское духовенство. При помощи разныхъ соображеній можно бы и на основаніи этихъ извѣстій отвѣтить по возможности на всѣ эти вопросы, но для рѣшенія ихъ представляютъ новыя данныя византійскіе лѣтописцы хотя и позднѣйшаго времени (X в.).

Вотъ сущность извѣстій позднѣйшихъ византійскихъ лѣтописцевъ, съ замѣчаніями, какъ о самихъ лѣтописцахъ, такъ и источникахъ, которыми они пользовались.

Продолжатель Георгія Монаха (Амартола) рассказываетъ въ исторіи царствованія Михаила III: Амеръ грабилъ римскія области, дошелъ до Синопа и ушелъ назадъ, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны римскаго войска. Императоръ Михаилъ, услышавъ о голодѣ въ Болгаріи, отправился выѣсть съ Вардою сунюю и моремъ противъ Болгарь. Вслѣдствіе этого испуганные Болгаре предложили принять христіанство и подчиниться имперіи. Михаилъ крестивъ и воспринявъ князя назвалъ его своимъ именемъ, бояръ же его крестилъ введши въ городъ (см. прилож.). Этотъ разсказъ Георгіева продолжателя почти буквально повторенъ Львомъ Грамматикомъ (см. прилож.). Хроника монаха Георгія Грѣшнаго, заключающая въ себѣ исторію отъ сотворенія міра до возстановленія иконопочитанія при Θεодорѣ и Михаилѣ III въ 842 году, написана при Михаилѣ III (842—867), какъ видно изъ предисловія къ ней. Сохранилось къ этой хроникѣ продолженіе, доведенное до 948 года. Въ этомъ продолженіи хроники Георгія Амартола и находится приведенное свидѣтельство о крещеніи Болгарь. По изслѣдованію Гирша, это продолженіе Амартола источникомъ своимъ имѣетъ отдѣльную хронику, написанную какимъ то Логобетомъ (не Симеономъ), важнымъ государственнымъ человекомъ, окончившимъ свой трудъ не ранѣе, но крайней мѣрѣ на-

чала царствованія императора Никифора Фоки († 969 г.). Хроника эта, начинавшаяся по крайней мѣрѣ съ царствованія Теофила, отдѣльно не сохранилась, да и, какъ продолженіе хронки Амартола, сохранившаяся часть ея (большая) дошла не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Какъ самая хроника Амартола, такъ и ея продолженіе сохранились въ двухъ редакціяхъ—болѣе подробной и съ прибавками изъ другихъ источниковъ, и краткой, безъ чуждыхъ прибавокъ, но съ перефразировкой при передачѣ. Въ исторіи царствованія Михаила III въ подробнѣйшей редакціи (по списку ватиканской библи.) есть заимствованія изъ Генезія ¹⁾. Начало оригинальной хроники Логовета, именно исторія времени Михаила III, писано одновременно съ хроникой Генезія и продолжателемъ Теофана, но писано совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ эти послѣднія хроники. Приведенное выше извѣстіе находится въ обѣихъ редакціяхъ, въ данномъ случаѣ ничѣмъ существенно не отличающихся; поэтому его можно считать не искаженнымъ позднѣйшими компиляторами (см. прилож.). Всѣ интересы автора сосредоточиваются на изображеніи придворной жизни, но при этомъ онъ сохраняетъ безпристрастіе, не увлекаясь духомъ партій. Въ исторіи Михаила III, не хваля послѣдняго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не хвалитъ и Θεодору ²⁾. На церковныхъ дѣлахъ онъ мало останавливается, но и при этомъ сохраняетъ болѣе безпристрастія; говоря коротко о низверженіи Игнатія Вардоу, онъ благосклонно и съ похвалою говоритъ о возведенномъ на мѣсто Игнатія, Фотіи ³⁾, но ничего не говоритъ о возникшемъ тогда столкновеніи съ Римомъ. Безпристрастіе Логовета сравнительно съ Генезіемъ и продолжателемъ Теофана, не говоря уже о К. Порфирородномъ, въ отношеніи къ императору Василю Македонянину видно еще яснѣе: онъ не скрываетъ виновности Василія въ убійствѣ Варды и Михаила III ⁴⁾. Все это даетъ право поставить свидѣтельство продолжателя Амартола ранѣе и выше свидѣтельство Генезія и продолжателя Теофана.

Генезій, писавшій при Константинѣ Порфирородномъ, въ одно время съ сейчасъ упомянутымъ Логоветомъ, вотъ что передаетъ о кре-

¹⁾ *Hirsch*, *Byzantinische Studien*, S. 49.

²⁾ *Сар.* 13, р. 822, 823.

³⁾ *С.* 20, р. 820.

⁴⁾ *Р.* 822 и 829; 836, 838.

щеніи Болгарь, тоже въ исторіи императора Михаила III: рассказавъ о пораженіи, нанесенномъ братомъ Θεодоры Петроною мелитенскому эмиру, котораго византійцы называютъ Амеромъ, Генезій говоритъ, что побѣдъ этой содѣйствоваль вмѣстѣ съ другими и братъ Петроны, Варда, получившій въ праздникъ Пасхи (19-го апрѣля 862 года) титулъ цезаря. Непосредственно послѣ этого слѣдуетъ рассказъ о крещеніи Болгарь, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ: «Болгарскій князь испугался успѣховъ греческаго оружія и склонился къ миру съ Греками, хотя ранѣе онъ осмѣливался враждовать противъ нихъ. Къ тому же народъ болгарскій сильно страдалъ отъ голода. При такихъ обстоятельствахъ всѣ Болгаре очень легко согласились на принятіе крещенія; князь ихъ назвался именемъ тогдашняго императора Михаила. Для организаціи христіанской церкви посланы были способные архіереи». Генезій, авторъ «Исторіи царей», по доводамъ Гирша, былъ сынъ Константина, занимавшаго видное мѣсто при Михаилѣ III и принадлежавшаго къ партіи Игнатія, писалъ при Константинѣ Порфирородномъ и по его порученію. Уже Скилицій указалъ на его пристрастіе ¹⁾, которое проявляется какъ въ отношеніи къ македонской династіи, такъ и партіи Фотія. Гиршъ очень остроумно объясняетъ причину вражды къ противно-игнатіевой партіи, доказывая, что онъ былъ сынъ Константина, который былъ сторонникомъ Игнатія, а одною изъ тенденцій Генезія было именно желаніе показать заслуги своего отца. Генезій писалъ главнымъ образомъ по устнымъ рассказамъ, но пользовался и письменными источниками, между прочимъ и Никитою Пафлагонскимъ. Гергенретеръ (I, 599) называетъ Генезія вообще достовѣрнымъ писателемъ, но Гиршъ во многихъ случаяхъ доказалъ его пристрастіе. Впрочемъ, Генезій сообщаетъ и много подробностей, которыя можно считать достовѣрными, такъ какъ могли быть узнаны имъ изъ семейныхъ преданій.

Непосредственно за Генезіемъ слѣдуетъ поставить рассказъ *продолжателя Θεофана*. Сущность рассказа продолжателя Θεофана ²⁾, повтореннаго Скилиціемъ, Кедриномъ и Зонарою, состоитъ въ слѣдующемъ: Когда болгарскій князь узналъ, что въ Византіи цар-

¹⁾ Hirsch, 118.

²⁾ Помѣщая въ приложеніи подлинныя рассказы Скилиція, Кедрина и Зонары, я привожу здѣсь въ скобкахъ отлчія ихъ извѣстій отъ продолжателя Θεофана.

ствуеть Теодора—женщина (вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ), онъ сталъ грозить ей войною и послалъ пословъ объявить ей объ этомъ; но Теодора остроумно объяснила ему, что она вовсе не боится его и съужветъ съ нимъ бороться. Тогда болгарскій князь возобновилъ дружественный союзъ. Въ это время Теодора стала разыскивать въ Болгаріи незадолго передъ тѣмъ плѣннаго Болгарами монаха Теодора Куфару (человѣка извѣстнаго и полезнаго на государственной службѣ) и послала письмо къ болгарскому князю съ просьбою объ отпускѣ этого монаха за какой угодно выкупъ. Князь Болгарскій взамятъ Куфары просилъ отпустить свою сестру, когда-то попавшую въ плѣнъ къ Ромеямъ и содержавшуюся теперь при царскомъ дворѣ. Здѣсь она приняла христіанство и научилась грамотѣ. Куфара же, пока былъ въ плѣну, успѣлъ немного научить и огласить князя въ тайнствахъ. Когда взамятъ его была возвращена князю сестра, которая при царскомъ дворѣ приобрѣла величайшее уваженіе къ христіанству и къ христіанскому обряду и вѣроученію, она продолжала склонять его къ принятію христіанской вѣры. Однако князь все еще оставался язычникомъ. Но вотъ Болгаре стали страшно страдать отъ голода (и не имѣли никакой помощи, развилась смертность (фдорá) въ народѣ З.). Для избавленія отъ этого бѣдствія князь обращается къ Богу, котораго такъ прославляли ему Теодоръ Куфара и его собственная сестра (приказываетъ и подданнымъ дѣлать тоже С. К.) Получивши избавленіе отъ этого бѣдствія, онъ обращается въ христіанство, проситъ прислать кого нибудь для наученія христіанскимъ тайнствамъ, принимаетъ крещеніе и называется по имени тогдашняго императора Михаиломъ отъ присланнаго изъ Царьграда архіерея. Рассказываютъ, что было и такое обстоятельство, которое укрѣпило князя въ вѣрѣ. (Зонара совсѣмъ опускаетъ рассказъ о картинѣ страшнаго суда). Страстно любя псовую охоту, князь болгарскій захотѣлъ украсить свой домъ изображеніями сценъ изъ нея. Для этого призвалъ монаха Мееодія, «изъ нашихъ Ромеевъ», но приказалъ ему нарисовать не военныя или охотничьи сцены, а вообще что нибудь страшное. Тогда Мееодій нарисовалъ картину страшнаго суда. Картина эта возбудила въ князѣ страхъ Божій, и онъ, огласившись въ тайнствахъ (посланнымъ къ нему епископомъ С. К.) «среди глубокой ночи принимаетъ крещеніе». Когда народъ (бояре С. К. Болгаре З.) узналъ объ этомъ, возмущился противъ него и хотѣлъ свергнуть съ престола. Съ помощью немногихъ преданныхъ себѣ людей, князь

побѣдилъ мятежниковъ (и сдѣлалъ ихъ христіанами С. К.), тогда и остальные (приняли христіанство З.) всё, не тайно, но явно, по собственному желанію, сдѣлались христіанами. Полагаясь теперь на единство вѣры съ царицею и чувствуя тѣсноту для своего народа въ собственной землѣ, общая покорность и ненарушимый миръ, просить у нея земли. Тогда царица охотно уступила Болгарамъ Загору.

Первыя пять книгъ хроники, извѣстной подъ именемъ продолжателя Θεοοανα, написаны при Константинѣ Порфирородномъ (945 — 959). Въ предисловіи къ ней говорится, что самъ Константинъ Порфирородный собралъ матеріалы для нея и поручилъ автору доковчить. Какъ извѣстно, Константинъ поручилъ составленіе хроники Генезію, который и исполнилъ это. Хроника продолжателя Θεοοανα составлена послѣ, ибо въ основу ея положена хроника Генезія. Гиршъ объясняетъ отношеніе между этими двумя хрониками такимъ образомъ: поручивъ составленіе хроники Генезію, Константинъ Порфирородный не удовлетворился его трудомъ; онъ нашелъ можетъ быть недостаточно сильными краски, рисующія его предковъ съ хорошей стороны, и рѣшилъ самъ заняться этимъ дѣломъ, собралъ, руководствуясь трудомъ Генезія, матеріалы, самъ обработалъ окончательно важнѣйшую для него исторію императора Василія и все это передалъ другому лицу для окончательной обработки остальныхъ частей.

Хроника продолжателя Θεοοανα содержитъ не передѣлку Генезія, но самостоятельный трудъ, при составленіи котораго Генезій служилъ только однимъ изъ пособій. Въ исторіи Михаила III много свѣдѣній, не находящихся у Генезія, но эти свѣдѣнія не всё одинаковаго достоинства: одни носятъ характеръ полной достовѣрности или вѣроятности, другіе — совершенно баснословнаго характера и наконецъ третьи носятъ тенденціозный характеръ, обличаютъ чловѣка, пишущаго въ интересахъ извѣстной партіи (*Hirsch*, 212). Такой характеръ хроники продолжателя Θεοοανα, какъ увидимъ, обнаруживается и въ извѣстіи о крещеніи Болгаръ.

У продолжателя Θεοοανα сообщены рассказы о крещеніи Болгаръ, одни другому противорѣчащіе. Интересную попытку къ соглашенію ихъ представляетъ рассказъ у Симеона Магистра.

Въ 21 гл. подъ 2-мъ годомъ единодержавія Михаила III (по его счету это соотвѣтствуетъ 857 г.) *Симеонъ Магистръ* передаетъ рассказъ продолжателя Θεοοανα, что «еще въ царствованіе Θεοοορῆς» («ἔτι τῆς Θεοοῶρας τῆν βασιλείαν κατεχούσης») болгар-

скій князь хотѣлъ воевать съ Римлянами, но дѣло до войны не дошло, благодаря умному отвѣту Теодоры. Затѣмъ въ 22 гл. Симеонъ передаетъ рассказъ того же продолжателя Θεοοανα объ обѣнѣ плѣнной сестры болгарскаго князя на монаха Теодора Куфару и о томъ, какъ тотъ, такъ и другая учили князя христіанской вѣрѣ. Конецъ этого рассказа продолжателя Θεοοανα Симеонъ измѣняетъ: говоря о голодѣ въ Болгаріи, онъ утверждаетъ, что этотъ голодъ заставилъ князя сдѣлать набѣгъ на римскую землю. Затѣмъ Симеонъ въ 23 и 24 главѣ дѣлаетъ выписку 15 и 16 главъ изъ Амартолова продолжателя (Логоѣта) (Вопп. 824) о производствѣ въ высшіе чины Варды и его сыновей, о набѣгѣ Амера, о войнѣ, которую предпринялъ Михайлъ съ Вардою противъ болгарскаго князя; о томъ, какъ послѣдній испугался и вслѣдствіе этого, а также и голода, бывшаго тогда въ Болгаріи, изъявилъ готовность принять христіанство и подчиниться Римлянамъ. Въ концѣ своей выписки изъ продолжателя Амартола онъ дѣлаетъ измѣненіе, именно говорить, что царь «всѣхъ ихъ ввелъ въ городъ, крестилъ ихъ тамъ и назвалъ князя своимъ именемъ».

Далѣе Симеонъ передѣлываетъ второй рассказъ продолжателя Θεοοανα о крещеніи Бориса. Именно, онъ говоритъ, что князь (уже крещенный) приказалъ живописцу Меѳодію (монахомъ его не называетъ) написать картину страшнаго суда въ своемъ домѣ. «Это-то и возбудило главнымъ образомъ народное возмущеніе»¹⁾ противъ болгарскаго князя.

Усмиреніе мятежа буквально списано у продолжателя Θεοοανα. Слѣдствіе этой побѣды князя—обращеніе всѣхъ въ христіанство—короче, чѣмъ у Θεοοанова продолжателя.

Наконецъ рассказъ прод. Θεοοανα объ уступкѣ Загорья повторенъ и Симеономъ, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что князь обращается съ просьбою не къ царицѣ Теодорѣ, а къ царю Михайлу. Заключение Θεοοанова продолжателя о всеобщемъ сопрічисленіи Болгаріи къ христіанству Симеономъ опущено.

Обыкновенно считаютъ автора этой хроники за одно и то-же лицо съ знаменитымъ Симеономъ Метафрастомъ, авторомъ житій святыхъ;

¹⁾ διὸ καὶ μᾶλλον τὴν καθίσταται ἐπανάστασιν.

съ этихъ же Метафрастоу отождествляютъ Симеона, который игралъ видную роль въ Солунѣ при взятіи его арабами въ 904 г. ¹⁾, т. е. автора хроники считаютъ младшимъ современникомъ Льва Философа. Опровергая отождествленіе этихъ двухъ Симеоновъ, Гиршъ неопровержимо доказалъ позднѣйшее происхожденіе хроники, и, вслѣдствіе этого, невозможность принадлежности ея кому либо изъ двухъ названныхъ Симеоновъ. Хроника Симеона Магистра и Логоета трудъ вполне не самостоятельный, но отличается отъ другихъ компиляцій тѣмъ, что въ ней въ одно и то-же время употреблено нѣсколько источниковъ. Такъ, сначала онъ пользуется хроникой Георгія монаха, а по ея окончаніи (съ 842 г.) его продолжателемъ, затѣмъ Генезіемъ и продолжателемъ Θεοφανα. Пользованіе этими источниками показываетъ, что хроника Симеона Логоета не могла быть составлена ранѣе конца ц. Никифора Фоки († 969 г), въ началу царствованія котораго относится составленіе хроники Логоета. Въ исторіи царствованія Михаила III Симеонъ Магистръ пользуется Генезіемъ, продолжателемъ Θεοφана и прод. Амартола (Логоетомъ). Эти свои источники онъ или буквально списывалъ или соображалъ, но такъ, что всегда можно узнать подлинникъ. Мѣста, заимствованныя изъ продолженія Георгія, оказываются сходными то съ болѣе подробною редакціею Георгія, то съ краткою. Отсюда можно заключить, что у Симеона была еще въ рукахъ оригинальная, отдѣльная хроника Логоета ²⁾.

Извѣстіе Симеона Магистра о крещеніи Болгаръ, сохраняя всѣ характерныя черты его труда, представляетъ любопытный образецъ того, какъ онъ поступалъ съ противорѣчащими извѣстіями объ одномъ и томъ же предметѣ.

Наконецъ о крещеніи Болгаръ имѣемъ рассказъ *Θεοφιλάκτα*,

¹⁾ Камениата, De exc. Thessal. c. 62, ed. Bonn. p. 574.

²⁾ *Hirsch*, S. 822. Хроника С. Магистра, который, кромѣ указанныхъ источниковъ, пользовался также Никитой Пафлагонскимъ, замѣчательна крайними напаками на патріарха Фотія. Заимствуя все, что можно, по этому предмету у Никиты, и Генезія, Симеонъ Магистръ сообщаетъ массу анекдотическихъ и баснословныхъ часто суевѣрныхъ рассказовъ о Фотіи (гл. 19, 29—36 Мих., 18, 28 Вас.), которые очевидно заимствованы изъ какого нибудь памфлета на Фотія, пущеннаго Игнатіанами. *Hergenröther*, Photius I, 316 f., II, 263. *Hirsch*, Byzantinische Studien, S. 841.

архієпископа болгарскаго, въ сказаніи о Тверіупольскихъ мученикахъ, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ:

Омортагъ, сынъ Крума, гонитель христіанъ, оставилъ трехъ сыновей Энравоту, Звеницу и Маломіра; престолъ достался послѣднему. Энравота, обращенный въ христіанство однимъ греческимъ плѣннымъ, по имени Кинамомъ, плѣненнымъ при ваятіи Адріанополя Брумомъ, былъ казненъ Маломіромъ смертію за принятіе крещенія. Спустя три года занялъ княжескій престолъ сынъ Звеницы Борисъ. По возшествіи его на престолъ напали Франки; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Болгаріи свирѣпствовала голодъ. Борисъ еще молодой (*χαῖτι παῖς ὄν*) послалъ къ римскому императору — тогда царствовалъ Михайлъ, сынъ Θεοφιλα — просить о заключеніи мирныхъ условій, общая креститься и прося прислать священниковъ. Римляне все исполнили, Борисъ крестился и назвался Михайломъ, желая польстить царю. Вмѣстѣ съ нимъ крестились всѣ знатные и богатые Болгаре. Подражая примѣру ихъ, и другіе приняли крещеніе, кромѣ немногихъ упорныхъ, которыхъ Борисъ съ немногочисленнымъ войскомъ безъ труда обратилъ въ христіанство. Послѣ этого поставлены епископы, опредѣляются священники, возстановляются разрушенные прежде храмы.

Какъ пособіемъ при изученіи византійцевъ, можно воспользоваться многочисленными извѣстіями, находящимися въ славянскихъ хронографахъ и лѣтописяхъ. Одни изъ нихъ представляютъ простой переводъ извѣстныхъ намъ византійцевъ съ измѣненіемъ только выраженій, другія — самостоятельный рассказъ или переведенный съ какого-либо неизвѣстнаго намъ греческаго подлинника или составленный по-славянски на основаніи разныхъ источниковъ; но и послѣдняго рода славянскія извѣстія не имѣютъ большаго значенія, такъ какъ новыхъ данныхъ никакихъ они не представляютъ, кромѣ хронологическихъ, но въ сожалѣнію явно не вѣрныхъ ¹⁾.

Всѣ эти рассказы такимъ образомъ частію самостоятельныя, частію другъ отъ друга зависящія. На этомъ основаніи ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Самостоятельный рассказъ находится у продолжателя Георгія Амартола. У него заимствовалъ Левъ

¹⁾ *Допова А.* Обзоръ. Русск. хроногр., стр. 90—91.

Грамматикъ, не прибавивъ съ своей стороны ничего новаго. Связь продолжателя Георгія съ Никитою Пафлагонскимъ замѣтна только въ одномъ пунктѣ, именно въ упоминаніи о голодѣ, во у первого голодъ выставляется побудительною причиною похода Михаила III на Болгарь, а у послѣдняго на голодъ указывается, какъ на одну изъ причинъ обращенія Бориса въ христіанство. Въ остальныхъ подробностяхъ извѣстія ихъ различны, поэтому ихъ нужно считать совершенно независимыми другъ отъ друга. Важно однако то, что у обоихъ авторовъ голодъ играетъ роль въ исторіи обращенія Бориса въ христіанство. Разказомъ продолжателя Амартола воспользовался отчасти и Симеонъ Магистръ. Стараясь примирить разказъ продолжателя Феодана съ разказомъ продолжателя Амартола, онъ дѣлаетъ поправку въ разказѣ продолжателя Феодана относительно голода по продолжателю Амартола, именно выставляетъ голодъ поводомъ къ войнѣ между Болгарами и Греками. Но съ другой стороны, приводя разказъ продолжателя Амартола, онъ вставляетъ въ него изъ продолжателя Феодана (можетъ быть имѣя въ виду и свидѣтельство Никиты Пафлагонскаго, которымъ онъ пользовался при составленіи своей хроники, а также и Генезія, которымъ пользовался и продолжатель Феодана), что голодъ былъ одною изъ причинъ обращенія Болгарь въ христіанство. Въ концѣ разказа продолжателя Амартола онъ также дѣлаетъ измѣненіе въ извѣстіи о мѣстѣ крещенія Болгарь: по его словамъ императоръ Михаилъ всѣхъ Болгарь для крещенія ввелъ въ городъ, равно какъ и князя Бориса, но тутъ, кажется, онъ сдѣлалъ перемѣну въ оригиналѣ, не по соображенію какому-либо, а просто по небрежности допустилъ неясное выраженіе, которое можетъ ввести въ ошибку. Объ этомъ послѣ, когда буду говорить о мѣстѣ крещенія Болгарь.

Самостоятельный, хотя и сходный съ внѣшней стороны ¹⁾ во многомъ съ извѣстіемъ продолжателя Георгія Монаха, разказъ Генезія не былъ вполне повторенъ ни однимъ позднѣйшимъ компиляторомъ. Несомнѣнно однако, что имъ воспользовался продолжатель Феодана, излагая послѣдствія проповѣднической дѣятельности Феодора Куфары

¹⁾ У обоихъ упоминается о войнахъ съ мусульманами, о голодѣ, но разница въ извѣстіи о мѣстѣ крещенія; у продолжателя Георгія недостаетъ извѣстія о послѣдствіяхъ духовенства въ Болгарію.

и сестры князя Бориса. Согласно съ Генезіемъ онъ говоритъ, что голодъ былъ самымъ сильнымъ побужденіемъ принять крещеніе, что Болгаре крещены были посланнымъ изъ Константинополя духовенствомъ, чего нѣтъ у продолжателя Амартола.

Всѣ до сихъ поръ упомянутыя извѣстія ничего не говорятъ о подготовленіи Бориса къ христіанству. Объ этомъ имѣемъ два разсказа продолжателя Теофана, совершенно самостоятельныя. Обращенію въ христіанство содѣйствовали мирныя сношенія, установившіяся еще при Теодорѣ между Болгарами и Ромеями. Во время этихъ-то мирныхъ отношеній случился обмѣнъ находившагося въ плѣну Грека Теодора Куфары на сестру болгарскаго князя, бывшую въ плѣну у Грековъ. Они-то и подготовили Бориса къ принятію христіанства. Разсказъ продолжателя Теофана о самомъ крещеніи составленъ на основаніи Генезія, однако безъ указанія на связь крещенія съ враждебными отношеніями между Болгарами и Греками. Уже во время Константина Порфиророднаго ходили различные разсказы объ обращеніи Болгаръ въ христіанство. Такъ продолжатель Теофана, передавъ вышеназванное извѣстіе о крещеніи Болгаръ, считаетъ нужнымъ привести и другой разсказъ о томъ же. Разсказываютъ, пишетъ онъ, что побудительною причиною къ принятію крещенія была картина страшнаго суда, нарисованная монахомъ Мееодіемъ, что крещеніе было принято имъ тайно, что оно возбудило народное возстаніе, которое было однако безъ труда усмирено, послѣ чего и остальные всѣ добровольно приняли крещеніе. Наконецъ у продолжателя Теофана находимъ новое самостоятельное извѣстіе объ одной изъ подробностей обстоятельствъ крещенія, — это уступка Болгарамъ Загоры. По его словамъ уступку этой земли сдѣлала Теодора, хотя изъ разсказа о самомъ крещеніи, составленномъ по Генезію, видно, что крещеніе было при Михаилѣ.

Судьба этихъ извѣстій продолжателя Теофана у позднѣйшихъ византійскихъ компиляторовъ очень замѣчательна. Сообщивъ два совершенно различные разсказа о крещеніи Болгаръ, продолжатель Теофана ни слова не сказалъ въ пользу того или другаго, онъ просто передалъ оба, предоставляя читателю выбирать тотъ или другой, или поступать, какъ захочетъ. Позднѣйшіе компиляторы, пересказывая продолжателя Теофана, всѣ стараются какъ нибудь выдти изъ этого противорѣчія.

Первый компилятор Скилицій, (къ сожалѣнію, не изданный въ греческомъ подлинникѣ), отъ котораго въ этомъ мѣстѣ почти ни въ чемъ не отстываетъ и Кедринъ, передаетъ оба разсказа, стараясь примирить ихъ. Передавъ первый разсказъ продолжателя Θεοφανα, оба они говорятъ, что особенно сильнымъ побужденіемъ къ утверженію въ христіанствѣ (какъ будто уже послѣ крещенія) послужила картина страшнаго суда. У продолжателя Θεοφана говорится, что, вслѣдствіе произведеннаго картиною впечатлѣнія, князь Борисъ тайно принялъ крещеніе, но не сказано отъ кого. А у Скилиція и Кедрина дѣлается ссылка на первый разсказъ и говорится, что Борисъ крещенъ былъ присланнымъ епископомъ; это показываетъ на желаніе согласить эти два разсказа, но оставляется слово «тайно», — такъ что противорѣчіе не совсѣмъ сглажено.

Но еще болѣе оно выступаетъ наружу, если взять во вниманіе прибавку, которую дѣлаетъ Скилицій, а за нимъ и Кедринъ, въ первомъ разсказѣ продолжателя Θεοφана: у послѣдняго сказано, что, вслѣдствіе голода, князь обратился къ Богу, котораго ему прославляли Феодоръ Буфара и родная его сестра, а Скилицій и Кедринъ прибавляютъ, что князь заставлялъ и народъ дѣлать то-же; кромѣ того, у продолжателя Θεοφана говорится объ обращеніи въ христіанство въ единственномъ числѣ (μετατίθηται) — объ одномъ только князѣ, а у Скилиція и Кедрина во множественномъ — вообще о Волгарахъ (μετατίθενται).

Зонара, излагая не буквально, но въ отчетливомъ пересказѣ, первое извѣстіе продолжателя Θεοφана, допуская тѣ-же мелкія измѣненія, какія дѣлаютъ Скилицій и Кедринъ, въ концѣ разсказа прибавляетъ, что князь, избавившись отъ голода, проситъ императора прислать ему кого-либо для оглашенія и крещенія, вслѣдствіе чего посланъ былъ архіерей, который и крестилъ князя. О крещеніи народа Зонара не говоритъ, а опускаетъ совершенно разсказъ продолжателя Θεοφана о картинѣ страшнаго суда, онъ беретъ только конецъ его, именно о возмущеніи противъ князя, которое подняли Болгаре, когда узнали, что онъ оставилъ вѣру отцовъ. Затѣмъ, согласно съ продолжателемъ Θεοφана, Скилиціемъ и Кедриномъ, онъ говоритъ о переговорахъ болгарскаго князя съ царицей объ уступкѣ земли. Зонара оказывается гораздо послѣдовательнѣе Скилиція и Кедрина, онъ опускаетъ совершенно второй разсказъ о крещеніи Бориса, который такъ неудачно старались примирить съ первымъ Скилицій и

Кедринъ. У него ничего не говорится о томъ, будто бы князь тайно принялъ крещеніе.

Гораздо искуснѣе, хотя тоже произвольно, пытался примирить всѣ эти рассказы еще ранѣе Скилиця, Кедрина и Зонары Симеонъ Магистръ, пользовавшійся и другими источниками. Желая согласить рассказъ продолжателя Θεοφана о крещеніи Болгаръ съ рассказомъ продолжателя Амартола, онъ прежде всего, какъ специалистъ по хронологіи, устраняетъ хронологическое противорѣчіе между этими двумя авторами. По продолжателю Θεοφана крещеніе Бориса произошло еще въ царствованіе Θεοдоры. Симеонъ Магистръ, относя это событіе ко времени единодержавія Михаила, къ царствованію Θεοдоры относитъ только дѣятельность Куфары и сестры Бориса, говоря, что «еще въ царствованіе Θεοдоры» установились мирныя отношенія между Болгарами и Греками, во время которыхъ Борисъ подготовился къ принятію христіанства. У Генезія говорится, что успѣхи греческаго оружія въ Азіи заставили Болгаръ склониться къ миру, стало быть Болгаре воевали противъ Грековъ. Съ другой стороны, у продолжателя Георгія говорится, что Греки сдѣлали нападеніе на Болгаръ, узнавъ, что у нихъ свирѣпствуетъ голодъ. Симеонъ Магистръ говоритъ, что голодъ заставилъ Болгаръ сдѣлать нападеніе на Римлянъ, которые въ свою очередь тоже предприняли противъ нихъ походъ, такимъ образомъ вражда была взаимная. Дѣло кончилось обращеніемъ Болгаръ въ христіанство, причемъ Симеонъ Магистръ утверждаетъ, что всѣ были для крещенія введены въ городъ (не видно, кто: бояре или всѣ Болгаре) вмѣстѣ съ княземъ. Второму рассказу продолжателя Θεοφана о крещеніи Бориса онъ придаетъ совершенно иной смыслъ: у него картина страшнаго суда, написанная Мееодіемъ, служить побужденіемъ Борису не къ принятію христіанства, а къ утверженію въ немъ уже послѣ крещенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта картина, по его словамъ, была главною причиною мятежа. Усмиреніе мятежа и послѣдствія этого передаются у Симеона Магистра такъ же, какъ и у продолжателя Θεοφана, только немного короче. Говоря объ уступкѣ Загорья, онъ и тутъ устраняетъ хронологическую несообразность продолжателя Θεοφана, утверждая, что Борисъ обращался съ просьбой не къ Θεодорѣ, а къ Михаилу. Такимъ образомъ, Симеонъ Магистръ не сообщаетъ никакихъ подробностей, которыхъ не было бы у другихъ, писавшихъ ранѣе его, лѣтописцевъ; онъ только обрабатываетъ рассказы послѣднихъ. Поэтому на его сказанія нужно

смотреть не какъ на источникъ, а какъ на пособіе при объясненіи другихъ источниковъ. Такое же значеніе имѣютъ извѣстія Льва Грамматика, Скилиція, Бадрина и Зонары.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе на рассказъ Теофилакта, архіепископа болгарскаго, въ сказаніи о Тиверіупольскихъ мученикахъ. Онъ писалъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, но въ его извѣстіяхъ много подробностей, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ. При томъ этотъ хотя и повдній писатель, заслуживаетъ довѣрія, ибо онъ могъ пользоваться мѣстными болгарскими записями. Съ внѣшней стороны рассказъ архіепископа Теофилакта похожъ на рассказъ продолжателя Теофана. Подобно продолжателю Теофана онъ говоритъ о проповѣднической дѣятельности одного Грека, но не Куфары, а какого-то Кинама, обратившаго въ христіанство дядю Бориса, Энравоту. О Борисѣ говорится въ такомъ смыслѣ, что онъ уже съ дѣтства, побуждаемый многочисленными примѣрами, расположенъ былъ къ христіанству. Ближайшимъ поводомъ къ принятію крещенія и у него, какъ и у лѣтописцевъ, является война и голодъ, только война не съ Греками, а съ Франками. Нападеніе Франковъ и голодъ заставили просить союзу у византійскаго императора, причѣмъ Борисъ изъявилъ свое желаніе принять крещеніе и просилъ прислать священниковъ, что и было исполнено. Теофилактъ утверждаетъ, что вмѣстѣ съ княземъ крестились и всѣ знатные и богатые, остальные послѣдовали ихъ примѣру и только немногіе оказали сопротивленіе, но скоро были принуждены къ принятію христіанства. Въ этомъ рассказѣ Теофилакта нѣтъ никакого намека на второй рассказъ продолжателя Теофана: ничего не говорится ни о каутигѣ страшнаго суда, ни о тайномъ принятіи крещенія Борисомъ, ни объ уступкѣ Загорья. Всего ближе этотъ рассказъ подходитъ къ извѣстію бертинской лѣтописи и заслуживаетъ большаго довѣрія.

Кѣмъ было крещенъ князь Борисъ: греческимъ духовенствомъ или латинскимъ? Такого вопроса собственно и задавать не слѣдовало бы, такъ какъ большая часть свидѣтельствъ говоритъ въ пользу того, что Борисъ былъ крещенъ греческимъ духовенствомъ. Но нѣкоторые выраженія и два прямыхъ свидѣтельства латинскихъ источниковъ крещеніе Болгаръ вмѣстѣ съ княземъ приписываютъ латинскому духовенству, посланному папой. На это указываютъ во первыхъ слова Людовика Нѣмецкаго къ папѣ объ обѣщаніи Бориса крестить-

ся ¹⁾, о чемъ говорить также и бертинская лѣтопись подъ тѣмъ же 864 годомъ ²⁾; прямое же свидѣтельство объ этомъ находится у Анастасія Библиотекаря въ предисловіи въ переводу дѣяній константинопольскаго собора 869 года (VIII-го вселенскаго по канону римской церкви). Вотъ его свидѣтельство: *Quum rex Vulgarorum cum propria gente fidem Christi suscepisset per Romanum hominem, id est quendam presbyterum Paulum nomine: documentum atque mysterium propositum habuit a sede apostolica* ³⁾. Такое же прямое указаніе на принятіе крещенія Борисомъ отъ посланнаго папою духовенства находится въ приведенномъ выше извѣстіи ксантской лѣтописи ⁴⁾. Первые два извѣстія прямо не говорятъ о томъ, что Борисъ былъ крещенъ латинскимъ духовенствомъ, тутъ дѣло идетъ только о намѣреніи креститься, высказанномъ людямъ, принадлежащимъ къ западной церкви. Но изъ этого заключать даже и о намѣреніи Бориса принять первоначальное крещеніе отъ западнаго духовенства нельзя, потому что намѣреніе князя приводится въ той же бертинской лѣтописи въ связь съ исполненіемъ этого намѣренія, о которомъ говорится въ приведенномъ прежде извѣстіи подъ 866 годомъ; изъ этого же извѣстія видно только то, что князь, крестившись — неизвѣстно отъ кого — просилъ прислать ему духовныхъ лицъ для утвержденія уже принятаго христіанства. Людовикъ Нѣмецкій и отправилъ духовныхъ, но они, по свидѣтельству фульдской лѣтописи, застали въ Болгаріи папскихъ легатовъ Павла и Формоза и вернулись назадъ. Павелъ и Формозъ посланы были папою въ 866 году, по просьбѣ болгарскаго князя, уже крестившагося; объ этомъ свидѣтельствуетъ Анастасій въ томъ же предисловіи къ VIII собору, равно какъ и въ жизни папы Николая ⁵⁾. Ксантская лѣтопись очевидно имѣетъ въ виду этихъ же, посланныхъ папою, епископовъ. Такимъ образомъ всѣ эти извѣстія, кромѣ Анастасіева о священникѣ Павлѣ, имѣютъ въ виду не первоначальное крещеніе Бориса, а принятіе имъ латинскаго духовенства нѣкоторое время спустя послѣ кре-

¹⁾ См. въ прилож. выписку изъ *Capitula responsionum* папы Николая послу короля.

²⁾ См. приложение.

³⁾ *Conciliorum Generalium editio regia*. Paris. T. 23, p. 129.

⁴⁾ См. выше стр. 126 и въ приложеніи.

⁵⁾ *Hergensöther*, I, 600.

щенія. Вообще свидѣтельства западныхъ лѣтописцевъ, слишкомъ поздно отмѣчающихъ крещеніе Болгарь, имѣютъ въ виду введеніе церковныхъ обрядовъ присланнымъ папою духовенствомъ въ 866 году и считаютъ это за первоначальное введеніе христіанства. Какъ же смотрѣть на свидѣтельство Анастасія? Вѣрнѣе всего, что онъ даетъ просто ложное показаніе: упоминая о крещеніи Болгарь въ жизни папы Николая, онъ ничего не говоритъ объ этомъ священникѣ Павлѣ и вообще о крещеніи Бориса римскимъ духовенствомъ; здѣсь же онъ говоритъ объ этомъ потому, что ему нужно было доказывать право римскаго престола на юрисдикцію въ Болгаріи. Голубинскій говоритъ, что если вѣрить свидѣтельству Анастасія о крещеніи Бориса Павломъ, то нужно признать этого священника присланнымъ отъ короля Людовика нѣмецкаго ¹⁾. Но такое заключеніе совершенно произвольно: латинскіе лѣтописцы, аккуратно отмѣчающіе всѣ случаи сношеній Людовика съ Болгарами, ничего не говорятъ объ этомъ; они напротивъ свидѣтельствуютъ, что Людовикъ отправилъ духовенство въ Болгарію послѣ крещенія Бориса и по его просьбѣ. Такимъ образомъ нужно признать, что Борисъ былъ крещенъ не латинскимъ духовенствомъ, а греческимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ греческіе источники.

Въ вопросѣ о томъ, что побудило Бориса принять крещеніе, нужно отличать двѣ стороны, во первыхъ субъективную — рѣшимость князя переимѣнить свои личныя убѣжденія, какъ человѣка вообще; во вторыхъ объективную — политическое положеніе Бориса, какъ князя, которое заставляло его въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ перемѣна религіи, сообразоваться со многими внѣшними условіями.

Что касается до субъективной стороны въ вопросѣ о причинахъ принятія Борисомъ христіанства, то въ этомъ отношеніи трудно подыскать причину не того, почему Борисъ принялъ христіанство, а того, какъ это Болгаре съ своими князьями такъ долго оставались язычниками. Превосходство христіанства надъ язычествомъ такъ велико, что и говорить объ этомъ нечего, тѣмъ болѣе, что не знаемъ никакого сильно развитаго культа у языческихъ Болгарь, который особенно привязывалъ бы ихъ къ старымъ обычаямъ и вѣрованіямъ. Въ христіанствѣ язычникъ находилъ разрѣшеніе многихъ такихъ вопросовъ, которые для него мало были понятны, пока онъ оставался при своихъ

¹⁾ Голубинскій, прилѣж. 31, стр. 239.

вѣрованіяхъ. У Бориса не было недостатка въ поводахъ интересоваться этими вопросами; около него было много христіанъ, которые стояли за свою вѣру съ твердостью. Борисъ зналъ о томъ, съ какою твердостью христіане переносили гоненія при Мортагонѣ, о которыхъ разсказываютъ византійскіе лѣтописцы; въ числѣ мучениковъ, по свидѣтельству Теофилакта, находился дядя Бориса, Энравота, казненный Маломіромъ. Не было недостатка и въ людяхъ, которые могли бы разъяснить Борису сущность христіанства: мы знаемъ о дѣятельности Кинама, обратившаго дядю Бориса, Энравоту, Оедора Куфары и собственной сестры Бориса; если свидѣтельства объ этихъ лицахъ и нельзя принять за достовѣрныя въ подробностяхъ, то въ общемъ они вѣрны и несомнѣненъ тотъ фактъ, что учителями Бориса были плѣнные Греки. Кромя названныхъ лицъ, упоминается имя еще одного Грека, содѣйствовавшаго къ убѣжденію Бориса въ необходимости принять христіанство: это Меодій, монахъ и живописецъ, по Симеону просто живописецъ по ремеслу; онъ написалъ картину страшнаго суда, которая произвела сильное впечатлѣніе на князя и побудила его принять крещеніе ¹⁾. Разсказъ этотъ носилъ легендарный характеръ, но онъ основанъ на совершенно вѣрной мысли: вопросъ о судьбѣ человека по смерти, темно и смутно разрѣшаемый язычествомъ, нерѣдко заставлялъ варваровъ обращаться въ христіанство; такъ король нортумбеландскій Эдвинъ крестился послѣ того, какъ ему наглядно разъяснили христіанское ученіе о будущей жизни ²⁾. Русская лѣтопись разсказываетъ о такомъ же дѣйстви картини страшнаго суда на великаго князя Владиміра. Послѣдующая жизнь Бориса доказываетъ, что онъ искренно и серьезно былъ занятъ религіознымъ дѣ-

¹⁾ Имя монаха -- Меодій подаетъ поводъ думать, не былъ ли это знаменитый славянскій первоучитель. Изъ одного тождества именъ еще нельзя сдѣлать положительнаго заключенія, нужны другія свидѣтельства. Дѣйствительно, многія легенды о Кириллѣ и Меодіи приписываютъ славянскимъ первоучителямъ, обоимъ вмѣстѣ или которому либо отдѣльно, обращеніе Болгаръ въ христіанство, не упоминая впрочемъ нигдѣ о картинѣ страшнаго суда. Однако позднѣйшее и отчасти тенденціозное происхожденіе этихъ легендъ отнимаетъ у нихъ характеръ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Разборъ этихъ свидѣтельствъ завелъ бы насъ вообще въ критику источяниковъ кирилло-меодіевскаго вопроса, что само по себѣ составляетъ громадную работу и было бы здѣсь неумѣстно.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, стр. 127—128.

ломъ; объ этомъ свидѣлствуютъ какъ вопросы, отправленные имъ къ папѣ Николаю, такъ и отзывы лѣтописцевъ и сказанія о дѣятельности учениковъ Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что голодъ имѣлъ вліяніе на рѣшимость князя креститься: народныя бѣдствія всегда и вездѣ возбуждаютъ религиозное чувство, а тѣмъ болѣе это могло быть въ странѣ, гдѣ умирающее язычество боролось съ христіанствомъ.

Но и внѣшнія обстоятельства должны были обуславливать рѣшимость князя къ принятію христіанства. Въ этомъ отношеніи онъ могъ руководствоваться соображеніями какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Во внутренней политикѣ князь долженъ былъ принимать во вниманіе отношенія свои къ подданнымъ: онъ долженъ былъ разсчитать, какъ отнесется народъ къ перемѣнѣ имъ вѣры. Тогдашнее состояніе Болгаріи позволяетъ предполагать три разряда людей, которые различно могли относиться къ рѣшимости князя. Вопервыхъ, нужно имѣть въ виду христіанскихъ подданныхъ князя. Что христіане въ Болгаріи были до крещенія Бориса, это видѣли ранѣе. Но нужно думать, что этотъ разрядъ болгарскихъ подданныхъ былъ довольно многочисленный и имѣлъ большое вліяніе на князя. Населеніе югозападной Болгаріи, долго находившееся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи, принадлежало главнымъ образомъ къ этому разряду. Въ этомъ особенно убѣждаютъ вопросы, предложенные папѣ Николаю I болгарскимъ княземъ послѣ крещенія: они касаются такихъ разнообразныхъ сторонъ практики церковной, что никакъ нельзя допустить, чтобы они возникли только послѣ крещенія Бориса, въ какіе нибудь два года. Можно кажется съ увѣренностью предположить, что на возникновеніе этихъ вопросовъ имѣли вліяніе давнишніе христіане, а они были главнымъ образомъ въ югозападной Болгаріи. Что подъ вліяніемъ этой части болгарскаго населенія находился Борисъ, можетъ служить доказательствомъ и то, что послѣ крещенія онъ особенно привязанъ былъ къ этому краю, здѣсь строилъ храмы и учреждалъ каѳедры. Изъ этой же мысли можно объяснять и привязанность Бориса къ Брегалницѣ, что такъ смущаетъ тѣхъ, которые колеблются отвергнуть извѣстіе нѣкоторыхъ легендъ о проповѣди Кирилла въ Брегалницѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя частности въ вопросахъ къ папѣ указываютъ на происхожденіе ихъ преимущественно въ этомъ краѣ. Это именно указаніе на проповѣдниковъ разныхъ религій и народовъ: мусульманъ, Евре-

евъ, Армянъ; сюда же отнести нужно и вопросы о нѣкоторыхъ разностяхъ въ обрядахъ восточной и западной церкви. Въ вопросахъ Болгаръ говорится, что у нихъ имѣлись книги, взятыя у сарацинъ ¹⁾, стало быть сарацины старались распространять свою вѣру раздачею книгъ, вѣроятно корана. Сарацины, какъ извѣстно, давно уже нападали на всѣ берега Средиземнаго моря; еще со времени императора Θεοφιλα (829—841) они имѣли единовѣрцевъ въ долину Вардара, въ солунскомъ краѣ: Θεοφιλъ переселилъ туда изъ Азiи часть Турокъ, которые назывались здѣсь Вардарскими Турками; они скоро однако крестились и имѣли свою епархiю ²⁾; потомки ихъ встрѣчаются и послѣ ³⁾. Нѣкоторые полагаютъ однако, что мусульманство у болгаръ существовало наравнѣ съ язычествомъ и вынесено было изъ ихъ родины, съ Волги ⁴⁾. Въ гл. CIV папскихъ отвѣтовъ говорится объ Иудеяхъ. Евреи издавна имѣли общину въ Солунѣ, гдѣ происходили между ними и христіанами горячіе религіозные споры. Они занимались торговлею и отсюда проникали въ Болгарію ⁵⁾. Что касается до христіанскихъ народовъ, учившихъ не согласно съ православною церковью, то въ отвѣтахъ упоминается объ Армянахъ и Грекахъ (глава CVI). Тутъ были Армяне, послѣдователи монофизитской, а потомъ моноелитской ереси. Остатки ихъ встрѣчаются даже въ XII в. въ западномъ краѣ Болгаріи, какъ видно изъ житiя Иларіона Могиленскаго ⁶⁾. Армяне были въ это время и въ Солунѣ ⁷⁾, но неизвѣстно какого вѣроисповѣданiя. Вопросы князя о женатыхъ священникахъ, о постѣ въ субботу и проч. показываютъ, что восточнымъ обычаямъ противопоставались западные, а знать о нихъ можно было именно въ западныхъ предѣлахъ Болгаріи, гдѣ могла еще сохраняться память о прежней папской юрисдикціи въ этомъ краѣ. Впрочемъ эти вопросы могли возникнуть и подѣ

¹⁾ Resp. ad cons. Bulg. c. CIII: De libris profanis, quos a saracenis vos abstulisse ac apud vos habere perhibetis, quid faciendum est inquiritis.

²⁾ ὁ Вардарιотῶν ἤτο: Τουρκῶν ἐπίσκοπος въ солунской митрополіи. Leonis Sapientis index ecclesiarum, ed. Tafel, p. 47.

³⁾ Pouqueville у Tafelъ De Thessalonica, p. 79—80.

⁴⁾ Френъ; его мнѣніе повторяетъ Реслеръ.

⁵⁾ Tafel, De Thessal., proleg. c. XV.

⁶⁾ См. Павліи: Bogumili a Patareni, Rad Jugosl. akad. Kn. VI, стр. 97.

⁷⁾ Tafel, ibid. p. X—XIX.

вліянієм пришло латинскаго духовенства, присутствіе котораго въ Болгаріи около времени крещенія Бориса очень вѣроятно.

Другую часть подданныхъ болгарскаго князя составляли еще не принявшіе христіанства, но ознакомившіеся съ нимъ какъ отъ мѣстныхъ христіанъ, такъ и отъ приходившихъ изъ разныхъ странъ христіанскихъ миссіонеровъ ¹⁾. Со стороны этого разряда людей для князя не могло быть опасности: они были въ такомъ же настроеніи относительно христіанства, какъ и самъ князь. Они ждали только побужденія или призыва, и когда князь рѣшился принять христіанство, они послѣдовали за нимъ.

Но былъ и третій разрядъ людей, приверженцы старой вѣры, строгіе азычники, смотрѣвшіе на принятіе христіанства, какъ на измѣну своему народу, и готовые силою защищать отеческія преданія. Что такая партія существовала, это обнаружилось послѣ принятія Борисомъ крещенія: тогда произошло восстаніе, зачинщиками котораго оказываются бояре, подговаривавшіе народъ убить князя. Это были по всей вѣроятности потомки азіатскихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ Аспарухомъ. Они не потеряли еще азіатскаго своего характера, вѣроятно мало испытали славянскаго вліянія и были сильны особенно въ восточной Болгаріи. Князь, конечно, не могъ не знать о такомъ настроеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ. Но они все-таки не составляли большинства, и князь не считалъ для себя обязательнымъ стѣсняться этими людьми какъ по всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, такъ особенно по расчетамъ вѣншей политики.

Положеніе Болгарскаго князя среди другихъ государствъ было таково, что принятіе христіанства было для него очень выгодно и необходимо: ему нужно было опредѣлить свои отношенія къ имперіи. Въ какой же формѣ могъ онъ ихъ опредѣлить? Это зависѣло отъ взгляда, который господствовалъ въ имперіи на отношенія къ другимъ государствамъ, равно какъ и отъ взгляда на имперію, образовавшагося у варваровъ. Имперія смотрѣла на себя какъ на единственное законное государство, къ которому всѣ остальные должны стать въ зависимое, подчиненное положеніе. Христіанскимъ государствамъ, фактъ существованія которыхъ имперія не могла, да и не хотѣла отрицать, она придавала мѣстное зна-

¹⁾ Resp. ad cons. Bulg. c. CVI.

ченіе, какъ областямъ, въ которыхъ государи не самостоятельны, равные императору правители, а какъ бы мѣстные начальники, волею императора призванные къ соучастію въ его власти. Въ такія отношенія къ имперіи могли стать только государства, принявшія христіанство, тѣ же, которыя еще не приняли, не признавались и за государства, они только имѣли войти потомъ, съ принятіемъ христіанства, въ такія отношенія, и только тогда государи ихъ могли быть признаны соучастниками во власти. Поэтому, понятно, всякій разъ, когда имперія имѣла столкновение съ варварами, при заключеніи условій, прежде всего предлагалось принять христіанство. Такой взглядъ не оставался одною теоріей, его оправдывала и практика: этотъ взглядъ раздѣляли и варвары и жадно домогались титуловъ отъ императоровъ. Примеровъ этого множество на западъ и на востокъ; они постоянно встрѣчаются съ тѣхъ поръ, какъ предводители варварскихъ дружинъ пришли въ столкновение съ имперією. Идея имперіи и личность императора производили такое сильное впечатлѣніе на варваровъ, что имъ и въ голову не приходило протестовать противъ этой идеи. Если въ нападеніяхъ на имперію многіе варварскіе предводители сначала имѣли цѣлю разрушить ее, то они потомъ убѣждались, что это совершенно напрасный трудъ и изъ разрушителей превращались въ ревностныхъ служителей этой идеи. Извѣстно, что сами варварскіе предводители иногда сознавались въ этомъ.

И въ глазахъ Болгаръ имперія не могла имѣть иного значенія. Болгаре долго воевали съ нею, но изъ этихъ первыхъ войнъ никакихъ особенныхъ результатовъ не извлекли: имперіи они не сломили и въ концѣ концовъ должны были убѣдиться, что единственное средство для примиренія — стать въ такія отношенія къ ней, какія вообще она предлагала варварамъ, искавшимъ сближенія съ нею. Почему Болгаре ранѣе не сдѣлали того, на что они рѣшились въ половинѣ IX вѣка? Это объясняется тѣмъ, что Болгаре-азиаты, поселившись въ сѣверовосточномъ углу Болгаріи, долго сохраняли свой азіатскій характеръ, не сразу сдотились съ Славянами, которые, какъ болѣе давніе обитатели въ предѣлахъ имперіи, могли и лучше понимать ея смыслъ. Переворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ тогда, когда Болгаре, расширивъ въ IX вѣкѣ свои предѣлы на западъ, съ одной стороны на югозападѣ приобрѣли населеніе, испытывшее большое вліяніе отъ Византіи, а съ другой стороны на сѣверозападѣ вошли въ столкновение съ другимъ большимъ христіанскимъ государствомъ—Франк-

скимъ. Мы видѣли раньше, что первыя столкновения Болгаръ съ Франками имѣли враждебный характеръ: пелъ споръ изъ-за границъ, не обошедшійся безъ войнъ. Но потомъ начинаются мирныя сношенія: Людовикъ Нѣмецкій нуждается въ союзѣ Болгаръ какъ противъ моравскихъ князей Ростислава и Святополка, такъ и противъ правителя восточной марки, сына Карломана, подозрѣвавшагося въ намѣреніи создать себѣ независимое положеніе на востокѣ. Естественно, что въ этихъ сношеніяхъ обѣ стороны желали выговорить себѣ болѣе выгодныя условія, а Людовику Нѣмецкому естественно было желать, чтобы болгарскій князь сдѣлался христіаниномъ. Приведенныя ранѣе свидѣтельства одного документа и записи въ хроникѣ показываютъ, что христіанство было у нихъ предметомъ переговоровъ: король высказываетъ надежду, что болгарскій князь приведетъ въ исполненіе свое желаніе принять христіанство. Такимъ образомъ, расчетъ внѣшней политики можетъ быть болѣе всѣхъ другихъ соображеній побуждалъ Бориса принять христіанство.

Противорѣчивыя извѣстія о принятіи христіанства Болгарами возбуждаютъ, между прочимъ, вопросъ хронологическій — о времени крещенія Бориса. Этотъ вопросъ былъ рѣшаемъ многими изслѣдователями и рѣшаемъ весьма различно ¹⁾.

Чтобы удобнѣе найтись въ противорѣчивыхъ показаніяхъ источниковъ, нужно прежде всего отмѣтить тѣ пункты, которые даютъ опору для опредѣленія времени крещенія Бориса. Сюда относятся упоминаніе о гододѣ и землетрясеніи и о походахъ на Арабовъ; въ одномъ извѣстіи крещеніе Болгаръ приводится въ связь съ нападеніемъ Франковъ на Болгарію. Затѣмъ въ извѣстіяхъ объ обращеніи Бориса въ христіанство нужно имѣть въ виду нѣсколько моментовъ, во первыхъ, обѣщаніе Бориса креститься, вовторыхъ, принятіе крещенія княземъ и нѣкоторыми изъ народа, наконецъ, крещеніе всей страны и появленіе римскаго духовенства. Затрудненіе въ опредѣленіи года крещенія Бориса происходитъ отъ того, что извѣстія лѣто-

¹⁾ Исторія и литература вопроса о времени крещенія Бориса обыкновенно приводится во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и другихъ сочиненіяхъ, такъ или иначе касающихся обращенія Болгаръ въ христіанство; перечислять всѣ разнообразныя мнѣнія по этому вопросу нѣтъ особенной нужды въ виду того, что безъ самостоятельнаго обзора извѣстій обойтись нельзя.

писцовъ обыкновенно принимаются въ смыслъ свидѣтельства о всемъ фактѣ обращенія Болгаръ въ христіанство, между тѣмъ, какъ лѣтописцы имѣли въ виду какой-либо моментъ въ этомъ обращеніи; только различая эти моменты, можно согласить всѣ разнообразныя опредѣленія года крещенія въ источникахъ.

О голодѣ, какъ одной изъ побудительныхъ причинъ къ принятію княземъ христіанства говорится въ нѣсколькихъ извѣстіяхъ, именно у Никиты Пафлагонскаго, у продолжателя Амартола и заимствовавшаго у него Льва Грамматика, Генезія, у продолжателя Теофана въ первомъ, болѣе достовѣрномъ, разсказѣ, за нимъ у Скнлиця, Бедрина, Зонары и Симеона Магистра въ первой части, составленной по продолжателю Теофана, и во второй, по продолжателю Амартола ¹⁾. Самый достовѣрный изъ западныхъ лѣтописцевъ, Гинкмаръ, также свидѣтельствуетъ, что князь болгарскій обѣщалъ принять христіанскую вѣру, *Deo... signis atque afflictionibus in populo regni sui moriente*. Здѣсь подъ afflictiones конечно нужно разумѣть голодъ. Когда же былъ этотъ голодъ? Византійцы, составлявшіе свои хроники поздно, не писавшіе ихъ изъ года въ годъ, вообще не даютъ точныхъ опредѣленій времени описываемымъ событіямъ; равнымъ образомъ они по этой же причинѣ менѣе отмѣчаютъ и необыкновенныя явленія природы. Такъ и о голодѣ они упоминаютъ кстати, не занося отдѣльно въ свои хроники этого факта. Но въ западныхъ латинскихъ краткихъ лѣтописяхъ сохранилось нѣсколько указаній. Подъ 860 г. упоминается: *hiems valida* ²⁾, *hibernum tempus asperum nimis* ³⁾, *hiems diutina et continuis nivibus ac gelu dira* ⁴⁾. Эти извѣстія указываютъ не на голодъ, но на такое явленіе, которое могло мѣшать урожаю и быть причиною голода. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году, по одной лѣтописи, былъ *fames validissima* ⁵⁾, о голодѣ же упоминается въ одной лѣтописи подъ 862 годомъ: *fames magna et morbus in Germania*

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ византійцевъ стоитъ не λιμός, а λοιμός, отсюда въ славянскихъ переводахъ *недугъ проказженія*.

²⁾ *Annal. Alamann. Pertz*, I, p. 50; *Annal. Colon. brev.*; *ibid.*, p. 97.

³⁾ *Ann. Fuld.*, *ibid.*, p. 378.

⁴⁾ *Ann. Bert.*, *ibid.*, p. 454.

⁵⁾ *Annal. Alamann.*, *ibid.*, p. 50.

et aliis partibus Europae ¹⁾, въ другой подъ 863: *fames valida* ²⁾. Во всѣхъ почти латинскихъ лѣтописяхъ упоминается сильный голодъ въ 868 году, но это уже слишкомъ поздно и для насъ не имѣетъ значенія. Такимъ образомъ латинскія лѣтописи не даютъ намъ точнаго опредѣленія, когда былъ голодъ, побудившій Болгарь креститься; но и приблизительное указаніе 861—863 года имѣетъ большое значеніе.

Что касается до землетрясенія, упоминаемаго Никитомъ Пафлагонскимъ, то указаніе его не имѣетъ почти никакого значенія. По смыслу словъ Никиты землетрясеніе утихло тогда, когда освобожденъ былъ патріархъ Игнатій, а это было вслѣдъ за удаленіемъ изъ Константинополя папскихъ легатовъ Захаріи и Родоальда, въ 860 году. Землетрясеніе было въ августъ этого года ³⁾. Но вѣрить Никитѣ Пафлагонскому трудно: склонный объяснять все чудеснымъ и таинственнымъ и стремясь всюду возвеличить Игнатія, онъ мало обращаетъ вниманія на хронологию, для него всякія комбинаціи возможны.

Византійскія извѣстія о крещеніи Болгарь, связывая это событіе съ войнами въ Малой Азій, даютъ неодинаковыя указанія. Продолжатель Амартола говоритъ о набѣгѣ Амера на Синопъ, причѣмъ ему не было оказано сопротивленія. То-же самое повторяетъ Симеонъ Магистръ и относитъ къ 3-му году царствованія Михаила III. Этотъ фактъ они отиѣчаютъ предъ крещеніемъ Болгарь. Генезій связываетъ крещеніе Бориса съ пораженіемъ Амера Петроною. Онъ рассказываетъ о трехъ экспедиціяхъ на востокъ при Михаилѣ III. Продолжатель Георгія упоминаетъ только о послѣдней, когда Омаръ малатійскій потерпѣлъ полное пораженіе отъ Петроны. Арабскія хроники упоминаютъ однако также о трехъ столкновеніяхъ, изъ которыхъ въ двухъ первыхъ Греки были разбиты, а послѣдняя кончилась пораженіемъ Амера. По Генезію и арабскимъ хроникамъ, въ первомъ походѣ самъ Михаилъ принималъ участіе, но былъ разбитъ при Самосатѣ, во второмъ походѣ онъ также потерпѣлъ пораженіе; третій походъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, кончился пораженіемъ Омара ⁴⁾. Кроме того, у Генезія сообщаются такія подробности, ко-

¹⁾ *Annal. Quidlinb., Pertz, III, 48.*

²⁾ *Annal. Laubac., ibid., I, p. 65.*

³⁾ *Hergewöther, I, 199; Лагероскій, Кириллъ и Мессодій, стр. 86.*

⁴⁾ *Weil, Geschichte d. Chaliph. II, 364 и сл., 380.*

торны указываютъ на то, что онъ былъ знакомъ съ этими событіями по хорошимъ источникамъ. Но съ другой стороны Генезій пользовался при этомъ и другими источниками достоинства сомнительнаго, именно по его словамъ, Варда принимаетъ участіе въ этомъ походѣ, тогда какъ продолжатель Георгія, болѣе благосклонный къ Вардѣ, ничего объ этомъ не говоритъ; по его свидѣтельству, въ экспедиціи принималъ участіе Назаръ ¹⁾. Нужно обратить вниманіе на то, что продолжатель Амартола, а за нимъ и Симеонъ Магистръ походъ Михаила на Болгаръ и крещеніе Бориса ставятъ только вслѣдъ за экспедиціей Амера на Синопъ, но не ставятъ отъ нея въ зависимость, между тѣмъ, какъ Генезій прямо говоритъ, что пораженіе Амера Петрою было причиною того, что болгарскій князь сталъ искать мира съ Греками. Къ какому же времени относятся эти походы? Продолжатель Амартола не указываетъ года; Симеонъ, повторяя его рассказъ, съ своей стороны прибавляетъ отмѣтку года. Экспедиція Амера на Синопъ у него отмѣчена третьимъ годомъ единовладствія Михаила, походъ на Бориса и обращеніе Болгаръ четвертымъ годомъ, пораженіе Амера Петрою и Назоромъ пятымъ, что, по его счету, соответствуетъ 859, 860 и 861 годамъ. Во всѣхъ извѣстіяхъ о походѣ Михаила III на Болгаръ говорится, что онъ шелъ вмѣстѣ съ цезаремъ Вардою. Возведеніе въ цезари Варды Симеонъ Магистръ относитъ къ третьему году царствованія Михаила, т. е. 858—859. Но у Генезія отмѣчено время этого производства иначе, именно въ пасху 10 индикта, что приходится на 19 апрѣля 862 года ²⁾. Пораженіе Амера относится по арабскимъ источникамъ къ 863 ³⁾. Какъ же согласить отмѣтки Симеона Магистра съ этими извѣстіями? Для рѣшенія этого вопроса нужно знать цѣну вообще хронологіи Симеона Магистра. Кругъ положилъ счисленіе Симеона Магистра въ основу всей византійской хронологіи ⁴⁾, хотя замѣтилъ нѣкоторыя ошибки. Однако многіе сомнѣваются въ справедливости указаній Симеона Магистра, наприимѣръ, Куникъ, въ замѣчаніяхъ на Круга ⁵⁾. Но Муральтъ снова вѣритъ Симеону Магистру въ своей

¹⁾ Georg. Mon., c. 17, p. 825; Sym. Mag., c. 26, p. 666 ed. Bon.

²⁾ Hirsch, p. 173.

³⁾ Weil, Geschichte d. Chaliph. II, S. 380.

⁴⁾ Chronologie d. Byzantiner. S.-Ptrb. 1810.

⁵⁾ Krug, Forschungen in d. ältest. Gesch. d. Russland. I, S. CVII f.

хронографіи. Гиршъ подвергъ тщательному изслѣдованію хронологію Симеона и пришелъ къ заключенію, что его отмѣтки произвольны и вѣрны только кой-гдѣ, случайно, большая же часть показаній совершенно ложны. Такъ, напримѣръ, Симеонъ Магистръ вездѣ отмѣчаетъ годъ восшествія на престолъ и время царствованія каждого государя, но ни одно изъ его показаній не оправдывается другими источниками. Всѣхъ хронологическихъ данныхъ у Симеона 96; изъ нихъ можно было провѣрить по другимъ источникамъ 36, и изъ этихъ 36 показаній только 10 правильны (изъ числа послѣднихъ десяти семь относятся къ царствованію Льва VI), а 26 неправильны ¹⁾. Поэтому на указанія Симеона не слѣдуетъ обращать большаго вниманія.

Такимъ образомъ, изъ указаній византіяцевъ на связь походовъ на востокъ съ событіями въ Болгаріи можно вывести слѣдующія данныя. Пораженіе Амера произошло въ 863, по Генезію оно было причиною мирныхъ предложеній со стороны Болгарь. Затѣмъ, экспедиція Амера на Синогъ нѣсколькими годами ранѣе 863 года ²⁾. Эта экспедиція была неудачна для Грековъ и вѣроятно къ этому набѣгу Амера нужно отнести второе пораженіе Михаила, т. е. Михаилъ въ это время не могъ совершить похода въ Болгарію. Затѣмъ походъ въ Болгарію предпринять послѣ 19 апрѣля 862 года, ибо только въ это время Варда получилъ титулъ цезаря, который онъ носилъ уже во время похода. Такимъ образомъ, по этимъ указаніямъ выходитъ тоже, что и по указаніямъ на голодъ, т. е. предложеніе Болгарами принять христіанство относится къ концу 862 или къ 863 году.

Что касается до извѣстія Теофилакта о томъ, что Болгаре рѣшили креститься тогда, когда покрыло страну «облако Франковъ,» то объяснить это извѣстіе весьма трудно. Извѣстія латинскихъ лѣтописцевъ свидѣтельствуютъ о мирныхъ отношеніяхъ Болгарь къ Франкамъ, а не о враждебныхъ. Такъ въ 863 году Болгаре участвуютъ въ походѣ Людовика Нѣмецкаго противъ Карломана.

Изъ отвѣта папы Николая Людовику Нѣмецкому видимъ, что въ 864 году, король собирается въ походъ противъ Ростислава и въ Тулонѣ хочетъ заключить союзъ съ болгарскимъ княземъ, который,

¹⁾ *Hirsch*, S. 345—347.

²⁾ Она соответствуетъ второй войнѣ Михаила на востокъ, по Генезію, что подтверждается и арабскими извѣстіями, какъ указано выше.

какъ видно изъ той же грамоты, общалъ Людовику принять христіанство. Былъ ли заключенъ этотъ союзъ и участвовали ли Болгаре въ походъ противъ Ростислава? Гинкмаръ говоритъ подь 64 г.: Людовикъ *hostiliter obviam Vulgarorum sagano, qui christianum fieri velle promiserat, pergit*. Въ грамотѣ Николая говорится о намѣреніи Людовика заключить союзъ съ Болгарами, слѣдовательно здѣсь слово *hostiliter* имѣетъ значеніе просто похода, а не враждебнаго движенія, да и странно было бы христіанскому королю совершать нападеніе на того, кто только что общалъ принять христіанство. Но изъ этого не видно опять, приняли ли Болгаре участіе въ походѣ, который былъ предпринятъ Людовикомъ въ средніи августа 864 года.¹⁾ По всей вѣроятности не принимали. Когда же Борисъ общалъ Людовику принять крещеніе? Очевидно когда Болгаре участвовали съ нимъ въ походѣ противъ Карломана въ началѣ 863 года. Такимъ образомъ указаніе Теофилакта на вторженіе Франковъ не находитъ себѣ прямыхъ подтвержденій въ латинскихъ лѣтописяхъ и поэтому не можетъ служить опорой при рѣшеніи хронологическаго вопроса.

Бертинская лѣтопись говоритъ подь 866 годомъ, что князь болгарскій, *praecedente anno* общавшій сдѣлаться христіаниномъ, принялъ крещеніе. Стало быть онъ общалъ въ 865 году, а принялъ въ 866²⁾. Но, вопервыхъ, объ общаніи та же лѣтопись говоритъ какъ о прошломъ уже въ 864 году (см. выше), вовторыхъ, выраженіе *praecedente anno* не есть указаніе непременно на предъидущій годъ; такъ подь 864 годомъ Гинкмаръ говоритъ между прочимъ: *de causa... Ignatii... praecedente anno depositi*³⁾, между тѣмъ какъ Игнатій былъ низложенъ гораздо ранѣе. Поэтому свидѣтельство Гинкмара нельзя принимать буквально. Другіе латинскіе лѣтописцы, отмѣчая крещеніе подь 866 или 867 годомъ, имѣютъ очевидно въ виду дѣятельность духовенства, посланнаго папою, не признавая крещенія, совершеннаго греческимъ духовенствомъ.

¹⁾ Успенскій, стр. 46.

²⁾ Нужно имѣть въ виду, что хроника Бертинская, какъ и хроника Фульденская, съ начала 863 года пишутся другими лицами, которыя принимали за свой трудъ послѣ и отмѣчали событія не вслѣдъ за ними, а нѣсколько позже, отчего и могли вкратиться неточности.

³⁾ *Pertz*, I, 466.

Такимъ образомъ по латинскимъ источникамъ оказывается, что намѣреніе Бориса креститься было извѣстно нѣмецкому королю не позже 863 года, а въ 866 говорится, что онъ крестился *grae-sedente anno, his temporibus* и т. д., неопредѣленно, но за то точно сообщается объ отправленіи духовенства папою въ 866 году. Есть ли поэтому большое противорѣчіе между латинскими источниками? Очевидно нѣтъ. На основаніи всего этого, мнѣ кажется, можно представлять дѣло такъ: Въ 862—63 году былъ въ Болгаріи голодъ, который побудилъ князя и народъ скорѣе рѣшить вопросъ о христіанствѣ. Войска Бориса, вѣроятно безъ личнаго участія князя, ходили въ походъ вмѣстѣ съ Людовикомъ Нѣмецкимъ противъ Карломана, причѣмъ королю сообщено было намѣреніе Бориса принять христіанство. Побужденіемъ къ этимъ переговорамъ могла служить вражда съ Греками, отрицать которую нельзя, ибо всѣ согласно свидѣлствуютъ, что, рѣшившись принять христіанство, онъ полагаетъ оружіе (стало быть они воевали). Борисъ могъ надѣяться на союзъ съ Франками противъ Византіи. Греки, занятые войною на востокѣ, не предпринимали рѣшительныхъ мѣръ противъ Болгаръ. Но вотъ Петрона разбилъ Амера. Это дало возможность принять мѣры и противъ Болгаръ, изнуренныхъ голодомъ. Можетъ быть соперникъ Петронъ, самъ Михаилъ, дважды разбитый прежде въ Азіи, вмѣстѣ съ цезаремъ Вардою, братомъ Петроны, готовится къ походу въ Болгарію моремъ и сушею. Борисъ находился очевидно въ затруднительномъ положеніи: въ Болгаріи голодъ, а со стороны Франковъ онъ не могъ въ это время рассчитывать на помощь, ибо самъ Людовикъ нуждался въ помощи Болгаръ какъ противъ Карломана, котораго онъ не переставалъ еще поддѣрживать въ измѣнѣ, такъ и противъ моравскаго князя Ростислава. Поэтому-то онъ и предложилъ миръ Грекамъ, изъявивъ готовность принять крещеніе. Такого предложенія Греки конечно не могли не встрѣтить съ удовольствіемъ ¹⁾.

¹⁾ Проф. Голубинскій отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми извѣстными свидѣтельству Симеона Магистра, который говоритъ, что Болгаре во время голода сдѣлали набѣгъ на греческую землю и — прибавляетъ Голубинскій уже отъ себя — имѣли успѣхъ, такъ что Греки должны были подарками искать мира; Борисъ изъявилъ желаніе принять христіанство, но заставилъ просить себя объ этомъ. Въ такомъ объясненіи заключаются очевидное противорѣчіе и натажка. Голубинскій вообще неправильно группируетъ византійскія свидѣтельства; по его мнѣнію

Въ недавно изданныхъ извлеченіяхъ изъ сочиненій арабскаго писателя XI вѣка Ал-Бекри находится между прочимъ свидѣтельство и о крещеніи Болгаръ. Ал-Бекри приводитъ слова Ибрагима Ибн-Якуба, вѣроятно испанскаго еврея, составившаго во второй половинѣ X вѣка (послѣ 960 г.) записку о разныхъ народахъ Европы ¹⁾. Вотъ это мѣсто изъ Ал-Бекри. «Говоритъ Ибрагимъ сынъ Якуба: «И принявъ христіанство Блвдѣн... (пропускъ вѣроятно) на страны Рѹм-овъ, когда осаждалъ городъ Константинополь, пока царю его не удалось его умилостивить; и одарилъ онъ его обильными дарами; и къ тому чѣмъ его постарался удовлетворить принадлежало и то что онъ женилъ его на своей дочери. А она затѣмъ побудила его принять христіанство.» Авторъ (*Ал-Бекри*) говоритъ: «И указываютъ слова Ибрагима на то, что принятіе имъ христіанства было послѣ 300 года Гиджры, а другіе говорятъ, что приняли христіанство тѣ изъ нихъ, которые его приняли, во время царя Бсѹса и остались затѣмъ христіанами по сіе время» ²⁾.

Упомянутое о женитбѣ болгарскаго князя на дочери императора и хронологическая отмѣтка (913 г.) не позволяютъ относить это свидѣтельство Якуба къ Борису, а потому и въ указаніи на осаду Константинополя нельзя видѣть подробность изъ войны Бориса съ Византією, предшествовавшей обращенію; подробности, сообщаемыя Якубомъ, болѣе подходят ко времени болгарскаго князя Петра ³⁾. Самъ Ал-Бекри не отнесъ извѣстіе Якуба ко времени Бориса, а на основаніи другихъ авторовъ замѣтилъ, что принятіе христіанства Болгарами относится ко времени царя Бсѹса, т. е. вѣроятно Бориса, но, къ

продолжатель Теофана произвольно передѣлываетъ Симеона Магистра, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности совсѣмъ наоборотъ. Впрочемъ относительно Симеона Магистра Голубинскій слѣдовалъ господствовавшему взгляду на хроникъ Симеона Магистра, взгляду, который только послѣ изслѣдованія Гирша можно считать окончательно опровергнутымъ; Симеонъ Магистръ писалъ послѣ продолжателя Теофана. Правильнѣе взглянуть на дѣло помѣшало г. Голубинскому и пристрастіе его къ Болгарамъ, постоянное стремленіе унижать Грековъ; оттого онъ совсѣмъ отвергаетъ свидѣтельство продолжателя Амартола. См. *Голубинскій*, Краткій Очеркъ истор. правосл. церкв. Болг. и пр., стр. 25 и примѣч. 33 и 84.

¹⁾ Извѣстія Ал-Бекри, изд. акад. Куника и бар. Розана, стр. 1 и сл., 65 и слѣд.

²⁾ Ibid. стр. 52.

³⁾ См. замѣч. акад. Куника, *ibid.*, стр. 83—84.

сожалѣнію, не сообщилъ никакихъ подробностей. Такимъ образомъ свидѣтельство арабскаго писателя въ его настоящемъ видѣ не даетъ ничего положительнаго для возстановленія факта крещенія Болгаръ при Борисѣ.

Относительно мѣста крещенія Бориса и лица, совершившаго оное, мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: у продолжателя Амартола: Болгаре предложили принять крещеніе и подчиниться Римлянамъ; (императоръ) Михаилъ, крестивши князя ихъ и воспринявъ, назвалъ его своимъ именемъ, бояръ же его крестилъ введши въ городъ. Какъ это понимать? Такъ-ли, что императоръ лично присутствовалъ при крещеніи князя внѣ Константинополя, а потомъ въ Константинополѣ крестилъ и бояръ, или же отсюда не слѣдуетъ выводить заключенія о личномъ присутствіи императора, а только о томъ, что онъ былъ заочнымъ кумомъ и разрѣшилъ новокрещенному князю носить свое имя? Посмотримъ, какъ понимали это византійцы, пользовавшіеся продолжателемъ Амартола. Левъ Грамматикъ передаетъ буквально продолжателя Теофана, такъ что ничего нельзя извлечь изъ него для объясненія. Симеонъ Магистръ такъ передаетъ Амартола: Болгаре предложили сдѣлаться христіанами и подчиниться императору. Императоръ же, введши ихъ въ городъ, крестилъ всѣхъ и князя ихъ назвалъ Михаиломъ; онъ (князь) возвратясь домой заставилъ нарисовать картину и т. д. (см. прилож.).

По Симеону Магистру какъ князь, такъ и вообще всѣ Болгаре были крещены въ Константинополѣ (подъ городомъ нужно разумѣть Константинополь: такъ понимаютъ и славянскіе переводчики) Но очевидно Симеонъ Магистръ не аккуратно передалъ это мѣсто: не всѣ Болгаре конечно крещены были въ Константинополѣ. Изъ Симеона Магистра не видно, чтобы императоръ присутствовалъ при крещеніи внѣ Константинополя. На сколько основательна эта передѣлка Симеона Магистра? Мы знаемъ, что онъ пользовался многими источниками, но въ данномъ мѣстѣ исправлялъ ли онъ по нимъ Георгія? Едва ли, потому что другіе, независимые отъ Амартолова продолжателя источники, между прочимъ извѣстные и Симеону Магистру, не говорятъ, какъ увидимъ, ничего подобнаго. Продолжатель Теофана говоритъ, что князь крестился и получилъ имя Михаила отъ посланнаго изъ столицы архіерея. Скилицій и Кедринъ повторяютъ его слова безъ измѣненій. Зонара прибавляетъ, что князь, рѣшившись креститься, посылаетъ въ Царьградъ съ просьбою прислать «кого либо» для

крещенія и потомъ принимаетъ крещеніе отъ присланнаго архіерея. Такимъ образомъ продолжатель Теофана и слѣдующіе ему компиляторы ничего не говорятъ о путешествіи князя въ Константинополь. Теофилактъ еще менѣе говоритъ объ этомъ; по его словамъ, Борисъ, отправляя посольство въ Константинополь для заключенія мирнаго договора, сообщаетъ о своемъ желаніи принять крещеніе и проситъ, «чтобы посланы были къ нему священники, которые передали бы ему все христіанство». Римляне все исполнили. Борисъ принимаетъ крещеніе и называется именемъ императора, который вызвался быть его воспреемникомъ, «хотя не присутствовалъ тѣлесно». Генезій также говоритъ, что для организаціи церкви были посланы способные архіереи. О мѣстѣ крещенія и о лицѣ, крестившемъ князя, латинскіе источники не говорятъ ничего¹⁾. Дѣятельность латинскаго духовенства относится не къ этому первоначальному крещенію. Такимъ образомъ большая часть извѣстій говорятъ, что князь крещенъ былъ въ своей землѣ посланнымъ къ нему изъ Константинополя архіереемъ. Изъ словъ продолжателя Амартола слѣдуетъ, что только бояре были крещены въ Константинополь, а не князь. На основаніи всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, извѣстіе Симеона Логофета слѣдуетъ признать искаженіемъ продолжателя Амартола, неизбѣющимъ никакой фактической достовѣрности. Изъ послѣдующихъ сношеній Болгаръ съ Константинополемъ не видно, чтобы ранѣе князь былъ тамъ крещенъ, а между тѣмъ этотъ фактъ непременно былъ бы упомянутъ на соборѣ 869 года, когда и Греки и Болгаре старались привести доказательства правъ константинопольской церкви на юрисдикцію въ Болгаріи²⁾. Да и вообще едва ли бы такой фактъ остался не отмѣченнымъ ни у одного писателя; записано же посѣщеніе Константинополя русскою княгиней Ольгою³⁾. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ также и второй рассказъ продолжателя Теофана, о тайномъ крещеніи Бориса; онъ доказываетъ,

¹⁾ Кромѣ Анастасія Библиотекаря, приписывающаго крещеніе Бориса священнику Павлу; но это свидѣтельство, какъ мы видѣли, не заслуживаетъ довѣрія.

²⁾ Въ актахъ соборныхъ есть упоминаніе, что Борисъ обращенъ трудами Фотія; но отсюда не слѣдуетъ, что Фотій лично крестилъ Бориса и въ Константинополь. Это извѣстіе находится въ краткихъ актахъ, сохранившихся въ греч. подлинникахъ.

³⁾ Голубинскій рѣшительно стоитъ за то, что императоръ Михаилъ присутствовалъ при крещеніи князя въ военномъ лагерѣ подъ Константинополемъ. Но

что не существовало всеобщаго убѣжденія въ крещеніи Бориса въ Константинополѣ. Кѣмъ же былъ крещенъ Борисъ? Почти всѣ вышеприведенныя свидѣтельства, достовѣрность которыхъ слѣдуетъ признать, говорятъ, что крещеніе совершалъ посланный изъ Константинополя архіерей. Кто этотъ архіерей, неизвѣстно. Голубинскій, полагая, что крещеніе князя было близъ Константинополя въ военномъ лагерѣ, считаетъ очень вѣроятнымъ, что этотъ архіерей былъ самъ патріархъ Фотій, и думаетъ подтвержденіе этому видѣть въ выраженіяхъ Фотія (въ его посланіи) о Борисѣ какъ о дорогомъ украшеніи трудовъ своихъ, законномъ чадѣ своихъ духовныхъ болѣзней. Но при несомнѣнности факта крещенія Бориса не въ Константинополѣ, и едвали близъ его, трудно предположить, чтобы Фотій путешествовалъ для крещенія Бориса въ Болгарію.

По отзыву всѣхъ источниковъ, вмѣстѣ съ княземъ крестились бояре, нѣкоторые даже въ Константинополѣ, и часть народа. Затѣмъ крестился и весь народъ. Но немного времени спустя поднялось возстаніе, бояре возмутили толпу и съ нею окружили княжескій дворецъ, кричали, что князь далъ имъ недобрый законъ и угрожали убить его и избрать другаго. Съ княземъ осталось немного преданныхъ христіанству людей, съ которыми онъ вышелъ противъ мятежниковъ и одолѣлъ ихъ. По разсказу бертинской лѣтописи и намекамъ продолжателя Фефана и Теофилакта оказывается, что при этомъ много помогло князю духовенство. Оно вышло впереди князя съ крестнымъ ходомъ, картина котораго произвела сильное впечатлѣніе на мятежниковъ. Князь строго обошелся съ ними: по извѣстію бертинской лѣтописи онъ казнилъ смертію 58 человекъ изъ бояръ, а по извѣстію папы Николая онъ уничтожилъ и семейства ихъ. Послѣ этого и остальные стали креститься.

это все вытекаетъ изъ воображаемаго пораженія Грековъ Болгарами, страха Михаила, склонившаго Болгаръ подарками къ крещенію, и несправедливаго довѣрія къ свидѣтельству Симеона Магистра. *Голубинскій*, стр. 26 и прим. 35.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сношенія князя Бориса съ Византією и Римомъ по вопросу объ устройствѣ болгарской церкви.

Болгарскій князь Борисъ, принявши христіанство, вмѣстѣ съ своими подданными, долженъ былъ озаботиться устройствомъ новой церкви въ своемъ государствѣ. И историческими и географическими условіями, а также современными ему политическими и церковными обстоятельствами въ христіанской Европѣ, онъ поставленъ былъ въ необходимость рѣшить вопросъ, къ кому онъ долженъ обратиться въ этомъ дѣлѣ, кого призвать устраивать церковь. Выборъ этотъ онъ долженъ былъ произвести между двумя центрами христіанскаго просвѣщенія того времени, между Римомъ и Византією. Мы видѣли, что Борисъ вмѣстѣ съ своими подданными принялъ христіанство изъ Византіи; отсюда естественно онъ получилъ и первыхъ строителей церкви, т. е. духовенство. Но уже въ обстоятельствахъ крещенія Болгаръ мы также замѣтили, что это обращеніе Бориса къ Византіи было дѣломъ не твердо и окончательно обдуманномъ, а нѣсколько случайнымъ. Дальнѣйшая политика Бориса въ этомъ отношеніи должна была опредѣлиться какъ расчетами и соображеніями его самого, такъ и внѣшними условіями, т. е. отношеніемъ къ новой болгарской церкви обоихъ центровъ христіанства, Рима и Византіи. Событія, послѣдовавшія за принятіемъ христіанства Борисомъ, показываютъ, что онъ находился въ затруднительномъ положеніи при рѣшеніи этого вопроса и обнаружилъ колебаніе между Римомъ и Константинополемъ, вступающая попеременно въ сношенія то съ тѣмъ, то съ другимъ. Сначала, какъ мы знаемъ, Борисъ вступилъ въ сношенія съ Византіей и отсюда получилъ первоначальную организацію своей церкви. Но потомъ онъ обращается въ Римъ и къ Людовику Нѣмецкому съ просьбою о

присылѣ духовенства для той же цѣли. Впослѣдствіи онъ неудовлетворился церковною политикою римскаго престола и снова обратился въ Константинополь. Это колебаніе Бориса зависѣло не отъ однихъ его политическихъ соображеній, но и отъ того состоянія, въ какомъ тогда находилась вселенская церковь. Обращеніе Болгаръ въ христіанство случилось въ рововую эпоху въ исторіи христіанской церкви, въ то время, когда разныгрывался первый эпизодъ такъ называемаго раздѣленія церквей. Въ это время со всею ясностію и рѣзкостью обнаружилось различіе въ направленіяхъ и цѣляхъ западной и восточной половины христіанской церкви, различіе, которое фактически существовало издавна, но теоретически неоправдывалось ни тою ни другою стороною, какъ бы игнорировалось и прикрывалось любовью; теперь же ни та, ни другая сторона не только не скрывали разностей въ своей церковной теоріи и практикѣ, но каждая отчетливо обозначала ихъ и, что всего важнѣе, не безразлично отнеслась къ нимъ, а старалась теоретически доказать право свое на всеобщее признаніе. Этимъ общимъ различіемъ въ направленіи и цѣляхъ опредѣлялся и характеръ политики по отношенію къ болгарскому вопросу: въ сношеніяхъ съ Болгарами и римская и византійская церковная политика обнаруживаютъ только примѣненіе къ частному факту той системы, какая вообще утвердилась въ той и другой церкви. Но это вовсе не значить, чтобы легко было объяснить всѣ частности въ сношеніяхъ съ Болгарами Рима и Византіи изъ общей системы той и другой церковной политики. Дѣло въ томъ, что въ это время эти теоретическія воззрѣнія только еще выработывались и однимъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ къ обнаруженію ихъ былъ именно этотъ болгарскій вопросъ, такъ что настоящій его смыслъ можно уяснить себѣ только въ связи съ общимъ ходомъ спора между Византіей и Римомъ. Этого общаго спора необходимо коснуться еще и для того, чтобы по справедливости оцѣнить значеніе Бориса въ судьбѣ восточнаго православія, значеніе, которое какъ то игнорируется, а отводится больше на долю Кирилла и Меодія; но можно сказать положительно, что неоцѣнимая для славянства благотворная дѣятельность св. Кирилла и Меодія не имѣла бы такихъ благихъ результатовъ, еслибы болгарскій князь Борисъ занялъ не то положеніе въ спорѣ между Византією и Римомъ за юрисдикцію въ Болгаріи, какое онъ дѣйствительно занялъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію сношеній болгарскаго князя Бориса съ Византіей и Римомъ въ связи съ вопросомъ о раздѣ-

леніи церкви, скажу нѣсколько словъ о трудности ориентироваться въ этомъ послѣднемъ вопросѣ, о трудности составить опредѣленный взглядъ какъ на идеи, руководившія тою и другою стороною, такъ особенно на лицѣ, игравшихъ главную роль въ этомъ спорѣ. Направленіе, сложившееся вѣками въ западной церкви, выразилось въ словахъ и дѣйствіяхъ одного изъ величайшихъ дѣятелей западной церкви не только того времени, но и вообще всей ея исторіи, въ лицѣ папы Николая I. Онъ является средоточіемъ всѣхъ интересовъ западной церкви, и потому характеристика его сравнительно легка: вся его дѣятельность обнаруживаетъ послѣдовательное проведеніе опредѣленной системы. Не то мы видимъ на востокѣ. Несомнѣнно, что и здѣсь столповеніе съ западомъ обнаружило только тѣ черты въ направленіи восточной церкви, которыя существовали здѣсь издавна, и здѣсь въ спорѣ съ Римомъ не было внесено никакихъ новыхъ несуществовавшихъ доселѣ началъ, но характеризовать это направленіе труднѣе, потому что оно не носитъ того единства и стройности, какое мы видимъ на западѣ, а главнымъ образомъ отъ того, что оно не воплощается въ дѣятельности одного лица, характеристика котораго служила бы и характеристикой всего направленія восточной церкви. Впрочемъ и на востокѣ признается таковымъ центральнымъ лицемъ одинъ изъ дѣятелей того времени, именно патріархъ Фотій. Но при существующихъ взглядахъ на государственную и церковную жизнь Византіи, характеристика этого дѣятеля, какъ центрального лица, воплотившаго въ себѣ сущность направленія восточной церкви, удастся только писателямъ, которые смотрятъ на это дѣло съ католической точки зрѣнія. Вотъ какъ Горгенретеръ характеризуетъ этого дѣятеля: «Фотій есть личность, въ которой вполне воплотился византизмъ девятаго вѣка; въ своихъ великихъ и блестящихъ, равно какъ дурныхъ и отталкивающихъ качествахъ онъ есть только полнѣйшее выраженіе такъ глубоко выродившагося грецизма его времени, этого обновленнаго грецизма съ его изощренною хитростью и изворотливостью, съ его на сколько тонкою и свѣтскою, на столько же коварною и хитрою политикою, съ постепенно оскудѣвающими остатками прежняго величія и съ постоянно увеличивающимися наростами вторгающагося варварства, съ вѣшнею полировкой и внутреннею плесенью, съ яснымъ и расчетливымъ умомъ, но съ зараженнымъ образомъ мыслей; онъ есть даровитѣйшій и способнѣйшій представитель того направленія духа и жизни, которое задолго до него проникло въ восточной имперіи въ высшіе и луч-

шіе слои, которое въ немъ достигло своей вершины и съ тѣхъ поръ только все болѣе и болѣе утверждалось и подѣ давленіемъ наступавшей внѣшней бѣды принимало большіе и большіе размѣры»¹⁾).

Было время, когда многіе считали раздѣленіе церковей дѣломъ личныхъ счетовъ папы Николая и патриарха Фотія, результатомъ ихъ самолюбивыхъ споровъ; но этотъ взглядъ давно оставленъ: и папа Николай и Фотій въ своемъ спорѣ представляются защитниками интересовъ своихъ церковей и проводниками исторически сложившагося ихъ духа и направленія. Но отъ этого дѣло по отношенію къ восточной церкви выиграло мало: вмѣсто обвиненія одного Фотія въ самолюбивыхъ притязаніяхъ рисуется картина византійскаго общества, въ которой открывается громадная сцена не чего либо другаго, а борьбы однихъ личныхъ самолюбій, отражающихся и на церковной жизни. Съ одной стороны изображается династическая придворная борьба: Варда изъ честолюбія устраняетъ сначала Θεоктиста, любимаго Θεодоры, опекуна Михаила, затѣмъ свою сестру Θεодору съ дочерью, развращаетъ сына ея, чтобы легче пользоваться властью, наконецъ потому же низлагаетъ патриарха Игнатія, какъ защитника Θεодоры и представителя преданной ей партіи; взамѣнъ Игнатія возводится въ патриархи Фотій, свѣтскій человекъ, ученый, но хитрый царедворецъ, самолюбивый, съ очень сомнительными понятіями о чести; этотъ патриархъ заодно съ Вардою преслѣдуетъ Игнатія и его сторонниковъ. Но Варда, заводчикъ всѣхъ этихъ злодѣяній и незаконій, встрѣчаетъ себя соперника въ лицѣ Василія Македонянина проходима, который самъ стремится къ императорской коронѣ, поэтому сначала устраиваетъ Варду, а потомъ Михаила; для упроченія своего положенія на престолѣ, Василій удаляетъ своего пріятеля по ночнымъ пирушкамъ Фотія, возводитъ стараго патриарха Игнатія. По смерти его опять возводится Фотій, потому-что положеніе императора упрочилось, и для него не могло быть ничего лучше, какъ снова возвести на патриаршій престолъ податливаго на все передъ императорскою властью Фотія. Но Фотій и тутъ не перестаетъ интриговать, враждуетъ съ наслѣдникомъ престола Львомъ, который, ставъ императоромъ, не замедлилъ отплатить своему врагу, тотчасъ прогналъ патриарха съ престола, и возвелъ на его мѣсто мальчика, своего брата

¹⁾ *Hergenrother, Photius, Patriarch von Konstantinopel, B. I, Vorwort, S. IV.*

Стефана. При этихъ династическихъ и личныхъ счетахъ императоровъ и придворныхъ лицъ попираются родственныя, семейныя и вообще всѣ человѣческія права, народъ является жалкою рабскою толпою, слѣдующею за тою или другою придворною партіею; ни чѣмъ не отличаются отъ него и представители церкви, они являются игрушкой и орудіемъ въ рукахъ придворныхъ партій, дозволяютъ попираеть всѣ права церкви, нарушаютъ священнѣйшіе каноны, восточная церковь въ большинствѣ своемъ не проявляетъ и тѣни самостоятельности, она раба свѣтскаго деспотизма. Но свѣтская власть, для формы, въ церковныхъ дѣлахъ старается прикрыться соблюденіемъ церковныхъ каноновъ, старается заручиться авторитетомъ соборовъ и римскаго папы. Папа же, вѣрный стражъ общихъ церковныхъ интересовъ, вездѣ является прозорливцемъ, вездѣ онъ подмѣчаетъ намѣреніе обмануть, безошадно обличаетъ это и держитъ высоко знамя церкви противъ нападковъ свѣтской власти, равно какъ и противъ тѣхъ изъ духовныхъ, которые раболѣбствуютъ передъ ней. Только одна часть византійскаго народа, сторонники патриарха Игнатія, являются еще съ нѣборными признаками истинныхъ понятій о церкви, только они довольно искренно обращаются къ суду римскаго престола, признають его первенство; но и они, гдѣ дѣло касается интересовъ константинопольской каадры, являются схизматиками, и они являются сторонниками своего правительства въ болгарскомъ вопросѣ, приводя тѣ-же доказательства въ пользу своего права на юрисдикцію въ Болгаріи, какія приводило и императорское правительство. Такая картина византійской церкви и общества рисуется съ тѣми или другими ограниченіями въ большой части сочиненій объ эпохѣ раздѣленія церквей. И надо сказать, что на основаніи имѣющихся источниковъ иной картины и нарисовать нельзя, если брать ихъ суммарно, какъ обыкновенно дѣлается. Но даже и при критическомъ отношеніи къ источникамъ трудно составить теперь надлежащій взглядъ на эту эпоху византійской исторіи, если брать ее отдѣльно. Два пункта особенно трудно уяснить себѣ во всей этой исторіи: во-первыхъ, причину и характеръ борьбы партій Игнатія и Фотія, въ связи съ борьбою придворныхъ и царствующихъ особъ, во-вторыхъ, отношеніе государства къ церкви, и наоборотъ. Но уясненіе того и другаго пункта возможно будетъ только тогда, когда будетъ составленъ правильный взглядъ на характеръ внутренней жизни Византіи, на элементы ея церкви и го-

сударства. Если смотрѣть на Византію такъ, какъ она обыкновенно изображается, т. е. какъ на машину, въ которой не было живой дѣятельности, никакой внутренней политической жизни, «гдѣ мѣсто гражданской силы и самодѣятельности заступило восточное раболѣпство..., гдѣ военные и дворцовые перевороты совершались походя, но цѣлю этихъ движеній никогда не была идея..., все ограничивалось желаніемъ поставить на высшія мѣста другія лица и не то чтобы исправить ветхую государственную машину, а развѣ только замѣнить въ ней новыми какою нибудь пару истершихся колесъ», ¹⁾ то конечно и въ борьбѣ партій Игнатія и Фотія, на которыя опирались и правительства Θεодоры и Михаила III, ничего нельзя усмотрѣть, кромѣ борьбы самыхъ низкихъ мелкихъ самолюбій. При этомъ и характеристика личности патріарха Фотія не можетъ быть иная, нежели какую дѣлаетъ Гернгеретеръ: на основаніи сочиненій и отзывовъ о его учености, Фотій оказывается великимъ умомъ, представителемъ тогдашняго просвѣщенія, вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ глубоко религіознымъ, заботившимся о благѣ церкви; самъ Гернгеретеръ не находитъ достаточно словъ, чтобы восхвалять его миссіонерскую дѣятельность; съ другой стороны источники, сообщающіе свѣдѣнія о практической его дѣятельности, изображаютъ Фотія человѣкомъ въ высшей степени безчестнымъ и низкимъ: онъ рабски угождаетъ передъ свѣтскою властью, совершаетъ ужасные обманы и подлоги, жестоко обращается съ патріархомъ Игнатіемъ, вообще представляется какии то извергомъ рода человѣческаго. Правда, эти извѣстія заслуживаютъ мало довѣрія, ибо идутъ изъ противнаго лагеря, но для яснаго пониманія характера Фотія, для того чтобы внести единство, устранить волюющія противорѣчія, мало отвергнуть фактическую достовѣрность этихъ источниковъ, нужно объяснить, почему такое озлобленіе на Фотія было у сторонниковъ Игнатія. Для объясненія этого то и прибѣгаютъ въ изученію внутренней жизни Византіи, ея общественныхъ и политическихъ партій, но при этомъ оказывается, что нужно отвергнуть многое изъ того, что обыкновенно усваивается типу византійской жизни. Нѣкоторые иностранные ученые уже въ древнѣйшемъ періодѣ визан-

¹⁾ *Карьеръ*: Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человечества, пер. Корша. М. 1874 г. т. III стр. 88.

тійской исторіи усмотрѣли признаки этой жизни, признаки различныхъ политическихъ и общественныхъ направленій, которыя обнаруживались сначала въ борьбѣ партій црква, потомъ въ борьбѣ ересей и православія, иконоборчества и иконопочитанія. Этотъ взглядъ нашель послѣдователя и проводника въ одномъ изъ нашихъ ученыхъ. Авторъ сочиненія «Отзвы современниковъ о патріархѣ Фотіи» такъ излагаетъ его: «Съ самаго ранняго времени существованія Византійской имперіи шла въ ней непрерывная борьба двухъ партій—одной, которую можно назвать относительно либеральной, и другой—сравнительно консервативной. Проводниками этихъ направленій служили сначала партіи црква, для первой — зеленая, для второй — голубая; политическими же знаменами были для первой какая нибудь ересь, или покрайней мѣрѣ терпимость ереси, для другой православіе. Съ появленіемъ иконоборчества црква потерялъ свое государственное значеніе, но противоположныя политическія направленія не исчезли, а напротивъ выразились еще болѣе рѣзко въ борьбѣ иконоборцевъ съ иконопочитателями. Съ теченіемъ времени и иконоборчество сошло со сцены, политическое же соперничество двухъ противоположныхъ правительственныхъ системъ нисколько не ослабѣло, обѣ партіи дѣйствуютъ теперь въ качествѣ православныхъ, но такъ какъ въ средѣ самихъ православныхъ господствовало два направленія, изъ которыхъ одно обращало большее вниманіе на духъ православія, а другое на букву и обрядъ, то враждебныя политическія партіи естественно применили къ этимъ двумъ направленіямъ, либеральная — къ первому, а консервативная — ко второму. Борьба такъ называемыхъ Игнатіанъ съ Фотіанами есть не болѣе, какъ продолженіе этой вѣковой борьбы двухъ политическихъ партій съ двумя противоположными направленіями»¹⁾). Въ настоящее время нельзя еще сказать, чтобы такой взглядъ на внутреннюю жизнь Византіи былъ вполне оправданъ фактами, но и теперь уже, благодаря такой точкѣ зрѣнія, многое становится въ ней понятнѣе. И эпоха второй половины IX вѣка, время борьбы партій Игнатія и Фотія и столкновенія съ Римомъ, лучше выясняется отъ примѣненія этой точки зрѣнія. Такого опыта пока еще не сдѣлано, но уже и въ примѣненіи къ критикѣ источниковъ,

¹⁾ *Иеромонаха Герасима, Отзвы о св. Фотіи, патр. Константинопольскомъ. Спб. 1874, стр. 111—112.*

сдѣланномъ названномъ авторомъ, сказывается ея вѣрность и цѣлесообразность. Личность патріарха Фотія, можетъ быть намѣренно покрытая туманомъ мелочей, заимствованныхъ изъ сомнительныхъ источниковъ, въ изслѣдованіи Гергенретера, можетъ быть выяснена только подъ условіемъ примѣненія такого взгляда на состояніе византійскаго общества его времени ¹⁾.

Въ изложеніи спора между Византією и Римомъ я буду касаться

¹⁾ О раздѣленіи церквей въ русской литературѣ есть нѣсколько сочиненій и статей, но ни одно изъ нихъ нельзя назвать удовлетворительнымъ. Всѣ они по своему характеру раздѣляются на полемическія и историческія; полемическія лучше историческихъ, но вообще всѣ мало самостоятельны. Лучшее изъ полемическихъ сочиненій по этому предмету, *Муравьева* „Правда вселенской церкви“, находится въ большой зависимости отъ изслѣдованій западныхъ ученыхъ. Изъ историческихъ статей самая лучшая въ старомъ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара („Восточная церковь“, Н. Н. *Надеждина*?); въ ней хотя и кратко, но очень мѣтко указаны характеристическія черты направленій западной и восточной церкви въ зависимости отъ національныхъ началъ и историческихъ судебъ той и другой половины христіанскаго міра. Случай столкновеній западной церкви съ восточной, римскихъ папъ съ царградскими патріархами и византійскимъ правительствомъ хорошо прослѣжены въ одной изъ статей въ „Христіанскомъ Читеніи“: „Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе западной церкви отъ восточной“ (*Ямшцева*, по указателю Барсова, 1854, ч. 2, 13, 209); но въ ней нѣтъ историческаго изложенія спора между Византією и Римомъ при Папѣ Николаѣ и патріархѣ Фотіи. Статья Иванцева-Платонова въ „Православномъ Обзорѣннѣ“ имѣютъ популярный, а не научный характеръ. Отдѣльныхъ біографій патріарха Фотія всего одна—*Зернина*, въ „Чт. М. Общ. Ист. и Др.“; но она не отличается полнотою; достоинство ея, какъ и другихъ трудовъ Зернина, состоитъ въ томъ, что онъ постоянно заставляетъ говорить за себя самые источники, сообщая ихъ въ хорошихъ переводахъ. (Есть еще біографія Фотія, но не полная: „Фотій до вост. на патр. престолъ“ въ „Прибавл. къ Тв. Св. Отц.“ кн. XIII. 1854 года). Появленіе въ иностранной литературѣ трудовъ Яжера, Пихлера, Гергенретера и др. вызвало въ нашей литературѣ нѣсколько критическихъ статей, особенно послѣднее, и подало поводъ къ цѣльнымъ изслѣдованіямъ какъ историческаго, такъ и полемическаго характера; такъ явилось упомянутое выше сочиненіе Герасима объ источникахъ исторіи раздѣленія церквей при патріархѣ Фотіи и папѣ Николаѣ и полемическія статьи въ „Чтеніяхъ Общ. Люб. Духовн. Просв. въ Москвѣ“ А. Лебедева. Первое изъ этихъ сочиненій по серьезности мысли и правильности взгляда составляетъ хорошее предзнаменованіе для будущаго, но теперь, какъ ограничивающееся однимъ спеціальнымъ вопросомъ, оно не даетъ полного представленія объ эпохѣ раздѣленія церквей. Полемическія статьи Лебедева не отличаются никакими особенными достоинствами: самыя сильныя возраженія противъ

только тѣхъ пунктовъ, гдѣ выясняется характеръ политики той и другой церкви, особенно по отношеніи къ Болгарскому вопросу, и только въ этихъ случаяхъ буду ссылаться на источники преимущественно документальныя ¹⁾.

Поводомъ къ столкновенію между Римомъ и Византією послужило дѣло патріарховъ Игнатія и Фотія. Въ Византіи царствовала вдова, послѣ императора Θεовила, Θεодора, вмѣстѣ съ молодымъ еще сы-

Латинявъ выказаны были, на основаніи всей предыдущей литературы этого рода въ „Правдѣ вселенской церкви“, историческая же часть мало самостоятельна. Такимъ образомъ русская литература не представляетъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ излагался бы полно и самостоятельно сложный и запутанный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень важный вопросъ о раздѣленіи церквей. Такой же недостатокъ въ нашей литературѣ замѣчается по другому, тоже въ высшей степени важному для исторіи восточной церкви вопросу, имѣющему связь и съ предыдущимъ: у насъ нѣтъ изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи съ церковно-исторической точки зрѣнія. Почти всѣ изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи имѣютъ характеръ біографическій, занимаются возстановленіемъ фактовъ касательно внѣшней ихъ жизни, но мало касаются вопроса о томъ, какое мѣсто занимаетъ ихъ дѣятельность въ цѣлой судьбѣ христіанской церкви, въ связи съ судьбамъ церкви того времени на западѣ и востоцѣ. Одно изъ изслѣдованій о Кириллѣ и Меѳодіи носитъ такой именно характеръ, это сочиненіе Лавровскаго; но всѣ его сужденія и замѣчанія церковно-историческаго характера основаны на книгѣ, „Правда вселенской церкви“, т. е. мало самостоятельны. Между тѣмъ въ иностранной литературѣ сочиненіе такого универсальнаго характера есть, это именно сочиненіе Гергенрентера: у него ничего не пропущено изъ того, что касается судьбы христіанства въ эпоху раздѣленія церквей: онъ касается и римской и византійской церкви и распространенія христіанства у всѣхъ славянскихъ народовъ; этотъ трудъ дѣлаетъ возможнымъ появленіе у насъ такого же многосторонняго изслѣдованія объ эпохѣ раздѣленія церквей,—только съ иной точки зрѣнія. Болгарскій церковный вопросъ случайно примкнулъ къ спору между Византією и Римомъ, возникшему по поводу дѣла патріарховъ Игнатія и Фотія, поэтому наирасно было бы искать подробнаго и обстоятельнаго его изложенія въ названныхъ русскія сочиненіяхъ о раздѣленіи церквей; о немъ подробнѣе говорится у Лавровскаго и Голубинскаго.

¹⁾ Главнымъ источникомъ для исторіи раздѣленія церквей при патріархѣ Фотіи и папѣ Николаѣ служатъ переписка между этими двумя лицами, а также между папою и императоромъ; затѣмъ соборные акты, Жизнь патр. Игнатія, написанная Никитомъ Пафлагонскимъ, и: некоторые трактаты объ этомъ дѣлѣ некоторыхъ изъ Игнатіанъ, какъ то записка Θεогноста, представленная папѣ отъ имени Игнатія письмо Митрофана смирнскаго къ магистру Мануку, Стеціана неокесарійскаго къ папѣ Стефану, анонимный трактатъ „о крестокопратіяхъ“. Для болгарскаго вопроса особенно важны жизнь папы Николая и жизнь папы Адріана, написанные

номъ Михаиломъ. Это была благочестивая женщина, восстановительница иконопочитанія, строгая блюстительница вѣшняго благочестія, занимавшаяся болѣе дѣлами спасенія, чѣмъ политикою. Она окружала себя и людьми съ такимъ же направленіемъ. По смерти патріарха Меодія Исповѣдника, она возвела на патріаршій престолъ человѣка, подходившаго къ ея характеру: это былъ Никита, получившій потомъ имя Игнатія, сынъ императора Михаила Рангавей, свергнутаго Львомъ Армениномъ; онъ остался мальчикомъ лѣтъ 10—12, былъ оскопленъ и сосланъ въ монастырь, гдѣ, вдали отъ городской жизни, развился суровый, аскетическій его характеръ. Онъ впрочемъ не чуждался людей, около него собирались всѣ тѣ, которые были противниками людей съ инымъ направленіемъ. Такой человѣкъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ характеру и направленію Теодоры, и она находила въ немъ большую поддержку. Но уже въ близкихъ къ Теодорѣ лицахъ были люди другаго направленія и характера и главнымъ между ними братъ Теодоры Варда, человѣкъ честолюбивый, но отличавшійся просвѣщенными взглядами, покровитель всякихъ талантовъ, заботившійся о народномъ образованіи, въ религиозныхъ вопросахъ отличавшійся терпимостью. Онъ былъ въ числѣ опекуновъ малолѣтняго Михаила вмѣстѣ съ Теодорюю, магистромъ Мануиломъ и логоветомъ Теоетистомъ. Между Теодорюю и Теоетистомъ была взаимная привязанность, послѣдній имѣлъ на нее большое вліяніе.

Варда поставилъ себѣ дѣлю разстроить, уничтожить эту правительственную партію — едва ли изъ-за однихъ честолюбивыхъ стремленій: сторонниковъ у него было много, и притомъ людей болѣе достойныхъ, чѣмъ приверженцы Теодоры. Онъ устранилъ сначала Теоетиста, за которымъ удалися отъ участія въ управленіи и Мануиль, а потомъ и Теодору, не стѣсняясь выборомъ средствъ; это было дѣло не его только личнаго честолюбія, а дѣлой политической партіи, иначе онъ рисковалъ бы поплатиться прежде чѣмъ до конца до-

---

Анастасіемъ Библиотечаремъ и предисловіе его къ VIII вселенскому собору, написанное имъ же. Какъ пособіе могутъ служить извѣстія византійскихъ лѣтописцевъ. Я пользовался названными источниками по старому парижскому изданію „Conciliorum Generalium Collectio regia“ тт. 22 и 23, гдѣ помѣщена и жизнь патріарха Игнатія; письмами Фотія по изданію Валетта и *Migne, Patrologiae cursus completus, series graeca*, т. СП.

ведеть свое дѣло. Патріархъ Игнатій поддерживалъ сторону Теодоры: онъ отказался постричь ее и публично сталъ обличать Варду въ безнравственныхъ поступкахъ. Но старанія его были напрасны: какъ по возстановленіи иконопочитанія преобладаніе было на сторонѣ строго православной церковной, монашеской партіи, которая выдвинула патріарха Игнатія, такъ теперь возобладала другая партія, при которой прежнему патріарху удержаться было невозможно, особенно при такомъ крутомъ предводителѣ этой партіи, каковъ былъ Варда. Предлогомъ къ удаленію Игнатія послужило покровительство его нѣкому Гевону, выдававшему себя за сына Теодоры и возмущавшаго народъ противъ Михаяла. Такимъ образомъ Игнатій удаленъ былъ (23-го ноября 857 г. ¹⁾ изъ политическихъ видовъ и подѣ предлогомъ политическаго преступленія. Но тутъ государство сталкивалось съ церковью: низложеніе должно было состояться только согласно съ церковными канонами — и государство считало нужнымъ соблюсти ихъ. Законнымъ низложеніе могло быть только въ томъ случаѣ, если патріархъ самъ откажется отъ своего сана или будетъ осужденъ соборомъ. Удаленный административнымъ путемъ въ ссылку, Игнатій подѣ первымъ впечатлѣніемъ несчастія далъ, говорятъ, по просьбѣ близкихъ къ нему епископовъ, согласіе на избраніе себѣ преемника ²⁾. На состоявшемся соборѣ епископовъ кафедрa была признана вакантною, вопросъ состоялъ въ избраніи новаго патріарха.

Сторонники Игнатія предлагали своихъ кандидатовъ, но противная партія, на сторонѣ которой было и правительство, предложила Фотія, который и былъ избранъ соборомъ. Представителемъ противоионатіанской партіи изъ духовныхъ былъ епископъ сиракузскій Григорій, но онъ теперь не былъ избранъ, потому что здѣсь была борьба не столько церковная, сколько политическая, и въ патріархи требовался человекъ, который стоялъ бы вдали отъ церковной распри и могъ бы своимъ вліяніемъ дѣйствовать примирительно. Фотій принадлежалъ къ знатной фамиліи, былъ въ родствѣ съ императоромъ, происходилъ изъ рода, отличавшагося строгимъ православіемъ: онъ былъ ввучатнымъ племянникомъ патріарха Тарасія; личныя качества Фотія ставили его выше многихъ изъ совре-

¹⁾ *Hergenröther*, I, 372.

²⁾ Свидѣтельство Митрофана смирскаго. *Герасимъ*, стр. 183.

менниковъ: это былъ человѣкъ, которому не было равнаго по учености во всемъ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ; образованіе его было не одно свѣтское, но, по духу времени, виѣсть и богословное; преданный научнымъ занятіямъ, онъ не былъ замкнутымъ ученымъ, а старался развивать любовь къ просвѣщенію и въ другихъ, его постоянно окружала толпа преданныхъ учениковъ. Кромѣ того Фотій занималъ видное мѣсто на государственной службѣ: былъ протоспаеаріемъ и государственнымъ секретаремъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ едва ли кто лучше Фотія могъ понимать затруднительность положенія на патріаршемъ престолѣ. Поэтому неудивительно, что ему нелегко было согласиться на предложеніе патріаршаго сана ¹⁾. Но съ другой стороны трудно было найти человѣка, который былъ бы способенъ, болѣе чѣмъ онъ, съ достоинствомъ занимать патріаршую кафедру при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Но возведеніе Фотія не принесло съ собою мира церкви, Фотій былъ инаго направленія, чѣмъ Игнатій и егосторонники. Последніе увидѣли, что въ новомъ патріархѣ они могутъ найти не союзника, а противника, и потому, продолжая борьбу съ Вардою и его партією, они избрали предметомъ своихъ нападокъ Фотія, представляя его избраніе незаконнымъ на томъ основаніи, что онъ избранъ при живомъ патріархѣ и прямо изъ мірянъ. Начались взаимныя осужденія на соборахъ той и другой партіи. Варда очень хорошо зналъ, что борьба тутъ шла не столько противъ Фотія, сколько противъ него самого, и потому жестоко сталъ преслѣдовать какъ самаго Игнатія, такъ и его приверженцевъ. Фотій не принималъ въ этомъ участія и даже убѣждалъ Варду прекратить жестокости ²⁾. Но этимъ возстановить миръ конечно было невозможно. Правительство рѣшилось лишить игнатіанъ почвы для нападокъ на Фотія, утвердить законность избранія Фотія соборомъ, на которомъ присутствовали бы епископы не одной константинопольской церкви, но и другихъ. Созваніе

¹⁾ Въ письмахъ къ папѣ Николаю и Вардѣ Фотій самъ говоритъ объ этомъ.

²⁾ Сохранились письма Фотія къ Вардѣ, въ которыхъ онъ жалуется на свое положеніе. Фотій говоритъ, что нападки (игнатіанъ) происходятъ отъ преслѣдованій; онъ проситъ прекратить преслѣдованіе духовенства, говоря, что этимъ отнимается у него половина власти. Такимъ образомъ Фотій не одобрялъ насильственныхъ мѣръ правительства въ церковныхъ дѣлахъ. Ер. IV, V, VI, ed. *Migne*, t. 102. Русскій переводъ въ „Дух. Бесѣдѣ“ за 1859 г.

такого общаго собора нужно было еще и для того, чтобы окончательно рѣшить иконоборческій споръ. Приглашеніе на соборъ разослало правительство: такъ, римскому папѣ послано было письмо отъ имени императора Михаила; приглашая папскихъ легатовъ въ Константинополь для рѣшенія иконоборческихъ споровъ, императоръ глухо извѣщалъ, что Игнатій по старости лѣтъ отказался отъ престола, а на его мѣсто возведенъ Фотій ¹⁾. Въ то-же время патриархъ Фотій отправилъ папѣ свое общительное посланіе, какиимъ обыкновенно обмѣнивались патриархи при занятіи кафедръ. Изъ этого посланія нисколько не видно, чтобы Фотій искалъ въ авторитетѣ римскаго престола признанія законнаго права на занимаемое имъ мѣсто. Сообщивши о томъ, что онъ понимаетъ всю важность обязанностей, соединенныхъ съ его саномъ, и потому считалъ себя недостойнымъ этой чести, но не могъ противиться настоянію духовнаго собора и императорскаго правительства, онъ говоритъ, что вѣтъ ничего лучше, какъ общеніе вѣры, и поэтому излагаетъ свое исповѣданіе, которое папа нашелъ вполне правильнымъ ²⁾. Фотій не могъ не желать замиренія церкви и потому онъ конечно желалъ собора, но не видно, чтобы онъ особенно старался о его созваніи. Съ письмомъ отъ императора посольство прибыло въ Римъ въ концѣ лѣта 860 года ³⁾ и было принято папою Николоасъ I. Это былъ человѣкъ, который съорбѣ готовъ былъ воспользоваться чужими замышлательствами въ свою пользу, чѣмъ дѣйствовать примирительно.

Папа Николай I составляетъ эпоху въ развитіи папской власти. Папская власть развивалась постепенно на практикѣ, а потому явились и теоретическія ея оправданія. Благодаря современнымъ обстоятельствамъ и личному характеру Николая I, папству удалось въ то время значительно усилить свою власть на западѣ какъ и на счетъ церкви, такъ и на счетъ государства. Взвѣсившись въ дѣло Лотара, короля лотарингскаго, оставившаго свою законную жену Титбергу, папа Николай показалъ примѣръ того, какъ

¹⁾ Письмо это не дошло до насъ; содержаніе его извѣстно изъ отвѣта папы Николаю. *Hergenrother*, I, 407.

²⁾ Τῷ τὰ πάντα ἀγιωτάτῳ, ἱερατάτῳ ἀδελφῷ καὶ εὐλλιτοῦργῳ Νικολάῳ πάπῃ. *Жизнь*, СМ, р. 885—395.—Подобное же общительное посланіе было отправлено и къ антикійскому патриарху, *ibid.* Append. p. 1017.

³⁾ *Hergenrother*, I, 414.

можно привлекать къ суду церкви за нарушение церковныхъ правилъ самихъ королей, которые въ то время не оказали дѣйствіемъ папы достаточнаго протеста. Въ дѣлѣ Ротада, епископа суассонскаго, папа послѣдовательно проводилъ взглядъ, что всѣ соборы должны быть созываемы папою и только по утверженіи папою получаютъ законную силу ихъ постановленія; затѣмъ всѣ епископскія дѣла подлежатъ суду папы. Въ доказательство справедливости этихъ притязаній онъ развивалъ теорію главенства папы въ церкви, какъ преемника князя апостоловъ Петра. На завадѣ не было дано отпора этимъ притязаніямъ. Папа Николай вѣрилъ въ справедливость своихъ воззрѣній и поэтому неуклонно стремился къ ихъ осуществленію. Главенство папы въ церкви Николай I понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ: для него мѣстныхъ автокефальныхъ церквей не существовало, онъ вездѣ считалъ свою власть вполне законною.

Когда явилось посольство изъ Константинополя и сообщило ойсиложеніи тамошнихъ церковныхъ дѣлъ ¹⁾, могъ ли этотъ анергическій и послѣдовательный папа отнестись къ нимъ иначе, нежели какъ онъ относился къ мѣстнымъ церквамъ запада? Въ отвѣтномъ письмѣ императору Михаилу ²⁾ онъ примѣняетъ къ востоку тѣ же самыя воззрѣнія. Въ началѣ письма онъ развиваетъ ученіе о главенствѣ папы въ церкви, какъ преемника князя апостоловъ Петра. Затѣмъ выражаетъ свою радость по поводу того, что императоръ оказывается защитникомъ истинной вѣры, ибо обратился къ папѣ, безъ котораго никогда не рѣшалось никакое дѣло въ церкви ³⁾. Но тотчасъ же переходилъ къ указанію уклоненій отъ этихъ принциповъ въ церкви константинопольской: онъ указываетъ на то, что, во первыхъ, безъ его согласія созванъ былъ соборъ для низложенія Игнатія и возведенія Фотія, вторыхъ, въ возведеніи Фотія и низложеніи Игнатія нарушены каноны ⁴⁾. Согласіе свое на эту перемену въ константинопольской церкви онъ обѣщаетъ дать только тогда, когда его легаты на мѣстѣ разу-

¹⁾ Приемъ византійскаго посольства папою описанъ у Анастасія Библиотекаря: *Vita papae Nicolai I. Concilior. t. 22, p. 37—38.*

²⁾ Отъ 25 сентября 860 года *Conc. ibid. p. 62—70.*

³⁾ *Ipse scitis, qualiter absque Romanae Sedis Romanique pontificis consensu nullius insurgentis deliberationis terminus daretur.*

⁴⁾ 1) Игнатій низложенъ до провознесенія отреченія, 2) обвиняли его же подвергнути преслѣдованію; въ дѣлѣ Фотія указывается на то, что онъ

знать всѣ обстоятельства дѣла. Такимъ образомъ папа выставляетъ себя судіею церкви.

Но онъ не ограничивается тѣми вопросами, на которые вызвало его само византийское правительство. Пользуясь обстоятельствами онъ хочетъ достигнуть признанія всѣхъ правъ, каія по его мнѣнію принадлежать апостольскому престолу; онъ говоритъ, что императоръ долженъ возстановить обычай римской церкви, *quatenus vicem, quam nostra sedes per episcopos vestris in partibus constitutos habuit, videlicet Thessalonicensem, qui Romanae sedis vicem per Epirum veterem Epirumque novam atque Illyricum, Macedoniam, Thessaliam, Achaiam, Daciam ripensem Daciamque mediterraneam, Moesiam, Dardaniam et Praevalim, Beato Petro Apostolorum principi contradicere nullus praesumat*; кромѣ того императоръ долженъ возвратить папѣ сицилійскія и калабрійскія патримоніи и право поставлять епископа сиракузскаго. Въ этомъ требованіи папы заключалась первая послышка къ спору изъ за юрисдикціи въ Болгаріи; папа требовалъ себѣ возвращенія иллирійскихъ провинцій на основаніи архивныхъ документовъ, не справляясь съ тѣмъ, во всѣхъ ли перечисленныхъ провинціяхъ имѣетъ значеніе константинопольское правительство; а между тѣмъ многія изъ этихъ провинцій были въ рукахъ Славяно-Болгарь, официально считавшихся еще язычниками. Когда Болгаре обратились въ христіанство, тогда у папы только сильнѣе разгорѣлось желаніе возвратить эти провинціи.

Въ письмѣ къ Фотію ¹⁾ папа хвалитъ его православіе, но выражаетъ сожалѣніе, что не удалось ему получить правильнаго поставленія; однако обѣщаетъ дать свое согласіе, когда легаты его изслѣдуютъ дѣло на мѣстѣ и онъ обяжется равностнымъ къ вѣрѣ.

По прибытіи въ Константинополь папскихъ легатовъ Захаріи и Родоальда состоялся соборъ изъ 318 епископовъ, на которомъ было утверждено какъ изложеніе Игнатія, такъ и возведеніе Фотія ²⁾.

возведенъ былъ прямо изъ мірянъ, ссылаясь на практику въ Римской церкви, на 13-е правило Сардиійскаго собора и на декретами папъ Целестина; Льва и Геласія, которыхъ на востокъ не знали.

¹⁾ Ер. III, *ibid.* p. 71.

²⁾ Актовъ этого собора не сохранилось; описанія его находятся у авторовъ

Послѣ этого собора отправлены были папѣ письма какъ императоромъ такъ и Фотіемъ. Письмо императора не сохранилось, но о содержаніи его можно судить по письму папы Николая къ восточнымъ епископамъ, изъ котораго видно, что императоръ просилъ подтвержденія постановленій Константинопольскаго собора относительно Игнатія и Фотія ¹⁾; требованіе папою возвращенія иллирійскихъ областей и папскихъ патримоній оставлено безъ отвѣта. Изъ письма патріарха Фотія видно, что онъ сразу повялъ стремленія папы; но по тону письма замѣтно, что онъ не хотѣлъ поднимать распри и старался покончить дѣло миромъ. Однако онъ счелъ нужнымъ опровергнуть обвиненіе въ незаконности своего возведенія: ссылки папы на соборныя правила и папскія постановленія онъ отвергъ, какъ неизвѣстныя въ константинопольской церкви, и законность своего избранія подтверждалъ примѣрами Никифора и Тарасія, которые также были возведены въ патріархи изъ мірянъ; они также не знали запрещающихъ правилъ и потому ихъ не исполнили ²⁾. Фотій увидѣлъ въ этомъ упрекъ стремленію папы къ присвоенію обычаямъ римской церкви универсальнаго значенія и высказалъ такой взглядъ на значеніе церковныхъ разностей: «есть много правилъ, которыя даны однимъ, но не извѣстны другимъ; кто принялъ эти правила и нарушилъ ихъ, тотъ подлежитъ наказанію, но виновать ли тотъ кто не зналъ и не принималъ ихъ?» ³⁾ Фотій указываетъ на существующія разности въ обычаяхъ разныхъ странъ, которыя однако не противорѣчатъ единству церкви, если онѣ не нарушаютъ

изъ враждебной Фотію партіи, которые говорятъ о множествѣ злоупотребленій и насилій, допущенныхъ этимъ соборомъ, напр. подкупъ папскихъ легатовъ; подробности о немъ Никита Пафлагонскій и Анастасій Библиотекаръ, есть также у Θεογνοστα, Ματρουφανα и въ др. сказаніяхъ.

¹⁾ Detulit praeterea (Leo, imperatoris legatus) . . . imperiales litteras, deprecantes, quatenus in depositione Ignatii et in confirmatione Photii consensum praeberemus.

²⁾ Εἰ δὲ ὅτι κανόνες οὐκ ἤδεισαν, οὐκ ἐφύλαξαν, οὐδεὶς ἂν δίκαια ποιῶν ἐπιμέμφοιτο. Ep. apud *Migne*, *ibid.* p. 604.

³⁾ Πολλοὶ κανόνες ἄλλοις μὲν παραδίδονται, ἑτέροις δὲ οὐδὲ γινώσκονται. Ὁ παραλαβὼν καὶ ἀθετῶν δίκης ἄξιός, ὁ δὲ μὴδ' ἐγνωκὼς ἢ μὴ παραβεβήμενος πῶς ὑπεύθυνος; *ibid.*

вселенскихъ правилъ ¹⁾; такъ у однихъ, наприимѣръ считается брить бороду предосудительнымъ, у другихъ нѣтъ; у насъ, говорить онъ, не постытся въ субботу, а въ другихъ мѣстахъ постытся; у насъ не ставятъ дьякона въ епископы помимо священнической ступени, въ другихъ же мѣстахъ это допускается; въ Римѣ нѣтъ женатыхъ священниковъ, а въ восточной церкви допускается къ священству мужъ одной законной жены ²⁾ и т. п. Въ письмѣ къ Фотію папа ничего не говорилъ ему о возвращеніи иллирійскихъ провинцій; но Фотію передали это требованіе папы его легаты, какъ объ этомъ говоритъ самъ Фотій. Поэтому онъ считалъ нужнымъ высказать свое мнѣніе и объ этомъ предметѣ. Все письмо Фотія носитъ характеръ апологіи противъ обвиненія въ чистолюбивыхъ стремленіяхъ, и въ данномъ случаѣ онъ старается устранить мысль объ этомъ, говоря ³⁾, что если бы было въ его волѣ, то онъ отдалъ бы половину своей области, но такъ какъ дѣло идетъ здѣсь о разграниченіи провинцій, то оно можетъ быть рѣшено только государственною властью. Такимъ образомъ въ вопросѣ объ уступкѣ папѣ иллирійскихъ провинцій Фотій вполне раздѣлялъ точку зрѣнія своего правительства.

Изъ дѣятельности собора и писемъ императора и патріарха Фотія папа долженъ былъ убѣдиться, что въ Константинополѣ не раздѣляютъ его убѣжденій. Главенства папы въ церкви не признали, ибо на соборѣ дѣло патріарховъ Фотія и Игнатія рѣшили окончательно, приславъ ему только акты для подписи; на запросъ о возвращеніи иллирійскихъ провинцій императоръ отвѣтилъ краснорѣчивымъ молчаніемъ, а патріархъ сослался на то, что это не его дѣло, и въ этомъ поступкѣ онъ слѣдовалъ той системѣ, которая, какъ мы видѣли прежде, издавна существовала въ Византіи. Затѣмъ ссылки папы на узаконенія римской церкви не только отвергли, но еще доказывали, что церковныя разности, если онѣ не касаются сущности вѣры, позволительны въ своихъ мѣстахъ, но не обязательны для другихъ. Что же послѣ этого оставалось дѣлать папѣ? Сопротивленіе, оказанное ему на востокѣ, не могло конечно разубѣдить папу въ справедливости его притязаній,

¹⁾ Ἐν οἷς οὐκ ἔστι πίστις τὸ ἀδεοῦμενον, οὐδὲ κοινὸν τε καὶ καθολικὸν ψήφισματος ἔκπτωσις *ibid.* 605.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.* p. 618 fin.

ему оставалось убѣждать въ этомъ востокѣ, что онъ и сдѣлалъ. Онъ отправилъ письма къ восточнымъ епископамъ, императору и Фотію, продолжая доказывать свое главенство въ церкви, недѣйствительность соборныхъ постановленій безъ его утверждения, защищать обязательность римскихъ церковныхъ правилъ и для востока. Слова папы не были гласомъ вопиющимъ въ пустынь, потому что патріархъ Игнатій и его сторонники въ значительной степени признавали эти притязанія папы. Отъ того то онъ и не ограничивался одними словами и поученіями, но созывалъ соборы и предавалъ анаѳемѣ Фотія и его приверженцевъ. Но на всѣ эти протесты изъ Константинополя не отвѣчали. Только въ 865 году пана получилъ письмо отъ императора. Это письмо не сохранилось, но изъ отвѣта папы видно, что оно не отличалось почтительностью къ апостольскому престолу, а напротивъ рѣзко восставало противъ всѣхъ его притязаній. Нѣтъ нужды далѣе слѣдить за ходомъ этой борьбы между Римомъ и Константинополемъ; въ приведенныхъ фактахъ достаточно, кажется, выясняется характеръ политики какъ римской, такъ и Византійской.

Несмотря на затруднительное свое положеніе на патріаршемъ престолѣ, Фотій между тѣмъ посвящалъ всѣ свои силы на пользу церкви и успѣлъ сдѣлать для нея столько, сколько не сдѣлалъ ни одинъ патріархъ константинопольскій со временъ Златоуста. Фотій смотрѣлъ на Царьградъ какъ на источникъ истиннаго вѣроученія, изъ котораго должны черпать всѣ новообращающіеся народы свое просвѣщеніе. «Царствующій градъ, какъ бы изъ нѣкотораго горняго и воздушнаго пространства, источаетъ источники православія, разливаетъ чистые потоки благочестія во всѣ концы вселенной и подобно рѣкамъ наполняетъ тамъ догматами души, съ давняго времени изсохшія отъ темнаго зноя нечестія». «Многіе языки, возмущавшіеся преждею мерзостію, научились вмѣстѣ съ нами воспѣвать общаго вѣдѣ Создателя и Творца». Прежде мы видѣли, что византійцы смотрѣли на обращеніе варваровъ въ христіанство вмѣстѣ какъ и на покорность имперіи. Тотъ же взглядъ высказываетъ и Фотій. Говоря въ окружномъ посланіи объ обращеніи Русскихъ, онъ выражается такимъ образомъ: «Онъ (русскій народъ), поработивши окрестные народы и тѣмъ чрезмѣрно возгордившись, подъялъ свои руки и на римскую имперію, но теперь и онъ даже пережѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и неповрежденную вѣру и вмѣсто того, чтобы, какъ еще недавно дѣлалъ, грабить насъ и чинить великое

наслаіе, съ любовію вступилъ въ число нашихъ послушниковъ и союзниковъ»¹⁾.

И въ письмѣ къ болгарскому князю Михаилу-Борису и въ окружномъ посланіи Фотій высказываетъ ту мысль, что съ тѣхъ поръ какъ на вселенскихъ соборахъ были установлены догматы вѣры и опровергнуты еретическія ученія, которыя привели къ торжеству истины, благочестивые умы надѣялись, что теперь настала миръ въ церкви и удобное время для распространенія ея между язычниками. Дѣятельность Фотія показываетъ, что онъ съ величайшимъ усердіемъ работалъ надъ осуществленіемъ этой мысли. Внутри своей церкви онъ старался уничтожить остатки иконоборцевъ, монафизитовъ и павликіанъ²⁾. Но Фотій, какъ и та правительственная и общественная партія, къ которой онъ принадлежалъ, не были гонителями еретиковъ, какъ это было при Теодорѣ³⁾. Въ предѣлахъ имперіи онъ хлопоталъ объ обращеніи Армянъ отъ ереси яковитской⁴⁾. Подъ его руководствомъ получилъ образованіе знаменитый славянскій апостолъ Кириллъ, бывший другомъ своего учителя, какъ свидѣтельствуеетъ Анастасій Библиотекарь⁵⁾. Фотій былъ тотъ патріархъ, который отправилъ Кирилла съ братомъ его Меѳодіемъ сначала къ Хозарамъ, а послѣ къ Мораванамъ: по всей вѣроятности ему принадлежалъ выборъ этихъ людей для проповѣднической дѣятельности между Славянами. Нельзя отвергать свидѣтельства его въ окружномъ посланіи, что и Русскіе тогда же получили начатки христіанства. По всемъ берегамъ Чернаго моря торжествовало христіанство и православіе, такъ что въ письмѣ своемъ къ архіепископу воспорскому Анѳиму, въ которомъ онъ хвалитъ послѣдняго за миссіонерскую дѣятельность (обращеніе Іудеевъ), онъ могъ говорить, что Понтъ, бывший прежде ἀθεῖνος теперь сталъ не только εὐθεῖνος, но и εὐσεβής⁶⁾. Будучи такъ преданъ распространенію христіанства и православія какъ внутри имперіи, такъ и между сосѣдями, могъ ли Фотій оставить безъ вниманія ближайшихъ сосѣдей, Болгаръ? Конечно нѣтъ: обращеніемъ ихъ онъ былъ занятъ болѣе, нежели

¹⁾ Окружное посланіе, русск. перев. въ „Дух. Бесѣдѣ“.

²⁾ *Hergenrother*, I, 476—477.

³⁾ См. *Челыцова* Рѣчь о Павликіанахъ. «Христ. Чтеніе» 1877, кн. III.

⁴⁾ *Hergenrother*, 477—496.

⁵⁾ *Anast. Bibl. Praef. in Conc. Oecoum.*

⁶⁾ 'Επιστολή ἀρχιεπισκόφου Βασπόρου, *Migne*, t. СII, p. 828.

какого другаго народа. Нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, принималъ ли Фотій вмѣстѣ съ правительствомъ какія либо мѣры къ проповѣди между ними христіанства, только когда вышло или готовилось столкновеніе между Болгарами и Греками, то Борису предложили принять христіанство, и онъ согласился, что было, по словамъ самого Фотія, для Византійцевъ *παράδοξος*, неожиданно. За то, когда Болгаре обратились съ просьбою прислать духовенство для крещенія, то просьба эта принята была съ радостью, для крещенія былъ отправленъ архіерей, а императоръ послалъ подарки. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Борисъ лично былъ въ Константинополѣ и тамъ принялъ крещеніе. Голубинскій полагаетъ, что самъ Фотій оглашалъ князя въ вѣрѣ и совершалъ крещеніе, но это едва ли правда. Затѣо несомнѣнно, что всѣмъ дѣломъ обращенія Болгаръ руководилъ Фотій; онъ самъ говоритъ о своихъ трудахъ въ этомъ дѣлѣ, называетъ Болгаръ «чадами, для возрожденія и просвѣщенія которыхъ онъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и проливалъ потъ»¹⁾. Нѣкоторое время спустя послѣ крещенія, не позже конца 864 года или начала 865, онъ отправилъ къ Борису пастырское посланіе, въ которомъ излагаетъ сущность христіанской вѣры и нравственности, а также практическія правила жизни, какъ всякаго человѣка, такъ особенно государя. Вотъ содержаніе этого посланія:

Самый высшій изъ даровъ, доступныхъ человѣку, — это богопознаніе, открывающееся въ таинствахъ христіанской вѣры (1); считая Бориса достойнымъ этого дара, Фотій намѣренъ изложить сначала сущность христіанской вѣры, затѣмъ краткую исторію вселенскихъ соборовъ, какъ основаній этой вѣры, наконецъ, что требуется отъ человѣка для жизни, которая оправдывала бы правоту вѣры: чистота вѣры и святость жизни взаимно обуславливаютъ другъ друга (3). Затѣмъ излагается символъ вѣры (4). Далѣе указывается на значеніе вселенскихъ соборовъ, какъ «учителей и защитниковъ благочестія, утверждающихъ чистое древностію преданное пониманіе православія» (5). Въ разсказѣ о вселенскихъ соборахъ Фотій отмѣчаетъ время ихъ, поводъ, по которому созывались они, характеризуетъ главныхъ дѣятелей на этихъ соборахъ, излагаетъ съ большими или мень-

¹⁾ Οἷς κόποι καὶ πόνοι καὶ ἰδρωτὰς εἰς τὴν ἐκείνων ἀναγέννησίν τε καὶ τελείωσιν κατεβλήθησαν κ. τ. λ. *Migne*, С. II, р. 732.

шими подробностями сущности обесуждавшихся на нихъ ересей и изданныхъ противъ нихъ соборами опредѣлений (6—20). Послѣ этого Фотій убѣждаетъ князя твердо держаться изложеннаго ученія, «не уклоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону». «Это исповѣданіе», пишетъ Фотій, «подобаетъ принять и твоей богохранимой душѣ, принадлежащей къ нашей части благочестія, — принять съ искреннимъ расположеніемъ, чистымъ намѣреніемъ и непоколебимомъ вѣрою, возлюбить его и ни мало не уклониться отъ него ни направо, ни налево... Не дай намъ обмануться въ тѣхъ надеждѣхъ, которыя поселили въ насъ твоя наклонность къ добру и твоя благопокорливость. Не сдѣлай тщетными нашихъ трудовъ и подвиговъ, которыми съ радостью подъяли для твоего спасенія». Фотій убѣждаетъ Бориса не смущаться тѣмъ, что столько разъ возникали въ церкви еретическія ученія, потому что всѣ они служили только къ лучшему выясненію истины. «Нисколько не возмущайся при размысленіи о сихъ злоухищреніяхъ и наветѣхъ противъ нея. Ибо, вопервыхъ, еслибы она (церковь) не была вовлечена ни въ какую брань, то не сдѣлалась бы чрезъ побѣду столь знаменитою, державною и славною. Далѣе, легко понять, что гдѣ сильнѣе поборають злого духа, тамъ и онъ равностойнѣе бросаетъ стрѣлы своей злобы и разставляетъ сѣти. И такъ какъ у другихъ народовъ вовсе нѣтъ сильно й брани съ нимъ, то и онъ не вооружается противъ нихъ. Иначе: другіе народы имѣютъ неопредѣленные и смѣшанные мнѣнія (касательно вѣры) и не имѣютъ ничего чистаго, ничего точно опредѣленнаго, потому у нихъ и не замѣтно извращеніе... Благородство православныхъ догматовъ отнюдь не терпитъ того, чтобы подъ однимъ съ ними именемъ существовали даже на короткое время незаконныя народоубиенія». Эти слова Фотія очень замѣчательны; въ нихъ онъ разумѣетъ вѣроятно западную церковь и предостерегаетъ Бориса не сблизяться тѣмъ, что тамъ всегда строго соблюдалась ненарушимость догматовъ, непрерывное православіе: это только такъ кажется, въ существѣ же дѣла тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы за истину, она хоть и не замѣтно, но тѣмъ сильнѣе искажается. Взглядъ Фотія на значеніе ересей и вообще на жизнь церкви замѣчателенъ. Авторитетомъ церковнымъ считается ученіе Апостоловъ и вселенскій соборъ. Фотій убѣждаетъ Бориса заботиться о томъ, чтобы и подданные его содержали то-же вѣроученіе: «Должно тебѣ не только самому такъ мыслить и разумѣть, но и под-

членовых своих руководить въ такому же разумнѣю истины, совершенствоваться въ той же вѣрѣ и всему предпочитать это стараніе и наченіе. Воистину, долгъ государя заботиться не объ одномъ только собственномъ спасеніи, но имѣть заботу и о вѣренномъ ему народѣ и руководить и вести его къ тому же самому совершенству въ богосознаніи».

Въ заключеніе вѣручительной части своего посланія, Фотій снова обращается къ князю съ убѣжденіемъ держаться принятой вѣры; нѣтъ словъ Фотія можно видѣть, какое значеніе онъ придавалъ обращенію Бериса: «Итакъ ты — каинъ именемъ назвать тебя, чтобы воплію выразить любовь мою къ тебѣ? — послѣ тебе, какъ душа твоя озабочалась свѣтомъ Божественнаго Духа, послѣ того какъ ты привелъ къ свѣту благочестія и совершилъ такое дѣло, чрезъ которое возвысился до дѣянія Великаго Константина, — слѣдуй своей первоначальной мысли, напѣренію и благоразумію: стой твердо на каинѣ вѣры, на которой ты твердо назданъ Господомъ. Назданъ на правой вѣрѣ благія дѣла и святую жизнь... Мы тебя убѣждаемъ и тебѣ внушаемъ украшать вѣру добродѣтелями и добродѣтели освѣщать вѣрою». Такии образцы и въ началѣ и въ концѣ вѣручительной части своего посланія Фотій говоритъ о связи между истинною вѣрою и добрыми дѣлами: это общая мысль всей этой части посланія. Заботливостью своею о новообращенномъ князѣ патриархъ выражаетъ еще въ слѣдующихъ словахъ: «Желалъ бы я самъ быть съ тобою и наблюдать за твоими дѣяствіями, дабы непосредственно, лично узнавая о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, могъ больше утѣшаться и радоваться; еслибы случилось какая нибудь ошибка, удобно безъ отлагательства могъ бы тебя отклонить и сдѣлать способнымъ къ исправленію. Но такъ какъ мое желаніе безсилно и многія преграды задерживаютъ мое стремленіе, то констатирую, какъ и обѣщавъ въ началѣ, кинельно изложитъ свои наставленія, что и возможно для меня» (21 — 25). Это переходъ ко второй части посланія, въ которой, налагая нравственныя и нравственскія наставленія, Фотій рисуетъ идеаль просвѣщеннаго челоука и государя, какии онъ представлялся тогда въ Византіи; онъ перебираетъ все черты, отличающія христіанска и вѣстѣ съ тѣмъ, какъ теперь говорится, цивилизованнаго челоука отъ варвара; тамъ какъ въ развитіи цивилизаціи входитъ и вѣнная сторона жизни, то Фотій указываетъ и на ее значеніе.

Свое наставленіе Фотій начинаеть съ заявленія, что нравствен-

ность христіанская не есть что либо особенное отъ нравственности естественной, прирожденной всѣмъ людямъ: стремленіе къ любви къ Богу и ближнему врожденно всѣмъ людямъ, а въ осуществленіи этого стремленія и заключается сущность христіанскаго закона. Изъ обязанности любить Бога и ближняго Фотій выводитъ заключеніе, что нужно избѣгать: кровопролитій, убійствъ, хищничества, разстройства чужихъ браковъ, ложной клятвы. Эти обязанности касаются всѣхъ людей, независимо отъ ихъ положенія въ обществѣ (26—27). Далѣе Фотій говоритъ о томъ, «что особенно служить къ назиданію начальствующихъ». Отъ начальника, болѣе чѣмъ отъ кого либо требуется добродѣтель, поэтому Фотій убѣждаетъ князя быть не только слушателемъ, но и исполнителемъ его наставленій. Фотій говоритъ о значеніи молитвы, какъ наединѣ, такъ особенно вмѣстѣ съ народомъ; побуждаетъ заботиться о храмахъ и ихъ служителяхъ: «Устройи по церковнымъ законоположеніямъ храмы во имя Бога и святыхъ его и приучай народъ собираться въ нихъ, чтобы въ общемъ собраніи умилоствивлять Бога и чтобы, принося ему общее славословіе, онъ сильнѣе возбуждался къ общему единодушію и плодоносилъ общее спасеніе» (28—31): «Жертвоприношеніе святой вѣры нашей есть дѣло священниковъ. Если ты усердно будешь оказывать имъ содѣйствіе и помощь, то получишь отъ этого великое благодѣяніе и великую благодать» (32). Фотій говоритъ о «важности ума въ дѣлѣ общественнаго управленія» и потому убѣждаетъ заботиться о его развитіи, между прочимъ «собесѣдованіемъ и общеніемъ съ людьми мудрыми» (34). Далѣе Фотій говоритъ о значеніи внѣшняго благоприличія въ манерахъ, одеждѣ: нужно наблюдать его «не доходя до изнѣженности и мелочной заботливости о нихъ, но и не впадая съ другой стороны въ небрежность, выходящую изъ границъ» (37).

Совѣтуетъ избѣгать поспѣшности въ словахъ, особенно въ приказаніяхъ, имѣющихъ общественное значеніе (35), избѣгать поспѣшности въ заключеніи дружбы (40), обдумывать предварительно всякое дѣло (52), избѣгать излишняго смѣха (36), сквернословія (37), насмѣшливаго и оскорбительнаго остроумія (105), вообще оскорбленій словами (104), не заводить никакихъ тайныхъ замысловъ (41), не окружать себя дурными людьми (49), не слушать наговоровъ (38), отвращаться отъ ибедниковъ и клеветниковъ (39). Убѣждаетъ князя быть строгимъ къ преступникамъ противъ общества и милостивымъ къ преступникамъ противъ него (42). Правитель долженъ больше всѣхъ

отличаться добродѣтелью (45); образъ жизни правителя дѣлается закономъ для подданныхъ (51); управлять должно полагаясь не на свое самовластіе, а на благорасположеніе подданныхъ: это служить лучшею опорой власти, нежели страхъ (46); слѣдуетъ пользоваться совѣтами (53) и не стыдиться исправлять ошибки (54, 101). Слѣдуетъ вводить точные законы, но не подвергать по нимъ сейчасъ же наказанію, а руководствоваться человеколюбивѣйшими побужденіями (41), нужно управлять съ твердостью, но не быть жестокимъ (47). Фотій указываетъ на качества, какія требуются отъ хорошаго судьи (58) и вообще начальниковъ (61). Правитель долженъ избѣгать зависти (55), но самъ служить предметомъ зависти (56); долженъ управлять самостоятельно (57, 63), узнавать мнѣніе подданныхъ и на немъ основывать свои распоряженія (62). Если замышляются возстанія, то лучше подъ видомъ незнанія предавать ихъ забвенію, ибо преслѣдованіе только раздуваетъ пламя (107). Одобрать прекрасные поступки слѣдуетъ подражаніемъ имъ. Начальникъ долженъ заботиться обо всѣхъ подданныхъ безъ исключенія (65), сочувствовать и помогать въ несчастіяхъ (78), прекращать распри между ними (66, 106), дѣйствовать на подданныхъ наказаніемъ, похвалою и—если угодно—благотворительностью (65), внушать въ подданныхъ вмѣстѣ страхъ и любовь (69), никого не доводить до отчаянія (100), помогать въ случаѣ несчастій (115); благополучіе подданныхъ свидѣтельствуесть о справедливости власти (116); въ благотвореніяхъ однако должно быть разборчивымъ и осторожнымъ (73, 74, 82—87); должно воздерживаться отъ усиленныхъ обѣщаній, но не нарушать данныхъ (80). Должно избѣгать всякаго обмана, даже относительно неприятелей, если они довѣряютъ (75); предательство очень опасно (76); нужно избѣгать соблазна золотомъ (77); стараться по возможности обходиться безъ вѣтвы: она служитъ доказательствомъ нетвердости характера и неблагородства души (72). Нужно обуздывать гнѣвъ и ничего не предпринимать подъ его вліяніемъ (88—92), нужно быть довѣрчивымъ къ тѣмъ, кто довѣряетъ (93). Фотій даетъ наставленіе избѣгать многоженства: правитель не долженъ подчиняться вліянію женщинъ и быть рабомъ похотей; тотъ не грѣшитъ, кто живетъ съ одною законною женою, но многоженство «срамно и гнусно и свойственно необузданности и нечистотѣ бесловесныхъ» (95—98). Слѣдуетъ терпѣливо пережить несчастія (78, 110); не нужно быть безпечнымъ и при счаст-

ликих обстоятельствах (108), но не презираются при убожьи (109). Слѣдуетъ быть осторожнѣе при нововведеніяхъ, лучше вѣдѣть перешъни понижету, а не сразу (111); нужно ообразоваться съ тѣмъ, малаетъ ли нововведеній общество или нѣтъ (112); благорасположеніе подданныхъ слѣдуетъ считать сильнѣе и надежнѣе оружія, мужества, войска (113). Не слѣдуетъ круто измѣнять отклоненій въ своимъ подданнымъ (59); слѣдуетъ бороться какъ за войнѣ (60). Достоинство правителя должно полагать не въ томъ, чтобы изъ малата государства ообразовать большее, но въ томъ, чтобы изъ дурнаго сдѣлать короче (48). Въ заключеніе Фотій въ короткѣ повторяетъ сущность своихъ наставленій и убѣждаетъ князя «быть ообразцомъ и прихвромъ всякой добродѣтели не только для своихъ подданныхъ, но и для всего рода человѣческаго добрымъ и великимъ навиданіемъ».

Изъ этого письма, особенно изъ первой его части видно, что Фотій былъ очень озабоченъ утвержденіемъ Болгаринъ за восточную церковь; онъ выставилъ заслуги константинопольской церкви въ борьбѣ съ ересями и выяснилъ значеніе вселенскихъ соборовъ, какъ церковнаго авторитета, можетъ быть съ цѣлю предупредить другаго рода ученіе. Изъ этого посланія однако не видно, чтобы онъ желалъ проводить какіе либо политическіе взгляды, развивать ученіе о подчиненіи имперіи, ибо, какъ мы видѣли, самый фавтъ принатія сиріаства служилъ уже выраженіемъ нѣкотораго подчиненія ей. Напротивъ, всѣ совѣты Фотія клонятся въ тому, чтобы князь Болгарскій могъ быть правителемъ самостоятельнымъ, способнымъ поставить страну свою на высокую степень процвѣтанія. Много говоритъ противъ дѣлообразности такого посланія, какое отправилъ Фотій; оно слишкомъ высоко требованія предъявляетъ воефету, нуждающемуся въ скаментарныхъ наставленіяхъ. Но съ одной стороны нельзя сказать, чтобы посланіе было написано слишкомъ мудрено, а съ другой стороны нельзя и Бориса считать совершенно грубымъ варваромъ, потому что вскорѣ мы видимъ въ Болгаріи людей, способныхъ къ самостоятельнымъ и ответственнымъ работамъ, что доказываетъ довольно высокую степень развитія у Болгаръ. Особенно порицая посланіе Фотія при отправленіи его съ отвѣтными чина на вопросъ Болгаръ — простыми и правдолюбивыми, но чина прямо отивался велегать домысли тѣмъ, а въ сущности предметамъ ему нѣчто было держаться на правительской почвѣ,

такъ какъ теми для его разсужденій были готовы въ вопросахъ Болгарь.

Несмотря однако на эти старанія Фотія ны видимъ обращеніе его къ папѣ. Для отысканія причины этого обращенія хорошій матеріалъ представляютъ вопросы Болгарь, обращенные къ папѣ. Въ нихъ рисуется состояніе Болгаринъ послѣ крещенія князя и народа греческимъ духовенствомъ. Въ Болгарію приходили проповѣдники разныхъ націй и разныхъ исповѣданій. Тутъ были Армяне, Евреи, Греки (с. 106). Между самими христіанами не было согласія: одни говорили то, другіе иное объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ вопросахъ, предложенныхъ папѣ, высказываются прямо только проповѣдники названныхъ нами народовъ. Но можно положительнѣе утверждать, что были уже въ это время въ Болгаріи и латинскіе проповѣдники, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ своихъ вопросахъ Болгаре говорятъ: Греки о такомъ-то предметѣ утверждаютъ то-то: справедливо ли? Оказывается, что всѣ эти недоумѣнія возникаютъ у Болгарь по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ Греки расходятся съ Латинцами. Нужно предположить или чрезвычайную наглость въ мнѣніяхъ Грековъ вообще, которыхъ не могла же бросаться въ глаза даже невообращеннымъ Болгарамъ, и абсолютную справедливость въ возрѣніяхъ латинцевъ, или же допустить, что Болгарамъ кто-то говорилъ, что Греки не такъ учатъ какъ слѣдуетъ, а это могъ говорить только латинскій проповѣдникъ, ибо всѣ вопросы относительно мнѣній Грековъ поставлены такъ, что папа могъ отвѣчать на нихъ только отрицательно. Греки утверждаютъ, что нельзя мыться по средамъ и пятницамъ; папа отвѣчаетъ, что это совершенный вздоръ, даже и въ воскресенье мыться можно (6). Греки не допускаютъ жъ причастію чловѣка безъ пояса; папа говоритъ, что и это несправедливо (55). Греки утверждаютъ, что сконецъ не долженъ убивать животныхъ: мясо такого животного ѣсть грѣшно; папа отвергается и это (57). Греки утверждаютъ, что въ церкви не прилично стоять скрестивши на груди руки; папа отвѣчаетъ, что это безразлично. Эти мнѣнія Грековъ нельзя сами по себѣ и погову молли Болгаре сами по себѣ о нихъ спрашивать. Точно также вопросъ о томъ, какого папа мнѣнія о греческомъ обычаѣ брачнаго сожителства, могъ возникнуть у Болгарь самостоятельно, ибо имъ трудно было отказаться отъ многоженства и они могли ожидать отъ Рима менѣе строгаго закона (3). Только на одинъ вопросъ относительно мнѣній Грековъ папа отвѣчаетъ утвердительно, именно о

томъ, что не слѣдуетъ ходить въ церковь въ шапкѣ (66). Но такіе вопросы, какъ наприимѣръ, нужно ли признавать женатыхъ священниковъ, могли возникнуть только тогда, когда кто либо отставалъ противное, и папа говоритъ, что женатый священникъ достоинъ всякаго порицанія (70). Точно также вопросъ о постѣ въ четырёхдесятницу и субботу могъ возникнуть только подъ вліяніемъ латинскихъ проповѣдниковъ. Можно также предполагать, что всѣ вышеприведенныя нелѣпныя мнѣнія приписаны ученію Грековъ вообще, тогда какъ ихъ могли высказывать только нѣкоторые, и притомъ можетъ быть не одни Греки, съ цѣлію ихъ униженія, опять-таки не безъ вліянія Латинянъ. Такое же значеніе могутъ имѣть и вопросы о греческомъ жесвященникѣ и о грекѣ, гадающемъ по библіи (77). Конечно все это могло быть, были вѣроятно и подобныя шарлатаны изъ Грековъ и были высказываемы требованія соблюденія многихъ мелочныхъ и странныхъ обычаевъ, но важно то, что Грекамъ приписываются въ отвѣтахъ папы только эти странныя мнѣнія. Подлинныхъ вопросовъ Болгаръ не сохранилось и въ отвѣтахъ папы, они повторены можетъ быть не вездѣ точно¹⁾. Но и по отвѣтамъ видно, что они возникли подъ вліяніемъ Латинянъ. Болгаре говорятъ, что по словамъ Грековъ, муро готовится только въ ихъ странѣ и оттуда распространяется на весь міръ. Папа отвѣчалъ, что Болгаре при всей своей простотѣ навѣрно сами понимаютъ, что это неправда (91).

Такимъ образомъ можно сказать, что латинскіе проповѣдники старались разубѣдить князя въ справедливости того, что проповѣдуютъ Греки. Въ письмѣ патриарха Фотія къ Борису было сказано прямо, что константинопольская церковь послѣ борьбы съ ересями приобрѣла только большую чистоту вѣры, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ этой борьбы не было, незамѣтно вошли искаженія подъ внѣшнимъ видомъ неизмѣнности. Фотій справедливо опасался, что множество ересей, появившихся на востокѣ, можетъ зародить сомнѣніе въ чистотѣ вѣры въ томъ, кто еще не можетъ глубоко внизнуть въ религіозные вопросы. Римская церковь въ столкновеніяхъ съ византійскою, постоянно упрекала послѣднюю въ томъ, что многіе представители ея были еретики (отъ этого упрека не воздерживается даже Гергенре-

¹⁾ Есть поводъ думать, что Болгаре многіе изъ вопросовъ предлагали устно, уже въ Римѣ; тогда еще болѣе вѣроятно вліяніе на токъ ихъ со стороны Латинянъ.

терь). Этими орудіемъ пользовалось римское духовенство и въ Болгаріи: оно доказывало, что Греки неправильно учатъ, что они не могутъ сообщить ученія чистой не искаженной вѣры. Оттого-то Борисъ, обращаясь въ Римъ, и проситъ изложенія вѣры безъ «пятна и морщины» (*sine macula et ruga*). Изъ этихъ соображеній можно заключить, что въ Болгаріи до обращенія Бориса къ Риму были уже латинскіе проповѣдники. Но на это есть и прямое указаніе. Анастасій Библиотекаръ въ предисловіи къ VIII вселенскому собору говоритъ, что Борисъ былъ крещенъ римскимъ священникомъ Павломъ. Мы видѣли, что извѣстіе о крещеніи Бориса Павломъ нужно признать ложнымъ, но нѣтъ повода и надобности отвергать, что никакого латинскаго священника, Павла или другаго какого, совсѣмъ въ Болгаріи не было.

Эти-то люди, принадлежавшіе къ западной церкви, и возбуждали Бориса противъ Грековъ, убѣждали обратиться къ Риму, доказывая, что тамъ источникъ истиннаго христіанства. Доказывать это было имъ тѣмъ легче, что тогда былъ въ полномъ разгарѣ разрывъ между Римомъ и Константинополемъ: папа Николай на соборѣ въ 863 году уже предалъ Фотія анаемѣ, и между папою и византійскимъ правительствомъ и Фотіемъ шла горячая переписка.

Далѣе мы знаемъ, что Борисъ велъ сначала переговоры о христіанствѣ съ Людовикомъ Нѣмецкимъ и не вступилъ съ нимъ въ тѣсный союзъ только потому, что подвергался опасности со стороны Византіи. Теперь же онъ снова могъ думать о союзѣ съ государемъ, который былъ дальше отъ него, не могъ имѣть непосредственнаго, сильнаго вліянія на страну, но зато могъ быть хорошимъ союзникомъ въ случаѣ опасности со стороны Византіи. Наконецъ онъ могъ руководиться вотъ какимъ соображеніемъ: мятежъ противъ князя подняли вельможи строгой болгарской партіи; они вооружились противъ князя за то, что онъ далъ имъ недобрый законъ; почему недобрый — неизвѣстно ¹⁾, но очень вѣроятно, что эта партія опасалась сильнаго

---

¹⁾ *Resp. ad cons. Bulg. c. 17: igitur referentes, qualiter autem illi, postquam baptizati fuere, insurrexerint unanimiter cum magna ferocitate contra vos, dicentes non bonam vos eis legem tradidisse, volentes etiam vos occidere et regem alium constituere. Ann. Bert. ad a. 866. См. приложение.*

вѣнція Византіи черезъ христіанство и ту партію, которая за него стояла. Латиняне между тѣмъ тогда уже могли, какъ и послѣ, прямо говорить, что подѣ предложеніемъ христіанства византіицы замышляютъ политическое подчиненіе Болгаріи ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣ крещенія Бориса и народа Греками въ Болгаріи была все-таки безурядица: проповѣдники между собою были не согласны, да и духовенства было мало, а между тѣмъ народъ ждалъ креститься, такъ что даже самозванные священники имѣли успѣхъ: какой-то грекъ назвался священникомъ и крестилъ многихъ Болгаръ; то-же сдѣлалъ одинъ еврей. Возникла масса недоумѣній, возбужденныхъ какъ этими несогласіями проповѣдниковъ, такъ и тѣмъ, что христіанство осуждало многіе изъ болгарскихъ обычаевъ. Для разрѣшенія ихъ нужно было обратиться къ епископу, но его въ Болгаріи не было еще. Всего естественнѣе было бы обратиться Борису съ просьбою о присылкѣ епископа въ Византію, но его отклонили отъ этого проповѣдники латиноскіе, осуждая обычай греческой церкви, отвергали притязанія Византіи на значеніе ея, какъ источника христіанства, доказывая, что только въ Римѣ находится источникъ истинной вѣры *sine macula et tuga*, собираясь при этомъ вѣроятно на осужденіе патріарха константинопольскаго чиноу. Все это могло зародить въ Борисѣ сомнѣніе, къ настоящему ли источнику христіанства онъ обратился прежде. Обращаться къ Грекамъ за епископомъ Борисъ считалъ для себя опаснымъ можетъ быть и потому, что подѣ влияніемъ недавно бывшаго противъ него возстанія онъ боялся возбудить противъ себя людей, опасавшихся большаго вліянія Византіи, тѣмъ болѣе, что со стороны ему доказывали своекорыстныя политическія стремленія Византіи; ему могло казаться выгоднымъ вступить въ болѣе близкія сношенія съ Людовикомъ Нѣмецкимъ, который не переставалъ хлопотать о союзѣ съ Болгарами.

Вслѣдствіе всего этого Борисъ рѣшился обратиться къ папѣ съ просьбою изложить ему истинное христіанское ученіе, разрѣшить недоумѣнія возникшія какъ вслѣдствіе несогласія проповѣдниковъ, такъ и столкновенія языческихъ обычаевъ съ христіанскими, прислать ему духовенство для наученія народа, разрѣшить вопросъ, можно ли имѣть

¹⁾ Объ этомъ говорится въ письмѣ папы Николая къ Генералу.

Болгарамъ самостоятельнаго патріарха, наконецъ дать ему руководство въ гражданскихъ дѣлахъ присылкою римскихъ законовъ. Борись снѣлъ нужнымъ обратиться не только къ папѣ, но и къ викарному государю.

Въ посольствѣ этомъ находились еще Берисъ и много изъ бояръ ¹⁾, между прочими родственникъ князя Петръ, бояре Іоанъ и Мартинъ ²⁾. Съ этими посланки Берисъ отправилъ въ даръ апостольскому престолу вооруженіе, съ которымъ онъ сражался противъ италіанскъ противниковъ христіанства ³⁾; другіе дары возмѣщались какъ святымъ мѣстамъ, такъ и своему жертвоприношенію ⁴⁾. Послы прибыли въ Римъ въ августѣ 866 года ⁵⁾. Известно, съ какою восторгомъ встрѣтилъ папа это посольство. Уже въ 860 году онъ писалъ императору Михаилу III о возвращеніи папѣ юрисдикціи въ Иллирикѣ, въ которой находилась и часть Болгаріи. О намереніи Болгарь принять крещеніе онъ извѣщалъ еще Людовикомъ Неманскимъ и для успѣха этого дѣла призвалъ въ Римѣ служить молебны и назначилъ постъ. Тогда же онъ вѣроятно принялъ и другія болѣе энергичныя мѣры: очень возможно быть, что не боги его зѣломо дѣйствовали въ Болгаріи латинскіе проповѣдники, наприимѣръ священникъ Павелъ. Теперь пана знавала, что Болгаре не только приняли христіанство, но обратились къ нему за излеченіемъ недуговъ, у него просить списковъ и привезать его для разбѣженія недуговъ, следовательно признають его первенство. Онъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ радоваться этому обстоятельству, что самъ находившійся въ затруднительномъ положеніи: борьба, которую онъ велъ на западѣ, не была скорою и счастливою концою; на востокѣ онъ также мало имѣлъ успѣха: на всѣ свои зованія онъ получилъ отсюда только одно, да и то почти бранное письмо. Вотъ что онъ писалъ на этому случаю Гликмару рейнскому: «Когда ни

¹⁾ *Bulgarorum rex sicut nunc et plures ex descensibus regni sui Romam direx. Ann. Bert. ad a. 866.*

²⁾ Ep. 189 ad Mich. Bulg. Іоанна VIII.

³⁾ *Et arma, quibus indutus fuerat, quando in Christi nomine de suis adversariis triumphavit, cum sibi totis sacris Petro transmissit. Annal. Bert. III.*

⁴⁾ *Donaque non parva tam sanctis locis, quam eidem summo Pontifici contulit. Anast. Bibl. Vita Nicol. Concl. t. 22, p. 53.*

⁵⁾ *Augusto indictione XLV. Anast. ibid. Constantinob., I, p. 303.*

находились въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и подвергались такимъ великимъ несчастіямъ, насъ извѣщаютъ, что прибыли послы болгарскаго князя. Гдѣ тотъ человѣкъ, который могъ бы выразить, какою радостью или какими восторгомъ мы объаты были какъ потому, что узнали о спасительномъ по богатству благодати Божіей обращеніи, такъ и потому, что они, какъ оказалось, просятъ ученія св. апостола Петра и его преемника. Вѣдь они, находясь отъ насъ далеко тѣломъ, находятся вмѣстѣ съ нами вѣрою!»¹⁾

По случаю этого радостнаго событія Николай устроилъ общее церковное торжество и съ почетомъ держалъ у себя пословъ²⁾, поспѣшно приготавливая отвѣты на вопросы, предложенные Болгарами.

Христіанство явилось у Болгаръ уже тогда, когда оно облеклось въ обряды. Язычники, культъ которыхъ состоялъ преимущественно изъ разныхъ символическихъ дѣйствій, составлявшихъ важнѣйшую часть ихъ религіи, конечно не могли сразу отличить и въ христіанствѣ догматической духовной стороны отъ обрядовой и не удивительно, что придавали послѣдней большое значеніе. Оттого они и спрашиваютъ, какъ нужно смотрѣть на нѣкоторые обычаи у христіанъ, а также на свои языческіе, противъ которыхъ христіане вѣроятно возражали. Такъ они спрашиваютъ, нужно ли стоять въ церкви скрестивши на груди руки (54), можно ли ходить въ церковь въ повязкахъ (шангахъ) (66), нужно ли приступать къ причащенію непременно препоясавшись (55); обращаютъ вниманіе на грека, гадающаго на библіи (77), придаютъ важное значеніе, въ какіе дни можно или нельзя работать (10, 11), сражаться (34), можно ли замѣчать дни и часы для вступленія въ сраженіе, допускать ли при этомъ пѣсни и гаданія (35), можно ли воевать въ воскресенье и четыредесятницу (36, 46), можно ли имѣть военнымъ знаменемъ конскій хвостъ (33); сколько разъ въ день долженъ молиться мірянинъ (61), какъ нужно смотрѣть на обычай обращаться за исцѣленіемъ къ какому то камню (62), носить для здоровья амулеты на шеѣ (79); спрашиваютъ о ношеніи и цѣлованіи креста съ мощами (7, 53), какъ поступать въ слу-

¹⁾ Nicol. ed. 152 ar Hincm., *Migne*, t. 119 p. 1154—1155.

²⁾ Anast. Bibl. in Vita P. Nicol.: quod audiens Papa magna repletus laetitia laudes Christo reddidit amplas et cum omni sibi divinitus commissa ecclesia gratulans, infinita praecaria Deo nostro, qui novissimis his temporibus tantum fecit miraculum, devota mente supplici quoque voce persolvit. Concilior. t. 22 p. 58.

чаѣ нападенія непріятеля во время богослуженія (74), какъ наблюдать молитву въ военномъ лагерѣ (38), можно ли клясться на мечѣ (67), спрашиваютъ о времени ѣды (9), о томъ, можно ли принявши пищу приступать къ причащенію (60, 65), необходимо ли ежедневно причащаться въ чотырдесятницу (9), можно ли ходить въ баню по средамъ и пятницамъ (6), ѣсть животное, убитое эвнухомъ (57), можно ли ѣсть нечистыхъ и убитыхъ безъ пролитія крови животныхъ (43, 90, 91), спрашиваютъ, когда нужно поститься (4, 5), можно ли въ постъ ходить на охоту (44), производить судъ въ чотырдесятницу (12, 45); что нужно соблюдать относительно опис conjugale въ праздники и посты, а также въ первое время послѣ родовъ (50, 63, 64); Болгаре просятъ также указаній относительно одежды (59), относительно обычая князя сидѣть отдѣльно за столомъ (42). На всѣ эти вопросы папа отвѣчаетъ съ большимъ тактомъ; онъ строго порицаетъ тѣ обычаи, гдѣ проглядываетъ языческое суевѣріе, и по возможности совѣтуетъ замѣнять ихъ христіанскими; относительно христіанскихъ обычаевъ онъ настаиваетъ на исполненіи ихъ не по буквѣ, а по духу, освобождаетъ новообращенныхъ отъ точнаго и обременительнаго для непривычныхъ исполненія постовъ, молитвъ, но такъ, что вездѣ умѣетъ защитить интересы христіанства. Обычаи, не имѣющіе отношенія къ языческимъ суевѣріямъ и христіанству, онъ объявляетъ безразличными, оставляетъ Болгарамъ на собственное усмотрѣніе.

Христіанство вносило новыя воззрѣнія на преступленія и наказанія. Болгаре по этому обращаются къ папѣ съ вопросомъ, справедливо ли они поступаютъ въ тѣхъ или другихъ подобныхъ случаяхъ.

Такъ они спрашиваютъ, составляетъ ли грѣхъ умерщвленіе мятежниковъ, возставшихъ противъ князя послѣ принятія христіанства (17). Папа отвѣчаетъ на это сожалѣніемъ, что ревность ихъ была не по разуму, особенно оттого, что они убили вмѣстѣ и невинныхъ дѣтей. Папа признаетъ наказаніе преступниковъ справедливымъ, но совѣтуетъ воздерживаться отъ частаго примѣненія смертной казни и вообще поступать снисходительнѣе (с. 21, 25, 28—32, 84—86, 97). Если дѣло идетъ о проступкѣ духовнаго лица, то міряне не должны его судить (83). На всѣ вопросы Болгарь, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ юридической практики, папа отвѣчаетъ: «по законамъ», а съ своей стороны прибавляетъ только общія соображенія о необходимости справедливости и милосердія,

предлагая обратиться за разъясненіемъ къ своимъ легатамъ, у которыхъ будетъ собранъ римскихъ законовъ. Болгаре просили у папы дать собраныя законы въ собственность, но онъ отвѣчалъ, что охотно исполнилъ бы ихъ просьбу, если бы зналъ, что они служивать кроютель; поэтому легатамъ своимъ онъ приказалъ взять книгу съ собою назадъ, чтобы отъ неправильнаго пониманія или исполненія закона не произошло вредныхъ послѣдствій; у будущаго епископа также будетъ книга гражданскихъ законовъ, равно какъ и книги богослужебныя; послѣднихъ миряне имѣть не должны; за всякія разъясненія они должны обращаться къ епископу (13, 27, 75, 76, заключеніе).

Различіе писемъ папы Николы къ Болгарамъ, Фотія къ князю Борису состоитъ въ томъ, что между тѣмъ какъ послѣдній подробно излагаетъ истинны вѣры, папа совершенно отказывается отъ этого труда, говоря, что если все писать, такъ никогда не кончишь, а въ короче — сущность христіанской жизни состоитъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ (с. 1). Истинной вѣрѣ научить Болгаръ посылаемое къ нимъ папою духовенство, которому даны будутъ и книги (106).

Изъ нѣкоторыхъ вопросовъ Болгаръ оказывается, что они не просто предавали себя въ распоряженіе римскаго престола, а хотѣли выхлопотать себѣ самостоятельное церковное устройство: Болгарамъ хотѣлось имѣть своего патріарха. По всей вѣроятности они ранѣе просили объ этомъ Грековъ; но тѣ вѣроятно отказали, основываясь на ученіи о пяти патріархіяхъ. Отъ Рима же они могли надѣяться на полученіе такого іерарха, ибо по римскому воззрѣнію патріархи константинопольскій и іерусалимскій не были настоящими патріархами, и если Римъ однако признаетъ ихъ, то отчего же ему не признать и еще патріарха. Поэтому-то Болгаре и обращаются съ вопросомъ: «сколько настоящихъ патріарховъ?»¹⁾ Папа отвѣчаетъ: «Истинными патріархами должны почитаться епископы, которые преемственно занимаютъ кathedры, основанныя апостолами, таковы: римскій, александрійскій и антиохійскій; константинопольскій и іерусалимскій патріархи хотя и носятъ это имя, однако не имѣютъ такого значенія (auctoritatis), какъ первые три; потому что константинопольскій патріархатъ не основанъ апостолами, о немъ не упоминаетъ

¹⁾ Quot veraciter patriarchae? с. 92.

и важнейший из соборовъ, никейскій, *sed solum quia Constanti-
nopolis nova Roma dicta est; favore principum potius, quam
ratione patriarcha eius pontifex appellatus est.* Точно также и па-
триархъ іерусалимскій носить это званіе по важности города. Болгаре
также спрашиваютъ (въротно слыша отъ Римлянъ опроверженіе
Греговъ, что имъ патриархъ есть второй послѣ римскаго): какой изъ
патриарховъ второй по римскому? ¹⁾ Папа отвѣчаетъ, что по приви-
легию римской церкви, указаніе нинѣшнихъ правъ и по здравому
смыслу (*ipra ratio docet*) — александрійскій. Всѣ эти вопросы Бол-
гаре клонялись къ тому, чтобы узнать, нельзя ли и имъ получить
патриарха. Они спрашиваютъ: *можно ли быть поставленъ у нихъ
патриархъ?* ²⁾ Папа прямо не даетъ отрицательнаго отвѣта, немочно
боясь оттолкнуть отъ себя обратившагося къ нему князя, которому,
какъ видно изъ отвѣтовъ, онъ старался оказать всякое соискходженіе;
такъ и тутъ онъ говоритъ: «На это мы ничего не можемъ отвѣтить
положительно, прежде чѣмъ вернутся назадъ отправленные къ вамъ
дѣланы и доносятъ, какъ васъ много, и какъ велико единодушіе хри-
стіанъ. А теперь пока ищите епископа, и когда христіанство при
судѣствіи благодати Божіей тамъ распространится и будутъ постав-
лены въ отдѣльныхъ церквахъ епископы, тогда долженъ быть вы-
бранъ между ними одинъ, котораго можно будетъ назвать если не
патриархомъ, то архіепископомъ; пусть всѣ обращаются къ нему и
руководствуются его совѣтомъ въ важныхъ дѣлахъ, какъ это тре-
буется правилами». Папа въ этомъ случаѣ разумѣлъ однако патриарха
или архіепископа не такого рода, какого хотѣлъ имѣть Болгарамъ:
на вопросъ ихъ, отъ кого долженъ быть поставленъ патриархъ ³⁾,
папа отвѣчаетъ: «въ томъ мѣстѣ, гдѣ никогда не было патриарха
или архіепископа, онъ долженъ быть поставленъ старшимъ (*a maiori*);
потомъ, въ силу своей власти (*pallii usu*), онъ становится епископомъ,
которые и избираютъ ему преемника. Вы требуете, чтобы поставленъ
былъ патриархъ, архіепископъ или епископъ; всего приличнѣе вамъ
желать, чтобы онъ поставленъ былъ вамъ первосвященникомъ пре-
стола св. Петра, отъ котораго и епископство и апостольство получено

¹⁾ Quis patriarcharum secundus sit a Romano? c. 98.

²⁾ Si liceat in vobis patriarcham ordinari? c. 72.

³⁾ A quo sit patriarcha ordinandus? c. 73.

свое начало. При этомъ слѣдуетъ наблюдать такой порядокъ: предстоятелю апостольскаго престола теперь долженъ быть посвященъ епископъ, который въ томъ случаѣ, если у него будетъ умножаться народъ Христовъ, пусть приметъ отъ насъ привилегіи архіепископства и потомъ пусть онъ посвящаетъ себѣ епископовъ, которые по смерти его выберутъ ему преемника, а вслѣдствіе дальности разстоянія избранный пусть не приходитъ сюда для посвященія, а посвящается соборомъ епископовъ, поставленныхъ умершимъ; но онъ не долженъ занимать кафедры и никого не посвящать, пока не получитъ паллія отъ римскаго престола, какъ обязаны дѣлать архіепископы Галліи, Германіи и другихъ странъ».

Такимъ образомъ папа не только не даетъ Болгарамъ патріарха, но и епископа обѣщаетъ дать только тогда, когда легаты на мѣстѣ узнаютъ о состояніи христіанства; а если современемъ и архіепископъ будетъ, то онъ все-таки останется въ подчиненіи Риму.

Свои отвѣты папа заключаетъ изображеніемъ величія своего престола, безъ участія котораго не могутъ совершаться никакія паяго negotia въ церкви: «Вы покорно умоляете насъ, чтобы мы дали вамъ; какъ другимъ народамъ, истинное и совершенное христіанство, не имѣющее ни пятна, ни морщины, — утверждая, что въ ваше отечество изъ разныхъ странъ пришло много христіанъ, которые произвольно говорятъ много и различно, именно Греки, Армяне и другіе, вслѣдствіе чего вы просите сказать, всемъ ли имъ слѣдовать по различнымъ ихъ ученіямъ, или должно что либо дѣлать иное. Но въ этомъ мы не сами сильны; сила наша отъ Бога. И св. Петръ, который живетъ и предсѣдательствуетъ на своемъ престолѣ, даетъ просящимъ истину вѣры. Да и святая римская церковь всегда была безъ пятна и морщины, вѣчно потому, что ее основалъ тотъ, исповѣданіе вѣры котораго было узаконено Богомъ; для внушенія вамъ благодати Божіею этой христіанской вѣры, хотя таинствъ ея вполне постигнуть никто не можетъ, вотъ мы отправляемъ свои письма, пословъ и различныя книги въ ваше отечество. И доколѣ мы не достигнемъ корней дерева, мы не перестанемъ орошать васъ и пока не доростете до твердой пищи совершенства, мы не перестанемъ поить васъ молокомъ; ибо вы радость моя и вѣнецъ мой въ Господѣ. О тѣхъ же, которые, по вашимъ словамъ, изъ разныхъ мѣстъ пришли къ вамъ и говорятъ различно и противорѣчиво, мы уже много писали вамъ, кромѣ того послы наши и будущій вашъ епископъ подробно научатъ

вась, что должно дѣлать. Но и они, какъ теперь, такъ и послѣ, въ вопросахъ сомнительныхъ и дѣлахъ важныхъ по обычаю должны спрашиваться апостольскаго престола всей церкви».

Съ этими порученіями папа отправилъ двухъ епископовъ, Павла популонскаго и Формоза португенскаго, занявшаго эту касседу по изложеніи Родоальда, бывшаго легатомъ на константинопольскомъ соборѣ 860 года ¹⁾. Папа воспользовался этимъ случаемъ, чтобы привести въ исполненіе давнее свое намѣреніе отправить легатовъ въ Константинополь. Такъ какъ сухой путь въ Константинополь лежалъ черезъ Болгарію, говоритъ Анастасій Библиотекаръ, то папа присоединилъ къ болгарскому посольству Доната, еп. остійскаго, пресвитера Льва и діакона Марина для извѣщенія константинопольской церкви о томъ, что было относительно ея опредѣлено папою и о чемъ онъ уже дважды оповѣщалъ востокъ ²⁾. Съ этими легатами папа отправилъ въ Константинополь цѣлую серію новыхъ писемъ: императору Михаилу, всѣмъ епископамъ и константинопольской церкви, Фотію, патр. Игнатію, прежней императрицѣ Теодорѣ, цезарю Вардѣ, императрицѣ Евдоксіи и нѣкоторымъ изъ сенаторовъ ³⁾. Во всѣхъ этихъ письмахъ папа проводитъ тѣ же мысли, что и прежде: требуетъ Фотія и Игнатія на судъ въ Римъ, не щадитъ бранныхъ словъ для порицанія Фотія, много говоритъ, особенно въ письмахъ къ Вардѣ и императору Михаилу, о незаконности вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви, уподобля дьяволу тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которыя позволяютъ себѣ подобное ⁴⁾.

Всѣ эти папскіе легаты, вмѣстѣ съ послами болгарскаго князя, отправились въ Болгарію въ концѣ ноября 1866 г. ⁵⁾ и прибыли благополучно. Князь принялъ ихъ радушно и оказалъ всякое содѣйствіе ихъ дѣятельности ⁶⁾. Говорятъ, что онъ обнаружилъ чрезвычайную преданность папѣ и римскому духовенству. Анастасій Библиотекаръ рассказываетъ слѣдующее. «Славный царь болгарскій, у-

¹⁾ Anast. Bibl. in Vita P. Nicol. Conc. t. 22, p. 54.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ep. Nic. IX—XVI, Conc. t. 22, p. 147—234.

⁴⁾ Ibid. p. 147.

⁵⁾ Письма помѣчены 13 ноября.

⁶⁾ Anast. Bibl. Vita Nicol. A rege Bulgarorum apostolici missi mente alacri magnaque devotione suscepti, p. 53.

влеченный увещаніями этого благочестиваго отца (папы Николая), началъ пылать такою твердостью вѣры, что прогналъ изъ своего царства всѣхъ инородцевъ, пользуясь проповѣдію однихъ только апостольскихъ пословъ»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Анастасій говоритъ, что князь однажды, схвативъ себя руками за волосы, въ виду всѣхъ присутствовавшихъ передалъ себя римскимъ посламъ, говоря: «пусть знаютъ всѣ бодре и всѣ народы (*sineti populi*) болгарской земли, что отъ сего дня я буду послѣ Бога рабомъ сятаго Петра и его викарія»²⁾. Эти отабы Анастасія о преданности Бориса Риму значительно преувеличены, потому что Борисъ скоро потомъ измѣнилъ свое настроеніе относительно Рима.

Особенную любовь князя приобрѣлъ епископъ Формозъ, такъ что Борисъ вскорѣ пожелалъ имѣть его архіепископомъ и послѣ долго стоялъ за него; это подало поводъ врагамъ заподозрить Формоза въ томъ, что онъ взялъ клятву съ Бориса никого кромѣ его не принимать въ архіепископы³⁾. Поэтому Борисъ вскорѣ отправилъ некое посольство къ папѣ съ просьбою о посвященіи Формоза въ архіепископы и о приемлѣ для Болгаріи священниковъ. Папа очень обрадовался успѣху болгарской миссіи и, выбравъ нѣсколько способныхъ къ проповѣди священниковъ, назначилъ ихъ въ Болгарію⁴⁾. На просьбу Бориса сдѣлать Формоза архіепископомъ Болгаріи папа отвѣчалъ отрицательно, сослался на то, что Формозъ не можетъ оставить вѣрной ому паствы⁵⁾. Но по всей вѣроятности папа опасался, что Формозъ при своемъ честолюбивомъ характерѣ⁶⁾ поддастся на убѣжденіе князя сдѣлаться совершенно самостоятельнымъ архіепи-

1) *Gloriosus rex Bulgarorum fidei tanta coepit flagrare monitis hujus pii patris illectus constantia, ut omnes a suo regno pellens alienigenas, praefatorum apostolicorum solummodo praedicatione usus etc. Vita Nic. p. 55.*

2) *Anast. Bibl. Praef. in Conc. Octav.: omnes primates etcuncti populi Vulgarorum terrae cognoscant ab hodierna die me servum fore post Deum Beati Petri et cujus Vicarii. Conc. t. 28, p. 131.*

3) *Anast. Vit. Nicol. Formosum vita et moribus episcopum sibi dari archiepiscopum expetivit. p. 55.—Papae Ioann. VIII. Ep. 319. Hergenrother, I, 616.*

4) *Non paucos numero coram se probavit presbyteros et quos dignos experit praedicationis gratia in Bulgariam direxit. Ibid.*

5) *Quia ipsum Formosam plebem dimittere sibi creditam non oportebat, ibid.*

6) *Ep. Papae Ioann. VIII № 319. Hergenrother I, 416.*

скопомъ или патріархомъ ¹⁾). Въмѣсто этого папа назначилъ на помощь бывшимъ въ Болгаріи миссіонерамъ епископовъ Доминика и Гриноальда и нѣсколько священниковъ, изъ которыхъ предлагалось Борису выбрать, кого онъ пожелаетъ, для посвященія въ болгарскіе архіепископы ²⁾. Но не успѣли они отправиться еще въ Болгарію, какъ папу Николая постигла смерть (13 ноября 867 г.). Впрочемъ они отправились вскорѣ по вступленіи на папскій престолъ Адріана II (14 декабря 867), который подписалъ своимъ именемъ приготовленныя Николаемъ письма, «ибо» говоритъ его біографъ, «онъ во всемъ подражалъ папѣ Николаю I». До конца 867 года дѣятельность римскаго духовенства такимъ образомъ шла успѣшно. Въ чемъ же она состояла?

Вотъ что рассказываетъ объ этой дѣятельности римскаго духовенства въ Болгаріи Анастасій Библиотекаръ: «Апостольскіе послы начали учить народъ спасительными наставленіями и отъ малаго до большаго омыли всѣхъ при содѣйствіи благодати Божіей священнымъ источникомъ и передали Болгарамъ для исполненія весь чинъ христіанской вѣры, какъ имъ предписано было святѣйшимъ папою» ³⁾.

То-же самое говорятъ приведенныя прежде свидѣтельства латинскихъ лѣтописцевъ. Римскіе епископы освящали храмы и алтари и поставляли къ нимъ священниковъ.

Такимъ образомъ по извѣстію латинскихъ писателей посланные папою епископы учили народъ, крестили какъ дѣтей, такъ и взрос-

¹⁾ *Лавровскій*, Кирилъ и Меѳодій, стр. 115.

²⁾ *Presbyteros in Bulgariam direxit, cum quibus Dominicum Trivensem et Grimoaldum Polimartiensem episcopos destinavit, ut ex his presbyteris ad archiepiscopatum, qui dignus inveniretur, eligeretur et sedi consecrandus apostolicae mitteretur. Anast. ibid.*

³⁾ *Apostolici missi... coeperunt salutaribus edocere populum monitis et a minimo usque ad maximum sacro fonte cum Dei gratia alluerunt, omnemque ritum christianae fidei, sicut a sanctissimo papa instructi fuerant, in consuetudinem Bulgarorum tradiderunt. ibid.* Тотъ же Анастасій въ *Praef. in Conc. VIII* говоритъ: *Qui (Paulus et Formosus) ad principem pervenientes totamque... Vulgarorum patriam peragrantes, terram cordium lingvae vomere praescindendo, et Christum extipatis errorum vepribus in hominum mentem plantando fluctisque sacri baptizmi rigando atque impositione manuum suarum super capita fidelium et Deo dicata templa vel altaria incrementum perfectionis per Sanctum Spiritum invocando. Conc. t. 23, p. 130—131.*

лыхъ, освящали алтари и храмы и опредѣляли къ нимъ священниковъ, вообще утверждали христіанство по обычаю римской церкви. Изъ этихъ извѣстій оказывается, что ранѣе въ Болгаріи какъ будто христіанства вовсе не было. Конечно нужно допустить, что нѣкоторая часть народа оставалась не крещеною; но римское духовенство и съ крещеными обходится почти также, какъ съ язычниками: вмѣстѣ съ языческими суевѣріями оно отвергаетъ и все то, что сдѣлано было ранѣе греческими священниками, оно добывается у князя даже изгнанія всѣхъ не латинскихъ проповѣдниковъ. На какомъ основаніи римское духовенство считало себя въ правѣ отрицать дѣйствительность таинствъ, совершенныхъ греческимъ духовенствомъ? Изъ окружнаго посланія Фотія узнаемъ, что римское духовенство въ Болгаріи считало не дѣйствительнымъ миропомазаніе греческихъ священниковъ, утверждая, что оно должно совершаться непременно епископомъ. Недѣйствительность греческаго миропомазанія, какъ и вообще отрицаніе греческихъ обычаевъ, отличныхъ отъ латинскихъ, они могли основывать на обычаѣ римской церкви; считая Болгарію въ составѣ Иллирика, который прежде признавалъ примать римскаго престола, они отсюда могли заключать, что всѣ требы тамъ должны быть совершаемы латинскимъ духовенствомъ и, слѣдовательно, по латинскому обряду и eo ipso признавали недѣйствительность того, что сдѣлано Греками. По крайней мѣрѣ Гергенрөтеръ такое заключеніе считаетъ послѣдовательнымъ и приводитъ указаніе на существованіе такихъ порядковъ ¹⁾. Греческіе священники, отправленные въ Болгарію, были по всей вѣроятности посвящены Фотіемъ, который руководилъ дѣломъ просвѣщенія Болгаріи, и это могло служить для духовенства, посланнаго папою, причиною отверженія ихъ дѣйствій. Фотій былъ низложенъ папою на соборѣ въ Римѣ еще въ 863 г. Вмѣстѣ съ Формомомъ и Павломъ отправлялись черезъ Болгарію въ Константинополь папскіе легаты съ цѣлымъ кодексомъ писемъ, въ которыхъ заключались провлятія Фотія и въ которыхъ пана называлъ его не патріархомъ, даже и не «*vir prudentissimus*», какъ въ прежнихъ письмахъ, но адресовалъ свое письмо просто «*viro Photio*» ²⁾. По этому папскіе послы въ Болгаріи не только знали, въ какихъ отношеніяхъ находится пана

¹⁾ *Hergenröther*, I, 640, Anm. 1.

²⁾ Ep. P. Nicol. XII.

въ Фотію, но конечно старались поддержать опредѣленія папскія на дѣлѣ. По этой то причинѣ они и отвергали греческое миропомазаніе, совершавшееся миромъ, которое, по обычаю восточной церкви, освящалось патриархомъ. Митрофанъ Смирнскій прямо говоритъ, что легаты римскіе, пришедши въ Болгарію, отвергали миро Фотія, снова миропомазвали князей и подданныхъ болгарской земли ¹⁾).

Кромѣ того, по свидѣтельству Фотія въ окружномъ посланіи, латинское духовенство отвергало греческій обычай поста въ первую недѣлю четьредесятницы, заставляло Болгаръ поститься въ субботу, отвергало женатыхъ священниковъ и наконецъ, учило, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына.

Было ли все это въ свое время извѣстно въ Византіи и какъ тамъ отнеслись къ дѣйствіямъ римскаго духовенства?

Въ Византіи давно знали, какъ настроены противъ Фотія папа; тамъ уже были получены папскія письма 862 и 865 г. съ правилами римскаго собора, низложившаго Фотія; въ этихъ письмахъ еще яснѣе заявлены были притязанія папы на главенство въ церкви и право суда надъ всѣми, будетъ ли это вселенскій соборъ, патриархъ или императоръ. Все это конечно сильно возбуждало Фотія на защиту церкви и онъ хотя ничего пока еще не предпринималъ, но былъ готовъ воспротивиться всякому новому посвятительству папы на восточную церковь.

Мы видѣли, что папа Николай воспользовался болгарскимъ посольствомъ, чтобы отправить въ Константинополь легатовъ съ письмами. Пробывши нѣсколько времени у болгарскаго князя, папскіе легаты: епископъ Донать, дьяконъ Маринъ и священникъ Левъ пошли было въ Константинополь, но на границѣ встрѣтили препятствіе: ихъ остановилъ тамъ императорскій чиновникъ Θεодоръ; сорокъ дней прождали они на границѣ пропуска, но получили отвѣтъ, что императоръ приказалъ не пропускать ихъ, и они вернулись назадъ. По словамъ Анастасія Библиотекаря императоръ приказалъ сказать легатамъ, что они ему не нужны, и дома выразился, что папскіе легаты не увидѣли бы не только его лица, но и Рима, еслибы

¹⁾ "Οτι τοποτηρηταὶ τοῦ πάπα Ῥώμης εἰς Βουλγαρίαν ἀφικόμενοι ἀπεδοκίμασαν τοῦ Φωτίου τὸ μύρον καὶ ἀρχοντας τε καὶ ἀρχομένους τῶν Βουλγάρων ἡγάρας ἐξαιμύροσαν. Ep. Mitroph. ad Manuel Magistr. Conc. Gener. t. 22, p. 646.

они шли не через болгарію ¹⁾. Михаилъ сердился и на болгарскаго князя, зачѣмъ онъ принялъ пословъ ²⁾. Папа Николай въ письмѣ къ Гинкмару говоритъ, что на границѣ отъ легатовъ требовали подписать формулу исповѣданія вѣры (*libellum fidei*), если хотятъ, чтобы ихъ приняли; въ этой формулѣ предавались анасемѣ тѣ обычаи, какіе Греки ставили въ упрекъ Римлянамъ ³⁾. Еще папскіе легаты, назначавшіеся въ Константинополь, не ушли изъ Болгаріи въ Римъ, какъ пришло отъ императора къ Борису письмо ⁴⁾, въ которомъ опровергались притязанія Латинянъ на универсальное значеніе ихъ обычаевъ и указывалось на неправильности въ ихъ ученіи; Латиняне назывались еретиками. Это письмо Борисъ передалъ римскимъ легатамъ, которые, вернувшись въ Римъ, первые принесли туда вѣсть, что борьба между Римомъ и Византією вступила въ новый фазисъ.

Въ это же время, то есть вскорѣ по прибытіи въ Болгарію римскаго духовенства, въ концѣ 866 или въ самомъ началѣ 867 года, патріархъ Фотій разослалъ свое окружное посланіе, въ которомъ, указывая на заблужденія Латинянъ и на незаконность поступковъ римскаго папы, приглашалъ восточныхъ патріарховъ на соборъ въ Константинополь какъ для осужденія этихъ заблужденій, такъ и для низложенія папы Николая. Въ окружномъ посланіи Фотій высказалъ нѣсколько иной, нежели въ письмѣ къ папѣ Николаю, взглядъ на значеніе церковныхъ разностей. Въ письмѣ къ папѣ Николаю онъ говорилъ, что мѣстныя разности могутъ существовать въ церквяхъ, если онѣ не нарушаютъ сущности вѣры; но уже и тогда Фотій высказывалъ эту мысль въ доказательство необязательности римскихъ мѣстныхъ церковныхъ правилъ для церкви константинопольской (по вопросу о поставленіи епископовъ изъ мірянъ). Что же онъ теперь видѣлъ? Онъ видѣлъ, что римская церковь изъявляетъ притязаніе на признаніе своихъ обычаевъ и въ другихъ мѣстахъ, только ихъ считая правильными, а другіе осуждая. Это дѣлалось на основаніи

¹⁾ Anast. Bibl. Vita Nicol.: nisi per Bulgariam missi sedis apostolicae venissent, nec faciem meam nec Romam viderent. Ibid. p. 54.

²⁾ Извѣстно изъ письма папы Николая къ еп. Гинкмару.

³⁾ Nicol. ep. 70, ad Hincmarum.

⁴⁾ Содержаніе извѣстно изъ того же письма къ Гинкмару; подлинное не дошло.

преданія. Но и въ церкви восточной преданіе существовало и по-
 этому преданію свои обычаи естественно казались правильными, ве-
 дущими свое начало отъ древнѣйшихъ временъ. Теперь эти преданія
 отвергались, какъ ложныя. Уже это одно могло возбудить протестъ.
 Но въ добавокъ къ этому Латиняне допустили и догматическую
 разность, которая по глубокому убѣжденію восточной церкви имѣла
 первостепенное значеніе и не могла иначе разсматриваться какъ ересь.
 На окончаніе дѣла миромъ не было надежды и потому, что папа
 прямо заявилъ въ Константинополь, что онъ не можетъ быть свя-
 занъ никакимъ авторитетомъ, хотя бы это былъ вселенскій соборъ.
 Поэтому неудивительно, что Фотій не видѣлъ иного исхода изъ этого
 спора, какъ изложеніе папы съ участіемъ восточныхъ патріарховъ,
 безъ котораго, по обычаю восточной церкви, не могло состояться
 изложеніе патріарха.

Соборъ этотъ состоялся лѣтомъ 867 года съ участіемъ уполномо-
 ченныхъ отъ трехъ восточныхъ патріарховъ; на немъ были осуждены
 заблужденія Латинянъ и изложено папа Николай ¹⁾).

Но вскорѣ оба противника сошли со сцены: одинъ умеръ, другой
 былъ удаленъ съ своего мѣста правительствомъ и соборомъ. Въ ночь
 на 23-е сентября 867 года насильственной смертью умеръ Ми-
 хайлъ III. Мѣсто его занялъ бывший соимператоръ Михаила и ви-
 новный въ смерти послѣдняго, Василій Македонянинъ. Новый импе-
 раторъ «по любви къ правдѣ», какъ объясняетъ ввукъ его и био-
 графъ, Константинъ Порфирородный, рѣшилъ возвратитъ патріаршій
 престолъ Игнатію и удалитъ Фотія. Но конечно не это руководило
 Василіемъ: онъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ опереться на враждеб-
 ную прежнему правительству и вмѣстѣ Фотію партію для упроченія
 своего престола, хотя и нѣтъ основаній думать, чтобы онъ вполнѣ
 раздѣлялъ мнѣнія послѣдней: какъ прежде онъ всегда стоялъ на
 сторонѣ императора и Фотія, такъ и впоследствии политика его не
 стояла въ сильномъ противорѣчій съ политикою Варды и Михаила III,
 такъ что онъ нашелъ возможнымъ и нужнымъ приблизитъ къ себѣ
 Фотія и по смерти Игнатія возвратитъ ему патріаршій престолъ.

¹⁾ *Neugewöhner*, I, 648 и слѣд.

23 ноября 867 г. Игнатій былъ восстановленъ ¹⁾. Примкнувши къ его партіи, Василій иначе долженъ былъ отнестись и къ Риму; и дѣйствительно: Василій ищетъ авторитета въ Римѣ для подтвержденія перемѣнъ, произведенныхъ въ константинопольской церкви, такъ что Анастасій Библиотекарь говоритъ, что и сверженіе Фотія и восстановление Игнатія произошло *secundum Romanae ecclesiae constitutum* ²⁾. Выбравъ представителей обѣихъ партій, Василій отправилъ вмѣстѣ со своимъ посломъ въ Римъ съ своимъ письмомъ, равно какъ и съ письмомъ патріарха Игнатія и съ актами Фотіева собора 867 года, проса разобрать Фотіевы бумаги и выслушать обѣ партіи ³⁾. Письма и посольство отправлены были къ папѣ Николаю, но уже не застали его въ живыхъ: папа Николай умеръ 13 ноября 867 года, среди обширныхъ приготовленій къ опроверженію обвиненій, возведенныхъ на западную церковь Фотіемъ. 14 декабря того же года мѣсто его занялъ папа Адрианъ II. Онъ не имѣлъ такого ума и твердаго характера, какъ папа Николай, но онъ рѣшился слѣдовать во всемъ политикѣ послѣдняго. Узнавъ еще до прихода пословъ изъ Константинополя о случившемся тамъ переворотѣ, онъ поспѣшилъ отправить привѣтственные посланія Игнатію и Василію, обѣщая во всемъ слѣдовать декретамъ папы Николая ⁴⁾. Эти письма отправлены отъ 1 августа 868 года. Папа принялъ византийское посольство съ радостью, но обстоятельства не позволяли ему скоро заняться этимъ дѣломъ ⁵⁾, только въ іюль 869 г. состоялся въ Римѣ соборъ, на которомъ были сожжены акты Фотіева собора. Въ томъ же году папскіе легаты, остійскій епископъ Донатъ и діакопъ Маринъ, отправились въ Константинополь съ новыми письмами Адриана ⁶⁾, въ

¹⁾ *Hergenröther*, II, 20.

²⁾ *Vita Hadr. Conc. t. 23 p. 7.*

³⁾ *Vita Hadr. ibid. p. 8, 9.* Депутаты изъ Фотіевой партіи погибли при кораблекрушеніи.—Письма Василія и Игнатія приводятся въ изданіяхъ вмѣстѣ съ письмами Адриана; въ нихъ нѣтъ недостатка въ униженныхъ выраженіяхъ передъ папою. Письмо Василія помѣщено въ дѣяніяхъ VIII соб. въ 3-мъ актѣ, *Conc. t. 23, p. 105—107, Игнатія—ibid. 187—191.*

⁴⁾ *Epistol. Hadr. ad imp. Basil. Conc. t. 23 p. 300—301; ad patr. Ignat. ibid. 302—304.*

⁵⁾ *Vita Hadr. ibid. p. 11—12; Hergenröther*, II, 32 и слѣд.

⁶⁾ *Vita Hadr. ibid.* Письмо къ Василію *Conc. t. 23, p. 145—153; къ Игнатію ibid. 191—196, отъ 10 іюня 869.*

которыхъ онъ предлагалъ созвать «многочисленный соборъ», подъ предѣдательствомъ римскихъ пословъ для сужденія о фотіанскомъ духовенствѣ, сожженія актовъ Фотіева собора и подписанія декреталій римскаго собора ¹⁾. Василиій исполнилъ это предложеніе, потому что дѣйствительно для византійской церкви вопросъ, какъ поступить съ посвященными Фотіемъ духовными, при малочисленности игнатіанской партіи, былъ весьма важенъ. Но многочисленнымъ соборъ не оказался: первое засѣданіе, въ сентябрѣ 869 г., открыто было всего съ 12 епископами, только на послѣднихъ засѣданіяхъ присутствовало до 100 ²⁾. Подлинныхъ актовъ этого собора не сохранилось; они извѣстны въ переводѣ Анастасія Библіотекаря, въ то время посла Людовика II въ Константинополь; онъ самъ присутствовалъ на соборѣ въ качествѣ переводчика. Изъ этихъ актовъ оказывается, что всѣмъ дѣломъ на соборѣ заправляли папскіе легаты. Но уже и тутъ было замѣтно, что Василиій не искренно предался Риму, что особенно обнаружилось въ заключительномъ экстренномъ засѣданіи для переговоровъ о юрисдикціи въ Болгаріи; тутъ даже игнатіане оказались непослѣдовательными защитниками римскаго первенства и правъ св. апостола Петра.

Какимъ же образомъ былъ возбужденъ вопросъ о юрисдикціи въ Болгаріи?

Мы видѣли, что Борисъ посылалъ къ папѣ Николаю посольство съ просьбою о поставленіи въ болгарскіе архіепископы Формоза португенскаго. Папа Николай отказалъ, предлагая выбрать въ епископы кого либо изъ посылаемыхъ къ нему священниковъ. Назначенные при Николаѣ и отправившіеся при Адрианѣ папскіе легаты Доминикъ и Гримоальдъ съ нѣсколькими священниками пришли въ Болгарію на смѣну Формозу и Павлу, которые и возвратились въ Римъ вѣроятно уже въ 868 году ³⁾. Вмѣстѣ съ ними пришелъ къ папѣ опять посоль отъ Бориса, тотъ же дипломатъ его, бояринъ Петръ, съ письмами отъ князя, въ которыхъ онъ просилъ отпустить въ Болгарію въ архіепископы діакона Марина или кого либо изъ кардина-

¹⁾ Ep. ad imp. Basil. ibid.

²⁾ Hergenröther, II, 127.

³⁾ Vita Hadr. p. 20.

ловъ ¹⁾). Маринъ былъ хорошо извѣстенъ въ Болгаріи, такъ какъ онъ долго тамъ оставался во время своего неудачнаго посольства отъ папы Николая въ Византію въ концѣ 866 года. Но Адрианъ не удовлетворилъ и этой просьбѣ князя, можетъ быть по тѣмъ же побужденіямъ, но какимъ Николай не отпустилъ Формоза. Адрианъ назначилъ Марина посломъ въ Константинополь, а въ Болгарію отправилъ для избранія въ епископы «нѣкоего Сильвестра». Но это конечно не могло удовлетворить Михаила: онъ тотчасъ же отправилъ его назадъ, вмѣстѣ съ приходившимъ съ нимъ епископомъ анконскимъ Леонардомъ и присланнымъ прежде Доминикомъ, еп. тривентскимъ, присоединивъ опять своего посла съ письмомъ и просьбою назначить ему кого нибудь въ архіепископы, а если ужъ въ епископы, то непременно Формоза португунскаго. Папа отвѣчалъ, что онъ готовъ поставить въ архіепископы того, кого пожелаетъ князь ²⁾). Такимъ образомъ папа всегда отказывалъ князю въ его просьбахъ: когда князь указывалъ на лицо, папа отвѣчалъ: нельзя, а когда князь обще просилъ, то папа предлагалъ сдѣлать выборъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ его отвергнуть; и въ данномъ случаѣ: князь просилъ Формоза въ епископы, папа отказываетъ, но предлагаетъ кого угодно выбрать въ архіепископы. Но Борисъ ужъ болѣе не хотѣлъ выбирать. Направленіе его измѣнилось, онъ опять обратился въ Византію.

Что заставило Бориса возвратиться къ своей первоначальной политикѣ? Ранѣе мы видѣли, что обращеніе его къ Риму могло зависть, во первыхъ, отъ желанія пріобрѣсти себѣ церковное устройство независимо отъ Византіи, чтобы устранить ея политическое вліяніе, котораго онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться, что противъ него подымалось возстаніе; Людовикъ Нѣмецкій искалъ тогда союза съ Болгарами, и Борисъ могъ ожидать отъ этого союза болѣе для себя выгодъ при церковномъ сближеніи съ западомъ. Вотъ вторыхъ, могъ его занимать тогда и вопросъ собственно церковный: онъ естественно могъ желать, чтобы получить христіанское устройство отъ такой церкви, которая исповѣдуетъ вѣру *sine macula et ruga*: тогдашнія обстоятельства клонили его къ Риму. И подъ впечатлѣніемъ палскихъ отвѣтовъ, пріема, какой оказанъ былъ его посламъ въ Римѣ,

¹⁾ Vita Hadr. ibid. p. 20.

²⁾ Ibid.

а также подъ влияніемъ умныхъ римскихъ миссіонеровъ онъ съ до-
вѣріемъ отнесся къ римскому духовенству и удалилъ Грековъ. Но
когда онъ сталъ осуществлять свои планы относительно приобретѣ-
нія самостоятельнаго архіепископа, ему пришлось разочароваться.
Между тѣмъ со стороны Византіи принимались свои мѣры къ воз-
вращенію правъ своей церкви. Вскорѣ послѣ прихода латинскаго
духовенства въ Болгарію отъ имени царей Михаила и Василія от-
правлено было Борису письмо ¹⁾, въ которомъ указывались непра-
вильности въ ученіи Латинякъ и главнымъ образомъ оспоривалось
главенство папы въ церкви ²⁾. Вѣроятно произвело сильное впе-
чатлѣніе и окружное посланіе Фотія виѣстѣ съ Фотіевымъ соборомъ
867 года. Но правительство византійское принимало и другія мѣры.
Анастасій Библиотекаръ въ предисловіи къ VIII вселенскому со-
бору говоритъ, что Греки придумывали всякія мѣры (*ingenia*) для
отвращенія болгарскаго князя отъ апостольскаго престола, посылали
дары за дарами (*сгеβεγгίση*), «представляя ему софистическіе аргу-
менты» письменно и прямыми переговорами черезъ пословъ ³⁾. За-
тѣмъ и политическія обстоятельства измѣнились: въ Византіи былъ
императоромъ энергическій человѣкъ, что могло заставить князя
серьезнѣе подумать объ отношеніяхъ къ нему, тѣмъ болѣе, что на
западѣ онъ теперь не только не могъ ожидать выгоды, не могъ
даже встрѣтить опасность: Людовику удалось сломить силу морав-
скаго князя, въ союзѣ и помощи Болгаръ онъ теперь не нуждался
и готовъ былъ наблюдать свои выгоды. Когда Борисъ рѣшился
пригласить для устройства болгарской церкви западное духовен-
ство, онъ обращался съ этою просьбою и къ Людовику, который и

¹⁾ Содержаніе его извѣстно изъ письма папы Николая къ Гинкмару. Ер. 70
Migne, t. 119, p. 1155.

²⁾ *Hergensöther*, I, 655—657.

³⁾ Anast. Praef. in Conc. Oct. t. 28, p. 181. Слова Константина Порфиророж-
наго можно отчасти относить и къ этому времени: ὡσαύτως δὲ καὶ περὶ τὸ Βουλ-
γάρων γένος εὐρίσκειται (Имп. Василій) διαγεγονώς. Τὸ γὰρ τοιοῦτον ἔθνος,
εἰ καὶ πρὸ τούτου τὴν πρὸς εὐσεβείαν μεταβολὴν εἰσδέξασθαι ἔδοξε καὶ πρὸς τὸν
χριστιανισμὸν μεταλθεῖν, ἀλλ' ὅμως ἀπαγές ἦν ἐτι πρὸς τὸ καλὸν καὶ ἀνιδρωτὸν ὡς
ὅπὸ ἀνέμου φύλλα ῥαδίως σαλευόμενον καὶ μετακινούμενον. Ἀλλὰ ταῖς τοῦ βασι-
λέως συγκατὰ παραίνεσσι καὶ ταῖς λαμπραῖς δεξιώσεσιν, ἐτι δὲ καὶ ταῖς μεγαλο-
φύχοις φιλοτιμίαις τε καὶ ἡμεραῖς ἀρχιεπισκοπῶν τε πεῖθεισθαὶ καταδέξασθαι. н т. д.
Theoph. Cont. Bon. 342.

послалъ ему подь руководствомъ еп. Эрменриха духовныхъ лицъ, книги и церковную утварь, которою помогъ ему братъ Карлъ. Но пришедши въ Болгарію, они уже застали тамъ папское духовенство и хотя хорошо приняты были Борисомъ, однако сочли за лучшее уйти назадъ ¹⁾. Такимъ образомъ христіанство не привело къ тѣсному сближенію между Болгарами и Франками. Можно допустить также и то, что теперь на Бориса снова стала оказывать свое дѣйствіе та партія въ Болгаріи, которая желала или по крайней мѣрѣ не боялась сближенія съ Греками. Все это могло Бориса побуждать къ перерѣшенію вопроса о томъ, кому должна Болгарія подчиниться въ церковномъ отношеніи: Риму или Византіи, и его стремленія клонились уже къ послѣдней, такъ что вопросъ этотъ предрѣшался. И вотъ, по всей вѣроятности по совѣту Грековъ, онъ отправляетъ пословъ на Константинопольскій соборъ 869—70 года за разрѣшеніемъ занимавшаго его вопроса.

Только что вернувшійся изъ Рима бояринъ Петръ, вмѣстѣ съ другими послами, прибылъ въ Константинополь и съ радостью былъ принятъ Васильемъ. Болгарскіе послы пришли къ концу собора и были допущены присутствовать при 10-мъ засѣданіи его, 28 февраля 870 года, причемъ ихъ посадили рядомъ съ послами Людовика Нѣмецкаго ²⁾. Спустя три дня по окончаніи работы надъ актами въ церкви св. Софіи, императоръ пригласилъ римскихъ легатовъ, апокрисиаріевъ восточныхъ патріарховъ, патріарха Игнатія съ нѣкоторыми изъ епископовъ и болгарскихъ пословъ во дворецъ для разрѣшенія вопроса, предложеннаго болгарскими послами. Протоколъ этого засѣданія приводитъ Анастасій Библіотекаръ въ жизни папы Адріана. Чтобы видѣть, въ чемъ состояли требованія болгарскихъ пословъ и аргументація римскихъ легатовъ и восточныхъ мѣстоблюстителей, я приведу переводъ этого протокола ³⁾.

«Послѣ привѣтствія, Петръ, болгарскій посолъ, начинаетъ такъ: Господинъ нашъ Михайлъ, прежде Борисъ, услышавъ, что вы по рас-

¹⁾ Annal. Fuld. и Bertin., см. въ приложеніи.

²⁾ Anst. Bibl. Graef. in Conc. VIII. I. c. p. 131. Любопытныя имена болгарскихъ пословъ приведены въ X act. Conc. VIII.

³⁾ Обстоятельства, предшествовавшія засѣданію, и засѣданіе описаны Анастасіемъ въ Предисловіи къ VIII собору, Conc. t. 28, p. 129—34.

пораженію апостольскаго престола съ разныхъ сторонъ собрались здѣсь на пользу св. церкви Божіей, принявъ это съ радостью, а васъ, пословъ апостольскаго престола, благодарить за то, что при своемъ переходѣ (черезъ Болгарію) вы удостоили его привѣтствія своими письмами.

«Послы св. Римской церкви отвѣчали: мы, признавая васъ за сыновъ св. Римской церкви, не должны были и не хотѣли пройти мимо васъ безъ привѣтствія, — васъ, которыхъ святой апостольскій престолъ обнимаетъ какъ собственные члены.

«Болгарскіе послы сказали: мы доселѣ были язычниками и недавно приступили къ благодати христіанства, и потому, чтобы не оказалось съ нашей стороны ошибки, мы желаемъ узнать отъ васъ, мѣсто блюстителей (*qui vices geritis*) восточныхъ патріарховъ, какой церкви мы должны подчиниться (*cui ecclesiae subdi debemus*).

«Послы св. Римской церкви отвѣчали: чрезъ тебя, Петръ, твой господинъ поручилъ себя со всѣмъ своимъ народомъ святой Римской церкви и св. князю апостоловъ Петру; отъ преемника его, т. е. отъ славнаго папы Николая, онъ удостоился воспринять и правила жизни и епископовъ съ священниками; что къ ней принадлежали вы и должны принадлежать, вы доказали еще и тѣмъ, что испрошенныхъ у насъ священниковъ вы приняли и удерживаете ихъ при себѣ до сихъ поръ въ должномъ почетѣ.

«Болгарскіе послы отвѣчали: мы признаемъ, что отъ св. Римской церкви просили священниковъ, получили и до сихъ поръ удерживаемъ ихъ и считаемъ нужнымъ во всемъ имъ повиноваться; но вы рѣшите вмѣстѣ съ этими викаріями патріарховъ: Римской ли церкви мы разумнѣе должны подчиниться или Константинопольской?

«Послы св. Римской церкви отвѣчали: при помощи Божіей мы окончили то, о чемъ св. апостольскій престолъ поручилъ намъ разсуждать съ восточными. О вашемъ же дѣлѣ не иное должно постановить рѣшеніе, какое уже постановлено; такъ какъ мы ничего не находимъ въ своихъ инструкціяхъ относительно этого дѣла, то мы ничего и не рѣшаемъ и не думаемъ, чтобы оно должно было рѣшиться въ ущербъ св. Римской церкви. Тѣмъ не менѣе, на сколько для насъ возможно, мы объявляемъ рѣшительнымъ мнѣніемъ, что, такъ какъ все ваше отечество всюду наполнено нашими священниками, то вы должны и относиться не къ иной какой либо церкви, а къ Римской.

«Викаріи восточныхъ патріарховъ сказали Болгарамъ: скажите, какой власти подчинено было ваше отечество, когда вы его завоевали, и римскихъ или греческихъ священниковъ вы нашли тамъ при завоеваніи?»

«Болгарскіе послы сказали: мы оружіемъ завоевали это отечество отъ власти Грековъ и нашли въ немъ не латинскихъ, а греческихъ священниковъ.

«Викаріи восточныхъ отвѣтили: если вы нашли греческихъ священниковъ, то ясно, что земля эта зависѣла отъ Константинопольской митрополіи.

«Дегаты св. Римской церкви отвѣчали: вы не должны брать въ доказательство греческихъ священниковъ, потому что различіе языковъ не разрушаетъ церковнаго порядка. Такъ, апостольскій престолъ, будучи самъ латинскимъ, поставляетъ однако во многихъ мѣстахъ, смотря по мѣстному языку (*pro ratione regiae*), греческихъ священниковъ, какъ прежде, такъ и теперь, и въ данномъ случаѣ онъ не долженъ конечно терпѣть ущерба своимъ привиллегіямъ.

«Викаріи восточныхъ сказали: хотя вы и доказываете, что имѣли право на поставленіе греческихъ священниковъ, однако нельзя будетъ отрицать, что страна эта относилась къ царству греческому.

«Послы св. Римской церкви отвѣчали: какъ мы не говоримъ лжи, утверждая, что церковное управленіе (*ordinatio*), Болгарію по различнымъ основаніямъ (съ разныхъ сторонъ) принадлежитъ намъ, такъ точно мы не отрицаемъ разумѣется, что Болгарія принадлежала нѣкогда греческому царству. Но вамъ слѣдуетъ взять во вниманіе то, что одно устанавливаетъ права каедръ (*sedium*) другое сообщаетъ раздѣленія царствъ. У насъ дѣло идетъ не о раздѣленія царствъ, а мы говоримъ о правѣ каедръ.

«Викаріи восточныхъ патріарховъ сказали: мы желаемъ узнать, на какихъ это различныхъ основаніяхъ Болгарія относится къ вамъ.

«Послы св. Р. ц. отвѣчали: Апостольскій престолъ, какъ вы могли бы узнать изъ декреталій святѣйшихъ римскихъ первосвященниковъ, издревле законно (*санописе*) управлялъ и владѣлъ тѣмъ и другимъ Эпиромъ, т. е. Древнимъ и Новымъ, всею Фессалією, Дарданією, въ которой и теперь показывается городъ Дарданія, каковая область теперь отъ этихъ Болгаръ называется Болгарією. И вслѣд-

ствіе этого, управление, потерянное тогда по причинѣ вторженія языческихъ Болгаръ, онъ (апостольскій престолъ) не отнялъ, какъ полагаютъ, отъ Константинопольской церкви, но только возвратилъ свое отъ (Болгаръ) сдѣлавшихся христианами. Вовторныхъ, такъ какъ Болгаре, подчинившіе себѣ по праву международному (*jure gentium*) страну и вотъ уже столько лѣтъ владѣющіе тѣмъ, что захватили, поручили себя, какъ мы сказали прежде, спеціально покровительству и управленію апостольскаго престола, то по справедливости они должны подчиняться намъ, которыхъ они сами добровольно избрали своими учителями. Въ-третьихъ, святой апостольскій престолъ, по распоряженію святѣйшаго папы Николая, какъ чрезъ нѣкоторыхъ изъ насъ здѣсь находящихся, посвятившихъ тамъ много церквей и поставившихъ многихъ священниковъ, такъ и чрезъ почтеннѣйшихъ епископовъ Павла, Доминика, Леонарда и Формоза, равно какъ и нашего епископа Гримоальда, который, по собственному сознанію находящихся здѣсь Болгаръ, остается и теперь у нихъ со многими священниками, приводя съ великимъ трудомъ, при руководствѣ благодати Божіей, отъ различныхъ заблужденій въ мѣтинѣ католической вѣры, — этихъ самыхъ Болгаръ вотъ уже больше трехъ лѣтъ удерживалъ, удерживаетъ, управляетъ и располагаетъ; поэтому непослѣдовательно, чтобы безъ согласія верховнаго первосвященника церквей римская была обнажена отъ тѣхъ, которыми теперь оказывается облеченною.

«Викаріи восточныхъ патріарховъ сказали: на основаніи, котораго же изъ этихъ правъ вы хотите владѣть Болгаріей?»

«Послы съ Р. ц. отвѣчали: св. апостольскій престолъ не избралъ и чрезъ насъ не избираетъ насъ, которые конечно ниже, судьями о его дѣлахъ, равно какъ только онъ одинъ имѣетъ спеціальное право суда надъ всею церковью. Поэтому, не имѣя отъ него полномочій на это дѣло, мы оставляемъ его до суда его вѣдѣнія (*cognitionis*), которое изъ множества книгъ можетъ привести многое въ свою защиту; онъ также легко можетъ обойти ваше мнѣніе, какъ оно легко вами высказывается.

«Викаріи восточныхъ патріарховъ сказали: довольно неприлично, порицая греческую имперію и прилѣпляясь къ союзу съ Франками, сохранять права управления въ царствѣ нашего государя. Поэтому мы постановляемъ, чтобы отечество болгарское, бывши какъ извѣстно

во власти Грековъ, имѣвши греческихъ священниковъ, вслѣдствіе введенія христіанства, возвращено было св. константинопольской церкви, отъ которой отошло благодаря язычеству.

«Послы св. Р. ц. громко сказали: рѣшеніе, которое вы, неизбранные и неуполномоченные и непризванные, или вслѣдствіе лести и вслѣдствіе угрозы, скорѣе выбросили, чѣмъ произнесли, властію (auctoritate) Св. Духа мы совершенно уничтожаемъ — до опредѣленія св. апостольскаго престола, такъ что оно не заслуживаетъ даже имени рѣшенія. Тебя же, патриархъ Игнатій, заклинаемъ властію св. первоверховныхъ апостоловъ предъ Богомъ и его ангелами и призываемъ во свидѣтельство всѣхъ присутствующихъ, чтобы, согласно съ этимъ письмомъ святѣйшаго возстановителя твоего, господина Адриана, верховнаго первосвященника, которое мы тебѣ вручаемъ, ты своимъ тщаніемъ сохранилъ себя непричастнымъ никакому управленію въ Болгаріи, не посылая туда епископовъ своихъ, чтобы св. апостольскій престолъ, который возвратилъ тебѣ твое, не оказался чрезъ тебя погубившимъ свое; а лучше, если у тебя найдется какая либо справедливая жалоба, чему мы однако не вѣримъ, своевременно принеси ее своей возстановительницѣ, св. Римской церкви.

«Тогда патриархъ Игнатій, принимая апостольское письмо, но отказавшись, не смотря на увѣщанія, прочитавъ его, отвѣтилъ: я далекъ отъ того, чтобы вязываться въ посягательства на достоинства св. апостольскаго престола; но я не такъ молодъ, чтобы позволить, что либо отнять у себя, и не такъ старчески-неразсудителенъ (deligo), чтобы дѣлать самому то, что обязанъ порицать въ другихъ». Этимъ закончены были пренія.

Такимъ образомъ оказывается, что Игнатій и вся конечно его партія въ вопросѣ о юрисдикціи въ Болгаріи примкнула къ политикѣ правительства и партіи Фотія: всѣ они единодушно отстаивали принципъ зависимости распредѣленія церковныхъ областей отъ гражданскаго дѣленія. Результатомъ этого рѣшенія ея было то, что Болгаре приняли греческое духовенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ они получили и архіепископа. Въ томъ же 870 г. Игнатій посвятилъ для Болгаріи архіепископа Іосифа ¹⁾ и отправилъ низшее духовенство.

¹⁾ Имя перваго болгарскаго архіепископа извѣстно изъ одной болгарской записки. *Голубинскій*, примѣч. 65.

Съ приходомъ греческаго духовенства рѣшена была судьба латинской миссіи въ Болгаріи; латинское духовенство должно было удалиться, — ему заявили, что таково рѣшеніе вселенскаго собора. Этотъ аргументъ приводилъ и начальникъ латинской миссіи въ Болгаріи Гримоальдъ, вернувшись въ Римъ съ большими богатствами; но его заподозрили въ подкупъ ¹⁾). Борисъ отправилъ палъ письмо, въ которомъ удаленіе римскаго духовенства объяснялъ рѣшеніемъ того же собора.

Такимъ образомъ настойчивость болгарскаго князя привела къ счастливымъ для него результатамъ; онъ получилъ архіепископа и епископовъ, слѣдовательно возможность самостоятельной церковной жизни. Фактъ этотъ уже въ то время имѣлъ большое значеніе: въ спорѣ римской церкви съ константинопольскою онъ послужилъ новымъ поводомъ къ обнаруженію ихъ направленія и цѣлей. Но главное, мировое значеніе его состоитъ въ томъ, что благодаря ему оказалось возможнымъ быстрое развитіе славянскаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, останься Борисъ долѣе, если не на всегда, вѣрнымъ сыномъ римской церкви, — кто знаетъ, что великое дѣло Кирилла и Меѳодія нашло бы благопріятную среду для своего развитія. Удаленіе греко-славянскаго духовенства изъ Моравіи и Панноніи едва ли бы могло имѣть тѣ же послѣдствія, едва ли былъ бы оказанъ ему тотъ же приемъ въ Болгаріи, какой оно нашло у Бориса, государя, имѣвшаго теперь свою автокефальную церковь. Ни отъ папы Николая ни отъ папы Адріана Борисъ не встрѣтилъ уступчивости; едва ли оказалъ бы ее и Іоаннъ III: вѣдь онъ потому и сдѣлалъ нѣкоторыя уступки въ Панноніи и Моравіи, что потеряна была Болгарія.

Результатами константинопольскаго собора 869 года по болгарскому вопросу папа Адріанъ не могъ конечно остаться довольнымъ. Въ своихъ письмахъ къ императору Василю и патриарху Игнатію онъ выражалъ свое негодованіе на то, что одинъ изъ нихъ позволялъ, а другой рѣшился отправить греческое духовенство въ Болгарію, требовалъ возвращенія этой области подъ угрозою отлученія ²⁾. Сно-

¹⁾ Anast. Biblioth. V. Hadr., Conc. t. 23, p. 21.

²⁾ Mansi, Concilior. collect. amplissima., t. p. 206 и 214; Jaffé, Regesta, №№ 2236 и 2237.

сился ли Адрианъ съ Болгарами послѣ этого собора, неизвѣстно; писемъ папы Адриана къ Болгарамъ не сохранилось.

Въ 872 году вступилъ на папскій престолъ Іоаннъ VIII. Занятый въ первые годы своего управленія римскою церковью домашними дѣлами, по причинѣ нападеній Арабовъ и внутреннихъ возмущеній ¹⁾, только въ 878 году папа Іоаннъ отправилъ посольство въ Византію и Болгарію, вручивъ ему нѣсколько писемъ. Въ письмѣ къ императору Василию папа проситъ охраны для пословъ, отправляемыхъ въ Болгарію, умалчивая однако о причинѣ этого посольства. Въ суровомъ письмѣ къ патриарху Игнатію, которое оказывается уже третьимъ отъ этого папы (первые два не сохранились), онъ требуетъ возвращенія Болгаріи и отозванія оттуда греческаго духовенства. Въ особомъ письмѣ къ находившемуся въ Болгаріи греческому духовенству папа приказываетъ въ теченіе тридцати дней оставить эту страну. Изъ письма папы къ Болгарскому князю Михаилу узнаемъ, что послѣдній не совсѣмъ прекратилъ сношенія съ Римомъ: не задолго передъ тѣмъ онъ отправилъ съ монахомъ Урсомъ дары папѣ, за которые послѣдній и выражаетъ свою благодарность. Въ своемъ письмѣ папа старается уговорить болгарскаго князя возвратиться въ лоно римской церкви и прекратить связи съ Греками, которые, по словамъ папы, всегда утопали въ ересь. Эту же цѣль имѣютъ письма папы къ извѣстному боярину Петру и другому вельможѣ, имени котораго не сохранилось ²⁾.

По смерти патриарха Игнатія на константинопольскій патриаршій престолъ снова былъ возведенъ Фотій. Въ 879 г. состоялся для его утвержденія соборъ, на которомъ присутствовали и папскіе легаты, принесшіе отъ папы новыя письма. По отношенію къ Фотію папа Іоаннъ VIII совершенно измѣнилъ прежнюю папскую политику и согласился на его возстановленіе; одною изъ главныхъ причинъ такого отношенія къ Фотію была надежда на возвращеніе Болгаріи, на которое онъ и настаиваетъ въ своихъ письмахъ къ императору Василию, патриарху Фотію и присутствовавшимъ на соборѣ восточнымъ епископамъ ³⁾. Въ засѣданіяхъ собора легаты не разъ поднима-

¹⁾ *Hergenröther*, II, 298—299.

²⁾ *Epist. papae Ioannis VIII*, ed. *Migne*, t. 126, p. 758 и сл. №№ 108—113.

³⁾ *Jaffe*, №№ 2491, 2493, 2496; *Hergenröther*, II, 379—388.

ли вопросъ о юрисдикціи въ Болгаріи, но всегда получали отвѣты въ родѣ тѣхъ, какіе римскіе легаты слышали на соборѣ 869 года ¹⁾. Планы папы Іоанна VIII потерпѣли полную неудачу въ Константинополѣ: въ Болгаріи также не думали о прекращеніи связи съ Греками и подчиненіи Риму. Іоаннъ VIII въ 879 году писалъ также и въ Болгарію. Изъ одного письма къ Борису видно, что послѣдній снова отправлялъ посольство къ папѣ съ подарками ²⁾, но очевидно не обнаруживалъ склонности возвратиться къ зависимости отъ Рима, такъ какъ папа въ своихъ письмахъ снова настаиваетъ на этомъ. Въ отвѣтъ на такія частныя и настойчивыя увѣщанія папы Болгарскій князь обѣщавалъ опять отправить посольство, но на этотъ разъ не исполнилъ и этого, такъ какъ въ письмѣ отъ 880 года папа жалуется на то, что князь не прислалъ обѣщаннаго посольства ³⁾. Этимъ кончаются наши свѣдѣнія о сношеніяхъ Бориса съ Римомъ.

¹⁾ *Hergenröther*, II, 476, 477, 498.

²⁾ Per Functionum eximium fidelem vestrum visitare missisque donisque honorare curasti. *Migne*, t. 126, ep. CCXXXVI, p. 848.

³⁾ Miramur, quod tanto tempore transacto missos ad sanctam Romanam Ecclesiam matrem vestram non transmisistis. Ep. CCVIII, *Migne*, *ibid.* p. 919.

III

ПРИЛОЖЕНІЯ.

III.

ИЗВѢСТІЯ О КРЕЩЕНІИ БОЛГАРЪ.

I. ИЗВѢСТІЯ ЛАТИНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

1. Отвѣтъ папы Николая I послу Людовика Нѣмецкаго въ маѣ 864 года.

Quia vero dicis, quod christianissimus rex (Hludovicus) speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti et jam multi ex ipsis christiani facti sint, gratias agimus Deo, quem precamur, ut abundare faciat incrementa frugum in horreo suo. Jejunium vero pro eis et orationes, sicut per te hortatur, Deo propitio faciemus.

(А) такъ какъ ты говоришь, что христіаннѣйшій король надѣется, что самъ князь Болгаръ хочетъ обратиться къ вѣрѣ, и уже многие изъ нихъ сдѣлались христіанами, то мы благодаримъ Бога и молимся ему, чтобы онъ увеличивалъ прибитокъ въ своей житницѣ. Мы конечно учредимъ постъ и молебны за нихъ милостивому Богу, какъ онъ (король) проситъ черезъ тебя.

2. Гинемаръ Реймскій, въ Бертинской летописи.

a) Ad a. 864.

Hludovicus, rex Germaniae, hostiliter obviam Bulgarorum sagano... nomine, qui christianum fieri velle promiserat, pergit; inde ad componendam Vinidorum marcam, si se prosperari viderit, perrecturus.

Людовикъ, король нѣмецкій, идетъ походомъ ¹⁾ на встрѣчу болгарскому кагану, обѣщавшему сдѣлаться христіаниномъ, имѣя намѣреніе отправиться оттуда для устройства вендской марки, если все у него будетъ благополучно.

Annal. Bertin. Pertz, I. SS. p. 465.

b) Ad a. 866.

Rex Bulgarorum, qui praecedente anno, Deo inspirante, et signis atque afflictionibus in populo regni sui monente, christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptismum suscepit; quod proceres sui moleste ferentes, concitaverunt populum adversus eum, ut illum interficerent. Quotquot igitur fuerunt intra decem comitatus, adunaverunt se circa palatium ejus. Ille vero, invocato Christi nomine, cum quadraginta tantum octo hominibus, qui erga christianam devotionem ferventes sibi remanserant, profectus est contra omnem illam multitudinem; et mox ut por-

Болгарскій князь, который въ предшествующемъ году, по вдохновенію Божію, а также внушенію знаменій и бѣдствіями въ его народѣ, думалъ сдѣлаться христіаниномъ, принявъ святое крещеніе. Недовольные этимъ бояре возмутили противъ него народъ, чтобы убить его. Итакъ, всѣ, сколько ихъ было внутри десяти комитатовъ, собрались около его дворца. Но онъ, призвавши имя Христа, только съ сорока восемью челоувѣками, оставшимися преданными христіанству, отправился противъ всей этой толпы;

¹⁾ См. Голубинскій Истор. Прав. Ц. Болг. и пр., стран. 248, примѣчаніи.

tas civitatis exiit, apparuerunt ei et his, qui cum eo erant, septem clerici, et unusquisque eorum ferebat cereum ardentem in manusua, sicque praecedebant regem et illos, qui cumeo erant. Eis vero, qui contra eum surrexerant, visum erat, quod magna villa ardens super eos caderet, et equi eorum, qui cum rege erant, sicut contrariis videbatur, erecti incedebant, et cum anterioribus pedibus eos percutebant; tantusque timor eos apprehendit, ut nec ad fugiendum nec ad defendendum se praepararent, sed prostrati solo se movere nequibant. Rex autem, ex proceribus, qui populum maxime adversus eum incitaverunt, interfecit numero quinquaginta duos, reliquum autem populum inlaesum abire permisit; et mittens ad Hludovicum, regem Germaniae, qui ei foedere pacis conjunctus erat, episcopum et presbyteros postulavit, et ab eo missos cum debita veneratione suscepit. Hludovicus autem ad Carolum fratrem mittens, in ministerium clericorum apud fratrem suum vasa sacrata sacrasque vestes ac libros petiit, unde Carolus ab episcopis regni sui non parvam summam accipiens, ei ad dirigendum regi¹⁾ и тотчасъ, какъ только онъ вышелъ изъ воротъ города, явились передъ нимъ и тѣми, которые были съ нимъ, семь духовныхъ, каждый изъ нихъ несъ въ своей рукѣ зажженую свѣчу, и такимъ образомъ шли впереди князя и бывшихъ съ нимъ. Тѣмъ же, которые возстали противъ него, показалось, что на нихъ падаетъ большой горящій городъ и лошади тѣхъ, которые были съ княземъ, какъ казалось противникамъ, наступали на нихъ, вставши на дыбы, и топтали ихъ передними ногами; и напалъ на нихъ такой страхъ, что они не могли приготовить ни къ защитѣ, ни къ бѣгству, но распростершись на землѣ не могли двигаться. Князь предалъ смерти около пятидесяти двухъ человекъ изъ бояръ, которые особенно возмущали противъ него народъ, остальной же народъ отпустилъ нетронутымъ. Посылая къ Людовику, королю нѣмецкому, который былъ связанъ съ нимъ мирнымъ договоромъ, князь просилъ епископа и священниковъ и присланныхъ имъ принялъ съ должнымъ почтомъ. Людовикъ, посылая къ

¹⁾ Accipiens ei... Bulgarorum у Буке, очевидно здѣсь пропускъ.

Bulgarorum rex filium suum et plures ex proceribus regni sui Romam direxit, et arma, quibus indutus fuerat, quando in Christi nomine de suis adversariis triumphavit, cum aliis donis Sancto Petro transmisit, et plures quaestiones de sacramentis fidei consulendo Nicolao papae direxit, et episcopos atque presbyteros mitti ab eo sibi poposcit, quod et obtinuit; Ludovicus vero Italiae imperator, hoc audiens, ad Nicolaum papam misit jubens, ut arma et alia, quae rex Bulgarorum Sancto Petro miserat, ei dirigeret; de quibus quaedam Nicolaus papa per Arsenium ei consistenti in partibus Beneventanis transmisit, et de quibusdam excusationem mandavit.

брату своему Барлу, просилъ у него священныхъ сосудовъ и священныхъ одеждъ и книгу для употребленія дукювенству. Вслѣдствіе этого Барль, получивши немалую сумму отъ епископовъ своего королевства, передалъ ему для доставленія князю. Болгарскій князь отправилъ въ Римъ своего сына и многихъ изъ бояръ своего княжества, и виѣсть съ другими дарами послалъ Св. Петру оружіе, которымъ онъ былъ вооруженъ, когда во имя Христавосторжествовалъ надъ своими врагами, отправилъ также много вопросовъ о таинствахъ вѣры на разрѣшеніе папѣ Николаю и просилъ его послать ему епископовъ и пресвитеровъ, что и получилъ. Людовикъ же, императоръ итальянскій, услышавъ объ этомъ, послалъ къ папѣ Николаю, приказывая, чтобы оружіе и прочее, что послалъ Св. Петру, болгарскій князь, отправилъ къ нему; изъ этого папа Николай переслалъ кое-что чрезъ Арсенія, когда онъ находился въ Беневентской области, а въ остальномъ просилъ извиненій.

3. Фульдская летопись.

а) Ad a. 866.

Legati Bulgarum Radesponam ad regem venerunt, dicentes, regem illorum cum populo non modico ad Christum esse conversum, simulque petentes, ut rex idoneos praedicatores christianae religionis ad eos mittere non differret.

Болгарскіе послы пришли къ королю въ Реймсъ, говоря, что царь ихъ съ немалымъ числомъ народа обратился ко Христу, и вмѣстѣ прося, чтобы король не отказалъ прислать къ нимъ способныхъ проповѣдниковъ христіанской вѣры.

Pertz, I, 379.

b) Ad a. 867.

Rex Hludovicus Bulgarum petitionibus annuens, Ermenrichum episcopum cum presbyteris et diaconibus ad propagandam fidem catholicam praefatae genti destinavit. Sed cum illuc pervenissent, episcopi a pontifice Romano missi totam terram praedicando et baptizando jam tunc repleverant. Quapropter isti, accepta a rege licentia, redierunt in sua.

Король Людовикъ, удовлетворяя просьбу Болгаръ, снарядилъ къ названному народу для распространенія католической вѣры епископа Ерменриха со священниками и діаконами. Но когда они пришли туда, епископы, посланные римскимъ преосвященникомъ, наполнили уже всю эту страну, проповѣдуя и крестя. Поэтому, получивши позволеніе короля, они возвратились домой.

Pertz, I, p. 380.

4. Ксантская летопись.

Ad a. 868.

Adhuc visitante Domino plebem suam et circa solis occa-

Въ то время, какъ Господь посѣщалъ свой народъ и при-

sumpe ero denario diurno ociosos vocante operarios ad vineam excolendam, hens Bulgarum, hactenus idola vana colentium, ad fidem catholicam conversa est. Mittente eis summo tonanti signa et prodigia fieri in media plebis. Directis a Nicolao, summo pontifice et universali papa urbis Romae, viris apostolicis, receperunt sermonem domini nostri J. Christi et baptizati sunt.

зывать передъ закатомъ солнца трудящихся за поденный динарій работниковъ для воздѣлыванія винограда, болгарскій народъ, до сихъ поръ почитавшій пустыхъ идоловъ, обратился къ католической вѣрѣ, при знаменіяхъ и чудесахъ среди народа, посылаемыхъ гремящимъ свыше. Когда верховный первосвященникъ и вселенскій папа города Рима Николай отправилъ апостольскихъ мужей, они восприняли слово Господа нашего Иисуса Христа и были крещены.

Annales Xantenses, Pertz, II, 232.

5. Хроника Региона.

Ad a. 868.

His temporibus gens Vulgarum (ulgorum, vulgorum, bulgarum, bulgarorum) ferocissima ac bellicosa, relictis idolis abrenuntiatisque gentiliam superstitionibus, in Christum ex maxima parte credidit, et abluta salutari baptismatis unda, in religionem christianam transiit. Directi sunt autem a sede apostolica in eandem gentem sacerdotes ac viri religiosi, qui populum adhuc rudem divinis informarent praeceptis et incultam

Въ эти времена весьма жестокой и воинственный народъ болгарскій, оставивъ идоловъ и отказавшись отъ языческихъ суевѣрій, въ большинствѣ увѣровалъ во Христа и, омывшись спасительною водою крещенія, перешелъ въ христіанскую вѣру. Отъ апостольскаго же престола отправлены были къ этому народу священники и люди религіозные утверждать грубый еще народъ божествен-

barbariem sacris dogmatibus excolentes, Christo gratum habitaculum praepararent. Ut hujus vere sanctae devotionis opus prosperum obtineret effectum, Ludovicus, christianissimus rex, qui Germanis imperabat, non mediocre praebuit supplementum (sublevamen). Ferunt autem de hujus gentis rege, quod a (in) tanta perfectione post perceptam baptismi gratiam coeperit, ut diebus ornamentis regis indutus coram populo procederet, noctibus vero sacco vestitus (coeperit quod diebus sacra vestitus—sacro vestitu—sacco indutus) latenter ecclesiam intrans, super pavimentum ipsius basilicae, substrato tantum sibi cilicio, prostratus in oratione jaceret.

Non post multum tempus divina inspiratione commonitus, regnum terrenum dimisit, ut in coelis aeternaliter regnaret cum Christo; et ordinato in suo loco in (in suum locum) regem (rege) filio suo majore natu, comam capitis deposuit, habituque sanctae conversationis suscepto, monachus effectus est, eleemosynis, vigiliis et orationibus die noctuque intentus. Interea filius ejus, quem regem constituerat, longe a paterna intentione et operatione recedens, praedas coepit exercere, ebrietatibus, comessati-

ными правилами и, сглаживая необразованное варварство священными дагматами, приготовить Христу приятное жилище. А чтобы дѣло этого святаго подвига имѣло счастливый успѣхъ, Людовигъ, христіаннѣйшій король, который повелѣвалъ Нѣмцами, оказалъ немаловажную помощь. О князѣ же этого народа рассказываютъ, что послѣ принятія благодати крещенія онъ отличался такимъ совершенствомъ, что, являясь днемъ передъ народомъ въ царскихъ украшеніяхъ, по ночамъ тайно уходилъ въ церковь и на полу самой церкви, подостлавъ только власяницу (войлокъ), распростершись лежалъ въ молитвѣ.

Спустя немного времени, побужденный божественнымъ внушеніемъ, оставилъ земное царство, чтобы на небѣ вѣчно царствовать со Христомъ, и поставивъ на свое мѣсто своего старшаго сына, постригся и, принявъ одежду святаго подвижничества, сдѣлался монахомъ, предаваясь дни и ночи милостынѣ, бодрствованію и молитвамъ. Между тѣмъ сынъ его, котораго онъ поставилъ княземъ, далеко уступая отцу въ напряженности и дѣятельности, сталъ заниматься

onibus et libidinibus vacare, et omni conamine ad gentilitatis ritum populum noviter baptizatum revocare; quod cum pater audisset, nimio zelo accensus, sacrum habitum deposuit, et militiae cingulum resumpsit et cultu regio indutus, ad sociatis sibi Deum timentibus, filium persecutus est: quem rex absque difficultate cepit, oculosque ejus effodit et in carcerem misit; deinde convocato omni regno suo, filium juniorem regem constituit, interminatus coram omnibus similia fore passurum, si in aliquo a recta christianitate deviaret. His ita patris, deposito cingulo et resumpto sanctae religionis habitu, monasterium ingressus, in sancta conversatione reliquum vitae praesentis tempus duxit.

охоту, проводить время въ пьянствѣ, пиршествахъ и распутствѣ и всеми ередетвами призывать новобращенный народъ къ языческимъ обрядамъ. Когда услышалъ объ этомъ отецъ, пылая чрезвычайною ревностію, сложилъ священную одежду, и снова взявъ военный поясъ, одѣвшись по княжески и присоединивъ къ себѣ боящихся Бога, подвергъ преслѣдованію сына: тотчасъ безъ всякаго затрудненія онъ схватилъ его, выкололъ глаза и посадилъ въ тюрьму; затѣмъ, оставивъ все свое царство, оставилъ царемъ своего младшаго сына, заявивъ ему передъ всеми, что онъ потерпитъ то же, если въ чемъ нибудь отступитъ отъ истиннаго христіанства. Устроивши это такимъ образомъ, онъ снялъ военный поясъ и снова принялъ одежду священной вѣри и, ушедши въ монастырь, остатки настоящей жизни провелъ въ святомъ подвижничествѣ.

Regionis Prumiensis chronicon, Pertz, I, 580; Migne, t. 132, p. 96.

6. Сигизмунтъ Гемблаценскій († 1112).

Rex Bulgarum ad christianismum cum sua gente conversus, missis ad eum a sede apo-

Болгарскій князь, обратившись въ христіанство со своимъ народомъ, когда посла-

stolica ministris sacri ordinis, acceptis etiam a rege Ludovico subsidiis, adeo in fide solidatur, ut non multo post, filio majore in regnum ordinato, ipse abrenuntians saeculo monachus factus sit. Sed cum filius ejus juveniliter agens ad gentilitatis cultum vellet redire, militiae cingulo et cultu regio resumpto, filium persecutus coepit et oculis ejus effossis eum in carcere trusit; et filio juniore in regnum locato, saerum habitum recepit, et in eo usque ad finem vitae perseveravit.

ны были къ нему отъ апостольскаго престола служители священнаго чина, получивши также вспомошествованіе отъ короля Людовика, такъ укрѣпляется въ вѣрѣ, что спустя немного времени, поставивши княземъ своего старшаго сына, самъ, отрекаясь отъ міра, сдѣлался монахомъ. Но когда сынъ его, поступая легкомысленно, захотѣлъ возвратиться къ язычеству, князь снова взялъ военный поясъ и княжескія регалии, преслѣдуя сына, захватилъ его и, выколотивши глаза, заключилъ въ тюрьму, и, поставивъ на княжество младшаго сына, снова принялъ священную одежду и въ ней остался до конца жизни.

Sigiberti Gemblacensis chronicon, Pertz, V, 268. *Migne*, t. 160, p. 164—165.

II. ИЗВѢСТІЯ ГРЕЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

1. Патриархъ Фотій.

Ἄλλὰ γε δὴ καὶ Βουλγάρων ἔθνος βαρβαρικὸν καὶ μισόχριστον εἰς τοσαύτην μετετέλεικεν ἡμερότητα καὶ θεογνωσίαν, ὥστε τῶν δαιμονίων καὶ πατρῶων ἐσχόταντες ὀργίων καὶ τῆς ἐλληνικῆς δεισι-

Даже и Болгарскій народъ, варварскій и христоненавистный, склонился къ такой кротости и богопознанію, что, оставивъ бѣсовскія и праотеческія жертвы, и отвергнувъ эллинское суевѣріе,

δαιμονίας ἀποσκευασάμενοι τὴν **неожиданно привился къ христί-
πλάνην, εἰς τὴν τῶν χριστιανῶν **анской вѣрѣ.**
παραδόξως μετενεκентρίσθησαν
πίστιν.**

Ἐν κύκλιος ἐπιστολῇ πρὸς τοὺς τῆς Ἀνατολῆς ἀρχιερατικοὺς θρόνους, κεφ. γ'.
Φωτίου ἐπιστολαί, ἐκδ. Βαλέττα, ἐκ. δ', σελμ. 168.

Ἄλλ' ὦ πονηρᾶς καὶ βασκάνου
καὶ ἀθέου βουλῆς τε καὶ πράξεως!
Ἦ γὰρ τοιαύτη δεήγησις, εὐαγγε-
λιων οὐσα ὑπόθεσις, εἰς κατήφειαν
μετατίθεται τῆς εὐφροσύνης καὶ
χαρᾶς εἰς πένθος τραπέισης καὶ
δάκρυα. Οὐπω γὰρ ἐκείνου τοῦ
ἔθνους οὐδ' εἰς δύο ἐνιαυτοὺς, τὴν
ὀρθτὴν τῶν χριστιανῶν τιμώντος
θρησκείαν ἄνδρες δυσσεβεῖς καὶ
ἀποτρόπαιοι (καὶ τί γὰρ οὐκ ἂν
τις εὐσεβῶν τούτους ἐξονομάσειεν;)
ἐκ σκοτοῦς ἀναδύντες (τῆς γὰρ
ἑσπερίου μοίρας ὑπῆρχον γεννή-
ματα) οἴμοι! πῶς τὸ ὑπολοιπὸν
ἐκδιηγήσομαι; οὗτοι πρὸς τὸ νεο-
παγῆς εἰς εὐσέβειαν καὶ νεοσύστα-
τον ἔθνος, ὥσπερ κεραυνός, ἢ
σεισμός, ἢ χαλάζης πλήθος, μᾶλ-
λον δὲ οἰκειότερον εἰπεῖν, ὥσπερ
ἄγριος μονιός, ἐμπηδήσαντες, τὸν
ἀμπελῶνα Κυρίου, τὸν ἡγαπημέ-
νον καὶ νεόφυτον, καὶ ποσὶ καὶ
ὀδοῦσιν, ἤτοι τρίβοις αἰσχρᾶς πο-
λιτείας καὶ διαφθορᾶς δογμάτων,
τό γε εἰς τόλμαν ἤχον τὴν αὐτῶν,
κατανεμησάμενοι ἐλυμήναντο. Ἄ-
πὸ γὰρ τῶν ὀρθῶν καὶ καθαρῶν
δογμάτων, καὶ τῆς τῶν χριστια-
νῶν ἀμωμήτου πίστεως, παρα-
φθεῖρειν τούτους καὶ ὑποσπᾶν κατ-
επανουρήσαντο.

Но о злое, завистливое и без-
божное намерение и дѣло! Раз-
скажь нашъ, наводящій на пред-
положение вѣстей радостныхъ,
измѣняется въ скорбный, и ве-
селіе и радость превращаются въ
стенаніе и слезы: этотъ народъ
еще и двухъ лѣтъ не исповѣды-
валъ правой христіанской вѣры,
какъ люди нечестивые и достой-
ные отвращенія—и какъ не на-
звалъ бы ихъ челоувѣкъ благоче-
стивый?—люди, вышедшіе изъ
мрака (ибо они порожденія за-
падной страны), о, какъ мнѣ раз-
сказать все остальное! Эти люди,
какъ громъ, землетрясеніе, обиль-
ный градъ, или точнѣе сказать,
какъ дикій вѣпръ, вторглись въ
народъ новоназванный и утверж-
денный въ благочестіи и опусто-
шили виноградникъ Господень
возлюбленный и новонасажденный,
истребляя его и ногами и зубами—
стежами нечестивой жизни и ис-
каженіемъ,—они и на это отва-
жились, — догматовъ. Ибо они
всячески ухищрялись отвлечь ихъ
отъ правыхъ и чистыхъ догма-
товъ и непорочной вѣры христі-
анской и развратить ихъ.

Ibid. κεφ. γ'.

2. Никета Пафлагонскій.

Рассказавъ объ освобожденіи Вардою патріарха Игнатія, продолжаетъ:

Εὐθὺς οὖν καὶ ὁ σεισμός ἐστῆ καὶ Βούλγαροι δὲ τότε προνοίᾳ θεοῦ, βιαίῳ καταταχέντες λιμῶ ἅμα δὲ καὶ τοῖς δῶροις τοῦ αὐτοκράτορος θελχθέντες, τὰ ὄπλα καταθέμενοι, τῷ ἀγίῳ προσήεσαν βαπτίσματι.

И тотчасъ прекратилось землетрясеніе, и тогда, промысломъ Божиимъ, Болгаре, мучимыя сильныиъ голодомъ и вмѣстѣ склоняемыя дарами самодержца, положивши оружіе, приступили къ святому крещенію.

Niceta Paphlago, Vita S. Ignatii. Concil. t. 22, cap. IV, § 29 fin.

3. Продолжатель Амартола (Георгій Монахъ).

1-я редакція.

(Ἐξῆλθε δὲ ὁ Ἄμερ καὶ κατήλθε μέχρι Σινώπης ληϊσάμενος πάντα τὰ τῶν Ῥωμαίων καὶ ὑπέστρεψε μὴ καταληφθεὶς ὑπὸ τοῦ Ῥωμαϊκοῦ στρατοῦ). Ἐκστρατεύσας δὲ Μιχαὴλ ἅμα Βάρδα Καίσαρι, κίνησιν ποιεῖ κατὰ Μιχαὴλ ἄρχοντος Βουλγαρίας διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης, μαδῶν τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος λιμῶ τήκεσθαι. Οἱ δὲ Βούλγαροι τοῦτο μαδόντες ὡς ἤχη βροντῆς ὑπεκλίθησαν, καὶ πρὸ τῶν ἀγώνων καὶ τῆς μάχης περὶ τῆς νίκης ἀπέγνωσαν, καὶ χριστιανοὶ γενέσθαι καὶ ὑποτάττεσθαι τῷ βασιλεῖ καὶ Ῥωμαίοις ἤτήσαντο. Ὁ δὲ Μιχαὴλ τὸν μὲν ἄρχοντα αὐτῶν βαπτίσας καὶ δεξάμενος ἐπέθηκεν αὐτῷ τὸ αὐτοῦ ὄνομα, τοὺς δὲ μεγιστᾶνας αὐτοῦ ἐν τῇ πόλει ἀγαγὼν ἐβάπτισεν αὐτοὺς ἔκτοτε γενομένης εἰρήνης βαθεῖας.

(Вышелъ Амеръ и прошелъ до Синопа, грабя римскія области; и навадъ ушелъ, не задержанный римскимъ войскомъ). Михаилъ же съ Вардою кесаремъ двинулся на Михаила, болгарскаго князя, сушею и моремъ, узнавъ, что Болгаре терпятъ отъ голода. Болгаре, услышавъ объ этомъ, были поражены, какъ громомъ, и до борьбы и сраженія отчаялись въ побѣдѣ и просили сдѣлаться христианами и покориться царю и Римлянамъ. Михаилъ же, крестивъ и воспринявъ ихъ князя, далъ ему свое имя; бояръ же его крестилъ введши въ городъ. Съ тѣхъ поръ былъ глубокой миръ.

По Моск., Парижск. и Мюнхенск. рукописямъ. ed. Muralt, p. 732.

2-я редакция.

(Ο δὲ Ἄμερ ἐξελθὼν μέχρι Σινώπης κατήλθε ἀπαντα τὰ ἐν ποσὶ ληϊσάμενος καὶ κατέστρεψε πρὶν τὸ Ῥωμαϊκὸν καταλάβῃ στρατεύματα). Ὁ δὲ Μιχαὴλ ἅμα τῷ Καίσαρι Βάρδα μετὰ τοῦ ἀρχοντος Βουλγάρων ἐξεστράτευσεν διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης λιμῶν τῶν Βουλγάρων ἔθνος τήκεσθαι διαμαθῶν. Οἱ δὲ Βούλγαροι τὴν τοιαύτην ἐφοδὸν ἐκμαθόντες φόβῳ πολλῶν συνεσχέδησαν καὶ πρὸ τῶν ἀγώνων καὶ τῆς μάχης περὶ τῆς νίκης ἀπέγνωσαν καὶ χριστιανοὶ γενέσθαι καὶ ὑποτάττεσθαι Ῥωμαίοις ἤτησαντο.

(Амеръ, сдѣлавши набѣгъ, дошелъ до Синопа, грабя все, попадавшееся на пути, и ушелъ назадъ, прежде чѣмъ могло задержать его римское войско). Михаилъ же съ кесаремъ Вардою сталъ воевать на сушѣ и на морѣ съ болгарскимъ княземъ, узнавъ, что болгарскій народъ страдаетъ отъ голода. Болгаре же, узнавъ объ этомъ походѣ, объаты были сильнымъ страхомъ, и прежде борьбы и сраженія они отчаялись въ побѣдѣ и предложили сдѣлаться христианами и подчиниться Римлянамъ.

Hirsch, Byzantinische Studien, Leipzig, 1876, S. 44.

4. Левъ Грамматикъ.

Ἐξῆλθε δὲ καὶ ὁ Ἄμερ καὶ κατήλθε μέχρι Σινώπης ληϊσάμενος πάντα τὰ τῶν Ῥωμαίων. Ἐκστρατεύσας δὲ Μιχαὴλ ἅμα Βάρδα Καίσαρι κίνησιν ποιεῖ κατὰ Μιχαὴλ ἀρχοντος Βουλγαρίας διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης, μαθῶν τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος λιμῶν τήκεσθαι. Οἱ δὲ Βούλγαροι τοῦτο μαθόντες ὡς ἤχῳ βροντῆς ὑπεκλίθησαν, καὶ πρὸ τῶν ἀγώνων καὶ τῆς μάχης περὶ τῆς νίκης ἀπέγνωσαν καὶ χριστιανοὶ γενέσθαι καὶ ὑποτάττεσθαι τῷ βασιλεῖ καὶ Ῥωμαίοις ἤτησαντο. Ὁ δὲ βασιλεὺς τὸν ἀρχοντα αὐτὸν (?) βαπτίσας καὶ δεξάμενος ἐπιτέθεικεν αὐτῷ τὸ ὄνομα, τοὺς δὲ μεγιστάνους αὐτοῦ ἐν τῇ πόλει εἰσαγαγὼν ἐβάπτισεν πάντας.

Leo Grammaticus, ed Bonn. p. 288.

5. Генезиѣ.

Ὁ οὖν καθηγεμῶν Βουλγάρων περὶ τοῦτου ἐπεγνοκῶς καὶ τῷ τοιοῦτῳ κατατροποθεῖς εὐτυχήμα-

Предводитель Болгаръ, узнавши объ этомъ (о поражении Амера Петроною) и испугавшись та-

τι πρὸς εἰρηναίαν κατάστασιν ὑποκλίνεται, εἰ καὶ πρὶν ἐθρασύνητο, ἀλλὰ μὴν καὶ λιμῶ οἱ περὶ αὐτὸν πιεζόμενοι, ὄθεν καὶ τὸ Ὀμηρικὸν καθ' ἑαυτοὺς ὡς εἰκὸς διεννόητο λόγιον·

Πάντες μὲν στοχεροὶ θάνατοι δειλοῖσι βροτοῖσι,
Λιμῶ δ' οἰκτιστον θανέειν καὶ πότμον ἐπισπεῖν

(Od. μ' 841).

καὶ τοσοῦτον, ὥστε καὶ τοῦ χριστιανῶν εἰπευθῶς καταξιοθῆναι βαπτίσματος ἅπαντας, τὸν δὲ αὐτῶν ἀρχηγὸν αἰρετίασσαι Μιχαὴλ ὠνομάσθαι ἐπὶ τῷ βασιλείῳς ὀνόματι ἐκπεμφθέντων ἐκεῖσεν ἀρχιερέων τινῶν ἐλλογιμῶν τὰ τῆς χριστιανικῆς πίστεως ἐγκρατόνασθαι.

кого успѣха, склоняется къ мирнымъ отношеніямъ, хотя прежде и былъ дерзокъ. Но и голодомъ были изнуряемы его подданные, — и потому они удобно могли бы въ себѣ отнести гомеровское изреченіе:

Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;
Но умереть голодною смертью всего ненавистнѣй —

и такъ сильно, что всѣ рѣшились принять христіанское крещеніе, а предводитель ихъ хотѣлъ назваться Михаиломъ по имени царя, когда посланы были туда нѣкоторые извѣстные архiereи утверждать, что относится къ христіанской вѣрѣ.

Migne, Patr. graec. t. 109, p. 1115.

6. Продолжатель Теофана.

(13) Ὁ γε μὴν ἄρχων Βουλγαρίας (Βώγωρις οὗτος ἦν) θρασύτερον ἐξεφέρετο γυναῖκα τῆς βασιλείας κρατεῖν διακηκῶς· ὄθεν καὶ τινὰς ἀγγέλους ἀπέσταλκε πρὸς αὐτήν, τὰς συνθήκας λέγων καταλύειν καὶ κατὰ τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐκστρατεύειν γῆς. Ἄλλ' αὐτῇ μηδὲν θῆλο ἐννοοῦσα ἢ ἀνάνδρον «καὶ ἐμέ» αὐτῷ κατεμήνυεν «κατ' αὐτοῦ εὐρήσεις ἀντιστρατεύουσιν. καὶ ἐλπίζω μὲν χοριεῦσαι σοῦ· εἰ δὲ μὴ γένηται καὶ ἐκνικήσεις με, καὶ οὕτω σου περιέσομαι, τὴν νίκην ἀρίδην ἔχουσα· γυναῖκα γὰρ ἀλλ' οὐκ ἄνδρα εἴξεις ἡττηθέν-

Князь болгарскій, — это былъ Богорисъ, — услышавъ, что царствомъ править женщина, сталъ дерзостию возноситься, почему, послалъ къ ней вѣстниковъ, говоря, что онъ нарушаетъ мирныя договоры и идетъ войною на римскую землю. Но она, вовсе не думая по женски или малодушно, объявила ему: «и меня въ свою очередь найдешь готовою выступить тебѣ на встрѣчу, и я надѣюсь восторжествовать надъ тобой; а если этого и не случится, и ты побѣдишь меня, то и въ такомъ случаѣ я пре-

τα σοι». διὰ τοῦτο μὲν οὖν καὶ ἐφ' ἡσυχίας ἔμεινεν, μηδὲν τολμήσας νεανιεῦσθαι, καὶ τὰς τῆς ἀγάπης αὐτῆς ἀνεόου σπονδάς. (14) καὶ δὴ ζήτησίν τινα καὶ πολλὴν ἔρευναν περὶ τινος μοναχοῦ, οὕτω καλουμένου Θεοδώρου τοῦ ἐπίκλην Κουφαρᾶ, εἶτε ἐκ τινῶν ὄνειράτων καὶ ὄψεως εἶτε ἄλλως πως, πρὸ πολλοῦ αἰχμαλωτισθέντος ἢ Θεοιδώρα πρὸς τὸν ἄρχοντα Βουλγαρρας ἐποίηε, καὶ αὐτὸν ἠξίου διὰ γαμμάτων ἀνερευνῆσαι καὶ τιμῆς, ὄσης καὶ βουλοίτο, ἀπολυτρώσασθαι τοῦτον αὐτῇ. ἠξίου δὲ καὶ οὗτος, ἀφορμὴν ἐκ τούτου λαβὼν, περὶ οἰκειᾶς αὐτοῦ πρεσβεῦειν ἀδελφῆς παρὰ τῶν Ῥωμαίων μὲν αἰχμαλωτισθείσης ποτέ, κατεχομένης δὲ νῦν ἐν τῇ τοῦ βασιλέως αὐλῇ. αὕτη δὴ οὖν πρὸς τὴν πίστιν καλῶς μετενεχθεῖσα, καὶ γράμματα κατὰ τὸν τῆς αἰχμαλωσίας παιδευθεῖσα καιρόν, καὶ ἄλλως τὴν τῶν Χριστιανῶν τάξιν τε καὶ περὶ τὸ θεῖον αἰδῶ τε καὶ δόξαν, ὡς ἔστι, θαυμάζουσα διαφερόντως, ἐπεὶ τῆς ἐπανόδου τῆς πρὸς τὸν ἀδελφὸν τετύχηκεν, οὐ διέλιπεν ἐκθειάζουσα τε καὶ παρακαλοῦσα καὶ σπέρματα καταβάλλουσα τῆς πίστεως πρὸς αὐτόν. ὁ δὲ (ἦν γὰρ παρὰ τοῦ εἰρημένου Κουφαρᾶ μικρὰ τινα παιδευθεὶς καὶ τῶν μυστηρίων κατηχηθεὶς) τοῦτον μὲν ἀποστείλας τὴν οἰκείαν ἐλάμβανε μισθὸν ἀδελφῆν· πλήν ἔμεινεν ὅπερ ἦν, ἀπιστία κατισχημένος καὶ τὴν αὐτοῦ θρησκείαν τιμῶν. ἀλλὰ τις πληγὴ περιπεσοῦσα θεήλατος (λιμὸς δὲ ἦν, οὕτω

взойду тебя, побѣда очевидно будетъ на моей сторонѣ: такъ какъ ты побѣдишь женщину, а не мужчину». Поэтому то онъ и остался въ покоѣ и не рѣшился поступить такъ безразсудно и тотчасъ возобновила союзъ дружбы. (14) И вотъ Θεодора, или вслѣдствіе какихъ либо сновъ и видѣній, или по какой другой причинѣ, стала у князя Бориса справляться и дѣлать большой розыскъ объ одномъ монахѣ, по имени Теодорѣ, по прованію Куфарѣ, за долго передъ тѣмъ попавшемся въ плѣнъ, и письмомъ просила князя разъяснить его и за какою угодно выкупъ освободить для нея. Воспользовавшись этимъ случаемъ, и онъ отправилъ посольство съ просьбою о своей сестрѣ, плѣненной нѣкогда Римлянами, а теперь содержавшейся при дворѣ царя. А между тѣмъ она, искренно обратившись къ вѣрѣ и научившись во время плѣна грамотѣ, а съ другой стороны будучи исполнена, какъ и слѣдуетъ, величайшаго уваженія къ христіанскому уставу богопочитанія и вѣроученія, когда возвратилась къ брату, не перестала проповѣдывать и убѣждать брата и бросать сѣмена вѣры. Отпустивши упомянутаго Куфару, которымъ онъ былъ немного наученъ и приглашенъ въ таинствахъ, онъ получилъ въ замѣнъ свою собственную сестру. Впрочемъ онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ, одержимый невѣріемъ и почитая

μᾶλλον τῶν παχυτέρων καὶ γαιω-
δεστέρων, ὡς εἶοικε, μεταπαιδευο-
μένων καὶ τὰ κακὰ μεταμανθανόν-
των) τὴν αὐτοῦ ἐπολιόρχει καὶ κα-
τέτρυχε γῆν. καὶ δε θεὸν ἐκεῖνον
ἠνάγκαζεν ἐπίκαλεῖσθαι πρὸς ἄμυ-
ναν τῶν δεινῶν, τὸν ὑπὸ τοῦ Θεο-
δώρου μὲν πολλάκις καὶ τῆς αὐτοῦ
ἀδελφῆς θαυμαζόμενον τε καὶ σε-
βόμενον, ὡς εἶκος. Τυχόντες οὖν
τῆς ἀπαλλαγῆς τῶν δεινῶν, οὕτω
δὴ πρὸς θεοσεβείαν μετατίθεται, καὶ
τῆς τοῦ λυτροῦ παλιγγενεσίας κα-
ταξιούται καὶ Μιχαὴλ κατονομά-
ζεται κατὰ τὸ ὄνομα βασιλέως
παρὰ τοῦ πρὸς ἐκεῖνον ἀποστα-
λέντος ἀρχιερέως ἀπὸ τῆς βασι-
λίδος τῶν πόλεων (15). καὶ τι δὲ
τοιοῦτον ἐπισυμβῆναι φασίν, ὡς
ἔρωτα δεινὸν περὶ τὴν κυνηγεσίαν
τὸν Βώγωριν ἀρχοντα κεκτημένον
ταῦτα καὶ κατὰ τινα οἶκον τῶν ἑαυ-
τοῦ, ἐν ᾧ συνεχῶς ἀφικνεῖτο, θε-
λῆσαι ἐξιστορήσαι. νυκτῶρ ὡς ἂν
ἔχοι καὶ μεθ' ἡμέραν τὰ τοιαῦτα
τῶν ὀφθαλμῶν ἐντροφήματα. ὡς
οὖν ὁ τοιοῦτος αὐτὸν ἔρωε ἐπ-
εισῆλθεν, μετακαλεῖται μοναχόν τι-
να τῶν καθ' ἡμᾶς Ῥωμαίων ζω-
γράφον· Μεθόδιος ὄνομα τῷ ἀν-
δρί. τοῦτον οὖν σπάντα κατὰ πρόσ-
ωπον ἔχ τινος θείας προνοίας οὐ
τὰς ἐν πολέμῳ ἀνδροκτασίας ἢ τὰς
ζῶων καὶ θηρίων ἐπιχειλεῖσαι
γράφειν σφαγίας, ἀλλ' ἂ βούλοιο,
τοῦτο μόνον ἐπειπὼν ὡς εἰς φό-
βον τοὺς ὀρῶντας ἐκ τῆς θείας
ἐνάγεσθαι βούλοιο καὶ ἅμα παρα-
καλεῖσθαι πρὸς ἔκπληξιν ἀπὸ τῆς
γραφῆς. μηδὲν γοῦν οὗτος πρὸς
φόβον ἕτερον ἐνάγειν ἢ τὴν τοῦ

свое суевѣріе. Но вотъ одно бѣд-
ствіе, ниспосланное Богомъ, ста-
ло удручать и снѣдать его зем-
лю: это былъ голодъ; такъ обык-
новенно закрубѣвшіе и уподобив-
шіеся землѣ всегложуще перевос-
питываются и отучаются отъ
зла. И этотъ (голодъ) принудилъ
для отвращенія бѣдствій призвать
того Бога, котораго почитала и
прославляла такъ часто и его соб-
ственная сестра. Получивши из-
бавленіе отъ этого бѣдствія, онъ
обращается къ богочитанію
и сподобляется бани пакибытія
и называется Михаиломъ, по
имени царя, чрезъ архіерея,
посланнаго къ нему изъ царству-
ющаго города. Рассказываютъ,
что случилось и нѣчто такое. Какъ
страстный любитель псовой охо-
ты, князь Борисъ пожелалъ изо-
бразить ее и въ одномъ изъ сво-
ихъ домовъ, въ которомъ онъ
часто бывалъ, чтобы и по исте-
ченіи дня, ночью, имѣть тѣже
развлеченія для глазъ. И такъ,
когда явилось у него такое же-
ланіе, призываетъ къ себѣ од-
ного монаха, живописца, изъ на-
шихъ Ромеевъ. Этому человѣку
было имя Меодій. Когда онъ
явился предъ лицомъ (князя), то
по какому то божественному про-
мыслу послѣдній не приказалъ
изображать человѣкоубійство на
войнѣ, или умерщвленіе живот-
ныхъ и звѣрей, но сказалъ, что
онъ желалъ бы только того отъ
живописа, чтобы одинъ взглядъ
(на нее) приводилъ зрителей

θεοῦ δευτέραν εἰδῶς παρουσίαν, ταύτην ἔχεισε καθυπέγραψεν, καὶ τοὺς δικαίους ἐντεῦθεν τὰ βραβεῖα τῶν πόνων ἀπολαμβάνοντας, ἐκείθεν δὲ τοὺς πεπλημμεληκότας τοὺς τῶν βεβιωμένων δρεπομένους καρποὺς καὶ πρὸς τὴν ἠπειλημένην κόλασιν ἀπελαυνομένους τε καὶ ἀποπεμπομένους σφοδρῶς ταῦτ' οὖν, ἐπειδὴ πέρας εἶχεν ἡ γραφή, κατιδὼν, καὶ δι' αὐτῶν τὸν τοῦ θεοῦ φόβον ἐν ἑαυτῷ συλλαβὼν, καὶ κατηχηθεὶς τὰ καθ' ἡμᾶς θεῖα μυστήρια, νυκτῶν ἄωρι τοῦ θεοῦ μεταλαγχάνει βαπτίσματος. ἐφ' ᾧ καταφανῆς γεγονῶς τὴν ἐκ παντὸς τοῦ ἔθνους αὐτοῦ καθυφίσταται ἐπανάστασιν, οὗς καὶ μετὰ τινῶν ὀλίγων καταπολεμήσας τὸν τοῦ θεοῦ τύπον σταυροῦ ἐν κόλποις περιάγων αὐτοῦ, τοὺς καταλοιποὺς οὐκέτι κρύφα, πάντα δὲ ἀναφανδὸν ἐποίησε καὶ αὐτοὺς ἐπιθυμοῦντας Χριστιανοῦς. ἐπεὶ γοῦν μετετέθη πρὸς θεοσέβειαν, γράφει δὴ πρὸς τὴν δέσποιναν περὶ γῆς, πλήθει στενοῦμενος τῷ ἑαυτοῦ, καὶ ἀξιοῖ παρὰ ταύτης παρρησιαστικώτερον ὡς ἤδη ἐν ἄλλ' οὐ δύο ὄντων αὐτῶν, πιστεῖ τε καὶ φιλίᾳ συνδεθέντων τῇ ἀρραγεῖ, καὶ ἑαυτὸν ὑποθήσειν καθυπισχνεῖτο καὶ εἰρήνην ἐργάσασθαι αἰδιὸν τε καὶ ἀδιάπτωτον. ἡ δὲ εὐμενῶς τε ἤκουσεν αὐτοῦ, καὶ δέδωκεν εἰρήμην οὖσαν τηνικαῦτα τὴν ἀπὸ τῆς Σιδηρᾶς, ταύτης δὲ τότε ὄριον τυγχανούσης Ῥωμαίων τε καὶ αὐτῶν ἄχρι τῆς Δεβελτοῦ, ἣτις οὕτω καλεῖται Ζάγορα παρ' αὐτοῖς. οὕτω μὲν οὖν

въ страхѣ и вмѣстѣ повергаль бы ихъ въ ужасъ. Онъ же (Меодій), не зная ни чего иного, что сильнѣе приводило бы въ страхъ, кромѣ второго божественнаго пришествія, и изобразилъ его тамъ, съ одной стороны праведниковъ, получающихъ воздаяніе за подвиги, съ другой стороны грѣшниковъ, пожидающихъ плоды посѣяннаго въ жизни и прогоняемыхъ и отсылаемыхъ на жестокое мученіе. И такъ работа была окончена; князь, увидѣвъ ее и проникнувшись страхомъ Божиимъ, по оглашеніи въ нашихъ божественныхъ таинствахъ, среди глубокой ночи воспринимаетъ божественное крещеніе. Объявившись въ этомъ, онъ возбуждаетъ во всемъ своемъ народѣ возстаніе; при помощи нѣкоторыхъ немногихъ побѣдивъ возставшихъ, нося въ нѣдрахъ своихъ знаменіе креста Господня, и остальныхъ не тайно, но явно и по ихъ собственному желанію сдѣлалъ христианами. И вотъ, когда онъ обратился къ богопочтенію, стѣсняемый множествомъ своего народа, пишетъ къ государынѣ о землѣ, и проситъ у нея смѣлѣе, такъ какъ они уже не два, а одно стали, связанные вѣрою и неразрывною дружбою, и общаетъ самъ подчиниться и устроить всегдашній и ненарушимый миръ. Она благосклонно выслушала его и дала бывшую тогда пустою землю отъ Сидиры, которая была тогда границею между ними и Ро-

ἅπανα ἡ Βουλγαρία πρὸς εὐσέβειαν μετεβήθη, θεοῦ πρὸς τὴν οἰκέταν μετακαλεσαμένου γνῶσιν αὐτούς, καὶ οὕτως ἐκ μικρῶν σπινθήρων τε καὶ πληγῶν· καὶ οὕτω γῆς τῆς τῶν Ῥωμαίων ὡς ἄλλης τινὸς ἐπαγγελία: ἀξιοθέντες πρὸς κοινωνίαν ἄρρηκτον καθ' ὑπέβαλον ἑαυτούς.

меня, до Девельта, который называется у нихъ Загорю. Такииъ то образомъ вся Болгарія сопричислилась къ благочестію, когда призвалъ ихъ самъ Богъ къ познанію Его — и тагъ изъ малыхъ искръ и толчковъ; такъ то и римской земли удостоившись, какъ будто другаго каковаго завѣта, приступили къ неразрывному союзу.

Theophan. Continuat. ed. Bonn., p. 162—165.

7. Іоаннъ Скилицій.

Bogoris, Bulgarorum princeps, quum audisset mulierem cum tenero adhuc puero Romanis imperare, audacia elatus nuntios ad reginam misit, per quos minabatur se foedera soluturum et Romanorum fines invasurum, at regina nihil humile neque effeminatum cogitans, et me, inquit, invenies paratam ad resistendum in acie, Deique nutu superiorem, si autem, quod absit, victor ipse fueris, hoc quoque pacto mea erit victoria, viceris enim non virum, sed mulierem: quibus verbis confusus, et deterritus quievit et pristina foedera renovavit; miserunt item ultro citroque legatos et regina et princeps quidam. Regina legatos accepit a quodam Theodoro, Cypbara cognomento, viro idoneo et administrandae reipu-

Борисъ, князь болгарскій, когда услыхалъ, что Римлянами править женщина съ малолѣтнимъ еще сыномъ, превознесенный дерзостію, послалъ къ царицѣ пословъ, чрезъ которыхъ угрожалъ, что онъ нарушитъ договоры и нападетъ на римскіе предѣлы. Но царица, не имѣя въ мысляхъ ничего малодушнаго и женственнаго, сказала: и меня найдешь готовою къ сопротивленію въ бою, а съ помощію Божіею и болѣе сильною; а если — пусть не случится этого — ты самъ будешь побѣдителемъ, то и при этомъ условіи побѣда будетъ моя, ибо ты побѣдишь не мужчину, а женщину. Пристыженный этими словами и испуганный, онъ успокоился и возстановилъ

blicae utili, qui tunc in Bulgaria detinebatur¹⁾; haec enim jam pridem captiva adducta, et Christianorum religione intrata, litteras edocta, quo tempore captiva erat, ac nuper liberata non desistebat fratri Christianorum mysteria commendare, et in ejus cor fidei semina injicere; qui tamen ante a Cuphara divina mysteria fuerat edoctus: facta autem permutatione et redita muliere fratri, restituto item reginae Cuphara, quamvis ante princeps instructus esset, et divinis imbutus mysteriis, adhuc tunc retinebat infidelitatem proprio cultui addictus; verum quum ingens fames Bulgarorum regionem occupasset, omnique destituerentur auxilio, princeps Christianorum Deum, ut sibi opem ferret, invocavit, idemque facere omnem sibi subjectam nationem jussit, impetratoque remedio et fame liberati, ad veram religionem se conferunt, et princeps nova lavacri regeneratione donatur, de nomine imperatoris Romanorum Michael appellatus ab episcopo, qui ad eum missus fuerat eique divinum lavacrum impertitus est; aliud quoque accidit, quod principem

прежніе договоры. Послали также съ той и другой стороны пословъ и царица и князь, царица — о нѣкоемъ Теодорѣ, по прозванію Буфарѣ, человекѣ пригодномъ и полезномъ въ управленіи государствомъ, который тогда содержался въ Болгаріи (въ плѣну); (князь же — о своей сестрѣ); она давно была уведена въ плѣнъ, приняла христіанскую религію и научилась грамотѣ во время своего пребыванія въ плѣну; послѣ освобожденія своего, она не переставала сообщать своему брату христіанскія тайнства и бросать въ сердце его сѣмена вѣры; однако онъ былъ наученъ божественнымъ тайнствамъ еще прежде Теодоромъ Буфарою. Когда же сдѣланъ былъ обмѣнъ, и женщина была возвращена брату, а также царицѣ возвращенъ Буфара, князь, хотя и былъ прежде уже приготовленъ и напитанъ божественными тайнствами, все еще держался невѣрія, преданный собственному культу. Но когда землю Болгаръ постигъ большой голодъ и когда они ли-

¹⁾ Текстъ испорченъ; очевидно здѣсь пропускъ; въ переводѣ смыслъ возстановленъ по Кехрину.

ipsum in verae fidei cultum magis confirmavit: insatiabiliter iste venationi deditus erat, quo oblectare sese studebat non modo, quum venatum se conferret, sed etiam quum otiosus esset domi, idque per animalium pictas figuras, constructa nova domo, Methodium quendam monachum, arte pictorem, jussit, domum illam picturis exornare. Verum quasi divina quadam providentia ductus, non praescripsit definite quanam, et qualia pingeret animalia; verum quaecumque ipse vellet, jussit depingere; terribilia tunc esse, quae pingerentur, ut spectantibus furorem et metum incuterent: ille autem nihil aliud terribilius noscens secundo Christi adventu, hunc ibi descripsit. Quumque jam finita illa esset pictura, conspicatus princeps ex altera parte justorum caetum coronari, ex altera vero impios puniri, et pictori percepta picturae, statim propriam ejurat religionem... imbutusque, ut diximus a sancto episcopo divinis mysteriis, intempesta nocte sacrum percepit baptizma. Quum autem cognovissent nationis praefecti et communem mutatum religionis cultum, in principem conspirant eumque de imperio dejicere studebant, quos ille parva, quam secum habebat,

шлись всякой помощи, самъ князь призывалъ христіанскаго Бога, чтобы Онъ оказалъ ему помощь, и приказалъ тоже дѣлать и всѣмъ своимъ подданнымъ; отыскавши средство и освободившись отъ голода, обращаются къ истинной вѣрѣ, и князь сподобляется купѣли возрожденія, названный по имени римскаго императора Михаиломъ отъ посланнаго къ нему епископа, сообщившаго ему божественную купѣль. Былъ также и другой случай, который болѣе утвердилъ князя въ исповѣданіи истинной вѣры. Князь былъ ненасытно преданъ охотѣ; наслаждаться ею онъ хотѣлъ не только тогда, когда отправлялся на охоту, но и тогда, когда отдыхалъ дома, (и хотѣлъ достигнуть этого), посредствомъ картинъ; построивши новый домъ, онъ приказалъ нѣкоему монаху Меѳодію украсить этотъ домъ живописью. Но руководимый какъ бы Божественнымъ провидѣніемъ, онъ опредѣленно не сказалъ, что рисовать и какихъ животныхъ, но приказалъ нарисовать то, что самъ захочетъ, только бы нарисованное возбуждало въ зрителѣ страхъ и ужасъ. Онъ же (Меѳодій), не зная ничего

manu, fudit fugavitque prae-eunte crucis signo et inopinata re perculosos christianos effecit. Igitur tota natione ad verum cultum traducta, reginae scribit, petens concedi sibi regionem, quod sibi subjecti nimis anguste habitarent, pollicensque se gentem unam tantum affecturum pacemque fore perpetuam et immutabilem; regina vero admodum benigne et hilariter ejus preces admisit, concessitque desertam eo tempore regionem, quae est ab ea parte, quae Ferrea vocatur, confinis tunc Romanorum et Bulgarorum, usque ad Debelum, quam Bulgari Zagoram nuncuparunt. Hac igitur ratione omnis Bulgaria ad veri Dei cultum traducta fuit.

страшнѣ второго пришествія Христова, и нарисовалъ оное. Когда окончена была эта картина, князь, увидавши, какъ на одной сторонѣ вѣнчаются праведники, а на другой наказываются грѣшники, и узнавъ отъ живописца смыслъ картины, тотчасъ же отказывается отъ своей религiи. Воспринявъ, какъ мы сказали, отъ святаго епископа Божественныя тайны, въ глубокую ночь онъ принимаетъ святое крещенiе. Когда народные вельможи узнали о перемѣнѣ общей религiи, возмутились противъ князя и хотѣли его свергнуть съ престола; онъ, при помощи небольшого бывшаго съ нимъ войска, разбилъ ихъ и разогналъ, предшествуемый изображенiемъ креста, и неожиданно побѣдивши ихъ, слѣлалъ христианами. Приведши такимъ образомъ весь народъ къ истинной вѣрѣ, пишетъ къ царицѣ, прося уступить ему страну, такъ какъ подданнымъ его жить было слишкомъ тѣсно, и обѣщая, что онъ изъ (двухъ) народовъ сдѣлаетъ одинъ и что миръ будетъ постоянный и неизмѣнный. Царица очень благосклонно и ласково приняла его просьбу и уступила пустую въ то время страну,

простирающуюся отъ такъ называемаго Желѣзняка, и сопредѣльную тогда Болгарамъ и Римлянамъ, до Девельта; Болгаре назвали ее Загорой. Такимъ-то образомъ Болгарія была приведена къ почитанію истиннаго Бога.

8. Георгій Кедринъ.

Βόγορις δὲ ὁ Βουλγάρων ἀρχηγός, γυναῖκα ἀρχειν Ῥωμαίων ἀκηκῶς μετὰ παιδὸς ἀπαλοῦ, εἰς θράσος ἤρετο· ὄθεν καὶ τινὰς ἀγγέλους ἀπέστειλε πρὸς τὴν βασιλῖδα, ἀπειλῶν λύειν τὰς συνθήκας καὶ εἰσβολὴν ποιησθαι κατὰ Ῥωμαίων. ἡ δὲ βασιλὶς μηδὲν ἀγεννὲς μηδὲ γυναικίον ἐννοήσασα «καὶ ἐμὲ εὐρήσεις» μηνύει «ἀντιστρατεύουσαν, θεοῦ δὲ νεύσει καὶ κατισχύουσαν. εἰ δ' ὅπερ οὐκ ἔστι, ὑπερέξεις αὐτός, καὶ οὕτως ἡ νίκη ἐμή· γυναῖκα γὰρ ἔσθῃ, ἀλλ' οὐκ ἄνδρα νενικηκῶς». οἷς ὁ βάρβαρος διαταραχθεὶς ἡσυχίαν ἠσπασάτο καὶ τὰς πρόηγησάμενας ἀνενοῦς σπονδάς. διεπρεσβεύσαντο δὲ ἀλλήλοις πάλιν ἡ τε βασιλὶς καὶ ὁ ἀρχὼν, ἡ μὲν περὶ τινος Θεοδοσίου τοῦ ἐπίκλην Κουφάρᾳ, ἀξιολόγου ἀνδρὸς καὶ χρήσιμου τῷ πολιτεύματι, αἰχμαλώτου ὄντος ἐν Βουλγαρίᾳ, ὁ δὲ περὶ τῆς οικείας ἀδελφῆς, κατὰ τινὰ προνομὴν ληφθεῖσης καὶ τοῖς βασιλείοις διατριβούσης. αὕτη γὰρ πρὸ πολλοῦ ἀχθεῖσα αἰχμάλωτος, τὰ χριστιανῶν

Болгарскій князь Борисъ, услышавъ, что Римлянами править женщина съ молодымъ сыномъ, сдѣлался смѣлѣе и потому отправилъ къ царицѣ пословъ, угрожая нарушить договоры и сдѣлать набѣгъ на Римлянъ; царица же, не имѣя въ мысляхъ ничего неблагого, объявляетъ: «и меня найдешь готовою сопротивляться, а при помощи Божьей и побѣдить. Если же превзойдешь—чего пусть не будетъ—ты, то и въ этомъ случаѣ побѣда моя: потому что ты побѣдилъ женщину, а не мужчину. Испуганный этимъ варваръ остался спокойнымъ и возобновилъ прежніе мирные договоры. И опять: царица и князь обмѣнялись посольствами, она—о нѣкоемъ Θεодосіи, по прозванію Куфарѣ, человѣкѣ известномъ, полезномъ для правительства, бывшемъ въ плѣну въ Болгаріи,—онъ же—о своей сестрѣ, захваченной въ плѣнъ при одномъ набѣгѣ и жившей во дворцѣ.

τε μυηθεῖσα καὶ γραμμάτων μετασχούσα κατὰ τὸν τῆς αἰχμαλωσίας καιρὸν, ἄρτι τε τῆς αἰχμαλωσίας ἀπολυθεῖσα, οὐ διέλιπε πρὸς τὸν ἀδελφὸν τὰ χριστιανῶν ἐκδειάζουσα καὶ τῇ αὐτοῦ καρδίᾳ πίστεως καταβάλλουσα σπέρματα, προμυηθέντος ἤδη παρὰ τοῦ Κουφαρᾶ τὰ θεῖα μυστήρια. τοῦ ἀλλαγίου δὲ γενομένου καὶ τῆς γυναικὸς ἀποδοθείσης τῷ ἀδελφῷ, ἀντιδοθέντος δὲ τῇ δεσποίνῃ τοῦ Κουφαρᾶ, εἰ καὶ προενήχητο ὁ ἄρχων καὶ προτελέσθη τὰ θεῖα, ἀλλ' ἔτι τῆν αὐτὴν ἐφύλαττε ἀπιστιαν, τῆς οἰκίας θρησκείας ἐξηρητημένος. λιμοῦ δὲ σφοδροῦ τὴν χώραν τῶν Βουλγάρων κατεσχηκότος, καὶ πάσης βοήθειας ἀργούσης, τὸν τῶν χριστιανῶν ὁ ἄρχων εἰς βοήθειαν ἀποκαλεῖτο θεὸν τὸν ὑπὸ τοῦ Κουφαρᾶ καὶ τῆς αὐτοῦ ἀδελφῆς αὐτῷ μυσταγωγηθέντα. τὸ αὐτὸ δὲ τοῦτο καὶ τὸ ἔθνος ποιεῖν παρεσκεύασεν ἅπαν. καὶ τυχόντες ἀπαλλαγῆς, οὕτω δὴ πρὸς θεοσέβειαν μετατίθενται καὶ τοῦ λουτροῦ τῆς παλιγγενεσίας καταξιοῦνται, Μιχαὴλ κατονομασθέντος τοῦ ἄρχοντος κατὰ τὸ ὄνομα τοῦ βασιλέως τῶν Ῥωμαίων παρὰ τοῦ πρὸς αὐτὸν ἀποσταλέντος ἀρχιερέως καὶ τοῦ θεοῦ μεταδεωκότος λουτροῦ.

Συνέβη καὶ ἕτερόν τι τὸ ὀδηγήσαν καὶ βεβαιώσαν τὸν ἄρχοντα πρὸς εὐσεβειαν. ἀπλήστως οὗτος ἔχων πρὸς τὰ κυνηγέσια, καὶ βουλόμενος τούτοις ἐντρυφᾶν μὴ μόνον ὅτε πρὸς θήραν ἐξίοι, ἀλλὰ καὶ ὅτε σχολάζοι, διὰ ζωγραφίας

Она то, давно находясь въ плѣну и научившись христіанскому закону, а также узнавши во время плѣна грамоту, со времени своего освобожденія изъ плѣна не переставала превозносить христіанскій законъ и бросать сѣмена вѣры въ сердце брата, который былъ уже ознакомленъ съ божественными таинствами Буфарю. Когда произошло обмѣнъ и когда сестра отдана была брату, а въ замѣнъ ея возвращенъ былъ царидъ Буфара, князь, хотя и былъ оглашаемъ ранѣе и совершенствовался въ богопознаніи, но все еще сохранялъ прежнее свое невѣріе, привязанный къ родной религіи. Но когда постигъ болгарскую страну сильный голодъ и не было никакой помощи, князь призываетъ на помощь Бога, котораго проповѣдывали Буфара и его собственная сестра; и онъ заставлялъ и весь народъ сдѣлать тоже самое. Получивши избавленіе, обращаются къ богопочтенію и сподобляются купѣли возрожденія, причемъ князь названъ былъ Михаиломъ, по имени римскаго императора, отъ посланнаго къ нему архіерея и передавашаго святое крещеніе.

Случилось и нѣчто другое, что привело князя и утвердило въ благочестіи. Ненасытно преданный псовой охотѣ и желая наслаждаться ею не только тогда, когда ходилъ на охоту, но и когда находился дома, посред-

ἐντροφᾶν τοῖς τοιοῦτοις, οἶκον δη-
μιουργήσας νέον Μεθοδίον τινα
μοναχὸν Ῥωμαῖον τὸ γένος, ζω-
γράφον τὴν τέχνην, ἐκέλευσεν
ἱστορίας πληρῶσαι τὸ οἶκημα.
ὡσπερ δὲ ὑπὸ τινος ἐπιπνοίας θεί-
ας ὁδηγοῦμενος οὐχ ἐπέσκηψε
ῥητῶς ὅποια δὴ καὶ τίνα τῶν ζω-
φῶν ἐξιστορήσει, ἀλλ' ἐκέλευε γρά-
φειν ἅπτα καὶ βούλοιοτο, φοβερὰ
μέντοι εἶναι τὰ γραφόμενα καὶ
πρὸς ἐκπληξιν καὶ δέος τῶν θε-
ωμένων. ὁ δὲ μὴδὲν ἕτερον εἰ-
δώς φρικωδέστερον τῆς δευτέρας
τοῦ Χριστοῦ παρουσίας ταύτην
ἔχει καθυπέγραψεν. ἰδὼν δὲ ὁ ἄρ-
χων ἔνθεν μὲν τῶν δικαίων τὸν
χορὸν στεφανοῦμενον ἐκεῖθεν δὲ
τὸν τῶν ἀμαρτωλῶν κολαζόμενον,
καὶ παρὰ τοῦ ζωγράφου συνείς τὸν
νοῦν τῆς ζωγραφίας, εὐθύς τε
τὴν οἰκίαν ἐξόμνυται θρησκείαν,
καὶ κατηχηθεὶς, ὡς εἶπομεν, παρὰ
τοῦ θεοῦ ἐπισκόπου τὰ θεῖα μυσ-
τήρια ἀπὸ τῶν νυκτῶν τοῦ θεοῦ
μεταλαμβάνει βαπτίσματος. οἱ δὲ
τοῦ ἔθνους ἄρχοντες καὶ τὸ κοινὸν
τὴν τῆς θρησκείας ἐγνωκότες με-
ταβολὴν κατεξανίστανται τοῦ ἄρ-
χοντος καὶ ἀνελεῖν ἐσπούδαζον.
τούτους δ' ἐκεῖνος μετὰ τῶν πε-
ρὶ αὐτὸν ὀλίγων ὄντων τρεφάμε-
νος, τοῦ σταυρικοῦ τύπου προηγου-
μένου, τῷ παραδόξῳ καταπλάγευ-
τας χριστιανίσει πεποιήκει. μετα-
βληθέντος δὲ παντὸς τοῦ ἔθνους
πρὸς θεοσεβείαν, γράφει πρὸς τὴν
δέσποιναν ἐξαιτῶν δοθῆναι οἱ γῆν,
στενοχωρουμένων τῶν ὑπ' αὐτὸν,
ὑπισχνούμενος ἐνοποιῆσαι τὰ ἔθ-
νη καὶ εἰρήνην ἐργάσασθαι αἰτίδιον

ствомъ живописныхъ изображеній
ея, выстроивши новый домъ,
онъ приказалъ нѣкому монаху
Методію по происхожденію Ро-
мею, а по ремеслу живописцу,
украсить покомъ изображеніями
охотничьихъ сценъ. Но какъ бы
руководимый божественнымъ вдох-
новеніемъ, онъ не указалъ, что
именно рисовать и какихъ жи-
вотныхъ, а приказалъ изобра-
зить, что онъ самъ захочетъ,
только были бы изображенія
страшны и возбуждали страхъ
и ужасъ въ зрителяхъ. Ме-
тодій, ничего не зная страшнѣе
второго пришествія Христова, и
изобразилъ оное. Князь, видя
съ одной стороны удостовивших-
ся вѣнца праведниковъ, а съ
другой мучащихся грѣшниковъ и
узнавъ отъ живописца смыслъ
картины, тотчасъ же отрекается
отъ своей родной вѣры и, огла-
шенный, какъ мы сказали, отъ
божественнаго епископа въ боже-
ственныхъ таинствахъ, тайно
ночью сподобляется божествен-
наго крещенія. Народные вель-
можи, узнавши о перемѣнѣ об-
щей ихъ вѣры, возмущались про-
тивъ князя и старались свергнуть
его. Но онъ, обратившись противъ
нихъ съ немногими окружавши-
ми его людьми, предшествуемый
изображеніемъ креста и поразив-
ши ихъ неожиданностью, заста-
вилъ ихъ сдѣлаться христіанами.
Когда весь народъ обратился къ
богопочитанію, князь пишетъ го-
сударынѣ, прося ее дать ему

τε και ἀμετάβλητον. ἡ δὲ βασι-
 λης Ἰλαρῶς λίαν τὴν ἰκετείαν προσ-
 ἤκατο, και δέδωκεν ἔρημον οὖ-
 σαν τρηκαῦτα τὴν ἀπὸ τῆς κα-
 λουμένης Σιδηρᾶς, ὅριον τότε τυ-
 χάνουσαν Ῥωμαίων τε και Βουλ-
 γάρων, ἀχρι τῆς Δεβελτοῦ, ἣν οἱ
 Βούλγαροι Ζαγοράν κατωνόμασαν.
 τοῦτον οὖν τὸν τρόπον ἡ πᾶσα
 Βουλγαρία μετεββυθμισθη πρὸς
 θεοσέβειαν.

земли, такъ какъ подданнымъ
 его тѣсно становится въ своей
 странѣ, и общаа объединить
 народы и сохранить вѣчный и
 неизмѣнный миръ. Царица очень
 благосклонно уступила этой прось-
 бѣ и дала бывшую тогда пустою
 страну отъ такъ называемой Си-
 ддры, служившей тогда границей
 между Болгарами и Римлянами,
 до Девальта. Такимъ то обра-
 зомъ вся Болгарія сопричислена
 была нъ богопочитанію.

Georgii Cedreni Historiarum compendium, ed. Bonn. t. II, p. 151—153.

9. Зонара.

Ὁ δὲ τῶν Βουλγάρων ἀρχων
 γυναικί τὴν τῶν Ῥωμαίων βασι-
 λείαν και παιδί νεαρῷ κυβερνιμέ-
 νην μαθῶν, στέλλει τινὰς τῶν αὐ-
 τοῦ, ἀπειλῶν, ἀφίστασθαι τῶν
 σπονδῶν και ἀραι ὄπλα κατὰ τῆς
 Ῥωμαίων ἀρχῆς. πρὸς ταῦτα
 τοῖνον δηλοῖ αὐτῷ ἡ βασίλισσα,
 ὡς «ἀντιτάξομαι σοι πάντως κά-
 γῶ, και εἰ μὲν θεοῦ διδόντος ὑπερ-
 ἔξω, ἔση νικηθεὶς ὑπὸ γυναικός,
 και ὅσον σοι τὸ μὲν αἰσχύνης ὑπό-
 γειον λόγισαι, εἰ δὲ και νικήσεις,
 ἴσως αὐτούς, οὐκέσται σοι σεμνὸν
 τὸ εὐτύχημα γυκαῖκα νικήσαν-
 τι». ὡς οὖν ταῦτα τῷ βαρβάρῳ
 ἠγγέλθησαν, ἀνέστειλαν αὐτῷ τὴν
 ὄρμην, και οἱ σύμπερον ἀνανεώ-
 σασθαι τὰς σπονδάς, και αὐταὶ
 ἀνεκωνίσθησαν. ἀδελφὴ δὲ τοῦ ἀρ-
 χοντος Βουλγαρίας αἰχμαλωτισθεῖ-
 σά ποτε, και ἐν τοῖς βασιλείοις διά-
 γουσα, τῷ θεῷ τε ἐτελέσθη βαπ-

Князь Болгарскій, узнавъ, что
 царство римское управляется
 женщиною и молодымъ сыномъ,
 посылаетъ нѣкоторыхъ изъ сво-
 ихъ, угрожая, что онъ от-
 ступить отъ договоровъ и под-
 ниметь оружіе противъ римска-
 го царства. На это царица
 заявляетъ ему: «и я, конечно,
 приготовлюсь противъ тебя, и если,
 Богъ дастъ, одождю тебя, то ты
 будешь побѣжденъ женщиною, и
 сколько это причинитъ тебѣ сты-
 да; а если, можетъ быть, и ты
 побѣдишь меня, то успѣхъ твой
 не будетъ блестящимъ, ибо ты
 побѣдишь женщину». Когда воз-
 вѣстили это варвару, онъ сдержалъ
 свой порывъ, и ему показалось
 полезнымъ возобновить договоры,
 которые и были возобновлены. При-
 шла на память сестра болгарска-
 го князя, попавшая когда-то въ

τίσματος, και γραμμάτων ἐν μνήσει ἐγγύετο. ταυτην ὁ ἀδελφός ἀναδοθῆναι οἱ ἡξίωσος, και ἡ μὲν ἐδόθη αὐτῷ. ὁ δὲ ἀντέδωκεν ἀνδρα τῶν λογίμων Θεόδωρον τὸν Κουφαρᾶν. ἡ δὲ τοῦ τῶν Βουλγάρων ἀρχοντος ἀδελφῆ ἀφικμένη πρὸς τὸν ὁμαίμονα, ἐνῆγεν αὐτὸν εἰς τὴν τῶν χριστιανῶν θρησκείαν, διὰ παντὸς αὐτῷ περὶ αὐτῆς διαλεγομένη, και τὰ τῶν χριστιανῶν μυστήρια ἐκθειάζουσα. ὁ δὲ ταῦτα και πρὸς τοῦ Κουφαρᾶ κεκατήχητο, ἀλλ' οὕτω ἐπέπειστο τῶν πατρῶν ἀποστῆναι ἐθῶν. λιμὸς δὲ τοῖς Βουλγάροις συμβάς, και αὐτὸν και τὸ ἔθνος εἰς θεοσεβείαν μετερρύθμισεν. ὁ μὲν γάρ τὸ ἔθνος ἅπαν ἐπίεζε και οὐκ ἦν ἀποφύγη τοῦ κακοῦ, φθορὰ δὲ τοῦ ἔθνους ἐγένετο και ὁ σφῶν ἀρχηγὸς ἦν διὰ τοῦτο περιαλγῆς και ἀπορήσας, εἰς τὸν παρὰ τῆς ἀδελφῆς καταγελομένον καταφύγει και τοῦτον του λιμοῦ λυτῆρα και τῆς τοῦ ἔθνους φθορᾶς ἐπεκέκλητο. ὡς δὲ ἐνεργῆς ἦν ἡ ἐπίκλησις και τῶν κακῶν ἀπῆλλάγησαν, ἔγνω τοῦ ἐπικληθέντος τὴν δύναμιν και αξιοῖ σταλῆναι αὐτῷ τινα, τὸν το μυστήριον αὐτὸν μνήσοντα τῶν Χριστιανῶν, και τελέσοντα τῷ θείῳ βαπτίσματι, και ἀπεστάλη μὲν ἀρχιερεὺς πρὸς αὐτόν, ὁ δὲ και ἐμυήθη και ἐβαπτίσθη. οἱ Βουλγαροὶ δὲ ὡς τῆς πατρῶν τιμῆς και δόξης ἀκοσῆσαντες καταξάνονται τοῦ σφῶν ἀρχηγῶ, και ἐζήτουν αὐτὸν ἀνελεῖν, ὁ δὲ τοῦ σταυροῦ σημείῳ θαρρήσας προπορευομένῳ αὐτοῦ, νικᾷ τοὺς ἀν-

πῆντῆς и жившая во дворцѣ; она приняла божественное ирещеніе и научилась грамотѣ. Братъ просилъ ее возвратити ему, и она была возвращена, а онъ въ замѣнъ ея возвратилъ одного знатнаго мужа, Θεοδора Куфару. Сестра болгарскаго князя, возвратившись къ брату, стала приводить его къ христіанской вѣрѣ, постоянно съ нимъ разговаривая о ней и превознося христіанскія таинства. Но онъ, хотя уже Куфарю былъ оглашенъ въ нихъ, однако все еще не рѣшался отступити отъ отеческихъ обычаевъ. Случившійся же у Болгаръ голодъ привелъ къ богочитаінію какъ князя, такъ и его народъ. Голодъ изнурялъ весь народъ и не было никакого убожшица, а было истребленіе народа. Князь ихъ, опечаленный этими и незная, что сдѣлать, прибѣгаетъ къ Тому, Котораго повѣдывала его сестра, и взываетъ къ Нему объ избавленіи отъ голода и истребленія народа. Когда воззваніе оказалось дѣйствительнымъ, и они избавились отъ бѣдствій, онъ познавъ силу призваннаго и проситъ прислать ему кого нибудь, кто внушилъ бы ему тайну христіанства и сподобилъ бы его святаго ирещенія. Въ нему былъ посланъ архіерей, который научилъ его и крестилъ. Но Болгаре возмущились противъ своего князя, какъ отступника отъ цовской чести и славы, и старались

τισάντας αὐτῷ καὶ οὕτω πάντες εἴλοντο τὰ Χριστιανῶν εἶτα διεπρεσβύσατο ὁ τούτων ἐξάρχων πρὸς τὴν βασίλισσαν, αἰτῶν γῆς αὐτῷ παραχωρηθῆναι Ῥωμαϊκῆς, στενοχωρεῖσθαι γὰρ τὸ ἔθνος αὐτοῦ, καὶ αἰδίους σπονδὰς πρὸς τοὺς Ῥωμαίους, καὶ ὁμαιμίαν ἐπαγγελλλόμενος. καὶ ἡ βασίλισ αὐτῷ τὴν αἰτήσιν ἐξεπλήρωσε, καὶ οἱ τῆς ἀπὸ τῆς λεγομένης Σιδηρᾶς παρεχώρησε χώρας, ἢ τὰ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων διώριζε πρῖν, μέχρι τῆς Δεβελτοῦ, ἣν λαβόντες οἱ Βούλγαροι κελήκασι Ζαγοράν. κάντεῖθεν εἰρήνη γέγονε παρὰ τὰ ἐσπέρια.

погубить его. Но онъ, предшествуемый знаменіемъ креста, рѣшившись сопротивляться, побѣждаетъ возставшихъ противъ него, и такимъ образомъ всѣ приняли христіанство. Потомъ князь ихъ отправилъ посольство къ царицѣ, прося уступить ему римской земли, такъ какъ народъ его стѣсненъ въ своей странѣ, общая вѣчный союзъ съ Римлянами и согласіе. Царица исполнила его пресъбу и уступила ему страну отъ такъ-называемой Сидиры, которая прежде служила границею Болгаръ и Римлянъ, до Девельта, получивъ которую Болгаре назвали Загорою. Съ тѣхъ поръ на западѣ водворился миръ.

10. Симеонъ Магистръ (Логоветъ).

(21). Ἐτι τῆς Θεοδώρας τὴν βασιλείαν κατεχούσης, Βόγαρις ὁ ἄρχων Βουλγαρίας, γυναίκα τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας ἀκούσας κρατεῖν, δηλοῖ αὐτῇ καταλύειν τὰς συνθήκας καὶ πρὸς Ῥωμαίους ἐκστρατεῦειν. ἀντιδηλοῦται οὖν αὐτῷ ὅτι «καὶ ἐμέ κατὰ σοῦ εὐρήσεις ἀντιστρατεύουσαν, καὶ ἐλπίζομεν κυριεῦσαι σου. εἰ δὲ μή, καὶ οὕτως σοῦ περιέσομαι, τὴν νίκην ἀρδηλὸν ἔχουσα· γυναίκα γάρ, ἀλλ' οὐκ ἄνδρα ἔχεις τὸν ἠττηθέντα σοι». διὰ τοῦτο μὲν οὖν καὶ ἐφ' ἡσυχίας ἔμεινε καὶ τὰς τῆς ἀγάπης ἀνεπέσεν σπονδὰς. (22) Ζήτησιν οὖν αὐτῇ ποιεῖται περὶ τοῦ μοναχοῦ Θεοδώρου τοῦ

Когда еще царствовала Теодора, Богарисъ, князь болгарскій, услышавъ, что царствомъ римскимъ управляетъ женщина, объявляетъ ей, что онъ нарушитъ мирные договоры и будетъ воевать съ Римлянами. Она отвѣчаетъ: и меня съ своей стороны найдешь готовою къ войнѣ, и мы надѣемся восторжествовать надъ тобою; а если же и нѣтъ, то и въ этомъ случаѣ я превзойду тебя, очевидно имѣя побѣду на своей сторонѣ, ибо ты побѣдишь не мужчину, а женщину. Вслѣдствіе этого онъ остался покойнымъ и возобновилъ мирные договоры. Вотъ она дѣлаетъ ро-

Κουφαρᾶ, πρὸ πολλοῦ αἰχμαλωτισθέντος καὶ οὗτος δὲ ἀφορμὴν ἐκ τούτου λαβὼν περὶ τῆς οἰκεῖας ἀδελφῆς αἰχμαλωτισθείσης καὶ ἐν τῇ τοῦ βασιλέως αὐλῇ κατεχομένης δηλοῖ. ἦτις καὶ γράμματα μαθοῦσα καὶ τὴν τῶν χριστιανῶν τάξιν καὶ τὴν περὶ τὸ θεῖον αἰδῶ καὶ δόξαν, ἐπεὶ τῆς ἐπανόδου τῆς πρὸς τὸν ἀδελφὸν τετόχηκεν, οὐ διέλιπεν ἐκδειάζουσα καὶ παρακαλοῦσα μεταθέσθαι πρὸς τὴν ἀληθῆ πίστιν, εἰ καὶ αὐτὸς τῇ ἀπιστίᾳ κατισχημένος πρὸς τὴν ἀληθειαν ἰδεῖν τέως οὐκ ἠθέλησεν. λιμοῦ δὲ τὴν χώραν ἐπινεμομένου ἠναγκάσθη τὰ Ῥωμαίων ὄρια ὑπερβαίνειν.

(24). Τούτῳ τῷ ἔτει (γ'), ἐξηλθεν Ἄμερ μέχρις Σινώπης, καὶ ληισάμενος πάντα τὰ Ῥωμαίων ὑπέστρεψεν ἀβλαβῆς.

(25). Τῷ δ' αὐτοῦ ἔτει ἐκστρατεύει Μιχαὴλ ἅμα Καίσαρι διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης κατὰ Γόβορι ἄρχοντι Βουλγάρων. Τούτο μαθόντες οἱ Βούλγαροι, ἅμα δὲ καὶ λιμῷ τηκόμενοι, ὡς ἤχφ βροντῆς ὑπεκλίθησαν καὶ πρὸ τῶν ἀγώνων καὶ τῆς μάχης περὶ τὴν νίκην κατέγνωσαν. Χριστιανοὶ τε γενέσθαι καὶ ὑποτάττεσθαι τῷ βασιλεὶ Ῥωμαίων ἠτήσαντο. ὁ δὲ βασιλεὺς τούτους ἐν τῇ πόλει ἀγαγὼν, ἐβάπτισε πάντας, καὶ τὸν ἄρχοντα αὐτῶν Μιχαὴλ ἐπωνόμασεν. δεῖς εἰς τὸ ἴδιον ὑποστρέφας διὰ ζωγράφου Μεθοδίου λεγομένου τὴν κρίσιν καὶ ἀνταπόδοσιν

зныскъ о монахѣ Θεодорѣ Κυφαρᾶ, давно взятомѣ въ плѣнѣ. Воспользовавшись этимъ предлогомъ, и онъ съ своей стороны заявляетъ о своей сестрѣ, попавшей въ плѣнѣ и содержавшейся въ царскомъ дворцѣ. Она, научившись грамотѣ и христіанскому чину богопочитанія и прославленія, когда снова возвратилась къ брату, не переставала восхвалять его и убѣждать обратиться въ истинную вѣру, хотя онъ, одержимый невѣріемъ, не хотѣлъ обратить взоры къ истинѣ. Когда же голодъ сталъ опустошать страну, онъ принужденъ былъ переступить римскіе предѣлы.

Въ этотъ же годъ (3-й годъ ц. Мих.) проникъ Америкъ до Синопа, грабя римскія области, и воротился назадъ невредимо.

Въ 4-й же годъ (своего царствования) Михаилъ, вмѣстѣ съ кесаремъ, воевалъ на сушѣ и на морѣ противъ Гобора, князя Болгаръ. Услышавъ объ этомъ и страдавъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ голода, они были поражены, какъ громомъ, и прежде борьбы и битвы отчаялись въ побѣдѣ и предложили стать христіанами и покориться царю Ромеевъ. Царь же, введши ихъ въ городъ, крестилъ всѣхъ и князя ихъ называлъ Михаиломъ. Послѣдній, возвратясь во свояси, приказалъ живописцу, по имени Методію, нарисовать въ своемъ домѣ судъ и воздаяніе.

ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ γραφῆναι πεποίηκεν διὸ καὶ μᾶλλον τὴν ἐκ παντὸς τοῦ γένους αὐτοῦ καθυφίσταται ἐπανάστασιν, οὗς μετὰ τινῶν ὀλίγων καταπολεμήσας, τὸν τοῦ θείου σταυροῦ τύπον ἐγκόλπιαν περιάγων, πάντας ἀναφανδὸν ἐποίησε Χριστιανούς. δηλαῖ καὶ τῷ βασιλεῖ περὶ γῆς διὰ τὸ στενοῦσθαι ἐν τοῖς ἰδίοις τὸ πλῆθος τὸ ἑαυτοῦ, πρὸς τῷ καὶ ἐν τῇ πίστει ὁμονοεῖν αἰδίως καὶ τὴν ἀγάπην ἄλλοτον εἰς αἰῶνας φυλάττειν. ὃ δὲ εὐμενῶς ἤκουσε, καὶ δέδωκεν ἐρήμην οὖσαν τρηκαῦτα τὴν ἀπὸ τῆς Σιδηρᾶς, ταύτης δὴ τότε ὄριον τυγχανούσης Ῥωμαίων τε καὶ αὐτῶν, ἄχρι τῆς Δεβελτόν, ἥτις οὕτω καλεῖται Ζαγόρια παρ' αὐτοῖς.

Этимъ онъ еще больше возбуждаетъ противъ себя возстаніе во всемъ своемъ народѣ. Побѣдивши ихъ съ нѣкоторыми немногими, нося въ лонѣ своемъ образъ божественнаго креста, онъ явно сдѣлалъ всѣхъ христіанами. И вотъ дѣлаетъ заявленіе царю о землѣ, вслѣдствіе тѣсноты въ своихъ предѣлахъ для многочисленныхъ своихъ подданныхъ; вѣстѣ съ тѣмъ (заявляетъ) о постоянномъ единомысліи въ вѣрѣ и сохраненіи ненарушимой любви на вѣки. Царь, благосклонно выслушавъ ихъ, далъ имъ бывшую тогда пустою (ненаселенною) страну отъ Сидеры, служившей тогда границей между ними и Римлянами, до Девельта, которая у нихъ называется Загорьемъ.

Symeon Magister, ed. Bonn. при Theoph. Contin. p. 664—666.

11. Теофилактъ, архіепископъ Волгарскій *).

Разсказавъ о страданіи тиверіупольскихъ мучениковъ при Юліанѣ, Теофилактъ продолжаетъ *).

27. Спустя много лѣтъ пришли изъ полуденнаго климата варвары, какіе-то Омбры, и опустошили тиверіопольскую землю и самый городъ; при паденіи храма, въ которомъ стояли раки мучениковъ, раки эти скрылись неизвѣстно куда въ развалинахъ.

*) Въ сочиненіи Теофилакта „Martyrium ss. quindecim illustrium martyrum qui imperanti impio Iuliano Apostata Tiberiopolis, qua Strumitza bulgarice dicitur, passi sunt“ (Patrol. graeca t. 126, ed. *Migne*), находится нѣсколько мѣстъ, имѣющихъ значеніе для болгарской исторіи, которыя здѣсь приводятся, неважны—въ изложеніи, болѣе важны въ буквальной переводѣ съ отмѣткой вносными знаками.

28. «По удаленіи же этого народа, пришелъ другой беззаконнѣйшій и свирѣпѣйшій, по имени Булгаре, изъ предѣловъ Скиѣи, переправившись черезъ такъ называемую рѣку Истръ, какъ тяжелый бичъ, посланный Богомъ на предѣлы запада. Они не знали имени Христова, а по скиѣскому невѣжеству служили солнцу и лунѣ и прочимъ звѣздамъ. Нѣкоторые даже приносили жертвы собакамъ. Такъ помрачилось неразумное сердце ихъ, и они служили твари вмѣсто Творца. Когда покорили всю Иллирійскую страну (πάσαν τὴν Ἰλλυρίδα χώραν) и древнюю Македонію до города Фессалоники, часть древней Фракіи, именно около Вереи и Филипполя, и страны вверху (τὰ τε ἀνωτέρα), завладѣли страню, какъ твердые обитатели (οἱ κτήτορες βέβαιοι). Они перемѣстили жителей каждой части, жителей нижнихъ городовъ переселяя въ верхніе, а жителей этихъ, наоборотъ, переводя въ нижніе. Впрочемъ они пользовались всѣми просто какъ рабами, сами рабы всякаго безумія (πάσης ἀπονοίας) и отступники Господа Истиннаго. Но подвластные имъ христіане, удерживая чистѣйшую отеческую вѣру, во всѣхъ бесѣдахъ съ ними проводили христіанское ученіе и, насколько было возможно, отрывали имъ свѣтъ евангелія».

29. «Одинъ изъ болгарскихъ князей, Крувь, покорилъ многіе другіе города Римлянъ и взялъ знаменитый Адрианополь, жителей его взялъ въ плѣнъ и переселилъ далѣе въ тѣ города, которыми завладѣлъ ранѣе. Въ числѣ этихъ переселенцевъ былъ одинъ мужъ, по имени Кинамъ, по внѣшности блестящій и изящный, а по душевнымъ качествамъ превосходившій всѣхъ своихъ товарищей. При раздѣлѣ плѣнныхъ онъ достался Омвритагу, сыну Крува. Онъ былъ любимъ своимъ господиномъ и всѣми прочими, такъ какъ безспорно превосходилъ всѣхъ; только одно въ немъ печаливало ихъ: онъ отличался отъ нихъ религіею. Поэтому варваръ употреблялъ всѣ старанія, чтобы отлучить его отъ Христа. На первый разъ онъ испыталъ его вѣру слѣдующимъ образомъ: совершивши одно блестящее жертвоприношеніе и приготовивши при этомъ роскошный обѣдъ, онъ приказываетъ благородному Кинаму садиться вмѣстѣ и обѣ-

дать съ прочими начальниками. Но онъ, научившись отъ Павла, или справедливѣе, помня, что нѣтъ у Христа ничего общаго съ Велиаромъ и что вѣрующимъ во Христа невозможно пить чашу Господню и чашу бѣсовскую, отвергъ предложеніе обѣдать съ ними».

30. Варваръ настаивалъ на своемъ. Кинамъ, вмѣсто повиненія, сталъ доказывать пустоту язычества и проповѣдовать о Христѣ. Омвритагъ не вынесъ этого и приказалъ запереть слугу Христова въ тюрьму, въ которой онъ и оставался до смерти Омвритага.

31. «Умирая, онъ оставилъ трехъ сыновей. Старшему изъ нихъ было имя Энравота (Ἐνράβοτας), второму Звничесь (Ζβηνίτσης), а третьему Маломірѣ (Μαλλωμηρός); послѣднему выпало на долю и княженіе отца (ἀρχή). Энравота, который также назывался Воинномъ, по провидѣнію Божию, вспомнилъ о христіанинѣ Кинамѣ: онъ послалъ къ брату Маломіру и просилъ его отыскать Кинама и отыскавши прислать къ нему. Маломірѣ не оставилъ безъ вниманія просьбы брата и сталъ отыскивать этого человѣка; онъ нашелъ его въ тюрьмѣ голоднаго, грязнаго, поблѣднѣвшаго, ослабшаго, такъ сказать призракъ прежняго Кинама; онъ вывелъ его и, оправивши, насколько было можно, послалъ къ брату Энравотѣ. Какъ только послѣдній увидѣлъ шедшаго со всѣми признаками испытаннаго въ тюрьмѣ мученія и такъ измѣнившагося во всемъ тѣлѣ, что не могъ сразу и узнать его, спросилъ о причинѣ перемѣны. Кинамъ, рассказавши о мученіи въ тюрьмѣ и оковахъ, сталъ говорить наконецъ о пустотѣ плотской мудрости». На вопросъ Энравоты, за что онъ претерпѣлъ все это, Кинамъ отвѣчалъ, что единственная причина всего этого была вѣра во Христа; пострадать за которую, прибавилъ онъ, есть высшее благо для христіанина.

32. «Вслѣдствіе этого Энравота, какъ бы раненый въ сердце сладкимъ копьемъ любви къ сладчайшему Іисусу, принявъ къ сердцу слова мудрѣйшаго Кинама, какъ пищу, воспламеняется стремленіемъ къ вѣрѣ Христовой. Онъ лю-

билъ этого человѣка и постоянно въ разговорахъ спрашивалъ его о вѣрѣ во Христа. Понявъ достаточно таинство благочестія и сравнивъ чистоту его съ нечистою болгарскаго суевѣрія и твердость божественнаго слова съ ничтожностію и безсмысліемъ ихъ, отвергнувъ безбожіе, увлекается богопочитаніемъ, дѣлается вѣрующимъ и принимаетъ крещеніе. И съ этого времени начинаетъ соблюдать посты и молитву и все остальное, что характеризуетъ и отличаетъ истиннаго христіанина».

33. «Когда узналъ объ этомъ братъ его Маломіръ, съ неудовольствіемъ отнесся къ этому и призвалъ къ себѣ брата Энравоту. И возревновавъ по отеческимъ богамъ, принялъ Энравоту не какъ брата, но какъ отступника переданной отцами вѣры, и сказалъ ему: или тотчасъ отрекись отъ чужаго Бога или же (указываетъ на слугъ и мечъ) сейчасъ ты будешь отданъ имъ. Но онъ, избравши смерть за Христа и жаждая ея болѣе, чѣмъ крови его братъ, отвѣтилъ тотчасъ же своему брату слѣдующее: ни что не удалить меня отъ любви ко Христу: ни мечъ, ни огонь, ни плеть, ни какое другое ужасное мученіе. Для меня лучше умереть за имя Христово, нежели ничтожно и незаконно жить съ нечестивыми». Далѣе Энравота приводитъ тексты изъ псалмовъ Давида, притчей Соломона и сравненія, заимствованныя тоже изъ священнаго писанія. «Но къ чему много говорить? Однимъ словомъ: святилища Эллинновъ, какъ безбожныя и нечистыя, я отвергаю со всѣмъ ихъ служеніемъ, но Христа какъ истиннаго Бога и Творца чту и обязываю ему должное поклоненіе: Услышавъ это, безбожный и незаконный братъ его тотчасъ объявляетъ ему смертную казнь. Когда онъ былъ приведенъ на мѣсто казни, исполнился божественнаго духа и говоритъ пророчески о будущемъ: та вѣра, за которую я умираю теперь, распространится и разширится по всей болгарской землѣ, хотя вы и думаете подавить ее моею смертію. Во всякомъ мѣстѣ водворится знаменіе креста и построятся храмы Божи, и чистые священники чисто будутъ служить чистому Богу, и будутъ приноситься жертвы хваленія и исповѣданія Живоотворящей Троицѣ. Идолы же и жертвенники и нечи-

стые храмы будутъ уничтожены и превратятся въ ничто, какъ будто не существовали. Да и ты самъ спустя немного годовъ потеряешь свою несчастную душу, ничего не получивъ въ награду за свою жестокость. Торжественно предсказавши это, поборникъ Христа наклонилъ голову предъ палачемъ и отъ меча принялъ тѣлесную смерть, предавши честную душу въ руки Бога. Спустя три года невидимая лоса справедливости принесла жатву его жизни. Правление Болгарами принялъ сынъ Звничеса (τοῦ Ζβηνίτζης), его племянникъ».

(34). Ἐπεὶ γὰρ τὴν ἀρχὴν ὀριδῆς *) διεδέξατο Βωρίσης ὁ θαυμάσιος, Φράγγων νέφος τὴν Βουλγαρίαν πᾶσαν ἐκάλυψε. Συνεπετέθη δὲ τούτῳ καὶ λιμὸς δεινός. Ἔιχε δὲ τὸ τῶν Βουλγάρων οὖτω γένος κακῶς καὶ πολεμίῳ ξίφει καὶ λιμοῦ ἀγχόνῃ φθειρόμενον, Ἄλλ' ὁ γε Βωρίσης καίτοι καὶς ὢν, ἐπεγνώσθη τὴν θεῖαν μάστιγα· καὶ ὡς ἐπάγει ταύτην ὁ παιδευτὴς Πατὴρ καὶ Δεσπότης, ἐπιστρέφαι θέλων τοὺς υἱοὺς καὶ δούλους πρὸς τὴν ἀληθεῖαν, ἀμέλει τότε τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων καὶ τῇ συγκλήτῳ διαπρεβεύεται (Μιχαὴλ ἄρα τότε τὴν βασιλείαν εἶχεν ὁ Θεοφίλου υἱός), ὡς ἂν συνθήκας εἰρήνης ποησάμενος, τοῦ λοιποῦ γαλιναῖον βίον καὶ ἀτάραχον, ἤρεμόν τε καὶ ἡσύχιον διάγειεν ἐν πάσῃ εὐσεβείᾳ καὶ σεμνότητι· καὶ τί γὰρ εἰ ἀληθῶς ἀδελφικῶς μετ' ἀλλήλων διάγειεν ἐν ὁμονοίᾳ καὶ ἀγάπῃ; καὶ προσετίθη πίστιν ἀσφαλῆ, τὸ καὶ αὐτὸς τὸ θεῖον δέ-

34 «Когда вышеупомянутый достославный Борисъ получилъ правление, туча Франковъ покрыла всю Болгарію. Въ этому присоединился еще страшный голодъ. Такимъ образомъ болгарскій народъ страдалъ опустошаемый непріятельскимъ мечемъ и голодомъ. Но Борисъ, хотя былъ еще мальчикомъ, позналъ бичъ Божій и то, что руководитель Отецъ и Господь наводитъ его, желая сыновъ и рабовъ обратитъ въ истинѣ. Поэтому онъ отправляетъ посольство къ царю Римлянъ (тогда царствовалъ Михаилъ, сынъ Теофила) и синклиту, чтобы, заключивши условия мира, впередъ жить тихо и невозмутимо, во всякомъ благочестіи и чистотѣ; ибо, что же (можетъ быть иное), если жить истинно братски, въ согласіи и любви? Присоединимъ и твердое увѣреніе, что самъ готовъ принять божественное вращеніе. Просилъ также прислать

*) ἴσ. ὁ ῥητεῖς.

ξασθαι βάπτισμα. Ἦξίου δὲ καὶ ἱερεῖς πρὸς αὐτὸν σταλῆναι, ὡς ἂν πάντα τὸν Χριστιανισμόν αὐτοῖς παραδώσοντας. Ῥωμαῖοι δέ, τὸ μηδέποτε παρὰ Βουλγάρων ἐλπισθέν ἐαυτοῖς τὸ περὶ τῆς εἰρήνης μήνυμα ἀσμένως δεξάμενοι, πάντα διὰ τάχους ἐτέλεσαν. Βαπτίζεται τοίνυν Βορίσης, καὶ Μιχαήλ ἐκ τοῦ λουτροῦ τῆς ἁγίας κολουμβήθρας ἐπονομάζεται, τῷ βασιλεὶ Ῥωμαίων (αὐτοὶ φασὶ) χαρίζομενος, τῷ ἐπ' ὀνόματι αὐτοῦ κληθῆναι. Καὶ γὰρ ὁ καὶ αὐτὸς ἔδοξεν αὐτὸν ἀναδέξασθαι, καὶ μὴ δωματικῶς παρεῖν*). Συνεβαπτίσθησαν δὲ αὐτῷ, καὶ ὅσον ἐν Βουλγάροις γένος, ὄγκον τε καὶ πλοῦτος βάνη τῶν ἄλλων εἶχον ἐξαιρέτων. Ἐκ τούτου δὲ καὶ οἱ λοιποὶ τὴν φωτοποῖον ἐδέχοντο κάθαρσιν, πλὴν εἴ τινες θηριώδεις παντάσῃν, οὐδὲ καὶ αὐτοῦς, στρατεῖαν κατ' αὐτῶν ἀθροίσας οὐ πᾶν πολλήν, ἐπειδὴ δὲ Χριστῷ βοηθούμενος, οὐ τάλαιπῶρος κατετροπώσατο (καὶ) πρὸς τὸ θεῖον ὑπηγάγετο βάπτισμα.

(35). Ἐκ τούτου δὲ ἐπίσκοποι τε καθίστανται, καὶ ἱερεῖς πλεῖονες τελοῦνται, καὶ ναοὶ ἅγιοι ἀνγεῖρονται.

священниковъ, которые сообщали бы имъ все христіанское ученіе. Римляне, охотно принявъ вовсе неожиданный отъ Болгаръ знакъ мира, вскорѣ все исполнили. Итакъ, Борисъ крестится и при погруженіи въ святую купель называется Михаиломъ, желая, какъ они сами говорятъ, угодить царю Римлянъ принятіемъ его имени. Последній самъ изъявилъ согласіе быть воспреемникомъ, хотя лично и не присутствовалъ. Крестились съ нимъ и всѣ тѣ изъ болгарскаго народа, которые отличались достоинствомъ и богатствомъ. Вслѣдствіе этого и прочіе приняли свѣтоносное очищеніе, кромѣ нѣкоторыхъ совершенно звѣроподобныхъ; но (Борисъ), собравъ не очень большое войско и споспѣшествуемый Христомъ, безъ труда и ихъ обратилъ и привелъ къ божественному крещенію».

35. «И послѣ этого поставляются епископы, опредѣляется много священниковъ и воздвигаются святыя храмы».

«И прѣжній не народъ (λαός), но варварскій языкъ (ἔθνος); теперь становится и называется народомъ (λαός) Божиимъ... И такъ, тотчасъ послѣ этого можно было видѣть, какъ, по мѣрѣ наполненія церкви, тѣ-же вышеупомянутые Омвры и

*) ἴσ. παρῆναι ἢ παρῆν.

Булгаре, которые разрушали храмы Божіи, снова прекрасно выстроили и воздвигли съ основаній (ἐκ θεμελίων) и всю землю наполнили здѣсь славю и хваленіемъ Господа».

36. «Правленіе Бориса сопровождалось непрерывною тишиною, хотя не мало племень подчинялось ему, ибо онъ твердо полагался на стирающаго враговъ и сокрушающаго стрѣлы и дающаго вдохновеніе и познаніе, что Онъ единъ Богъ. Проживъ на царствѣ тридцать лѣтъ сверхъ шести и укрѣпившись въ вѣрѣ, онъ впалъ затѣмъ въ тяжелую болѣзнь, но и за то благодарилъ Бога. Постригшись же, обратилъ умъ къ Богу, а царство передалъ старшему изъ дѣтей своихъ, по имени Владиміру. Проживъ немного времени въ монашеской схимѣ, онъ переселился въ жизнь вѣчную, прославленный Господомъ въ явленіи чудесъ и исцѣленій, божественно совершавшихся отъ его костей».

37. «Во времена его явился въ странѣ болгарской святой Германъ; являлись и тѣ святые, которыхъ я поставилъ предметомъ настоящаго слова; болѣе важныя явленія они совершали въ Тиверіополѣ, видимыя то на мѣстѣ ихъ положенія, то усматриваемыя ходящими по стѣнѣ. Источая же всѣмъ просящимъ щедрія исцѣленія, они сдѣлались всѣмъ извѣстны. Молва о нихъ достигла теперь слуха царя болгарскаго Михаила. Весьма пылкій къ божественному, онъ приказываетъ воздвигнуть святой храмъ въ Брегалницкой епископіи (что и было сдѣлано) и туда перенести священные ихъ останки: это не осталось въ пренебреженіи. Когда порученіе это было дано Болгарину Таридену, челоувѣку не только знатному, но и дѣятельному, Тариденъ не оказался нерадивымъ къ дѣлу, но прибавивъ къ дѣятельной природѣ еще ревность вѣры въ чудотворцевъ, съ большою поспѣшностью построилъ храмъ, употребивъ для этой работы много рукъ. Собравъ архіереевъ съ священниками, князей (ἀρχοντας) и множество народа, съ гимнами и оиміакомъ отправляются въ Тиверіополь. Остановившись на мѣстѣ, гдѣ явились святые, и совершивши съ горячими слезами молебствіе, начали копать и выносить землю. Покопавъ нѣсколько, попадаютъ на гробницы святыхъ; ихъ

закрывали высѣченныя изъ пиленого мрамора доски, съ надписью на верху имени каждаго, наружности, образа жизни, достоинства и выраженія лица. Взявъ эти мраморныя доски, они отдали ихъ снести въ брегалъницвѣй епископскій домъ, чтобы онѣ опять были брышкою святыхъ мощей, когда они будутъ перенесены туда и положены во святомъ мѣстѣ. Самыя же мощи, завернувъ въ бѣлое полотно, положили въ деревянные ковчезцы, которые нарочно были приспособлены для перенесенія ихъ».

39. Только хотѣли нести мощи, жители Тиверіополя воспротивились и рѣшили не отпускать, хотя это стоило бы имъ жизни.

40. Комисъ и архіепископъ уговаривали послушаться своего царя, иначе имъ грозить наказаніе: «не обагряйте святаго мѣста гражданскою кровью» (*ἐμφολίφ αίματι*), говорили они. Согласились на томъ, чтобы отпустить мощи только трехъ святыхъ мучениковъ: Тимофея, Комасія и Евсевія.

42. Наконецъ пришли въ Брегалъницу и тамъ, исполнивши все, что слѣдуетъ, поставили священныя раки на правой сторонѣ построеннаго во имя святыхъ храма. «Быль опредѣленъ и клиръ къ этому святому храму, обученный богослуженію на болгарскомъ языкѣ (*Βουλγαρίων γλώττη τὰ θεία πελαιδουμένος*), чтобы онъ состоялъ при немъ и всегда совершалъ священныя пѣснопѣнія». Въ 43—46 главахъ описываются различныя чудеса.

47. «Владиміръ, сынъ Бориса, какъ сказано выше, принялъ отъ него царство. Спустя четыре года его правленія приглашается къ участию въ дѣлахъ правленія младшій братъ его, именемъ Симеонъ. По приказанію послѣдняго комисъ Дистръ перенесъ изъ Тиверіополя въ Брегалъницу святыхъ Сократа и Теодора, и они положены были рядомъ съ перенесенными ранѣе. Съ этого времени еще болѣе стало истекать отъ нихъ чудесъ, о которыхъ вездѣ рассказывали; они привлекали всѣхъ къ принятію божественной благо-

дати». Далѣе опять идетъ разсказъ о различныхъ чудесахъ. Одно изъ нихъ указываетъ на интересную бытовую черту:

54. «Одинъ изъ брегальническихъ святыхъ маленькимъ кускомъ хлѣба насытилъ одного ненасытнаго человѣка, который съѣдалъ по барану, или часто по восьми самыхъ большихъ хлѣбовъ, какіе болгарскій народъ обыкновенно дѣлаетъ, такъ что одного хлѣба достаточно, чтобы наѣсться десятерымъ или болѣе».

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ.
7	сверху 15	принесеніи	принесеніи
18	> 11	25 г.	251 г.
24	сверху 9	имперіи	столицы
29	сверху 1	877	1877.
34	> 16	aliique	aliique
36	> 5	Jireek	Jirešek
37	сверху 2	и кто же нижнимъ	и то же нижнимъ
38	сверху 18	'Ostrói	'Ostrói
>	> 1	Ratki	Raški
41	> 20	εοζυγία	εοζυγία
48	> 3	G.	G.
45	> 3	означеннымъ	означеннымъ
46	> 24—25	Serdica	Serdica
>	> 12	Gerdica	Serdica
47	> 5	перев.	перев.
50	> 2	Jiretek	Jirešek
51	> 19	патрасской	патрасской
>	> 1	то	то
55	> 10	Вуунги	Веунги
59	> 8	цѣпки	оцѣпки
>	> 7	capitastrom	capitastrom
67	> 6	ἐπίρῥεδα:	ἐπίρῥεδα:
70	> 12—18	превоспелной	первоспелной
72	> 5	не были	ни были
>	> 14	доставляющую	доставляло
78	> 1	не чисто славянскимъ.	чисто не славянскимъ.
74	> 8	Maugicium	Maugicium
75	> 2	et.	Get.
76	сверху 17	императора	императора
77	сверху 4	Ассаруха	Аспаруха
78	сверху 19	при Анкиагѣ	при Анкиагѣ
80	сверху 2	ἐκ τοῦ πρῶτου	ἐκ τοῦ πρῶτου
>	> 10	б	б
85	> 18	Пининъ	Пининъ
88	> 2	gramm.	Gramm.
>	> >	eorg.	Georg.
97	> >	B. T	B. T.
98	> 2	Вессовъ	Бессовъ

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
103	снизу 4	378	348
104	» 2	Gubyła	Gabyła
114	сверху 8	Βῦγιλου	Βῦγίλου
124	снизу 6	Φωτίου	Φωτίου
Въ 9-мъ листѣ въсколько разъ напечатано Θεοσαὶς вмѣсто Θεοφάνη.			
139	снизу 8	было	быль
160	сверху 8	интересовъ	интересовъ
161	» 5	результотъ	результатотъ
»	снизу 1	Patriarch	Patriarch
162	» 13	въ большой	въ большей
163	» 14	Гернгерегеръ	Гернгерегоръ.
165	сверху 12	лучше	лучше
166	» 2	по отношеніи	по отношенію
»	» 7	Θεοφιλα	Θεοφιλα
»	» 28	народъ	народовъ
167	» 6—7	получувшій	получившій
168	» 10	возмущавшато	возмущавшему
169	» 3	богословное	богословское
»	» 11	патріаршаго	патріаршаго
170	снизу 4	ἄβελφ	ἄβελφ
171	сверху 13	шуществовало	существовало
»	» 15—16	οἰκισμοῦ	о положеніи
»	» 16	энергическоа	энергическій
»	» 17	ἠποσῆδωδατελνῆν	и послѣдовательный
172	» 4	καίη	какія
173	снизу 8	litteras	litteras
174	сверху 8	илярійскихъ	илирійскихъ
»	» 12	чкстолюбивнѣ	честолюбивнѣ
176	» 11	монафизитовъ	монофизитовъ
»	снизу 2	Octavum	Octavum
187	» 4	lonis	donis
188	» 4	audiens	audiens
193	» 12	1866	866
194	» 12	tunta	tanta
220	сверху 1	sumpe ero	sum pro
»	» 3	hens	gens
221	снизу 12	locoin	loco in
222	» 1	cum	eum
227	снизу 10	Ῥωμαίων	Ῥωμαίων
228	сверху 13	γ αμμάτων	γραμμάτων
235	снизу 10	βασις	βασις
246	» 10	ποιημένος	ποιημένος
247	сверху 17	Βουλάρους	Βουλγάρους